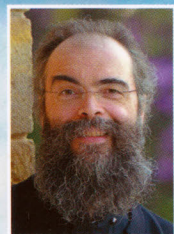

Архимандрит
Андрей (Конанос)

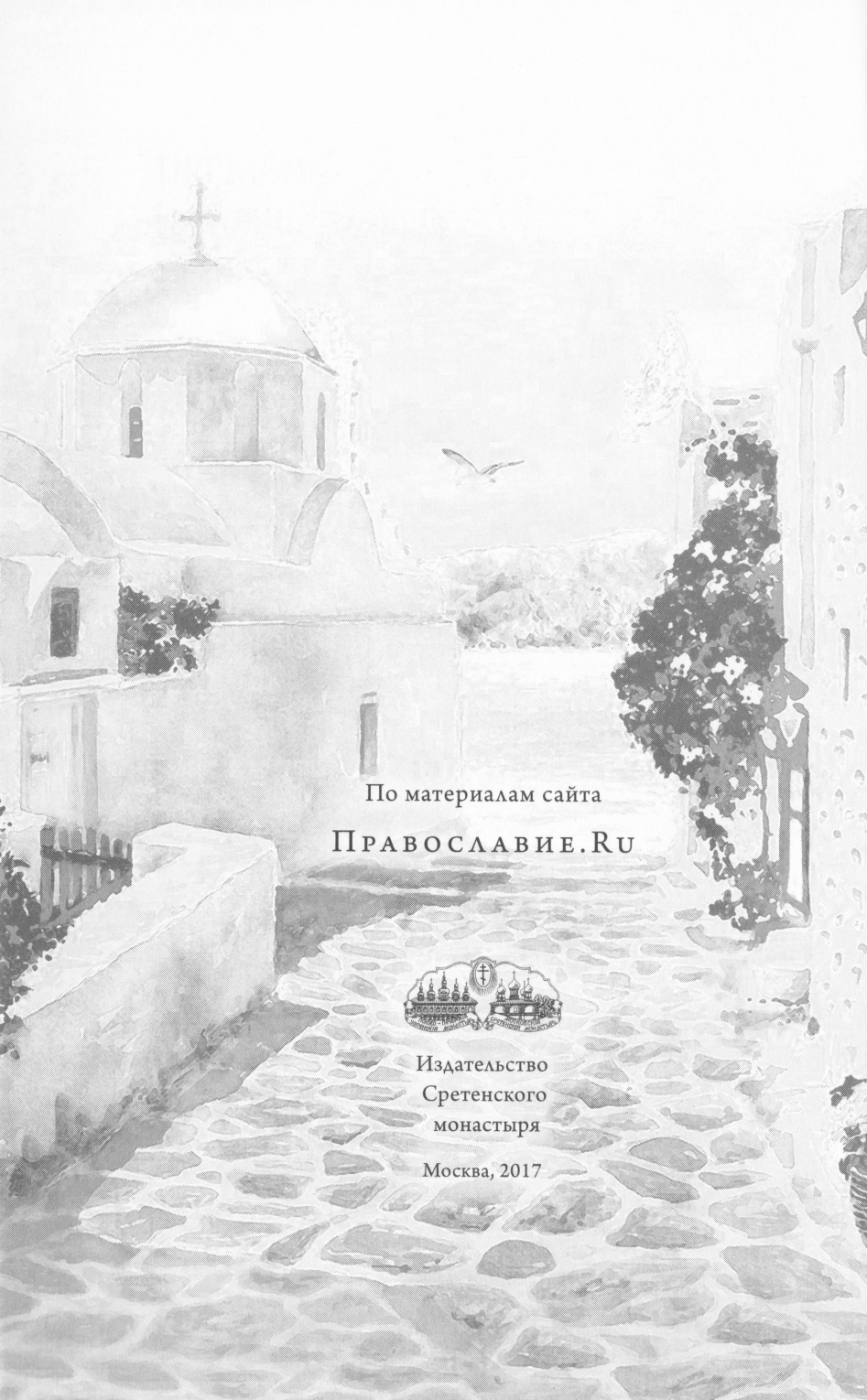
Не бойся, радоваться!

Беседы о православии

Архимандрит Андрей
(Конанос)

**Не бойся
радоваться!**

По материалам сайта
ПРАВОСЛАВИЕ.RU

Издательство
Сретенского
монастыря

Москва, 2017

Архимандрит
Андрей (Конанос)

Не бойся, радоваться!

Беседы о православии

УДК 271.2-1
ББК 86.372-4
А65

Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р17-619-0742

Андрей (Конанос), архим.

А65 Не бойся радоваться!: Беседы о православии. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2017. — 496 с. : ил.

ISBN 978-5-7533-1278-5

О. Андрей (Конанос) родился в 1970 г. в Мюнхене (Германия), с 1977 г. живет в Афинах. Окончил богословский факультет Афинского университета. В 1999 г. рукоположен в диакона, а 2000-м — в иерея, позже был возведен в сан архимандрита. С 2006 г. ведет передачу «Невидимые переходы» на радио Пирейской митрополии. Беседы замечательного богослова, миссионера, проповедника полюбили слушателям и читателям разных стран — Греции, Кипра, Болгарии, США. Теперь с ними могут ознакомиться и наши соотечественники. В эту книгу вошли беседы архимандрита Андрея о православии — тайне молитвы и секретах смирения, покаянии и радости каждого дня с его приближением к Богу.

Для широкого круга читателей.

УДК 271.2-1
ББК 86.372-4

ISBN 978-5-7533-1278-5

© Андрей (Конанос), архим., 2017
© Сретенский монастырь, 2017

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Архимандрит Андрей (Конанос) родился в 1970 году в Германии, в Мюнхене, в семье греков, происходивших из Эпира, региона на границе Греции и Албании, части древней Эллады (по одной из версий именно Эпир был прародиной греческих племен, откуда они расселились по Балканскому полуострову и островам Эгейского моря).

Вскоре после рождения сына Конаносы переехали в город Александруполис, а в 1977-м — в столицу Греции — Афины.

Начальное образование будущий священнослужитель получил в одной из лучших афинских школ — классическом лицее, по окончании которого поступил в Афинский университет на богословский факультет.

В 1999 году он был рукоположен Предстоятелем Элладской Православной Церкви Архиепископом Афинским и всей Эллады Христодулом (Параскеваидисом) в диакона, спустя год — в иерея, а вскоре возведен в сан архимандрита.

Что питает духовность отца Андрея? Конечно же — бесценный святоотеческий опыт, паломничества к святыням, нерасторжимые духовные связи с Афонскими старцами.

На протяжении многих лет отец Андрей, уже опытный пастырь, вел на общегреческой православной радиостанции авторскую программу «Невидимые переходы». Программа эта очень

полюбилась слушателям, собирала огромную аудиторию. Тексты радиобесед о православии составили несколько книг, изданных в разных странах. Одна из них, «Когда Христос станет для тебя всем», совсем недавно вышла в издательстве московского Сре-тенского монастыря. Ныне выходит и вторая, с характерным для мироощущения архимандрита Андрея названием — «Не бойся радоваться!».

«Вера — великое дело. Она — живое доверие Христу, Его силе, Его премудрому Промыслу и плану о нас, Его любви к нам, к тебе»; «Ищи Бога, и когда найдешь Его, когда поймешь, что Он первый нашел тебя и полюбил тебя, — Он уже в твоём сердце, Он ищет тебя и хочет, чтобы ты открылся Ему, чтобы Он вошел в твою душу»; «Душа всегда молода, когда она со Христом»; «Бог дает нам дар любви к человеку, чтобы наша душа сыграла от радости», — говорит архимандрит Андрей.

Воистину так!

МОЖНО ЛИ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ БЕЗ ХРИСТА

Когда я беседую с детьми в школе, я вижу, что некоторые, на кого оказал влияние дух нашей эпохи, не понимают Христова послания, далеки от духа православного учения. Один из них сказал мне:

— Неужели то, о чем вы говорите, можно пережить только в церкви? Неужели только там мы можем быть счастливы? Только рядом со Христом можем быть радостны? Только если создадим христианскую семью, можем стоять твердо на ногах и быть спокойными, видеть цель и смысл своей жизни, иметь мир? Не бывает ли это и как-нибудь иначе? Неужели нет другого пути? Неужели все мы, остальные, обречены?

И тут начинаются разные философии: каждый говорит то, о чем слышал или читал, во что он верит, что себе представляет.

Вопрос сейчас не в том, чтобы возражать им, чтобы кричать, переубеждая, потому что в конце концов понимаешь, что речь тут вовсе не идет об аргументах.

Аргументы-то есть, просто ум молодого человека очень сильно использует воображение, он слишком часто имеет дело с самовнушением, с самоуверенным желанием попробовать себя: «Я сам это попробую и достигну этого другим способом! Я не хочу делать того, что ты мне говоришь!»

Если вникнуть в это настроение, то мы увидим, что оно — проявление эгоизма, потому что утверждает: «Я докажу, что я был прав!» Знаете, что я отвечаю в таких случаях? «Мне нечего ответить». И часто это мое бессилие, это незнание, эта моя нищета мне даже нравятся. Ну мне просто нечего сказать. Я не хочу казаться умным, изрекая мудрые вещи, а хочу сделать нечто совершенно правильное — не говорить. Это верно. Мне нечего тебе сказать. Но кое-что я тебе все же сказать могу.

* * *

Если ты действительно думаешь, что вдали от Христа можешь создать хорошую семью, жить счастливо, спокойно, прочно, то, когда пройдет лет десять — пятнадцать и ты уже вырастешь, когда что-нибудь действительно сделаешь в жизни, добьешься успеха, создашь семью, наверное, и у тебя будет профессия, тогда найди меня вместе со своей женой и детьми, если я еще буду жив, и скажите мне:

— А вот и мы. Это моя жена, а это мои дети! Ты помнишь, когда-то говорил мне, что только рядом со Христом

я буду счастлив? А я совершенно счастлив вдали от Христа! Вот моя жена, это моя первая жена, вот мои дети, и мы так привязаны друг к другу, так радостны, и я ощущаю такой заряд спокойствия и счастья, что и описать тебе не могу!

Я хочу увидеть тогда твое лицо, чтобы убедиться в этом, чтобы меня убедили твоя радость и счастье. Поэтому что сейчас, в школе, все это несерьезно: мы говорим афоризмами, говорим какие-то пустые слова, и каждый считает себя умным. У всех разные мнения, разные теории. «Я верю в это». — «А у меня другое мнение. Я читал другие книги, в которых изложены другие философии». — «А я вообще атеист и не верю ни во что!»»

* * *

Но в жизни есть некоторые ситуации, некоторые обстоятельства, в которых испытывается, верно ли то, во что ты веришь, или нет. Пока это все звучит красиво. Но когда наступит час болезни, температуры, доходящей до сорока градусов, когда наступит час отделения интенсивной терапии, когда наступит час страшного землетрясения в твоей жизни — экзистенциального, психологического, экономического землетрясения, какой-нибудь кризис, что бы то ни было, что-нибудь неприятное, что всего тебя потрясает, — только тогда ты увидишь, имеет ли то, во что ты верил, что исповедовал, о чем тебе говорили или ты сам думал, имеет ли это силу жизни, непобедимой жизни, которая ничем не может быть сокрушена.

А не так, чтобы мы развивали теории, хорошенько набив себе желудок и чувствуя себя прекрасно. Тогда легко философствовать и говорить, к примеру: «Бога нет, ничего нет! Эй, люди! Ешьте и пейте! Что вы морочите себе головы?» Нет, ты пойдй скажи кому-нибудь в отделении интенсивной терапии, что Бога нет! Ему куда труднее будет это внушить. Ему куда труднее будет согласиться с этим.

В час болезни наступает момент истины для человека. Когда у нас все было хорошо, мы не были настоящими. То, что я делаю сейчас, — это не момент истины в моей жизни. Сейчас я говорю. Сейчас я не в своем истинном я. Это — я, но не в той степени, в какой могу быть собой в конкретной ситуации. То есть при какой-нибудь ссоре, разговоре с другим человеком, в практическом сотрудничестве. Ты понимаешь, что я имею в виду? На деле, а не в теории. Сейчас я просто говорю. Но то, о чем я говорю, еще нужно испытать в конкретных обстоятельствах.

То есть кто-нибудь может мне сказать:

— Я живу без Бога и очень счастлив!

Хорошо. А когда через пять дней окажется, что у него угнали машину или умерла мать (привожу крайние примеры, чтобы видно было, чего стоят эти слова), пусть тогда он скажет мне:

— В то, во что я верил, и сейчас продолжаю верить! Это не пустые теории, я ощущаю их силу! Хотя мой ребенок и умер, но то, во что я верю, укрепляет меня и делает

меня сильным. Я все выдерживаю и шагаю вперед по жизни!

Потому что на словах я сам делаю это первый — говорю. Мы говорим одни слова. Однако когда наступает час искушения, испытания, вот тогда и возникает вопрос, тогда и обнаруживается, какие мы есть и во что мы верим.

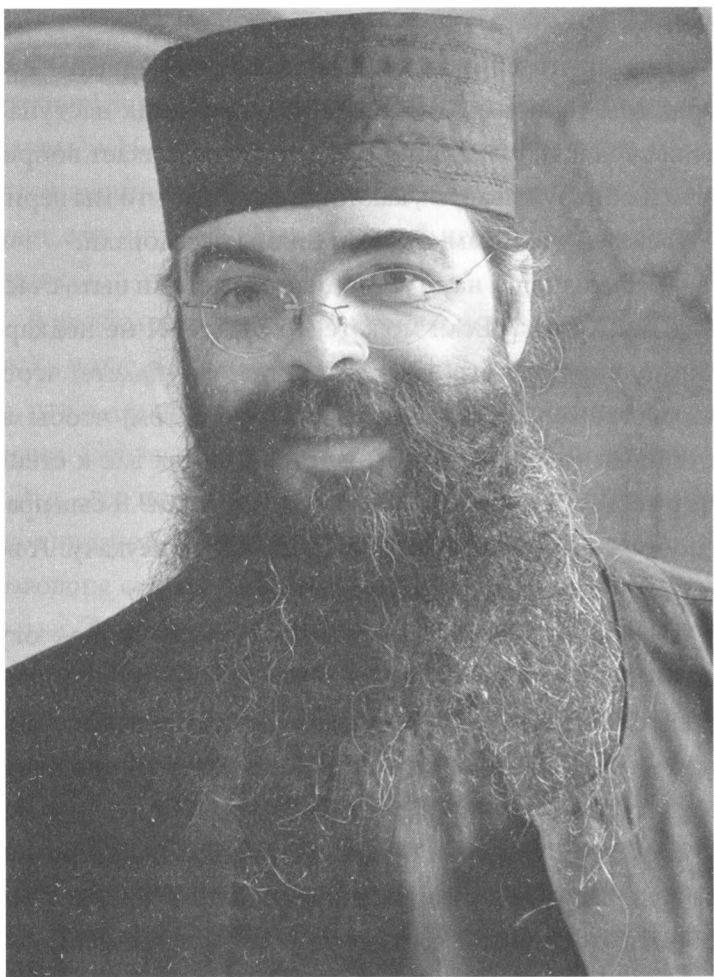
Я сказал ученикам, с которыми мы беседовали:

— В жизни вы на деле увидите, можете ли быть счастливы без Христа! Если можете, то будьте! Я не подкарауливаю, спрятавшись за углом, когда вы упадете, чтобы злорадоваться! Для меня радость не в том, чтобы вы потерпели неудачу и чтобы я тогда прижал вас к стенке и торжествуя сказал: «Ага, ну что, видали? Я был прав! Я победил! Вот еще один упал и потерпел неудачу! А все потому, что вы меня не слушали!»

Твои философия, идеология и мировоззрение могут победить смерть?

Нет! Вопрос не в том, чтобы я прижал тебя к стенке или ты меня. Не волнуйся, есть кому хотеть прижать нас всех к стенке, и не просто прижать, но и целиком в землю вогнать. Это смерть, общий враг всех людей, огромная воронка, жаждущая поглотить и всосать в себя все. Кто победит этого врага? Кто его прижмет к стенке? Ты это можешь? Твои философия, идеология и мировоззрение могут победить смерть? Вот в чем вопрос.

Если ты можешь это и видел людей, которые жили так и победили тление и смерть в своих взаимоотношениях,

Архимандрит Андрей (Конанос)

в семье, то последуй им! А я не видел. Я видел только счастливые семьи в том смысле, в каком некоторые говорят: «Нам не нужно быть близкими к Церкви для того, чтобы иметь хороший дом и спокойную жизнь!»

Согласен, я видел это за границей и в некоторых местах в Греции, и вообще на свете много хороших семей, спокойных, тихих, благородных, с хорошими манерами. Но я же и не говорил, что все остальные — какие-то людоеды, что они тебя съедят, но когда они такие? Когда у них есть деньги и они благоденствуют, когда они здоровы и смеются. Все у них идет хорошо, и они выдерживают это. Однако я не видел, чтобы нагрянуло то землетрясение, о котором я говорил, и они бы выдержали. Когда начнется землетрясение, эти благородные, приличные и т.д. люди, которыми мы сегодня восхищаемся, куда-то деваются. Потому что их счастье длится только до сих пор, а там оно исчезает, всё!

У нас все в порядке, когда есть деньги в банке. Все в порядке, когда мы здоровы. Но когда услышу, что я в опасности, что мое здоровье пошатнулось и начинаются болезни, химиотерапия, больницы, — у каждого своя проблема, и у тебя она своя, — вот тогда ты говоришь: «Да где же все то, во что я верил, где та сила, о которой я говорил, что она у меня есть? Куда это все подевалось?» Его не стало.

Мы слабые. Это правда. Это прописная истина. Церковь двадцать веков говорит о пути Христовом, который

нам, живущим сейчас хорошо, кажется бессмыслицей. Но этот путь, однако, выбирали люди, которые прошли его до конца, стали счастливы и победили боль, тление, смерть, пустоту, одиночество, страх перед небытием, все эти вещи.

— Хочу спросить тебя кое о чем, — сказал мне один человек, — как ты считаешь, если я женюсь, а у меня нет никакой связи с Богом, смогу ли быть счастливым?

Хорошо, может, ты преисполнен благородства, уважаешь свою жену, она тебя уважает, вы живете хорошо. Я не сказал и не молюсь, чтобы с тобой случилось несчастье.

— А тогда в чем проблема? — возразишь ты мне.

Проблема в том, что, во-первых, эта связь без Христа — человеческая связь. Во-вторых, с течением времени связь устаревает и начинает истлевать. В-третьих, твоя любимая немного погодя оставит тебя, и ты ее оставишь. Существует смерть. И как ты можешь выдержать одну мысль о том, что этот человек, которого ты любишь и который любит тебя так сильно, однажды ляжет в землю? Явится смерть, разлучит вас, и вы больше не будете вместе. Этого мы как избежим? Как мы победим смерть?

Ты возразишь мне, что это будет нескоро. Как нескоро? Ты, слушающий меня, сейчас молод, но рядом с тобой есть люди, которые слушают те же слова и как раз проходят через это. Они качают головой и говорят:

— Да, она действительно умерла! Я потерял ее! Конiec приближается!

Ты молод, ты радуешься и говоришь, что будущее у тебя впереди! Но другой видит, что в этих отношениях, которые начинаются без Христа, у вас на пути стоит черный всадник, который машет тебе своим черным платком и говорит:

— Ну что, здравствуй! Иди сюда! Вот и ты ко мне идешь, и вы оба ко мне идете!

Вы думаете, что будете жить хорошо, но за всем этим стоит смерть. Как мы победим смерть, чтобы эта связь не осталась чисто биологической, чисто земной, чисто мирской, просто способом выживания? Это ли наша цель — чтобы мы «жили хорошо», без качества жизни, без глубины, без вечности? Вот в чем вопрос.

А как мы победим смерть и тление? Ты об этом думал? Ты думал, как эта любовь, этот эрос, эта связь и отдавание, это единение, которое ты ощущаешь в этот момент, сохранится? Сколько бы ты ни прикидывался и ни забывал (а я уверен: где-то глубоко внутри ты это знаешь), но у вашей связи есть срок годности.

— Мы будем вместе еще сколько?

А другой отвечает:

— Всю жизнь!

То есть до восьмидесяти, девяноста, ста (!) лет. Да, но мое сердце жаждет вечной любви, хочет вечной нежности, хочет вечного понимания.

* * *

Мы не радуемся, когда другие терпят неудачу. Неудача просто подтверждает то, что сказанное Христом — истина, а не миф. Так же как и то, что то, о чем мир говорит и чем впечатляет, — просто какие-то формы, ароматы плодов, которые затем сгнивают, истлевают, погибают. То, о чем ты говоришь, — это теории, а то, о чем говорю я, — это жизненный опыт, который наблюдаю на исповеди сотен людей, супругов, которые приходят и просят о помощи. Мы собираем осколки отношений людей, далеких от Христа.

Однако не будем говорить истину лишь наполовину, потому что кто-нибудь возразит: «То есть неужели близ Христа все совершенно?»

Когда ты близ Него — да, все совершенно. Проблемы есть, но проблемы другого свойства, другой прелести, с другим очарованием, которые оказываются к добру. От этих проблем душе становится сладко, ибо она вместе с человеком, которого любит. Христианин умеет и радоваться, и страдать, и проблемы иметь, и терзаться, всё. А тот, кто далек от Христа, не ведает, что творит. Он не умеет ни радоваться, ни быть счастливым. И когда нагрянет испытание, смерть или жизненное потрясение, он разбивается: заболевает, сходит с ума или бежит по врачам и священникам, ища, на что опереться, где найти поддержку и получить помощь.

Слушай, я вот что предлагаю. Давай посмотрим, как началась вся эта история. Нам было бы хорошо заглянуть в начало, в самое начало мира, когда Бог полагал начало человеческим взаимоотношениям. Чтобы посмотреть, где кроется проблема. Другими словами, брак проходит через некий кризис, некую проблему. Где же эта проблема?

Сразу скажу, чтобы тебя не запутывать: проблема всех проблем одна. «Так просто? — возразишь ты. — Ты не будешь перечислять мне: одна, две, три?» Нет. Она одна. Это очень просто. Я не такой велеречивый и не могу говорить тебе высоким слогом, однако я так думаю, потому что считаю, что Сам Бог не хочет нас запутывать при решении наших проблем.

Проблема одна, а именно — мы не впускаем Бога в свою жизнь. Отсюда и начинается все. Таков первый кризис человека в его отношениях с Богом, и только потом приходят все прочие кризисы: цивилизационный, экологический, экономический, кризис человеческих взаимоотношений, профессии. Отсюда начинается всё. Я так думаю. А ты не согласен? Все остальное, о чем мы говорим, это второстепенные проблемы, симптомы.

Например, что раньше: простуда или нос, из которого течет? Однако ты жалуешься: «У меня течет из носа». Проблема, однако, не в том, что у тебя течет из носа. У тебя течет из носа потому, что в твоём организме есть микробы, вирусы и т.д. А сморкаешься и говоришь: «Вот это проблема, да!» И в доказательство показываешь мне

носовой платок. А я говорю тебе: не в этом проблема! Не в этом проблема, она начинается в другом месте. Поэтому давай посмотрим, как все началось, то есть что вошло в нашу жизнь, отравило ее, а вместе с ней отравило и все остальное: наши взаимоотношения, природу...

Проблема одна — если мы помиримся с Богом, все остальное встанет на свои места. То есть уравновешенный человек повсюду таков, как и неуравновешенный человек тоже. Приведу тебе пример: не может кто-нибудь утверждать, что совершенно счастлив в семье, дома, и в то же время не беречь природу, окружающую среду и поджигать, красть и уничтожать. Так не бывает. Здоровый, действительно здоровый, настоящий человек всюду таков, он не бывает настоящим отчасти. Он не может в одной сфере жизни быть хорошим, а в другой — плохим. Ты всюду будешь хорошим или всюду плохим. Жизнь взаимосвязана. Все едино и связано между собой.

* * *

Мы читаем в Священном Писании, что Бог создал Адама и дал ему жену, чтобы он возлюбил ее, влюбился в нее, чтобы жил счастливой семейной жизнью. Чтобы ощутил то, что ощущает Святая Троица, — экстатичную любовь, потому что святые говорят, что Сам Бог есть Любовь. В Святой Троице есть любовь, одно Лицо сильно любит другие Лица: Отец — Сына и Святого Духа, Сын — Отца и Святого Духа, Святой Дух — Отца и Сына. Эта великая,

экстатично движимая любовь Святой Троицы вышла и излилась в мир, и Бог создал существа, которым Святая Троица радуется. Эта атмосфера любви, единства, тепла, превосходного чувства благодарности, Евхаристии, чтобы это могли почувствовать и Божии творения.

Бог создал Адама, чтобы он познал славу Божию и радовался. Бог — это самое желанное, все лучшее, чего ты можешь пожелать, порыв твоей души. Порыв — это то, чего ты сильно желаешь, к чему тянется твоя душа. Это и есть цель сотворения мира: чтобы человек соединился со своим Творцом и возлюбил Его, чтобы укрепился в своей связи с Ним. Поэтому Бог говорит: *«И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему* (Быт. 2, 18), чтобы они укрепляли друг друга, чтобы помогали друг другу и самое главное — чтобы помогали друг другу прийти ко Мне!»

Не забывай об этом. Бог создал человека, но не для того, чтобы он жил один, а чтобы связал себя с Богом и жил в связи с Ним. Ева была создана, чтобы соединиться с Адамом, и они уже вместе и дружно, тепло, рука об руку, с нежностью и любовью пришли бы к Богу. «Я даю тебе дар, чтобы ты взял его, использовал, благодаря этому дару помнил обо Мне и был связан с даром, но и со Мной тоже, дающим его тебе. Я не нуждаюсь в том, чтобы ты обо Мне помнил, — говорит Бог, — Меня это не затрагивает, со Мной ничего не будет. Однако тебе это не повредит».

Понимаешь, насколько это серьезно? Бог делает тебе подарок — создает Еву, отдает ее Адаму в дар и говорит:

— Адам, Я — всецелая красота мира! Я — всецелая любовь мира, вселенной. Я — первая любовь всего, Я — всё. И Я, Который есть всё, создаю одно творение, одну миллионную часть Моей красоты, славы, величия и благодати — Еву — и отдаю тебе это маленькое творение.

Это прежде бесчисленных прочих творений, которые создал Бог, прежде бесчисленных мужчин, женщин и т.д. Красота одной женщины количественно намного меньше красоты всех женщин, взятых вместе, так же как и красота всех этих женщин количественно намного меньше, чем красота Бога, концентрирующего в Себе всю красоту всего. Ты понимаешь это?

Итак, Бог дает тебе Еву, чтобы ты мог через ее красоту понять красоту своего Творца. У Него она взяла свою красоту, благодать, притягательность, тепло и очарование. А откуда она взяла их? Сама нашла? Но она же — прах. А у праха есть ли такие свойства? У Бога, Которого она отражает, Ева берет всю красоту и дарит ее Адаму. Бог словно говорит ему: «Адам, чтобы ты помнил обо Мне, я ставлю рядом с тобой Еву, чтобы она напоминала тебе обо Мне!»

А как Бог создал Еву? Из ребра Адама — Он навел на Адама сон, чтобы он ничего не понял, и взял часть его ребра, и создал Еву. «Почему, — спрашивает святитель Иоанн Златоуст, — Бог взял часть ребра? Потому что ребро

Адам и Ева

расположено близко к сердцу. Бог создает Еву из ребра Адама, чтобы она была близко к его сердцу и чтобы он согревал ее: жена хочет от мужа тепла и нежности. Бог создает Еву из ребра Адама, потому что ребро расположено близко к плечам, которые означают силу, надежность, опору». Жена хочет чувствовать в своем супруге эту надежность и опору, чувствовать, что он ее укрепляет, что есть кто-то, с кем она может поделиться, кому выскажет свои проблемы, мучения и получит поддержку и силу.

Жена чувствует ненадежность своего положения и хочет, чтобы Адам ее утешал. Я спросил одного молодого человека:

— Почему вы поругались с девушкой, с которой собираетесь помолвиться?

— Потому что она написала мне очень мало эсэмэсок в этот день.

— А сколько она написала тебе сегодня?

— Пятнадцать!

— И тебе их недостаточно?

— Нет!

— А сколько же ты хочешь?

— Чтобы она постоянно мне писала, чтобы она говорила мне, где находится, что делает, с кем она, с кем разговаривает. Чтобы она показывала мне, что постоянно думает обо мне!

— Но зачем же так много?

— Чтобы... я не знаю, я хочу чувствовать, что она постоянно думает обо мне, хочу чувствовать, что она постоянно меня любит.

— Хорошо, но разве ты не знаешь, что она любит тебя постоянно?

— Знаю, но я хочу видеть и чувствовать это!

Вот об этой неуверенности я и говорю, об этой постоянной любви, ненасытной жажде полноты, но со стороны одного человека.

Может быть и обратное — чтобы девушка искала полноту в одном мужчине. Может ли он писать по пятьсот эсэмэсок в день, чтобы ты порадовалась, ты, которая опять же не будешь радоваться?

А знаешь почему? Не потому, что ты или он плохие и он не может сделать того, чего хочешь от него ты. А потому, что, если бы он это и сделал, ты не обрадуешься, потому что то, чего ты ищешь в ваших отношениях, абсолютно, а абсолютное не существует в даре, который создал Бог. Дар — вот этот человек. Бог дал тебе этот дар, чтобы заставить тебя задуматься и понять, насколько важен Тот, Кто сделал тебе этот дар, — Сам Бог. В Нем ты найдешь полноту счастья, укрепления и насыщения твоей души. Чтобы душа твоя насытилась, чтобы ты была совершенно счастлива.

Никто, сколько бы эсэмэсок он тебе ни написал, сколько бы раз на дню ни говорил: «Я люблю тебя! Я обожаю тебя! Я хочу тебя! Я умираю по тебе!» — не может сделать тебя счастливой, потому что, когда придет пора лечь спать, ты скажешь: «А сейчас, когда я буду спать, я ведь не буду его слышать...» Скажу тебе и нечто трагическое: наступит час, когда он покинет этот мир. Сначала ты или сначала он, но вы расстанетесь и умрете. Это целая трагедия.

Бог дает нам дар любви к человеку, чтобы наша душа разыграла от радости. Понятно, что глина есть глина, конечно, однако эта глина имеет внутри себя душу, носит Божие дыхание, и это дыхание ищет соединиться со своим Первоисточником. Наша душа нигде не может найти утешения, кроме Бога. Если мы не найдем Бога, мы не найдем покоя, что бы ни делали на этом свете. Это не теория, а житейский опыт.

Если ты мне сейчас скажешь: «Я совершенно счастлив и без Бога, хоть у меня и есть проблемы. Я болен раком и, несмотря на это, в Бога не верю, не люблю Его, не говорю с Ним, не принимаю Его в расчет, и тем не менее я радуюсь!» — ну так приди же, скажи. А я скажу тебе: да ты просто исключение, я удивляюсь тебе и не знаю, как это возможно. Однако этого не может быть без источника, цветок любви не может сохраниться, если не стоит в Божией воде. Просто так этого не бывает, он завянет. Если только мы не говорим о фальшивых отношениях. Может, твои цветы искусственные — они ведь тоже существуют. Начнется пожар, и они не выдержат, ибо оказались фальшивыми; а настоящий цветок, который стоит в воде Божией благодати, выдержит, он выстоит и победит всё. Я так думаю.

Поэтому я и сказал тебе, что Бог создал Еву из ребра Адама, чтобы она была близка к его сердцу, была посреди его плоти и оказывала ему не что иное, как равночестие и уважение. Бог взял ее не из ноги, чтобы ее не топтали, не из головы, чтобы она не властвовала над мужем, а из середины плоти Адама.

Да, я понимаю, что эти толкования святителя Иоанна Златоуста символичны. Однако это ясное толкование и прекрасное богословие объясняет любовь, уважение, поддержку, ответственность, взаимодополнение, взаимукрепление. «Держи меня, чтобы и я держал тебя и чтобы мы вместе взобрались на гору!» На какую гору? На гору

богопознания, гору, на которую поднялся Моисей, на Синай, и получил заповеди.

«Когда вы будете подниматься на эту гору, — говорит Бог Адаму и Еве, — вы будете подниматься вместе, вы придете вместе, чтобы найти Меня, и придете с этой любовью, чтобы соединиться со Мной, оба, вместе. Не отделяйтесь же от Меня, не забирайте тепло, которое Я даю вам, чтобы сказать: "Ну вот и хорошо, а сейчас мы не нуждаемся в Боге. Я и ты — мы одни на земле, ты для меня и я для тебя, и нам больше никого не надо!" Так не получится, дети Мои, вы не можете одни. Одни вы — глина. Когда зеркало отдаляется от света, оно не отражает свет: у него нет собственного света, нет».

У человека, которого ты любишь, нет ничего своего, чтобы дать тебе, — не потому, что он плохой, а потому, что у него просто нет. Потому что он персть. Что это — дающее красоту? Что это — придающее взгляду такую привлекательность, чтобы ты сказал: «Ах, какой это взгляд! Какие глаза!»?

Вспомните святую Параскеву. Один из мучителей влюбился в нее и сказал:

— Я умираю по тебе, твои глаза свели меня с ума!

А она ему ответила:

— Так возьми же их, если они сводят тебя с ума!

Она вырвала свой глаз, и он понял, что в конечном счете черты лица сами по себе — ничто, а есть нечто такое, что они излучают, и это нечто таинственно,

сверхъестественно, Божественно, это не что-нибудь чисто человеческое.

Я не говорил тебе, чтобы ты оставил жену (или ты оставила мужа), но ты должен понять, что красота, которую ты ищешь и не находишь, во-первых, не ее свойство. Она сама не источник, а отражение Божией благодати. Во-вторых, она не вечна, потому что приходит нечто и разделяет все это. И в-третьих, только если Христос войдет в отношения между вами, Он их украсит, улучшит, сделает бессмертными, придаст им полноту, прочность, силу, выносливость, вечность, нетленную любовь, все эти прекрасные свойства.

Приведу тебе пример. Если я сейчас съем хлеб и вино, каким будет результат? Я наемся, и мне станет хорошо. А что они такое? Пища. А каков этот процесс? Он биологический. Я проголодался, как все живые существа, наелся — вот и всё. Когда же я отнесу хлеб и вино в церковь, и на святом престоле они претворятся в святое Причастие, и я их приму, они уже не хлеб и вино, а нечто другое — святое Причастие, то есть Тело и Кровь Христовы. С виду мы едим то же самое, однако это не так, потому что это стало нетленным, благодатным, освященным благодатью Святого Духа. Это стало Телом и Кровью Христовыми.

Это не биологический процесс. И огромная разница в том, что с виду все делают одно и то же, и женатые и неженатые, и христиане и нехристиане: отношения, чувства, однако христианин — тот, кто берет хлеб и вино, кто

берет свою связь, любовь, входит в церковь, и оба встают под Христову благодать и говорят Христу: «Благослови нас. Мы не хотим умереть! Благослови нас, потому что мы не хотим истлеть! Благослови нас, потому что мы не хотим, чтобы наша связь распалась! Мы не хотим, чтобы брак довел нас до отчаяния и депрессии, не хотим, чтобы эта связь закончилась пустотой и угрозой смерти. Мы хотим всегда жить вместе!»

Обратите внимание на это «всегда». Почему всегда? Но «всегда» не бывает, если ты один на этом свете, — только со Христом ты можешь быть всегда, потому что Он — всегда Живой Бог! Все остальные умирают.

Я тебя запутал? Нисколько вообще не запутал. Если скажешь, что я тебя запутал, то ты не скажешь правду. Я не запутал тебя, просто ты понял, что стоял на ложном пути, что чем-то заразился, заболел и вывел Бога из своей жизни. Отсюда и начинаются все проблемы, и ты готов разочароваться, прийти в отчаяние и сказать: «Что же со мной происходит?»

Было бы хорошо, если бы ты это сказал, если бы пришел в отчаяние и начал надеяться. Чтобы после отчаяния пришла надежда на Христа. Потому что если ты просто придешь в отчаяние, ты эгоист и эгоистка. А если отчаешься в себе и положишься на Христа, это будет лучшим мгновением в твоей жизни.

Дай нам Бог разочароваться в себе, и тогда придет час, когда мы начнем очаровываться Господом. Это тот

момент, когда мы понимаем свои ошибки, обращаемся ко Господу, обнимаем Его ноги и говорим:

— Господи мой! Я нашел Тебя! Не оставляй меня больше!

И Господь говорит:

— Я могу сейчас и тленное сделать нетленным, могу и угасающее сделать горящим, и чтобы оно было благословенным и освященным! Я могу и твою четверодневную умершую любовь воскресить, как Лазаря, даже если она была похоронена!

Вопрос в том, чтобы душа твоя не сломалась, потому что без Христа она, конечно, сломается, и тогда ты повернешься к Нему. Я так думаю, то есть у меня есть большая надежда на это, потому что после отчаяния не существует другого решения — вслед за отчаянием приходит Христос. Когда ты дойдешь до последнего предела, ты издашь крик:

— Как же я все сделал так, все испачкал грязью! От всего в моей жизни остались одни руины, вся моя жизнь — сплошная трагедия!

И тогда ты начинаешь взывать:

— Иисусе мой, спаси меня! Иисусе Спасителю, Иисусе милостивый! Иисусе Избавителю! Протяни руку Свою, как протянул святому апостолу Петру утопавшему, так протяни и мне! Я тону!

Сейчас ты не чувствуешь, что тонешь, потому что хорошо устроился, у тебя все нормально, ты живешь своей жизнью, однако увидишь, что наступит час, когда ты

поймешь, что тонешь, — я не желаю тебе этого, просто по-другому не бывает. Потому что знаю, что твоя опора не сможет выдержать волн, то, на что ты положился, не выдержит ударов, твоя лодка сделана из бумаги, сколько она выдержит? Вот ты идешь с ребенком, пускаешь кораблик в лужице, ребенок радуется, но надолго ли? Бросишь пару камушков рядом с ним, брызги накрелят его, и он утонет. Ребенок плачет, а ты ему объясняешь, что кораблик его был бумажный. Но он продолжает плакать: «Почему ты сломал мой кораблик?»

Так утонет и твоя любовь, если ты не прибежишь к нашему Господу, к Пресвятой Богородице. «Радуйся, пристанище плавающим по морю житейскому!» Она — пристанище для житейских корабликов, для потерпевших крушение корабликов, Она — пристанище, Она нас утешает, Она собирает обломки, Она и Ее Сын — наш Господь Бог, ангелы. Поэтому сделай что-нибудь сейчас, наведи порядок в своем уме, разбери то, что в нем есть,пусти Христа в вашу любовь. Тогда ты поймешь, что цель, ради которой ты любишь, влюбляешься и женишься, в том, чтобы не быть вам одним на земле! А чтобы ты через глаза любимого видел Христовы глаза, чтобы через эту связь связал себя со Христом.

Иди по пути, на который поставил тебя Бог. Бог поставил тебя, чтобы ты создал семью, но не забывал своего Творца; ты не будешь счастлив иначе. Вложи Христа в себя! Я не хочу показаться умником: и моли Бога обо

мне, чтобы и я сделал то же самое. Чтобы и я вложил Христа в свое сердце, потому что то, что делаю, я должен делать для Него. Становишься ли ты монахом, священником или женишься, трудишься ли — все надо делать для Христа. Посредством всего, что мы делаем, мы Его хотим найти.

Представь себе, что ты идешь к подвижнику на Святую Гору Афон. Он живет совсем один, а душа его сыта, и ты спрашиваешь его, давно ли он видел кого-нибудь. А он говорит тебе:

— Дня два-три я не видел никого, я тут один!

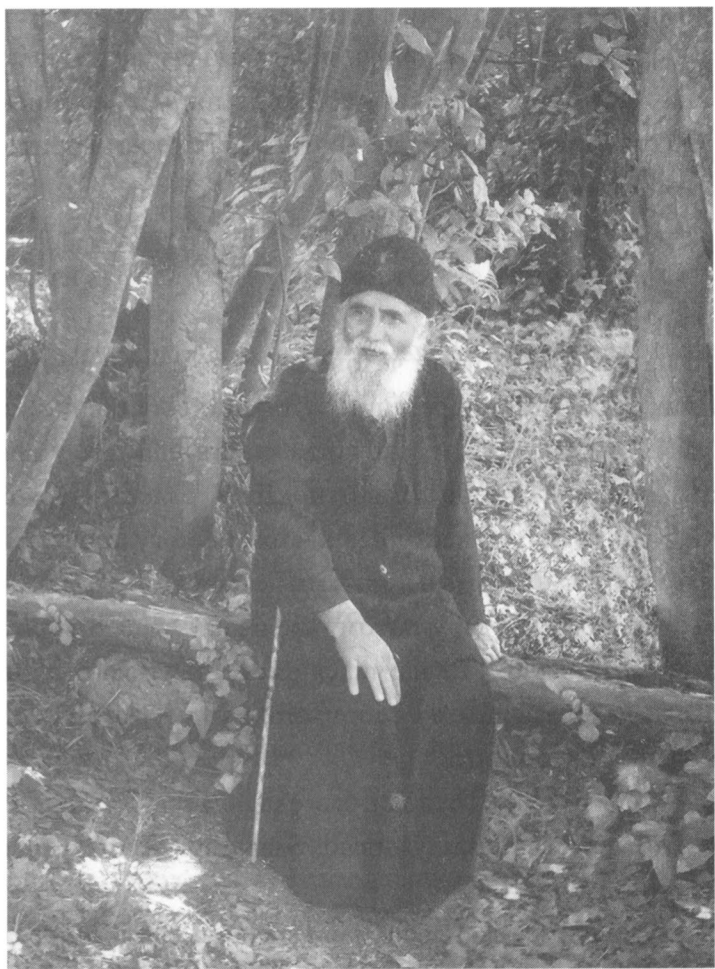
И когда ты ждешь, что он после трех дней молчания захочет поговорить с кем-нибудь, высказать все, то с удивлением видишь, что ему не хочется разговаривать и он весьма молчалив. Он чрезвычайно тих, он сыт. Что же он нашел? Он нашел Того, Кого и ты ищешь. Однако он нашел Его на самом деле. Он нашел Христа, прикасаясь к Самому Христу. И ты ищешь, однако ищешь там, где Его нет. И после этого отношения с другим человеком воздают тебе скорбью, депрессией, тоской, и хорошо, что они воздают тебе этим, чтобы ты уловил послание. Душа будто говорит тебе:

— Не оставляй меня без Христа! Я заплачу тебе цену, которая у меня есть, я дам тебе то, что у меня есть.

— Что же у тебя есть, душа моя?

— У меня есть скорбь! Не оставляй меня без Него!

Если хочешь найти конец, вернись к началу творения. Увидь там Бога, Творца всего, Который не нуждается ни

Старец Паисий Святогорец

в чем. Он создает человека, чтобы тот поддерживал связь с Ним, дает ему спутницу и говорит:

— Я даю тебе компанию, чтобы вы всегда были влюблены, чтобы вы утешались, чтобы соединились со Мной.

А двое что делают? Один другого хватает и говорит:

— Пойдем отсюда!

— Да куда вы пойдете, люди?

«Убежим отсюда!» От Кого? От Того, Кто дал нас как дар друг другу?

Мы думаем о другом человеке не как о даре в нашей жизни, а как о приобретении, о личной собственности. В жизни ты счастлив, только когда чувствуешь, что у тебя есть дары. Когда тебе делают подарки, радость держит тебя в приподнятом настроении. Но я не могу просто так взять подарок и забыть о нем. А мы делаем это. Ты не радуешься другому как дару, потому что не научился говорить Богу «благодарю», не научился смотреть с благодарностью на человека рядом с собой, стоять пред Богом с благоговением и говорить:

— Как благ Ты, Господи, благодарю Тебя! Как Ты сделал это? Я этого не заслуживаю! Благодарю Тебя! Ты дал мне это, дал мне то!

Посмотри на всю свою жизнь как на связь с Богом, чтобы тебя перестали ужасать небытие и пустота ...

Перевод — Станка Косова

ПРАВОСЛАВИЕ — ЭТО НЕ ПРЯМАЯ ПУТЕВКА В РАЙ

1

Твое сердце может еще больше исполниться Божией благодатью, потому что если бы оно было целиком наполнено ею, то ты не смог бы этого перенести, захотел бы уйти от мира сего и умереть от огромного счастья. Поэтому в сердце для счастья места может быть все больше и больше, оно может стать еще более радостным и счастливым со Христом, находясь ближе к Церкви. Очень хорошо, что мы — православные христиане. Но важно то, как мы живем в Церкви, как сохраним Христа в нашей душе, как представим Его другим людям, если они начнут Его искать в нас, если они попросят что-то рассказать о Нем. Но если даже не спросят нас об этом, Христос сказал нам, что свет нашей души должен светить: *Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Мф. 5, 16).

Передавайте свет и имейте то, что вам необходимо, будьте теми, кем вы должны быть, и с этого дня не думайте

о том, поймут ли вас люди, произведете ли вы впечатление на них. Будь стойким, будь тем, кем ты должен быть, не бойся того, что происходит около тебя. Бог не требует от тебя недостижимых и невозможных вещей; не требует быть православным, верующим, чувствовать Христа, любить, быть смиренным, а не судить, делить людей на хороших и плохих и не говорить: «Эти люди, наверное, уже в раю, а те, наверное, не спасутся!» Не говорить: «Я попаду в рай, а они попадут в ад!»

Даже если это касается еретиков и всяких других вероотступников, ты не должен говорить, кто попадет в рай, а кто — в ад. Христос нигде не говорил, чтобы мы судили, что будут делать другие или что будет делать Христос с другими людьми. Когда апостолы спросили, спасутся ли другие люди (то есть они думали: «Мы хорошие, мы с Тобой, Господь!»), Господь не ответил на этот вопрос, а сказал нечто совсем другое: *Подвизайтесь, чтобы войти сквозь тесные врата* (Лк. 13, 24).

Вас должно интересовать только одно: подвизаться, чтобы войти *сквозь тесные врата*, ваша жизнь должна быть подвижнической. Человек должен быть смиренным, смотреть на себя, а что Бог будет делать со всеми остальными, спасет ли другие народы, племена, религии, об этом мы не знаем. А если даже Бог скажет тебе, что они не спасутся, не надо радоваться, не стоит этим гордиться и говорить: «Вот видишь, они не спасутся! Я рад этому!»

Если ты это скажешь, если ты порадуешься тому, что другие не спасутся, то и ты не спасешься. Тебе должно стать неприятно, должно возникнуть желание помолиться о них и сказать: «Господи, дай всем свет истины и мне...»

Некоторые говорят: «На моей стороне правда!»

Но истина — это не то, чем можно владеть, а то, что может владеть нами: мы находимся в истине, мы не можем владеть истиной, и она не нуждается в нас, Бог не нуждается в том, чтобы мы защищали Его. Если хочешь быть православным, будь смиренным, имей любовь, будь строг к самому себе, а к другим относись с добротой, снисхождением и смирением. Не отступай от догм. Мне хочется верить, что ты не тот человек, который, когда говорят одно, слышит совсем другое, а третье развивает в твоей голове.

Книжники, и фарисеи, и все, кто считали себя избранными, сказали Христу: «Наш отец — Авраам, мы — православные!»

Эти «православные», эти строгие зилоты, верили, что имеют в своих руках истину. И действительно, они имели нечто страшное — истину, закон Моисея, Божие откровение в Ветхом Завете, книги закона, синагогу, богослужение, молитву. Но использовали их неправильным образом: превратили в меч, который направили против других людей. И все то, о чем они говорили, то есть что они православные, в конечном счете стало для них осуждением.

Бог отнял у них благодать. «Если вы хвалитесь, что вы потомки Авраама, что вы православные, но думаете, что все остальные должны вам служить и должны быть осуждены, испытываете неприязнь к ним, вы настолько черствые и чтите устами Меня, — говорит Господь, — а ваше сердце далеко от Меня».

Страшные слова: «чтите устами Меня» ... Мы говорим об очень хороших вещах, но наш дух и поведение не таковы, какими Бог хотел бы, чтобы они были. Поэтому спроси себя: «Настоящий ли я?»

* * *

Некоторые спрашивают: «Что Бог сделает с остальным миром? Ладно, мы живем в Греции, мы православные, а другие, которые живут в других странах? Что Господь, что сделает с ними?»

Я не понял, в чем заключается твоя проблема? То есть если сегодня кто-то умрет в Германии, Риме, Италии, Америке, Австралии, заставит ли тебя Бог отправить его в рай или в ад? Скажет ли Бог: «Ты решаешь»? Нет, мы не можем этого решать, суд — это не наше дело. Для меня главным вопросом является: «Спасусь ли я?» Вопрос не в том, что делает другой человек, а что ты будешь делать — является ли православной твоя жизнь?

Что значит быть православным, а не кем-то другим? Православие — это, что называется, приди и посмотри! Приди, встань с кресла, проснись от летаргии, в которой

ты находишься и ничем не интересуешься. Ищи что-то, знаешь ли что? Не ищи какого-то бога, потому что Бог первый придет и найдет тебя, а найди Его, чтобы приблизиться к Нему, чтобы увидеть Бога, Которого ты нашел. Мы не ищем незнакомого Бога — незнакомый Бог пришел, стал знакомым и сказал нам: «Вот Я».

Когда Каиафа и Пилат спросили:

— Скажи нам, это Ты? Заклинаю Тебя, скажи, Ты Сын Божий?

Он ответил:

— Да, это Я.

И всё.

Святая Фотиния — самарянка — сказала:

— Мы ждем, чтобы пришел Мессия.

Господь ей сказал:

— Это Я — Мессия.

Мы не ищем Бога, Он пришел и нашел нас, и в православии не начинаем искать для себя новые вещи нашим умом, придумывать их, а ищем уже найденные вещи. Христос сделал первый шаг, Он нашел нас в темноте; Свет пришел во тьму, и Бог нашел нас. Он сделал первый шаг, то, чего мы не могли сделать: как найти Бога, если мы как слепые? Христос приходит, находит нас, и в этом — большая разница между православием и другими религиями. Другие религии являются человеческим движением, где человек говорит: «Я не могу жить на этой земле. Меня душат одиночество, страх, смерть, угрозы, хищники,

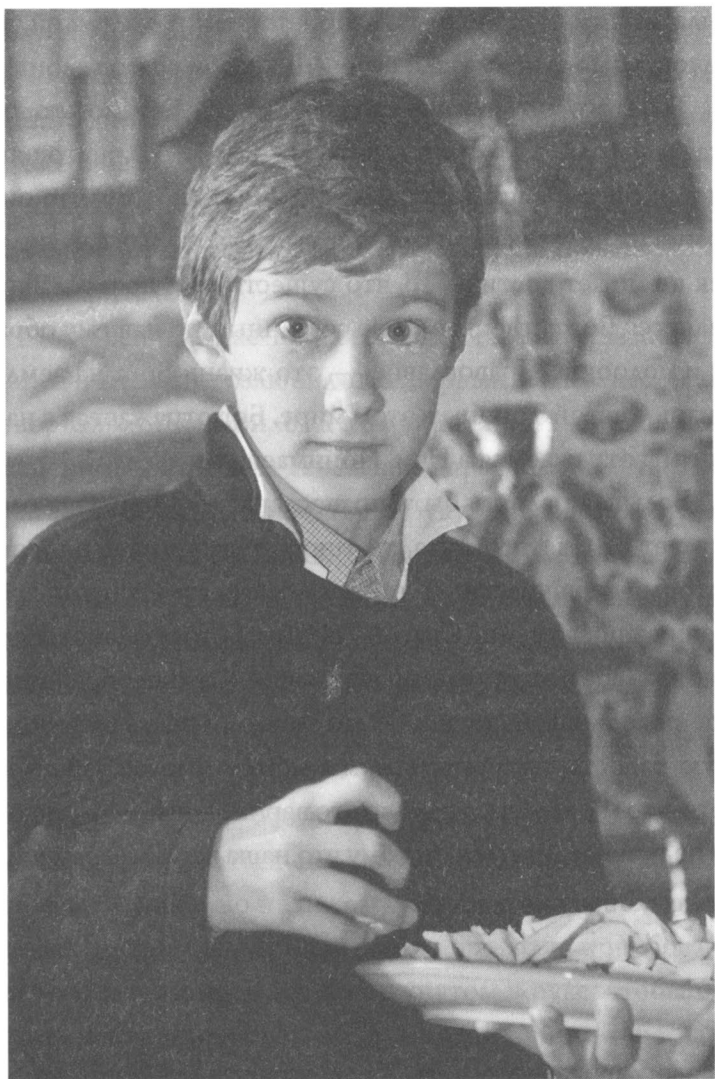
землетрясения, наводнения, беды. Я хочу на что-нибудь опереться. На что?»

И ум начинает искать и создает божества. Он слышит гром и называет его Зевсом. Видит страшное море, которое поглощает многих людей, где тонут корабли, и говорит: «Ой! Наверное, здесь скрывается бог!» И называет его Посейдоном. Превращает всё в божества; это наш вымысел. В уме я начинаю создавать бога по своему образу и подобию. Рисую себе бога согласно своему представлению. Поэтому в разных религиях боги завидуют, ссорятся, убивают друг друга, завидуют людям, убивают их, то есть все это — человеческие выдумки и человеческое поведение.

Мы не можем понять величие нашего православия, потому что мы эгоисты, зазнаемся, высокомерны и вместо того, чтобы сказать: «Господи, мы прославляем Тебя», говорим: «О-о-о, какой я хороший, я православный, я молодец!»

В то время как ты должен сказать: «Не я молодец, а Ты, Боже! Ты, хороший, великий, сделал меня православным, спасибо Тебе! Тебе принадлежит вся слава! Ты сделал первый шаг, пришел на землю и нашел нас, рассказал нам о многих невероятных делах».

Это мне сказал какой-то подросток. Люди не могли бы выдумать такие невероятные вещи, а лишь те, которые похожи на нашу жизнь. Наши действия — это большие дела, в то время как Божии — удивительные дела.

Бог говорит: «Возлюби врагов своих!» И если бы вера была нашим собственным изобретением и выдумкой, то никогда бы мы не сказали себе: «Возлюби врагов своих!»

Ты этого не можешь сказать, только Бог может это сказать. Только это уже говорит о том, что Христос является Богом, а православие — истиной, потому что оно возносит человека до границ и высот, которых сам человек не может достичь. То, что существует в православии, является Божественным, а не созданным по нашему образу и подобию. Православие — это жизнь Бога на земле, жизнь Святой Троицы в этом мире, Бог отражается в нас, а не мы отражаемся в Нем. Понимаешь ли ты это?

Большая радость быть православным. Твоя душа благоухает от Святого Духа, ты миропомазан священником, который тебя крестил. У вас есть благодать Святого Крещения, просвещение Святой Троицы, Божиих Даров. Есть много хлеба в этом деле, православие — это необработанное поле в нашей жизни. И мы можем испытывать большую радость, наслаждаться, мы можем многое узнать из того, что мы делаем, о том, во что верим. Главное — никогда не останавливаться, потому что наша вера безгранична.

2

Православие — это путь. Как говорится: «Приди, чтобы увидеть!» Но не говори: «Я пойду, чтобы найти Бога!»

Да, но какого Бога ты найдешь, бога своего воображения? Не воображаемого бога, а Бога, Которого ты когда-то нашел в Иерусалиме, там, где Он родился, Он является Богом. Все остальное — это плод твоего ума, наш ум рождает идеи, которые могут быть хорошими, некоторые из них являются блестящими, интеллигентными, но Бог не постигается только нашими силами, Он должен прийти и озарить нас.

Ты, Господи, нас просвещаешь, Ты делаешь первый шаг. Он первый возлюбил нас, первый нашел нас, и мы говорим: «Боже мой, благодарю Тебя!» И на Твое приглашение мы отвечаем Тебе нашим православием, на Твое приглашение мы целуем Твою руку. И видим, что рука пробитая, окровавленная, распятая. «Мы любим Тебя, потому что через эту руку мы видим Твою любовь, видим, что Ты пришел к нам не для того, чтобы вынести приговор, не заставляешь нас что-то делать, а все Ты сделал сам».

* * *

Православие — это потребность отдаваться Божией любви и наслаждаться ею. Из-за честолюбия ты начинаешь подвизаться, но не потому что ты должен, обязан, не для того, чтобы выполнить чей-то приказ или из боязни кого-то, кто стоит над тобой с кнутом в руке, чтобы бичевать тебя, и говорит: «Сделай это! Сейчас тебе надо сделать это! Сделай то! Православие означает, что надо сделать вот это, то и это...»

В православии нет слов «надо», «нужно» и «необходимо». С того мгновения как Христос был распят, мне ничего не нужно делать, потому что Христос смотрит на тебя и говорит:

— Не распинай Меня дополнительно со своими словами: «надо», «нужно», «необходимо». Что «надо»? Поэтому Я был распят, чтобы не было уже этих «надо»! Чтобы исчезли все эти «нужно», законные постановления Ветхого Завета. Вам надо сделать то, нужно сделать столько-то шагов, необходимо съесть это, надо сделать вот это!

И Христос говорит:

— Не нужно, уже нет необходимости в этом терзании, удушье, в этой тирании в твоей жизни! Я прихожу и освобождаю тебя, больше нечего не нужно!

А мы говорим: «Господи, ничего не нужно. Ты говоришь так из любви, но мы из любочестия и благодарности постимся, молимся, любим Тебя, делаем поклоны».

Для всего этого мотивом являются не закон, не долг, не эти формы Ветхого Завета, не правила, а наша любовь, признательность, потому что оправдание приходит от Бога. Никто не может оправдаться делами закона, лишь Христос оправдывает: что бы ты ни делал, даже если будешь поститься сто постов, даже если будешь поститься не сорок, а восемьдесят дней, если Бог не захочет, то ты не спасешься. Он спасает тебя даром. Поэтому многие спасаются, кто никогда не постился или не мог поститься по разным причинам. Не пост спасает, но ты будешь

поститься, и потому что ты должен понять, почему необходимо соблюдать пост, и будешь поститься с радостью и благодарностью Христу, будешь делать поклоны не потому, что ты чей-то раб, а потому, что твоя душа вздрагивает и преклоняется перед Богом от благодарности и радости. То есть все вдруг меняет свой смысл и содержание.

Молодежь говорит: «Отлепись, выйди оттуда, где ты прилип, где ты увяз, двигайся, чтобы найти Бога, но не делай этого эгоистично, оставь свой ум в углу, посмотри на Бога, Который нас нашел».

Даже если ты умен, используй свой ум в других местах — в компьютере, создавай компьютерные программы. Прекрасно, молодец, ты очень умный! Но Богу не нужна такая мудрость, оставь ее в углу. Богу нужны простые люди. Я тебе так скажу: Богу нужны не те люди, которые видят в небе птиц, а те, которые видят в небе ангелов; а чтобы увидеть их, не нужен ум, а нужны невинность и простота. Некоторые люди говорили в прошлом: «Он какой-то простоватый человек!» Но такие «простоватые» люди имеют горячее сердце и сильную веру. А некоторые очень умные люди на самом деле — хитрецы, которые теряют Бога. У них такой большой интеллект, но они не видят Бога, а другой со своей простотой — видит. *Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых* (1 Кор. 1, 27) людей, которые других называют безумными, будто они поняли смысл православия. В то время как некоторые умные люди не знают, что такое Церковь,

православие, смирение, и думают: «Я это исследую!» Исследуй. Что ты надеешься найти, чего сам достигнешь? Бог сделал шаг, но не ты находишь Его, Он находит тебя, и что ты делаешь? А мы удивляемся тайне, с верой говорим: «Аллилуиа!»

Мы удивляемся, поклоняемся, принимаем это и говорим:

— Господи, большое Тебе спасибо за то, что Ты пришел и нашел меня! Как Ты нашел меня?

И Он говорит тебе:

— Что делать, ты никогда бы не нашел Меня. Ты блуждал из одной религии в другую, из одной секты в другую.

Если вы зайдете в Интернет, то увидите тысячи религий, ересей, конфессий — все они считают, что обладают истиной, что только у них истина, но это ошибочная убежденность, она исходит из эгоизма, который является корнем проблемы.

К сожалению, мы православные не потому, что смиренны, а потому, что находимся в Греции и крещены, и потому, что Бог даром сделал первый шаг; но если мы будем эгоистами, потеряем наше православие, потеряем мораль православия.

Приди и виждь не в теории, а на деле. Приди, чтобы увидеть. Исповедуйся, чтобы увидеть, что говорит Церковь, помолись, пойди в какой-нибудь храм, чтобы увидеть. Приди, чтобы увидеть, — приблизься к Богу, иди и расскажи священнику о своих проблемах и грехах,

читай Евангелие. Подвизайся, борись в себе, чтобы приспособиться, чтобы набраться опыта.

— Но я не могу, я грешен!

Это не проблема!

— Но вы?..

Мы, кто мы? Православные? Мы, православные, полны грехов, мы очень грешны, все мы грешники, и православие является большим объятием, которое обнимает всех грешников.

— Но разве это не то место, где становимся святыми?

Это место, где становишься святым, но ты не становишься святым, лишь один раз зайдя в храм. Если помотришь на иконы, увидишь, что на них изображены православные святые. Но покопавшись в их жизни и изучив их жития, какими они были во время земной жизни, увидишь, что некоторые из них совершили много грехов, даже, может быть, больше, чем ты. А почему они стали святыми? Потому что раскаялись, потому что подвизались. Но тут будь внимателен: они не превращали свой грех в образ жизни, не подавали дурного примера другим людям.

Можно курить и говорить: «Я борюсь, но не могу бросить. Господи, прости меня! Хочу бросить курить, я борюсь! Православный ли я?» Разумеется, ты православный, который курит, у тебя есть одна слабость. Но если ты говоришь: «Курение не грех. Нигде в Евангелии об этом не написано. Ничего плохого нет в курении!»,

то превращаешь свой грех, свою слабость в образ жизни, делаешь из этого лозунг, влияешь таким образом на людей. Тогда это является еретическим мышлением и ты не сможешь спастись. Не потому, что ты куришь, не потому, что ты грешник или прелюбодей, а потому, что превращаешь свой блуд, грех, порок, свою развращенность и заблуждение в пример для других.

Например, кто-то говорит: «Я хочу иметь добрачные отношения!» Да, я уважаю тебя, это твое право. То есть я уважаю твою жизнь, ценю тебя, не обвиняю тебя, не ругаю тебя за то, что ты это делаешь, но я не могу сказать тебе, что Христос об этом не говорил. Однако если ты заявляешь: «Христос нигде об этом не говорит, ничего не запрещает и все позволяет!» — то это уже еретическое мнение, так ты становишься эгоистом, твой ум распухает, нет того смирения грешника, который говорит:

— Я грешен, прости меня, Господи! Я грешу, живу с девушкой, у меня добрачные связи, прости меня, я хочу бороться, хочу приложить усилия, православный ли я?

— Несомненно, ты православный христианин!

— Откуда Ты знаешь?

— Об этом говорят твои слезы.

Когда ты грешишь, но каешься, ты знаешь, что такое Свет, ты сравниваешь себя с Ним и говоришь: «Я не нахожусь в Свете, во мне много тьмы».

Хорошо чувствовать тьму, это означает, что в тебя вошло немного Света.

Церковь сурово осуждает еретиков и отлучает их. Все мы делаем ошибки, но не надо превращать ошибку в образец для подражания. Я не знаю, известно ли вам, что не только еретики ошибались, но и святые, например святой Григорий Нисский или какой-нибудь другой святой; не знаю, кто конкретно, но есть некоторые святые, которые имели ошибочные богословские формулировки. О чем это говорит? Никто не безгрешен сам по себе. Но в чем заключается разница?

Разница в том, что святой Григорий Нисский осознал свою ошибку относительно учения об апокатастасисе* и не превратил его в богословское течение, чтобы повлиять на христиан с риском, что они могут погубить свои души. Он сказал: «Дорогие христиане, братья, это мое мнение, я так думаю».

Это было его мнение. Прекрасно. И когда приходит Церковь и исправляет твою ошибку, ты говоришь: «Простите меня, я так думал, теперь вы просветили меня и я поменял свое мнение».

Тогда все будет хорошо! Однако, когда кто-то просто сделал ошибку, и говорит о ней другим людям, и настаивает: «Я прав! Верьте, как я! Живите, как я! Не слушайте, что говорят другие!» — вот это уже рискованно. И что делает Церковь? Отлучает его и говорит: «Объявляем

* *Апоката́стасис* — еретическое учение о всеобщем спасении. —
Примеч. пер.

этого человека, всю его дружину и всех его последователей еретиками; это мнение является ересью».

Те, кто следует этому мнению, рискуют погубить свою душу. Это похоже на то, как говорят по телевидению: есть партия консервов, которые привезли из какой-то страны, она является проблемной, не ешьте их. Мы говорим: «Прекрасно, спасибо вам большое, что сказали нам об этом!» Мы не ругаем их.

Также и наша Церковь просвещает нас и говорит: «Это ересь».

Поэтому в православии не существует безгрешности, так как она является целью, стремлением, это то, что Бог делает в нас постепенно. Но это не означает, что грешникам нет места в православии. И грешник является православным со слезами на глазах; для всех есть место в Церкви. Поэтому, когда Господь увидел Нафанаила, Он сказал: *Вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства* (Ин. 1, 47).

Он не сказал, что в нем нет греха, что это безгрешный человек! А сказал, что это хороший человек, смиренная душа. Грешный ли он? Разумеется, и он человек. Христос выбирает Своего ученика Петра, который также имел грехи (например, легкомыслие: он сказал Христу, чтобы Он не распинался, отрекся от Него, тонул в море, потерял свою веру, — не грехи ли это?). Да, но он и покался. По-православному ли это? Разумеется, он святой, несмотря на его ошибки. Это очень хорошо для Церкви,

Христос избирает Петра

то есть Церковь демонстрирует невероятную совместимость, проповедует невероятную надежду, являет необъятное объятие, она принимает всех. Ты говоришь, что не можешь войти в Церковь, потому что грешен. Именно поэтому ты должен войти в Церковь, потому что грешен, и таким образом ты можешь создать много работы Христу. Это прекрасно. Христос этому радуется. Христос не хочет сидеть без дела, а хочет, чтобы ты создал для Него работу. Он как будто говорит:

— Помоги мне что-нибудь сделать для тебя, человек! Мне нравятся люди, которые позволяют Мне войти в их души и помочь им, обрабатывать, освящать, стирать их

грехи, вытирать слезящиеся глаза, очищать загрязненные сердца.

Это прекрасно. Другие люди, которые считают себя святыми, говорят:

— У нас нет грехов!

— Отлично, если вы безгрешны, — говорит Христос, — молодцы! Тогда вам не нужен врач. Я пришел к больным. Моя компания — это грешники. Если вы говорите, что вы такие святые, то сядьте куда-нибудь и ждите, потому что Я пришел заниматься грешниками.

Православие — это соработничество между Преблагим и Пречистым Богом и очень скверным человеком. Бог не оскверняется тобой. Ничего не происходит с солнечными лучами, если они падают на нечто грязное. Если у тебя есть телесный недуг, ты можешь пойти в церковь, каким бы ни был твой недуг — паралич, немота, если ты не видишь, не слышишь, если не можешь отчетливо говорить. Святой Николай Планас не говорил отчетливо, но Христос сделал его святым. Святой пророк Моисей из Ветхого Завета заикался, не мог хорошо говорить, а Бог сделал его вождем своего народа. Богу не мешают наши недостатки. Только одно Ему мешает — наша нераскаянность и жестокосердие, тут Он ничего не может сделать, потому что наша воля как крепкая стена. Но если ты, грешный, будешь подвизаться, предоставишь свое сердце Христу и скажешь: «Господи, сделай что-то со мной!» — свершится чудо.

Святая Мария Египетская жила во грехе и стала православной святой, Церковь почитает ее в пятое воскресенье Великого поста. И какой она была, люди? А ну-ка расскажите нам о ее преподобной жизни. Какая там преподобная жизнь, она жила во грехе. Но после того как она покалась, Церковь приняла ее в свое лоно. Конечно, не все изменилось в один день, ее жизнь постепенно изменилась. Она боролась с воспоминаниями, со склонностью ко злу, с греховными привычками. И никто ее не отверг. В Церкви есть место для любого грешника. Православный грешник — это смиренный грешник, мы находимся в больнице, в лечебнице, и если мы видим рядом с нами больных, шприцы, бинты, кровь, стоны, плач, мы не удивляемся. Потому что мы все грешники. И священники грешные, я тоже, все мы люди, не так ли? Конечно, есть много святых. Но они не отвергают тех, кто старается стать лучше.

3

Когда ты пойдешь в Церковь, будь настоящим, будь самим собой, честным, не будь лицемером. Но нельзя всегда оставаться тем, какой ты есть сейчас. Кто-то говорит: «Я такой, какой я есть».

Молодец, я ценю, что ты понимаешь, что ты такой, что ты такая, что признаешь: «Мне присущ этот недостаток!»

Да, мне нравится, что ты откровенен. Но недостаточно только это сказать, необходимо бороться, чтобы исправить свои недостатки. Не так ли? Ты не останешься там, где сейчас находишься. Например, ты гневаешься. Ладно, тебя охватил гнев — подвизайся, чтобы укротить свой гнев. Разве ты этого не хочешь? В Православной Церкви отсекаются страсти, человек подвизается, исправляет то, о чем Христос говорит святому апостолу Нафанаилу:

Прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя. Нафанаил отвечал Ему: Раввѣ! Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев. Иисус сказал ему в ответ: ты веришь, потому что Я тебе сказал: Я видел тебя под смоковницею; увидишь больше сего (Ин. 1, 48–50).

Бог покажет тебе и другие доказательства Своего присутствия. Он возродит тебя, ты никогда не отягчишься в Церкви, не пресытишься, никогда не почувствуешь досаду, а увидишь все больше и больше новых чудес и будешь удивлен. Святые апостолы это делали, они просто и смиренно пошли за Ним. Разумеется, образ Господа произвел на них впечатление, Его взгляд, зрение, слова, Его приглашение, их душа умилилась, но потом она начала видеть и другие вещи. Она увидела, как вода становится вином, как Христос совершает чудеса, воскрешает мертвых, прощает грешников; затем Христос покинул этот мир, и в то время когда ждешь, что все потухнет, тогда начинается великое распространение христианства. Двенадцать апостолов и еще семьдесят других апостолов — их было

Филипп зовет Нафанаила ко Христу

немного. Затем наступил «большой взрыв» миссии, ведь Христос говорит: «Когда Я уйду, буду иметь больше учеников, чем имею сейчас, когда Я живой и нахожусь среди вас».

И что тогда происходит? Это то, о чем я тебе говорил:

— Приди ко Мне и увидишь еще многое. Есть что увидеть. Я приготовил тебе сюрпризы!

Бог может показать тебе много хороших вещей, а не только, как ты говоришь, скорбь и боль, также и хорошие вещи, которые есть у Бога для тебя; но твой ум думает только о плохом, и ты напрасно беспокоишься. Христос покинул этот мир, и огромное множество людей становятся

миссионерами — тысячи людей становятся последователями Христа, жертвуют собой для Него. Одни отправляются в миссионерские поездки в Африку (в Заир, Конго), на Аляску, в Индию, другие становятся монахами — ради Кого? Ради Него, ради православия, ради Того, Кто сказал: «Посмотрите, что произойдет, когда Я покину этот мир».

Например, ты едешь в Россию и видишь величие православия, в Грецию, на Святую Гору Афон, в США, где есть православные монастыри. Что происходит тогда? Вот это называется православием — распространением Христа во всем мире. *Увидишь больше сего. И говорит ему: истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому* (Ин. 1, 50).

Какой-то человек спрашивает: «Как это происходит? Я этого не видел».

Чтобы это увидеть, не нужны физические глаза, потому что это не интеллектуальные процессы в Церкви. В православии работает наше сердце, работает наша душа, это таинственные переживания. Своими глазами что ты видишь? То, что происходит вокруг тебя. Своими руками прикасаешься к тому, что находится рядом с тобой. Но есть и другие органы чувств, другие глаза, другие руки, другое обаяние, другой вкус души — понимаешь ли это? Есть внутренние органы чувств, которые активируются в Церкви, у тебя пробуждаются новые

способности. Вот ты спрашиваешь: «Ах, как некоторые святые видели ангелов?»»

У них пробудилось другое зрение, другой взгляд. Все это переживается в Церкви не только через органы чувств; то есть ты можешь закрыть глаза и слушать, слушать небесные мелодии, но твоя душа смотрит, чувствует, прикасается к Богу, видит ангелов. Святые апостолы видели это: на Фаворе видели, как от Христа исходит свет. Как это произошло? Они видели, как Он ходил по воде — в Церкви, в православии никто не отменял законы природы, но они не последнее слово, и не только эти, но и другие вещи необъяснимы. Солнце скрылось, когда Христос был распят. Как это происходит? Естественно, тут нет природного объяснения, речь идет о чуде. Церковь — это место для чудес. Врачи тебе сказали, что ты не выздоровеешь. Да, они это сказали. Мы не презираем врачей, но больше врачей мы любим Бога, уповаем на Него, и если Бог захочет, чтобы я жил, то буду жить. Ничего, что врачи говорят: ты умрешь в течение пяти месяцев. Ты можешь умереть и в течение одного месяца, хотя они сказали, что в течение пяти. Но я могу умереть и через пятьдесят лет, если Господь захочет. Это есть православие. И мне необходимо научиться использовать все силы моей души, потому что и душа имеет силу; например, это вера, которая мертва в тебе. Знаешь ли ты это? В твоей душе есть сила, которая называется верой. Где твоя вера? Она мертва в тебе. Твоя душа имеет глаза,

которые видят Бога. Где они? Видишь ли ты Бога? Нет. Почему? Потому что у тебя внутренняя слепота. Попроси у Бога, чтобы Он просветил тебя. Войди в Церковь, чтобы найти свет, и скажи: «Господи, убери тьму из моей души!»

Почему ты постоянно говоришь: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя»?

Почему мы говорим об этом? Чтобы пробудить в нас эти спящие чувства. Наша душа спит, она находится в летаргии, блаженно спит, но мы можем наслаждаться многими хорошими вещами в Церкви. Однако мы не наслаждаемся ими, и сей день должен был стать удивительным днем — жизни с Богом; мы могли смотреть, радоваться, наслаждаться, видеть чудеса. Твой ребенок где-то находится, но ты помолишься — и он неожиданно вернется, и ты спросишь у него:

— Как ты вернулся?

— Не знаю! Пока я сидел, вдруг у меня возникло желание быстрее вернуться домой.

И пусть это будет следствием твоей молитвы. Вот что означает православие. Не логика, не сотовый телефон. Где ребенок? Позвони ему! Беги! Вызови полицию! Нет, это логика, это логика мира сего, в котором нет Бога. Впусти Бога в свою жизнь — и увидишь, как будут происходить чудеса, как говорит Христос: *Отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому* (Ин. 1, 50).

Вы увидите удивительные вещи, которые не объясняются логикой. Вы увидите тайны, таинственные состояния. Эти вещи мне очень нравятся, но знаете ли почему? Потому что мы переживаем их. Что нам нравится в витрине магазина, например? То, чего мы не имеем. Не так ли? И ты говоришь: «Ах, если бы у меня это было!»

Но я видел это в святых. Видел это в наших современниках. Видел это в молодых людях, в девушках, девочках, мальчиках, отцах, матерях, учениках. Многие переживают это — покаяние, борьбу. Православие, которое приносит чудеса. Они проживают православие. Оно пробуждает в этих людях душевные силы, которые они усыпили. Знаешь ли, какую силу ты имеешь от Бога? Ты мог бы помолиться и изменить весь твой дом, чтобы какой-то больной выздоровел, чтобы не разводились супруги, о которых позавчера ты говорил, что они хотят развестись. Это произойдет благодаря твоей молитве. Но ты не научился молиться, не научился уповать на Бога, не умеешь ухватиться за Христа, просить Бога, умолить Того, Кому подчиняется весь мир, послушать тебя. Если хочешь, можешь умолить Его послушать тебя — если ты живешь православием во всей его силе и динамичности. Но мы находимся в православии поверхностно, очень неглубоко, поэтому не можем изменить людей, не только чужих (например, какого-то римо-католика, чтобы он захотел стать православным, иметь единые с нами взгляды), но и сами себя. Ведь мы сами не являемся такими, какими должны быть.

Мы православные, и мы рады этому, стыдимся лишь того, что не заслуживаем быть православными. Я имею в виду, что мы православные и боремся, и молимся, чтобы Бог вмешался, чтобы не испортить всё и чтобы окончательно не загубить свою душу. Потому что это будет очень печально. Я не знаю, кого Бог спасет, но знаю, что Он может и не спасти меня. Имею в виду, что я не уверен в этом. Я не могу думать: «У меня есть билет! Я бросил якорь!» Что означает «билет»? Он у тебя в руках, но когда придет кондуктор и ты скажешь: «У меня есть билет», — он ответит тебе:

— Молодец, радуйся этому! Но сейчас ты заплатишь штраф, превышающий стоимость билета в шестьдесят раз!

— Но почему, если у меня есть билет!

— Да, но ты не прокомпостировал его!

Билет нам дан не для того, чтобы иметь его, а для того, чтобы использовать его. Итак, «билет православия» не для того, чтобы хвалиться им и говорить: «А-а-а, мы православные, да здравствует православие, мы обладаем истиной!»

Что это означает? Это означает, что твоя истина ускользает, и чтобы удержать ее, твоя душа должна стать как горсть, то есть она должна вместить в себя смирение, сокрушение, крест, любовь, боль, слезы. Так поддерживается православие, а не кулаками и ликованием: «Мы, а не другие!»

Мы должны радоваться и прославлять Бога. В конце концов вся слава принадлежит Богу, потому что Он дал нам дар, а что мы сделали? Если я скажу: «Я молодец! Я православный!» — то моя православность ускользнет. Тогда покончено с православностью, потому что я эгоист. Когда ты эгоистичен, ты неправославный, потому что православие означает смирение. Видишь? Я могу говорить по-православному и вдруг могу стать еретиком. То есть мое поведение становится чем-то соблазнительным, еретическим, эгоистичным.

Поэтому говорят, что православие является высшей акробатикой — ходишь по натянутому канату, и если только начнешь важничать и скажешь: «Я лучше вас! Православные будут спасены, а другие пойдут в ад! Мы хорошие, они плохие!» — то упадешь!

И Господь говорит: неужели для этого Я дарю вам православие, чтобы вы осуждали других? Оставьте других людей!

* * *

Православие создает святость из самых низкопробных материалов, Бог берет лохмотья в этом мире, руины, полусломанную вещь и выброшенную черепицу, делает ее частью Своего дворца, строит с помощью этих материалов и придает им блеск. И ты говоришь:

— Что же это такое? Я ведь никто.

— Приди и ты, — говорит Бог, — и встань там.

И — хоп! Внезапно начинаешь блеснуть. Он поставил тебя в Свою Церковь, в Свое тело, в Свою благодать, и ты становишься очень красивым. Это Церковь создает святость из самых плохих материалов.

— Я принимаю незначительных людей, — говорит Христос, — и делаю их святыми!

Кто придавал значение святому Николаю Планасу, когда он был жив? Кто? Он был бедным и измученным священником. Его жена умерла. У него была старая обувь, это был старик с больными ногами, на которого ты никогда не обратил бы внимания. Но Господь взял его, этого незначительного человека, и сделал святым. Сейчас мы идем в храм и в его честь совершаем литийные шествия, строим великолепные храмы, славословим, славим его, совершаем богослужения в его честь, происходят чудеса по его молитвам. Понимаешь ли ты это? В Церкви не принимается тяжелая наследственность — ты можешь иметь наследственные проблемы, можешь иметь тяжелое прошлое, но когдаходишь в Церковь, тогда все это меняется и ты становишься новым человеком. Это нечто великое! Но тебе трудно ходить в церковь. Что я могу сказать тебе? Тебе тяжело ходить в церковь, тяжело отдать свое сердце Христу, чтобы его обработать, как землю, тогда как ты изменишься?

Или, если возможно, изменись лежа, как будто тыходишь в какую-то машину, тебя там обследуют и тыменяешься. Бог не хочет обследовать тебя, а хочет, чтобы ты

был соратником с Ним, чтобы ты пробудился, чтобы машина завелась. Поговори с Ним, Он хочет, чтобы ты Ему сказал свое мнение, свои возражения, сказал Ему о своем бунте. Пришел какой-то человек, который спорил с Богом, и сказал: «Господи, это нехорошо».

Это лучше, чем совсем не разговаривать с Богом. Я скорее выберу того, кто спорит, чем того, кто молчит, ничего не говорит Богу и не хочет иметь с Ним дела.

— Но я ропщу!

— Ропщи!

— Почему?

— Потому что у тебя есть хоть такие отношения с Богом, а у другого нет никаких отношений.

Что ты выбираешь: дом, в котором разговариваешь со своим мужем или со своей женой и вы при этом ругаетесь, или дом, где все молчат, ничего ни о чем не говорят и вообще не общаются друг с другом?

Я выбираю первое, даже если люди поругались немного, по крайней мере, они общаются друг с другом и у них хоть какие-то отношения!

Вот так. Имей дело с Богом!

* * *

Ищи Бога, и когда найдешь Его, когда поймешь, что Он первый нашел тебя и полюбил тебя, — Он уже в твоём сердце, Он ищет тебя и хочет, чтобы ты открылся Ему, чтобы Он вошел в твою душу.

Я молюсь, чтобы ты жил в православии, с верой, с любовью Христа. Чтобы наслаждался тем, какой ты есть, чтобы ты был строгим с самим собой, что не посещал секты и не примыкал к ереси, потому что тот, кто преисполнен тем, что делает, не захочет пойти в другое место, потому что он чувствует себя наполненным. Об этом я молюсь, о тебе. Молюсь, чтобы твоя душа наполнилась так сильно, чтобы ты сказал:

— Ах, неужели это возможно! У меня такие живые отношения с Христом. Ты говоришь мне, чтобы я сходил посмотреть на другие вещи. Чтобы предать Кого? Того, Кого я вижу, люблю, прикасаюсь, чувствую, принимаю на Святом Причастии? Как мне уйти?

В противном случае, если мы верим только интеллектуально и рационально, то все возможно. Я молюсь, чтобы ты избежал интеллектуального пространства и приблизился к пространству сердца, чтобы ты почувствовал Христа. Тогда твой ум почувствует то, о чем говорит старец Паисий: сердце христианина, который любит Христа, и вся его сущность освящаются посредством кровообращения, которое разносит святость по всему телу; и если твое сердце станет православным, то оно передаст православие через кровеносные сосуды по всему телу и ты станешь православным. Как это происходит? Не спрашивай меня, но — Бога!

Перевод — Виталий Чеботар

Великое дело — успокоиться и довериться Христу

Я молюсь, чтобы каждый день твой был совершенным, святым, мирным и безгрешным. Об этом мы молимся за каждой святой литургией. Молимся, чтобы каждый наш день и ночь, вся наша жизнь были совершенными, чтобы всякое дело мы делали от души, чтобы всю свою душу вкладывали и в самые малые детали жизни сей. Что бы ты ни делал, делай это красиво. Как говорили о старце Паисии: он ел апельсин и чистил его так красиво и безупречно, хотя это и было вовсе неважно.

Пусть каждый день наш будет совершенным и святым. А что значит «святым»? Это значит — посвященным днем. Как мир посвящает дни: день, посвященный окружающей среде, день, посвященный борьбе с курением, наркотиками, день матери, труда — каких только дней нет. Не посвящено ничему всего несколько дней в году. А христианин, любящий Бога, посвящает каждый день свой Богу и хочет, чтобы день этот был святым.

Ты понял, что значит «святой день»? Вот это именно и значит — «посвященный день»: свято то, что посвящено Богу, что отдано исключительно Богу, чтобы Он это благословил, облагодатствовал и сделал с ним что пожелает. Мы молимся каждый день, чтобы этот день был совершенным и святым. Церковь молится еще, чтобы он был мирным, спокойным, чтобы дни наши текли спокойно, чтобы мирно протекало время нашей жизни, чтобы мы не волновались, чтобы нас не охватывала паника.

Успокойся, у тебя много стрессов, а мира у тебя мало. Мы так много беспокоимся, и в сердцах наших нет этого мира Христова. В нашей жизни не царит этот мир, в нашей торговле и в нашем доме не царит этот мир, а, напротив, одно беспокойство, одно сплошное беспокойство. Мы молим Бога, чтобы Он подал нам мир. Все вокруг может погибать, а ты можешь иметь мир; все может тонуть, а ты можешь устоять, имея мир в сердце, и говорить себе и вслух: «Я мирен, потому что во мне Начальник мира, во мне Христос. Он — наш мир. У меня в сердце Божий мир, превосходящий всякий ум, мир, который превышает человеческих обстоятельств».

Люди не могут понять, почему у нас в душе мир, когда мы со Христом, считают нас бесчувственными, равнодушными, безучастными к человеческой боли, однако это не так. Мы включены в происходящее, мы — в событиях этой жизни. Христианин принимает все, его все интересует, он получает послания отовсюду, из всякой

услышанной новости он получает послание в сердце свое, но, несмотря на это, нисколько не колеблется посреди мятущегося мира сего. Земля может колебаться, потрясающие события могут чередоваться одно за другим, а у меня по-прежнему мир в душе. Вокруг могут грохотать бури и кораблекрушения, вьюги, катастрофы, землетрясения, наводнения, войны, а у меня мир.

Я хочу иметь мир каждый день. Почему? Потому что Господь — мой Пастырь, и ни в чем я не буду нуждаться (ср. Пс. 22, 1). Ведь я не лишен крова над головой, не заражен какой-нибудь болезнью, не брошен всеми в этом мире, у меня есть Господь, есть Кормчий моей жизни, Который пришел и сказал мне несколько теплых слов. С огромной любовью, огромным доверием Он сказал мне, чтобы я не забывал, что Он мой Пастырь, мой добрый Пастырь. Он добрый Пастырь и пасет Своих овец.

Достаточно просто быть Его овечкой, и Он поставит тебя на месте злачном и там вселит тебя, на злачном лугу. Все вокруг может рушиться, а ты идешь ко Христу, доверяешься Ему, имеешь в сердце мир. Это как корабль, который терпел бедствие среди волн, а на палубе спокойно стоял ребенок. Все спешили спрятаться в каютах, а он бесстрашно стоял и смотрел вокруг. Ему сказали:

— Ну беги же, прячься! Спасайся! Почему ты не боишься?

— Потому, — сказал он, — что капитан — мой отец. И мне не страшно!

Дорогой мой друг, корабли жизни сей, каким бы хорошим ни был капитан, могут пойти ко дну. В последние годы мы слышали, что утонуло много крупных кораблей, и люди оставались там в опасности, а иные утонули, погублены были человеческие жизни. Это корабли мира сего. Но корабль моей жизни, которым правит Христос, никогда не лишится мира и безопасного пути; пускай среди бурь, волн, опасностей — да, но Господь ведет нас к Своей пристани, пристани Своей святой воли. Потому в душе у меня спокойствие, и что я говорю себе? «Успокойся, имей мир». Я прошу вас, имейте мир. Так говорил один мой приятель на Святой Горе: «Успокойтесь, утихните, имейте мир, не смущайтесь, не входите в ритм мира сего. В мире сем великое смятение, потому что искуситель часто приходит и смущает нас. В мире царит волнение. А в человеке Божиим — мир и тишина».

Как это хорошо — нащупать пульс своего сердца и чтобы он оказался ровным, а ты незадолго перед этим слышал, что тебя, наверное, уволят. Ты в следующем месяце наверняка не сможешь выплатить кредит; неизвестно, сколько протянет родной тебе человек в отделении интенсивной терапии; наверное, твоего ребенка не примут в вуз, в который он хочет поступить; наверное, ты не пройдешь аттестацию, как хотел, потому что не показал себя с лучшей стороны, — ты при этом выслушиваешь целый поток подобных новостей. Естественно, ты, как человек, задумаешься над этим, опечалишься, будешь ломать голову

и немного расстроишься, но это твоё волнение должно оставаться на поверхности. Ты это попробуй — чтобы твоё волнение не достигало дна, чтобы оно было только на поверхности, а на дне оставалось невозмутимое спокойствие, кротость, тишина, уверенность и чтобы ты говорил: «Господи, мой жребий в Твоих руках. Моя жизнь, жребий моей жизни, то, что Ты думаешь обо мне, то, что со мной имеет случиться, — все, Господи, в Твоих руках. Мне нет никакого смысла расстраиваться — я доверяюсь Богу. Разве у меня нет Бога? Разве у меня нет Кормчего? Разве у меня нет Отца? Разве Христос не испытывает такую великую любовь ко мне и не умер за меня? Разве Он не сказал: "Я умираю, чтобы жил ты, Я умираю, чтобы быть с тобой"? Разве Он не сказал: "Когда вознесусь, Я привлеку тебя к Себе, и не только тебя, но и всех людей"?»

Все эти мысли — не суть мысли, а реальность, комментарии на реалии нашей жизни: если человек поймет их, то увидит, что нам нет причин волноваться. Ни из-за чего. Все проблемы только носят имя проблем, будто они страшные проблемы, а на самом деле они ничто, они не стоят того, чтобы ты заболел и заработал гастрит, язву или опухоль по всему телу, как иногда говорят: «Эта проблема довела меня до рака! Это потрясение довело меня до рака!»

Вы видели, что болезни, потрясения не проходят бесследно, когда ты возмущаешься, теряешь контроль над собой, расстраиваешься, потому что за всем этим следуют болезни. Видишь, как одно ведет к другому, и не остается

мира в сердцах наших. Но когда у тебя в сердце мир, тогда ты смотришь на все по-другому, ты здоров, иначе воспринимаешь жизнь. И это — чудо, это дар Христов тем, кто посвящает себя Ему, кто отдает себя Ему, верует. Веруй же, веруй живо во Христа, веруй воистину.

Верую, что Христос существует. Верую, что Христос повсюду, верую, что Христос рядом со мной, управляет моей жизнью. Верую, что сейчас, когда я говорю, Господь движет моими устами, и я говорю. Верую, что сейчас мое сердце стучит, потому что Господь повелевает, и оно стучит. Верую во Христа, что если Он желает, чтобы я пожил еще несколько лет, то я буду жить, а если хочет, чтобы я вскоре отошел — через несколько дней, сегодня, через несколько часов или минут, — верую, что будет то, чего хочет Он.

Почему же тогда мы расстраиваемся так сильно? Чего ты добьешься, если расстроишься? Что ты изменишь в своей жизни, если тебя охватит паника, если начнешь совершать хаотические движения, бросаться туда-сюда и тебя охватит беспокойство? Да, действуй, не сиди сложа руки — я не имею в виду того, что ты не должен ничего делать. Но что тебе надо делать? Успокоиться. Это ты и сделай. Это — великое дело.

Великое дело — успокоиться. Довериться. Возьми свою проблему и положи ее к ногам Христа. Возьми свою обиду и скажи: «Господи, у меня вот эта проблема, я хочу поделиться ею с Тобой. Хочу сказать Тебе о ней,

Образ Спасителя работы прп. Андрея Рублева

положить ее к Твоим ногам, обсудить ее с Тобой. Хочу, Господи, сделать Тебя участником того, что меня занимает, и совершить то, что говорится на святой литургии: что мы сами себя, и других, и всю жизнь нашу Тебе предаем». Себя — то есть это я и все мои проблемы: экономические, связанные со здоровьем, личные, межличностные, все, что меня мучает. Друг друга и всех остальных: моих родителей, братьев, друзей, коллег по работе, соседей, всех — вместе всех в сердце свое и отнеси Христу, положи их там и скажи: «Господи, я привел их к Тебе. Вот, возьми их всех. Они близкие мне люди, я люблю их, молюсь о них, хочу для них что-нибудь сделать, но что я могу? Что я могу сделать, кроме этого? Что? Ведь я ограничен, ведь у меня есть предел, силы мои ограничены, ведь я не вечен, не всемогущ, не всесилен, не премудр, не всеведущ — все это есть у Тебя, все это — Твои свойства. Поэтому, Господи, я беру свои проблемы, вопросы и вверяю их Тебе».

Знаешь, когда ты поймешь, что это вверение истинно и оно действует? Когда после этого вверения и предания твоих проблем Христу ты ощутишь в сердце великую тишину и спокойствие и скажешь: «Ах, как же хорошо сейчас! Как хорошо, сейчас я успокоился, сейчас я утих!»

Но как же мы успокоились, когда другой еще в больнице? Он же не выздоровел, чтобы тебе успокаиваться? Нет, это ошибка. Я не буду ждать, когда другой, родной мне человек, выздоровеет, чтобы мне успокоиться и утихнуть.

Мое спокойствие — не в здоровье другого, а в том, что мы сами себя, и друг друга, и всю жизнь нашу Христу Богу предаем. Мы доверяем все свое Христу, и это чувство облегчения оттого, что я снял с себя груз: этого камня не стало на мне, я отдал его Христу — и это меня успокоило. И ты говоришь: «Ах, мне стало так легко!» Господь взял все на Себя.

Поэтому Господь, зная, что впереди у меня многие бремена в этой жизни, что мы будем перегружены и постоянно наэлектризованы, говорит бессмертные, вечные и превосходные слова. Он говорит: *Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас* (Мф. 11, 28).

Вслушайтесь в эти слова: *труждающиеся и обремененные* — то есть нагруженные тяготами, обидами, проблемами, бременами, виной, заботами, личными немощами. Все это — груз, как мы иногда говорим: «Не надо на меня валить больше, я больше не могу!» Видите, как за две тысячи лет до нас Господь использует это слово, — Он знал, что мы будем обременены и с течением времени люди все больше будут себя перегружать, что они будут перенапряжены, готовы взорваться. И Христос говорит: «Придите, Я знаю, что беспокоит вас: вы изнурены жизнью, проблемами, которые действительно существуют, но которые вы преувеличиваете в уме своем, и они вас волнуют. Придите ко Мне, отдайте Мне ваш груз, Я беру все, Я все беру на Себя. Я вас утешу, дам вам отдохнуть, Я дам вам мир и спокойствие».

Ты видел, как спит малое дитя в объятиях матери? Ты видел, как спит твой ребенок? А если у тебя его нет, ты видел, как спят младенцы? Младенец доверяется, он отдает себя, расслабляет руки, губы, лицо. У него нет волнения, нет напряжения, он целиком предал себя, утих, успокоился. Такова и картина предания нашей души Богу. Так и я должен жить.

Да, я знаю это. Но знаю и то, что сейчас, когда мы говорим это, ты в уме своем прикидываешь, что тебе надо сделать еще столько всего. Но думаешь, у меня этого нет? У всех нас есть, у всех нас, людей, есть много несделанного. Сейчас я не в каком-нибудь монастыре, чтобы говорить тебе это посреди безмолвия, но если бы даже я и был в монастыре, то у меня опять же не было бы безмолвия: везде есть работа, которую надо делать.

Потому великое дело — чтобы наши дни протекали в мире, в доверии Христу, невзирая на то, что у нас есть проблемы. А вчера разве проблем не было? Разве вчера тебе не надо было сделать много всего, и ты говорил: «Я не успеваю, я ничего не успеваю»? А что вышло в итоге? Успел. Скажу тебе еще кое-что: ну а что, если и не успеешь? Ты просто не сделаешь этого, и все.

Так что же нам делать сейчас? Будем делать что можем. А то, чего не можем, сделаем на другой день. Да иначе и не получается. А если ты можешь сделать это сегодня, то сделаешь, независимо от того, волнуешься ты или нет.

Поэтому нет причин оставаться этой скорби у нас в душе, этой усталости и чтобы мы старели прежде времени. Большинство из нас состарилось из-за проблем, а если бы мы их не встречали в такой панике, то были бы спокойней и моложе — моложе и душой, и телом.

Не знаю, какого цвета твои волосы, и не знаю, когда ты понял, что они стали белыми, твои волосы, бывшие когда-то черными. Сейчас у тебя их уже совсем мало. Так как же это случилось? Мало-помалу: первые морщины, первые седые волосы из-за потрясения. Я знаю одного человека, который в сильном волнении лег спать с черными волосами и бородой, а на другой день проснулся и увидел себя седым.

Боль старит человека, ведет его к тлению, если ее встречают без Христа, а со Христом все вступает в процесс тления не так быстро. Душа всегда молода, когда она со Христом. Поэтому — успокойся!

Перевод — Станка Косова

Ищите Бога во всем, что делаете

1

Вчера мне позвонила женщина, прикованная к постели, и сказала, что всегда благодарит Бога. У нее два сына, оба разведены, один болен, и врачи сказали ему: «Тебе во что бы то ни стало надо сделать операцию, а после нее будут две возможности: или ты умрешь, или останешься жив, но будешь парализован. Выбирай!»

И эта женщина говорит, что ничего от меня не хочет:

— Я только благодарю Бога и молюсь, чтобы с вами все было хорошо!

Когда я узнал, чем она болеет, то подумал: «Этой женщине нечего взять у меня, это я от нее получу». И спросил ее:

— Как же вы выдерживаете?

А она отвечает:

— Да слава Богу! Что Бог ни попустит, все приму!

Эта женщина так много страдала и нашла цель жизни, ее смысл, который заключается в том, чтобы научиться

принимать все, что Бог дает тебе; прозревать через то, что Бог попускает тебе в жизни; быть без претензий, не плакаться постоянно и не спрашивать: «За что?» Не возмущаться, не жаловаться.

Сегодня настоящее чудо найти человека, который не жаловался бы; великое дело, чтобы кто-нибудь тебя спросил: «Как дела?» — а ты бы ответил: «Слава Богу, у меня все хорошо!» А не смаковать все время горечь жизни. Горести, мучения — все это делает нас больными.

Однако кто-нибудь возразит мне:

— Так что же нам делать?

Поскольку жизнь такова и тебе не может не быть больно, ты не можешь не заплакать, то вопрос в том, чтобы из твоего плача и терзаний в итоге вышло что-нибудь хорошее. Нам всем больно. Вопрос в том, созреваем ли мы через нашу боль, становимся ли святыми через нее или просто негодуем.

* * *

В 2003 году я был в Иерусалиме, и мне позвонили по поводу одного моего друга-монаха, который в сорокапятилетнем возрасте скончался в одном из монастырей за пределами Афин. Я не мог пойти на погребение, потому что был в Иерусалиме. Когда вернулся в Афины, пошел в тот монастырь поговорить с отцами, взять у них благословение, узнать, как прошли похороны, и они мне рассказали:

— Все говорили об этом человеке: «Он умер в сорок пять, но знал, зачем живет, и за недолгие годы прожил многое. Он нашел смысл жизни, хоть и за столь короткое время».

Я попросил, чтобы мне дали что-нибудь из его вещей. Братия сказали:

— Нам особо нечего тебе дать, потому что в келье у него мы нашли только куртку, бумажные иконы на деревянной основе и несколько книг. Хочешь четки?

Я сказал себе: «Вот этого-то я и хочу!»

Я схватил их. На прощанье братия снова сказали мне:

— Он жил так разумно, и хоть рано ушел, все понимал, что этот человек достиг своей цели и близко подошел к Богу.

Поэтому вопрос не в том, сколько лет мы будем жить, а как будем жить. Знаешь ли ты, зачем ты живешь, знаешь ли, что ты делаешь все эти годы? Как проходит наша жизнь? Какой смысл в том, чтобы ты просыпался утром и говорил: «Сегодня у меня опять работа, готовка, школа, беготня, расходы»? Почему происходит все это? Какая во всем этом цель?

* * *

Все, что мы делаем в жизни, незначительно. Все! Оно тленно, преходяще, и все это уходит. И самое хорошее бдение, на которое ты пойдешь, в определенный момент, через несколько часов, когда священник скажет:

«Молитвами святых отец наших...» или поздравит нас: «Христос воскрес!» — богослужение закончится. Все в этой жизни коротко, малó, ограничено, заквашено на Божественных элементах, но и на многих человеческих тоже, то есть в этой жизни не следует искать абсолютного, совершенного наслаждения, совершенного счастья, совершенной радости, совершенства не существует в этой жизни.

Старец Иаков с острова Эвбея говорил:

— Тут, чадо мое, прости меня, мы не живем для того, чтобы прошли дни. Вопрос не в том, что прошли дни, а в том, как они проходят, чем ты их заполняешь.

То, что ты делаешь с утра до вечера, придает тебе смысл и цель? Когда твоя жизнь пройдет и ты станешь семидесяти — восьмидесятилетним и оглянешься назад, найдешь ли ты то, что наполнило тебя счастьем и удовлетворением? Нравится тебе то, что ты делаешь? Ты женат — тебе это нравится? Придает ли тебе это смысл и счастье? Как порой говорят: «Я начал за здоровье, а кончил за упокой». Надо найти смысл. Работа, которую ты делаешь, тебе нравится? Ты находишь смысл в ней, наполняет ли она тебя счастьем и удовлетворением?

Важно не только то, *что* ты делаешь, но и *как* ты это делаешь и *что* это тебе дает. Доставляет ли оно тебе приятное чувство, удовлетворение, полноту? В противном случае жизнь мучительна, изнурительна, тяжела. Поэтому женщины нередко говорят (да и мужчины тоже, только

они не осмеливаются в этом признаться): «Я часами напролет думаю: зачем живу? Хочу положить всему этому конец, в моей жизни нет смысла, я в отчаянии!»

Один молодой человек сказал мне нечто, произведшее на меня сильное впечатление:

— Мы, отче, строим дачу, и скажу тебе, что случилось. Я поехал с родителями, чтобы помочь им. Помогал с утра, мы таскали какие-то мешки в дом, старались что-то сделать. В обед пошли в супермаркет за покупками, взяли курицу, чтобы поесть всей семьей. Я устал, с утра до вечера жертвуя собой ради мамы, отца, ради нашего дома. Вечером, когда пошел спать, я даже не понял, как пролетел день, и скажу тебе, отче, я чувствовал себя очень хорошо, потому что что-то сделал, что-то дал тем, кого люблю. Это не было нечто духовное, сказать по правде, в тот день я не успел сделать ничего духовного в смысле молитвы по четкам, но я трудился для других от души. И уснул довольный, потому что в тот день вышел за пределы самоугождения и отдал себя. На завтра была суббота. Я проспал до двух часов, проснулся, в два перекусил, потом сел за компьютер, вошел в Facebook, опять уснул, вечером проснулся, выпил кофе, опять поел и стал ждать, когда пройдет время, чтобы снова лечь спать. Скука и тяготи́на убивали меня, мне нечего было делать в этот день. Всю субботу сидел дома, всю пятницу уставал; когда сидел дома, внутренне чувствовал себя совершенно опустошенным, душа моя была пуста, не было никакого смысла в том, что я сидел

и отдыхал. Ты можешь мне объяснить, почему так получилось?

Потому что то, что ты делал в пятницу, ты делал с любовью. Ты отдавал себя, жертвовал собой. Ты вышел из своего я и вошел в своего брата, а брат в тебя... так же и мать, и отец, и твои братья, и сестры. Ты что-то отдаешь другим, твоя жизнь становится хорошей. Тогда как в субботу ты вращался вокруг собственной оси: мое я, мой сон, мой кофе — и когда ты занимаешься только своим я, ты не находишь смысла жизни. Ты получаешь усталость.

Наше я нам очень надоедает. Когда мы постоянно крутимся вокруг него, оно нас утомляет, мы тяготимся своим я. Когда ты раздаешь себя, у тебя есть смысл, ты живешь и радуешься. Жизнь проходит быстро, поэтому надо наполнить ее смыслом и радостью, надо радоваться тому, что мы живем.

Вы пришли сегодня сюда — вы этого хотите, и потому вы здесь. Вы этого хотите. Если кто-нибудь сидит здесь, но не хочет этого и это ему неприятно, значит, он делает это насильно. Если ты хочешь того, что делаешь, то ты этим наслаждаешься. Священник ли ты, облаченный в черное, учитель ли в школе, мать ли многодетная, есть ли у тебя все что угодно, но если ты любишь то, что делаешь, ты наслаждаешься этим и оно придает твоей жизни смысл.

Есть люди — я летом вижу это на прибрежной улице, где стоят хорошие кафе с огромными экранами и люди смотрят там футбольные матчи; в те дни, когда есть

футбольный матч, кафе наполняются, — так вот, есть люди, которые проводят там целые часы напролет. И меня спросили: это плохо?

Я сказал: ничто не бывает плохо или хорошо само по себе. Все становится хорошим или плохим в зависимости от того, как и зачем ты это делаешь. Если ты сидишь и смотришь футбольный матч, а дома у тебя супруга, которую ты любишь, дома дети, которым ты отдаешь всего себя, всю душу и с которыми беседуешь часами, тогда иди и ты немного отдохни. Но если ты сидишь просто так в кафе, а несколько месяцев не общался с женой, не глядел детям в глаза, чтобы понять, чего они реально хотят, то есть не занимаешься ими, тогда то, что ты делаешь, тебя опустошает, оно — алиби, повод, чтобы увильнуть от твоей проблемы.

У тебя нет реальной связи с женой, и ты постоянно находишь поводы, чтобы не быть дома: сегодня — тут, завтра — там. Поэтому не спрашивай меня, хорошо ли ты делаешь или плохо, если смотришь футбольный матч. Не футбольный матч проблема, а то, что на первом месте должна быть твоя связь с родными, твоя жена, твоя любовь, твой ребенок. Ты очень долго не спрашивал жену, довольна ли она тем, как идут дома дела, не спрашивал, как она себя чувствует, когда узнал однажды, что она идет к врачу и проходит какие-то обследования. Ты не занимаешься ею, а спрашиваешь меня, хорошо ли это или плохо — пойти посмотреть футбольный матч.

Все должно быть не так. Надо немного поинтересоваться другим. Все становится трагичным, когда обкрадываем нашу настоящую любовь и реальную связь с близкими людьми.

Я спросил одну женщину:

— Ты что-то делаешь по жизни, но борешься ли ты, радуешься ли своей жизни?

Она сказала:

— Я, батюшка, не делаю ничего.

— Почему?

— Я не как вы, подвизающиеся.

— То есть что ты делаешь?

— Ну, я не делаю ничего. У меня пятеро детей, я их вырастила, но не подвизаюсь, как вы. Водила их в школу, сидела ночами, когда они болели, кормила, выучила их... Такие вот малые дела, я не делаю больших дел.

Есть люди, которые в повседневной жизни, сами не понимая этого, совершают великие вещи, имеющие смысл и цель. Эта женщина исполняла в жизни Евангелие и то, чему учат святоотеческие книги, сама того не понимая.

Например, однажды она проснулась, и муж стал готовить ей, но она проявляла терпение. И что же она делала в этот час? Она исполняла на деле святоотеческую книгу, посвященную долготерпению, незлопамятности.

Среди вас есть люди, которые, сами не понимая этого, переживают замечательные вещи из области веры. Они не чувствуют, что то, чем они живут, Божественно, а оно

действительно таково. Бог — на твоей кухне, в комнате, в том, что ты делаешь, достаточно только думать о Боге в то время, когда что-то делаешь. Не надо бросать все и делать что-то другое. Например, попытаться объять необъятное и сказать: «Я ходил на бдения, на крестные ходы, на Святую Гору». И тому, что ты делаешь, ты можешь придать смысла и цель и вложить в это Бога.

Я сказал той женщине:

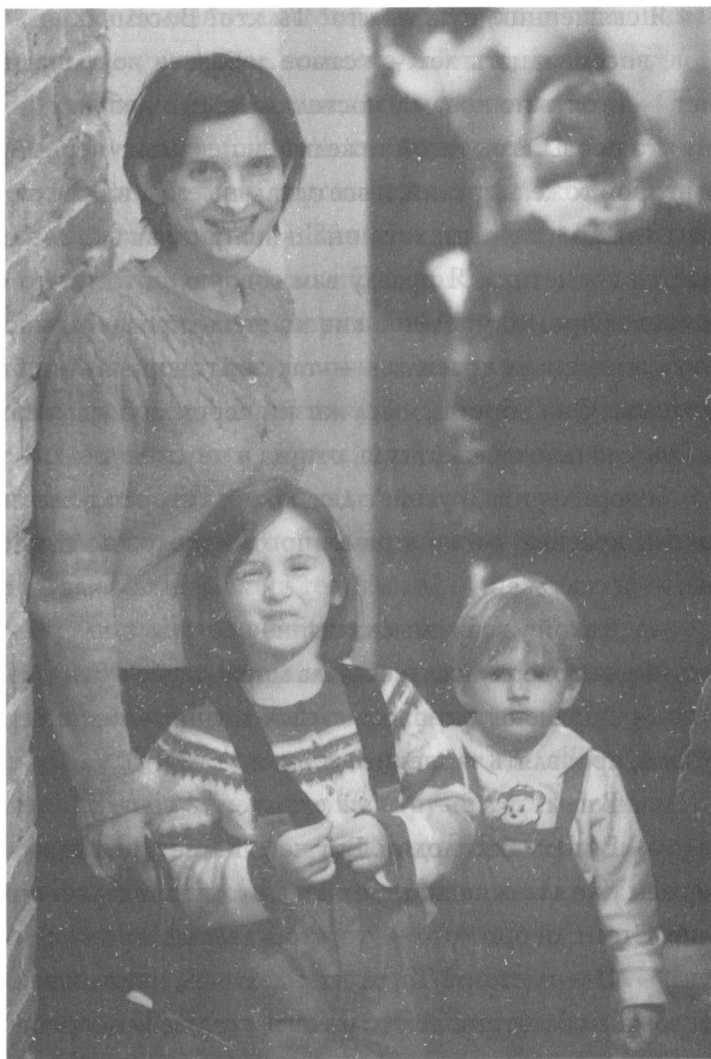
— Ты столько раз сидела по ночам, разве все это не велико!

В школе, где я преподаю, есть одна мать, у которой, как вы думаете, сколько детей? Восемнадцать!!! Поразительно. Все ахают, когда я об этом говорю. Однажды она пришла в школу забрать контрольную своего ребенка, за которую я, естественно, поставил одни пятерки. Потому что, говорил я себе, какую оценку мне поставить этому ребенку? Где там ему, бедному, делать уроки, ему бы сначала успеть поест — пока она накроет последнему, еда у первого остынет. Я ему поставил одни только пятерки и сказал: «Не бойся!» Он был хорошим ребенком.

Итак, его мать пришла, и я был в том классе, где проверял контрольные. Пригласил ее войти, закрыл дверь, и она приложилась к моей руке. И я взял ее за руку и сказал:

— Дайте мне немножко подержать вашу руку!

Она не знала, чего я хочу, даже не представляла себе. И я приложился к ее руке. Она тут же отдернула руку и сказала:

— Батюшка, что вы делаете? Вы же священник!

Я священник, ну а ты кто? Ты кто? Восемнадцать родов, восемнадцать лет — самое меньшее восемнадцать лет — стоять по ночам у постели каждого ребенка, потому что первый год такой тяжелый, и не только первый, но и второй тоже, и третий, и все остальные. И лицо ее сияло, было таким светлым, хотя она и знать не знала, где продается косметика. Я правду вам говорю, потому что она живет за пределами Афин и не знает, где продается косметика, никогда не красилась — так она говорила — и была красива. Она обрела смысл жизни через любовь, жертву, и красота появилась оттуда, откуда и не ждешь.

Говорил я и с другой, с девушкой, которая тоже была очень красива — по прямо противоположной причине, — и сказал ей:

— Какой у тебя смысл жизни?

И она повернулась и сказала мне:

— Для меня, батюшка, смысл жизни — быть терпливой, проявлять терпение.

— В чем?

— В моем бесплодии. Бог не дал мне ребенка, а я замужем уже восемнадцать лет. И поэтому проявляю терпение. Стоит ли оно того — то, что я делаю?

— Очень стоит! То, что ты делаешь, наполняет тебя огромным богатством. Это ничего, что у тебя нет ребенка.

Другой сказал мне то же самое, но только о болезнях, которые у него есть. Ты можешь найти смысл жизни через

болезнь, понять вещи, которых раньше не понимал, когда был здоров. Болезнь валит тебя на кровать, и ты понимаешь, что значит любовь, согласие, жертва, отдавание, чтобы другой подал тебе стакан воды и ты сказал ему: «Спасибо!» Научиться говорить слово «спасибо», которое, когда с тобой все было хорошо, ты не произносил никогда. Раньше ты говорил: «Принеси это! Давай! Подвинься!» — а сейчас говоришь: «Спасибо!»

Этим я, братия мои, хочу сказать, что смысл жизни может прийти оттуда, откуда мы и не ожидаем, чтобы мы поняли великие вещи через тяжелые и очень затруднительные моменты, через которые пройдем. Во всяком случае великое дело — во всех этих мучениях, в борьбе за смысл жизни видеть рядом с собой людей, которых ты будешь, как друзей, любить и они тебя тоже.

Есть ли у вас такой близкий человек, о котором вы знаете, что сейчас, когда закончится беседа, вы пойдете домой и можете позвонить ему и излить свою боль? Это великое дело. И ты можешь сказать: «Я обрел смысл в жизни! У меня есть настоящая дружба, есть люди, которые не предадут меня, которые не причиняют мне боль, которые принимают меня таким, какой я есть». И это — великое богатство на сем свете.

Ты можешь и в этом видеть определенный смысл и счастье — не во множестве друзей, а иметь одного-двух, и ты уже пребогат. И одного иметь, одного человека, о котором ты знаешь, что он услышит то, что ты скажешь,

вложит в свое сердце, закопает в своем сердце, если не надо этого разглашать, и будет испытывать боль вместе с тобой и любить тебя, понимать. Такие люди могут сказать: «Слава Богу! В жизни у меня была дружба, рядом со мной были хорошие люди».

Нам надо быть внимательными, потому что мы, христиане, страдаем из-за этого. Мы — христиане, и всем следовало бы показывать на нас пальцем от удивления, и как вы удивились этой женщине, у которой восемнадцать детей, чтобы так же говорили и о каждом из нас: «Какой же это человек! Удивительный человек! Я сказал ему что-то, а он стал страдать вместе со мной, он полюбил меня, помог, поддержал, не стал сплетничать про меня, не осудил, а похоронил это в себе!»

Но, к сожалению, о нас, христианах, говорят много отрицательного. И как же нам помочь другим быть миссионерами, обрести смысл жизни, когда мы в жизни возмущаем их?

Старец Паисий говорит нечто страшное: «Если хочешь, чтобы какая-нибудь твоя тайна стала известна по всей земле, открой ее какому-нибудь своему другу, которого встречаешь в церкви. На прощанье даже скажи ему: "Только никому не говори об этом!" Все будут о ней знать! Это самый легкий способ распространить свои новости».

Однако этого не должно быть с нами, христианами, мы должны быть примером настоящей любви, чтобы

передать и другим послание о том, что мы поняли смысла того, что значит человечность, что значит истинное христианское понимание другого и доброты.

Скажу и нечто иное. Часто даже мирские люди не делают того, что делаем мы. Например, мне так больно стало из-за одного церковного человека, как не было больно от людей нецерковных. Он совершил такую подлость, какой я у других не встречал. Это правда. Нам еще столько надо пройти!

* * *

Вся наша жизнь — это сплошной суд. Бог смотрит на нас и говорит: «А ну-ка поглядим сегодня, дитя Мое, какие испытания ты выдержишь? А ну-ка посмотрим, то, что ты услышишь, как ты это употребишь?»

Пролетают зима и лето, день и ночь. Проходят дни твоей жизни, ты ищешь смысла.

Я спросил одного человека:

— Как ты обрел смысл жизни, кто помог тебе понять урок жизни?

Он мне ответил:

— Для меня самым большим учителем в жизни были мои ошибки и грехи.

Я думал, он скажет: «Я знал старца Порфирия», других старцев, а он:

— Самым большим старцем, который научил меня тому, как понять смысл, были мои грехи. С течением

лет я понял, как я грешен, и знаешь, что я сделал в конце концов? Я подружился с собой и принял себя. А когда-то брыкался, говорил: «Чтобы я сделал это? Да как это возможно!» Из самолюбия я сопротивлялся, но с течением лет сказал: «Да, я такой, я грешен». Я понял это, принял, смирился и помог себе понять ближних, грешных людей, и изменил свое отношение к жизни. Успокоился, уже не делал так, как делал раньше. И сказал: «Да, это я, я человек, который тоже совершает грехи, прошу прощения». От этого ты смягчаешься, становишься более смиренным по отношению к другому, который окажется близ тебя. Когда я чувствую себя грешным и ты приходишь исповедаться, то я не встречу тебя с мечом, не извлеку его, чтобы отсечь тебе голову, потому что скажу: «И я такой же, и эти люди такие же, все мы братья, все мы грешные».

Если ты поймешь это, то это придаст тебе великий смысл в жизни — понять, кто ты, Кто Бог и что в конечном счете все идет от Него. Мы ничего не можем сделать. Сами мы ничего не можем сделать — мы говорим это, однако в это не верим.

* * *

Когда Казандзакис* однажды пошел на Святую Гору, то встретил святого подвижника отца Макария, который

* Никос Казандзакис (1883–1957) — известный греческий писатель.

жил в пещере, но лицо у него сияло, сам он был как скелет, через кожу видны были кости. И он пошел к нему, поскольку искал самых суровых подвижников, чтобы решить свои проблемы, в которых затем опять запутывался. Казандзакис спросил святого старца:

— Отец Макарий, ты еще борешься с дьяволом? Ты ведь постарел, от тебя остались одни кости!

Подвижник сказал ему:

— Нет, чадо мое, сейчас постарел я, но постарел и он. Я не борюсь с ним.

— И что же ты делаешь теперь?

— Сейчас я борюсь с Богом!

— Не понял! Ты что, надеешься победить Бога?

— Нет! Я надеюсь, что Он меня победит! Об этом я молюсь теперь. Я понял, что мне влетит, если буду ссориться с дьяволом. И я молюсь, чтобы Бог победил его во мне! Тайна не в том, чтобы побеждать дьявола, а в том, чтобы открыть дверь, чтобы Бог вошел в тебя и чтобы Он побеждал дьявола, Он двигал устами твоими, руками, умом, глазами, ушами твоими, чтобы Он устраивал твою жизнь, и тогда увидишь, как переменится твоя жизнь.

Услышанное заставило Казандзакиса сильно задуматься, и он записал это. И на меня это произвело впечатление — я молюсь быть побежденным Богом! В этом великий смысл жизни. Мы родились не для того, чтобы бороться, а чтобы радоваться, наслаждаться Божиим присутствием,

и в этом наша борьба: как Бог войдет в мой дом? как я вложу Бога в свое сердце, чтобы переменить свою жизнь?

И чем больше времени проходит, тем больше мы находим смысл жизни, и в конце, с течением времени, вы видите, что смысла не может найти человек, который очень молод, — это трудно. Надо пройти через много всего, чтобы найти смысл и цель жизни.

То есть мы понесем удары, нам станет больно, мы пострадаем, будем падать и вставать и вразумимся собственными ошибками. Кто совершает ошибки? Те, кто борются. Кто сделал много ошибок? Те, которые жили много лет, и так они стали понимать многое. Поэтому говоришь иногда с каким-нибудь дедом, бабкой, и они лучше знают, что тебе посоветовать: они прошли через многое, они постигли смысл жизни.

Об этом мы молим Бога — чтобы Он, прежде чем мы состаримся, сделал нас более зрелыми, более мудрыми, чтобы дал нам силу и цель в жизни. Если ты поймешь, кто ты на планете Земля, то обрешь смысл в своей жизни. Знаете, сколько людей на планете Земля? Я где-то читал, говорил когда-то с одним духовником и сказал ему о своей проблеме, а он мне сказал:

— Успокойся! выступи немного из своего я, оставь немного свою проблему.

— Знаете, что меня занимает?

— А знаешь ли ты, кто ты есть, ты, которого занимает эта проблема? Знаешь ли ты, кто ты есть?

— Что я такое? Да. Я тот, кто я есть.

— Что ты на этой земле? Ты один из шести миллиардов человек! Что ты такое? Твоя проблема?! Твой вопрос? Твое самолюбие? Если ты поймешь, что ты один из шести миллиардов человек, живущих на планете Земля...

И тогда я, как только осознал это, тут же спустился с небес на землю. Я сказал себе: «Я незначителен, я совершенное ничто». Это как когда самолет набирает высоту и сначала ты видишь машины, дома, видишь и людей, идущих по дороге, а потом уже ничего не видишь. И если полетишь на Луну, то увидишь Землю как синий шар, ничего другого не увидишь.

* * *

Так что же такое мы, люди? Это смирение — занять место, полагающееся нам на планете, поприжать немного свое самолюбие и сказать: «Смирюсь-ка я пред Богом, ведь и я тоже — малое создание. Пройдет немного времени, и я не буду существовать, не буду жить. Зачем же мне ссориться, зачем негодовать, зачем ходить на судилища, я же могу их избежать? Зачем разводиться, если я могу выдержать еще несколько лет? А если я выдерживаю, то зачем мне разводиться? И что я такое? Один из шести миллиардов».

Я высказал эту мысль двум инокиням, которые были между собой в ссоре в одном монастыре, — и такое

бывает, разве не сказано, что и в лучших домах есть искушения? Во всех домах. Сказал им, насколько мы незначительны, как будем скорбеть, когда в какой-то момент уйдем с этой земли. И спросил их:

— А когда этой сестры однажды не станет, как ты будешь чувствовать себя, если будешь жива?

Потом повернулся к другой и сказал ей:

— Если ее не станет однажды, как ты будешь себя чувствовать? Сейчас ты готова выколоть ей глаза, но не можешь. А если она уйдет из мира сего, как ты себя будешь чувствовать?

И знаете, что они обе сделали? Они заплакали и обняли друг дружку.

— Простите, батюшка, что мы плачем перед вами!

— Да ничего!

Они растрогались при этой мысли. Они открыли для себя смысл, когда подумали, как это глупо — ссориться из-за незначительных вещей.

И знаешь, что за этим скрывается? То, что ты думаешь, будто ты — нечто. «Я тебе покажу! Да я!..» А что такое ты? Пройдет не так уж много лет, и кто будет думать о том, что ты такое есть и существовал ли ты когда-нибудь вообще, кто будет знать о тебе через сто лет? Никто!

Поэтому пойми отныне это, чтобы постигнуть смысла смирения. Тот факт, что человек стареет, ему очень помогает. Когда ты стареешь, ты успокаиваешься. Когда

проходят годы, ты понимаешь: в конечном счете то, что остается в жизни, — это благодать и любовь. По молодости ты борешься, горишь, у тебя искушения, у тебя много всего. А когда стареешь, ты приземляешься. Бог очень помогает нам старостью: и мысли очищаются, и ум успокаивается, и страсти улегаются.

2

Один старик девяноста двух лет сказал мне:

— Отче, слава Богу! Бог услышал меня и избавил!
Я победил свои страсти!

— Какие страсти?

— У меня была сильная брань. Слава Богу, Бог избавил меня!

Я сказал ему:

— Старче, Бог избавил тебя, потому что ты вел брань, но прославляй Бога, ибо это приходит с возрастом! Тебе же девяносто два года! До каких же пор у тебя будут страсти? До каких пор у тебя будут свои желания?

Вы видите, он постоянно боролся. Однако наступает момент, когда прожитое время открывает тебе смысл и говорит: «Все суета».

На фотографиях времен молодости ты красив, но проходят годы, ты сравниваешь те фото с нынешними и говоришь: «Пресвятая Богородице! Вот эта морщина!..

Что же мне сделать, чтобы изменить что-нибудь?»
И опять улыбаешься, однако получаются одни гримасы.

Одна дама наблюдала, как она смеется, потому что ей сказали, чтобы она не смеялась, старалась сдерживаться, потому что когда она начинает смеяться, то лицо у нее портится. И она страдала: «Когда я была молода, то могла смеяться, а сейчас старею и меняюсь».

Так человек понимает определенные вещи, он приземляется, смиряется, приходит в себя и готовится понять истины, находящиеся вне этих земных вещей, — то есть любовь, смирение, доброта находятся вне нашей телесной красоты или уродства, терзания, болезни и старости. Так человек обретает смысл жизни из ничего. Ты можешь увидеть какую-нибудь свою фотографию с морщинами и обрести смысл жизни, понять определенные вещи, я это имею в виду.

Я хочу, чтобы вы не искали чисто богословских вещей, если надеетесь понять Бога; все вещи — богословские, все. Бог существует повсюду.

Вот я сказал, что ты смотришь на свою фотографию. Однажды кто-то дал мне снимок, который был сделан неудачно, и на нем видно было только небо; вместо того чтобы снимать людей, вышло только небо. Автору сказали:

— О, какая ошибка!

А он ответил:

— Нет, Бог попустил мне сделать ее, чтобы заставить меня думать только о небе, а не о земных вещах!

Он понял смысл одного неудачного снимка. Превратил его (снимок) в богословие. Это мы и должны найти в жизни, и тогда сможем богословствовать, где бы ни жили, что бы ни делали. И когда еда у тебя подгорает, ты снова можешь задуматься и понять свои ошибки и слабости; и когда готовишь ее удачно, снова можешь понять и сказать: «Хоть я и приготовила хорошо, но другие мне помогали. Муж дал денег, любовь детей вдохновляет меня на то, чтобы жить, дышать, иметь силу и готовить хорошо».

Ты можешь сделать так, чтобы все придавало тебе душевную высоту, добродетель и святость. В этом — величие жизни, когда никто не будет завидовать тебе ни из-за чего.

Я видел святых людей в этой жизни и говорю это о многих из вас, кого знаю, и о некоторых, кого не знаю, и о многих других, неведомых миру. О людях, достигших высоких вершин. Если бы святой Антоний Великий жил сейчас, то Бог, как некогда, послал бы его в дом к сапожнику и сказал бы ему: «Святой Антоние, вот в этом доме живет человек, который, почти как ты, достиг высоких вершин». И кого бы увидел он в том доме? Это были бы какие-нибудь мать, отец, ребенок, одетые в свою обычную одежду.

Великое дело — чтобы вы поняли это, то есть поняли, как много вы значите и как высоко может подняться любой в том, что делает.

* * *

Один человек обрел смысл и цель жизни, когда другой, которого он очень любил и уважал, разочаровал его. То есть внезапно что-то произошло, и он разочаровался в нем, и что-то у него в душе рухнуло. А знаете, что это было? Его идол. Идол. Он вообразил себе, будто тот — нечто, будто он очень важен, но случилось так, что он в нем разочаровался. Ничего страшного. Ты полюбил человека — ты разочаровался.

— Ты вышла замуж за мужчину, — сказал я одной женщине, — он сделан из этой земли, он не был ангелом, не был Богом, он был человеком. Ты разочаровалась? Ничего страшного, ты постигнешь смысл.

Она сказала:

— Найду себе теперь другого!

Нет, это решение не то, потому что если ты найдешь другого, то ты не выучила урока, ведь другой тоже будет человеком. Тайна кроется в том, чтобы ты научился жить с данным человеком, чтобы ты обрел смысл вместе с ним. Поэтому один святой и говорит: «Если ты полюбишь женщину, то в ней ты возлюбишь всех женщин, существующих на свете». Если научишься быть терпеливым с одним человеком, то сможешь быть терпеливым и со многими другими. Следовательно, тайна и смысл кроются в этой связи между вами, которая должна укрепиться, углубиться, и чтобы мы не находили легких решений

вроде: «Я уйду!» Те, которые ушли, думая, что в следующий раз сделают более хороший выбор, сделали опять то же самое.

Так же и с монастырями. Тот, говорит старец Паисий, кто оставляет один монастырь, потому что ему мешает сильный шум, уходит в другой, но там его раздражает мертвая тишина; уходит в третий — там сырость; в следующем — кузнечики; а еще в следующем — водосточная труба, по которой барабаны капли дождя, и это его раздражает. И все перед ним виновато, потому что он не понял, что проблема в нем, что если ты ее разрешишь, то, где бы ни поселился, будешь как в раю.

Важно то, как ты живешь. Живешь ли ты качественно, разумно, с любовью ко Христу, вкладываешь ли Бога в происходящее — тогда ты живешь совершенно, где бы ты ни был.

Если ты постигаешь смысл жизни, тогда ты с легкостью женишься, с легкостью выдержишь испытания, все для тебя легко. Да, я видел одного молодого человека, который хотел жениться, и друзья искали для него девушку, а он: «Она мне не нравится, не хочу, посмотрю какую-нибудь другую!» А есть люди такие простодушные! То есть он говорит: «Чтобы она была хорошей девушкой, чтобы я мог смотреть на нее и радоваться ей!» И — хоп! — сразу же делает шаг вперед. А другой хочет одного, хочет другого, хочет третьего: он не обрел смысла, он путается, к сожалению.

И дальше совсем запутается, если не будет внимать себе.

Естественно, все, что я говорю, не абсолютно: человек уловит тот смысл, который подходит ему, — это значит не то, что девушка выйдет замуж за первого встречного, а что в душе нам не надо быть трудными, то есть не надо иметь трудный характер.

* * *

Годы нашей жизни проходят, и мы постепенно находим смысл, сколько бы ни белели наши головы и бороды и ни выпадали волосы и сколько бы ни красили их те, кто этого хочет. Не важно, что ты красишь их, — ты ведь знаешь, что под этим.

Ты открываешь смысл своей жизни, когда ты в зрелом возрасте.

Один дед проснулся попить воды и пошел на кухню, это было в три часа ночи, он вернулся в постель, но спать не хотелось, и в свете от фонаря, падающем из окна, посмотрел на свою жену, спавшую рядом. И в то время как милая спала, он наблюдал за ней, не комментируя ничего. Волосы ее рассыпались по подушке, но тут он вдруг посмотрел на ее морщины, и ему в голову ударила мысль, и он сказал себе: «Ой, чадо мое, да ты только представь себе — я же сплю рядом со старухой!»

И продолжил свою мысль: «Страшно не то, что она старуха, а что она — моя жена! Страшно то, что и я старик,

а самое страшное знаешь что? Что женился-то я не на старухе, а на двадцатилетней девушке! Как же мы стали такими, чадо мое?»

Он думал о минувших годах. Какими они с ней начинали и какими стали. Когда-то он смотрел на нее, весь пылал, таял и говорил: «Святая Богородице...» А сейчас смотрел на нее и говорил: «О Господи!»

Когда ты углубляешься и думаешь об этом, то есть каким тебя сделало время и как оно тебя меняет и преобразует, то находишь много всего в сердце, углубляешься и понимаешь это.

Много раз я спрашивал об этом дедушку, бабушку и прадедушку. У них не было больших понятий о богословии. Вера у них была простая, но время сделало этих людей зрелыми. Когда я переживал из-за уроков, бабушка говорила мне:

— Чадо, завтра праздник святого Димитрия, ну разве он тебя оставит? Всё будет хорошо!

Простое выражение, ничего больше. Однако это простое выражение в ее устах меня утешало. То есть советы, которые взрослые дают детям, — это выверенные опытом, жизнью слова.

Сейчас, я знаю, вы говорите себе: «Батюшка, это не совсем так!» Я знаю это, потому что говорю взрослым людям, которые выросли малоцерковными, а не молодым, растущим, скажем, на фильмах «Тайны рая», «Жизнь другой», где все обстоит иначе. Потому что если ты

оттуда берешь себе образец для жизни, то там до семидесяти — восьмидесятилетнего возраста люди всё продолжают ссориться и разводиться. Раньше с течением лет люди становились зрелыми, мудрыми и святыми. А сегодня я уже не знаю, всегда ли бывает так.

На меня произвела впечатление одна женщина, которая заботится о своей старой матери и гордится ею, переодевает ее, причесывает, купает — а та в коляске. Я ее спросил:

— А не будет ли и на твою долю отдыха?

— Да ну, я — и отдых... Как же я могу оставить свою мамочку?

Она говорила это с радостью. То есть мать постигла смысл жизни и передала это дочери.

Давайте же задумаемся об этом. Чтобы дети полюбили нас, когда мы состаримся, надо спросить себя: а делаю ли я то, чего они желают? И чтобы они говорили: «Я никуда отсюда не отдам отца и мать». Потому что если из наших уст исходят только негодование, жалобы, желчь, если мы во все вмешиваемся и подливаем масла в огонь, если отравляем друг другу жизнь, тогда, естественно, они захотят сказать нам: «Это прекрасный дом престарелых, там даже кондиционер есть! Ты пойдешь туда и вообще больше не разговаривай!»

Эти вещи готовятся заранее, и дело доходит до таких ситуаций; то есть редко кто — молюсь, чтобы этого не было, — неблагодарно относится к святым родителям, но и при трудных родителях необходимо идти на жертвы.

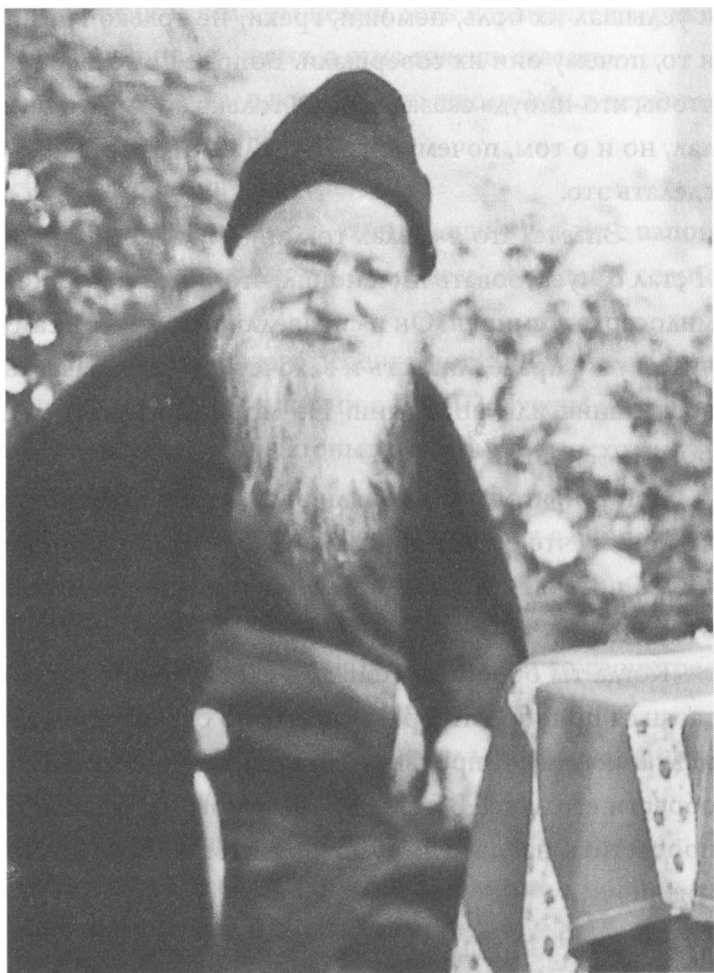
Знаешь, как ты поймешь, что обрел смысл жизни? Ты поймешь это, если у тебя будет спокойное представление о Боге, если у тебя сладкое ощущение Бога и ты и другим будешь передавать этот образ смиренного и благого Бога. Тогда ты постиг смысл и цель жизни. Другими словами, когда ты видишь человека, который говорит о Боге, будто Он каратель, деспот, террорист, диктатор, и передает тебе Бога с нескончаемыми психологическими проблемами, то этот человек еще не понял смысла жизни: он не знает, что значит жизнь, и не знает, Кто Такой Бог.

* * *

Когда ты обретаешь смысл и цель жизни, тогда вкус в твоих устах меняется — через святое Причастие он становится слаще, в сердце твоём меняется представление о Боге, ты по-другому говоришь о Боге детям; если ты постигаешь смысл жизни, тогда дети чувствуют, что сердце их улаживается. Когда ты говоришь о Боге, а другие чувствуют такое, словно напоролись на кактус с колючками, тогда ты еще не постиг, каков Бог, какова жизнь и каков смысл этой жизни.

Старец Порфирий говорил, что когда он был молодым — а мы, естественно, все проходим через это, — то у него было очень суровое представление о Боге: Он был хорошо к людям расположен, но очень суров. И когда кто-нибудь шел исповедаться к нему, то он читал книгу с епитимиями и всеми строгими вещами, и ему казалось, что Бог именно таков, и он точно так и должен делать: отругать, отхлестать, строго наказывать. И еще говорил:

— Я делал это с добрым намерением, потому что думал, что Бог таков. Такое представление у меня было о Боге. И я стал замечать, что люди от меня уходят. Я звал их на исповедь, а мне отвечали: «Хорошо, батюшка, хорошо, когда сможем, придем! Благословите!» И уходили. И я сказал себе: «Ну, дитя мое, что же тут происходит? Я хочу дать им Бога, но что-то я не так понял!»

Старец Порфирий (Баирактарис)

И понял это после того, когда соприкоснулся с людьми и слышал их боль, немощи, грехи; не только грехи, но и то, почему они их совершали. Вопрос не только в том, чтобы кто-нибудь сказал тебе не только о том, что он сделал, но и о том, почему он это сделал, что заставило его сделать это.

— Знаете, что я сделал тогда? — говорит старец. — Я стал сочувствовать им и понял, что Бог сострадателен, милосерден, смирен. Он и справедлив, но другой сам почувствует справедливость и захочет для себя наказания, воспитания или епитимии. Не мое дело пугать людей Богом.

Дай Бог, чтобы мы поняли это до того, как состаримся, потому что если не поймем этого, то потеряем и детей своих, потеряем и тех, о ком думаем, будто помогаем им в вере.

Когда ты обретаешь смысл в своей жизни, тогда пытаешься приобрести брата своего, по силам своим делая малую жертву и проявляя снисхождение с целью приобрести его душу. Вопрос в том, чтобы мы молили Бога просветить нас, это и будет значить: «Я обрел смысл жизни».

* * *

Вы часто говорите своим детям об очень хороших вещах, но сами показываете, что эти вещи еще не усладили вас, не смягчили, даже вас самих не успокоили. Что ты

говоришь мне о Боге, если сама еще не нашла в жизни ничего для Бога! Если ты целый день нервничаешь, руки всегда дрожат от волнения, а сама хочешь сказать:

— Иди, деточка, в воскресную школу, иди в церковь, ты станешь хорошим ребенком!

Но ребенок отвечает тебе:

— Я по тебе вижу. Хотя ты и ходишь туда, но с папой вы ругаетесь целыми днями, дома весь день одни ссоры и нервотрепка!

Как ты убедишь своего ребенка, когда он видит, что ты сама не нашла смысла в жизни с Богом? Нужны не слова, а любовь на деле, личный опыт и чтобы свет исходил из твоей души.

Как та мать, у которой ребенок спутался с протестантами и впал в ересь. Она постоянно ругала его. А старец Софроний (Сахаров) сказал ей:

— В следующий раз помолись и говори со своим ребенком кротко, иначе совсем потеряешь его!

И вот когда она успокоилась, поняла смысл и цель своей жизни, то однажды спросила ребенка:

— Куда ты идешь?

— Да ты знаешь куда! В зал, где молятся.

Мать повернулась и сказала ему:

— Помолись и обо мне!

Он застыл на месте, а она повторила:

— Помолись обо мне, ты ведь Христу говоришь, скажи Ему что-нибудь и обо мне!

Это значит — неожиданность. А мы с вами уже не удивляем. Вопрос в том, чтобы ты был не предсказуем, а чтобы удивлял, как Бог удивляет, то есть чтобы мы были непредсказуемыми, но Божественно непредсказуемыми. «Я сказал маме, что курю, и она разбила тарелки!» Но с такой реакцией ты не Божественно, а болезненно непредсказуема.

Вопрос в том, чтобы стяжать душу, но как ты ее стяжешь? Это трудно, здесь нужна святость.

Поэтому, братия, я прошу вас находить Бога во всем, что вы делаете. Каждый день, там, где вы есть, существует Божия благодать.

Один священник, который был женат, говорил:

— Знаете, когда я чувствую Бога? Когда сижу с женой на балконе, мы пьем свой кофе и просто смотрим вдаль, на рощицу, и ощущаем любовь. Тогда я ощущаю и Бога рядом с собой, без слов, ощущаю Божие присутствие!

Бог повсюду, мы можем найти смысл и цель жизни в любой момент, в который Бог прикасается к нам. И если научимся, чтобы Он всегда прикасался к нам, то Бог коснется нас, и когда мы приступим ко Святой Чаше.

Один человек спросил меня:

— Батюшка, я столько раз причащаюсь, но почему же не чувствую, что становлюсь Христом, — я не понимаю этого. Чувствую, что причащаюсь хлеба и вина, и ничего другого не чувствую!

Я ответил ему:

— Дорогой, это не волшебная палочка, чтобы ты почувствовал Господа в тот же миг, когда подойдешь к царским вратам: нужно предварительно почувствовать Его во всякое мгновение своей жизни.

И в кафе со своей женой, и когда ты за рулем, и когда кормишь детей, и когда идешь на работу, и когда готовишь, и когда моешься, и когда делаешь всё остальное. Когда ты почувствуешь Христа и смысл жизни, когда ощутишь цель в каждом обыкновенном моменте, тогда святое Причастие будет вершиной, будет завершением любви, начинающейся с нашей повседневности.

* * *

К сожалению, мы религиозные люди, но только на час, пока не закончится святая литургия, какая-нибудь беседа или лекция. Потом мы идем домой, снимаем нарядную одежду, надеваем повседневную, но вместе с ней надеваем и другое — повседневное поведение и не удерживаем любовь и ощущение смысла в наших повседневных отношениях. Это тайна счастья, которую Бог ожидает увидеть — не для Себя, а для нас. И которую дети хотят увидеть на ваших лицах, потому что дети видят всё, знают, насколько мы правдивы, ребенок понимает это на тысячу процентов:

— Мой отец, может, и не церковный человек, но гораздо искренней и чувствительней. Мама целыми днями

 Архимандрит Андрей (Конанос)

читает мне проповеди, а отец ногой не ступает в церковь, но я его больше люблю! Потому что он честнее, правдивее, искренней!

Это страшно, но ребенок ощутил это.

* * *

Перед нами простирается путь, который мы должны пройти: тем, кто вне Церкви, надо приблизиться к Церкви, а кто в ней — по-настоящему войти внутрь, потому что мы не там. Я надеваю черную рясу, у меня и борода есть, и я делаюсь священником, но такой ли я священник, каким меня хочет видеть Бог?

Перевод — Станка Косова

ТАЙНЫ ЖИЗНИ

Твои проблемы разрешатся только тогда, когда ты перестанешь так сильно переживать из-за них, как ты это делаешь сейчас. Иначе рано или поздно они сломят тебя. Конечно, твоя проблема достаточно серьезна, но на самом деле ситуация выглядит не так, как ты ее себе представляешь. Знаешь почему? Ты сосредоточил свое внимание на неправильной точке проблемы, ты паникуешь, пугаешься, поэтому не можешь продвинуться в ее решении. Вода твоей души мутна, ты не можешь увидеть, что происходит на дне, не можешь различить, что лежит в основе твоих дел, твоих желаний. Ты расстроен. Поверь, это не принесет плода. Ты должен поступить как подвижники, которые, когда их что-то тревожит, оставляют это на потом, потому что, как показывает опыт, решение со временем приходит обязательно и пережитое заставляет тебя воспринимать жизнь более хладнокровно. Так ты достигаешь зрелости, обогащаешь себя, становишься

мудрее, преуспеваешь духовно, учишься смотреть на вещи по-другому.

Если у тебя возникла проблема, не настаивай на том, чтобы сразу решить ее, потому что сию минуту она не решится. Причина одна: еще не наступило время для ее разрешения. Ты действуешь необдуманно, поспешно, когда говоришь: «Хочу, чтобы эта проблема (на работе, в моей семье, с моим ребенком, моя духовная проблема) решилась побыстрее. Чтобы это произошло в ближайшие дни, до конца недели. Я не хочу ждать!» Ты говоришь это, но тут приходит очередь слову «терпение», словам «необходимое время», «долгое время», и ты не можешь ничего с этим поделать. Проходит время, и ты видишь, что твоя проблема решилась спустя пять месяцев. Не лучше ли было не паниковать, вести себя спокойнее, иметь более ясные и чистые мысли? Ведь именно это позволит Богу войти в твою жизнь.

Я говорю вам об этом потому, что часто становился свидетелем того, как люди обращаются к Богу или просят молитв духовника о скорейшем разрешении своей проблемы, забывая, что в жизни нам в первую очередь необходимо терпение, чтобы опереться на Божию премудрость, на Божию силу, чтобы не осуждать Его, когда Он допустит притеснения в нашей жизни. Разумеется, это труднодостижимо, ведь мы все время жалуемся, а жалуясь, мы осуждаем Бога. Чем еще является жалоба, если не критикой Бога? Ведь на самом деле мы говорим Ему:

«Боже, Ты не знаешь, что делаешь!» Мы привыкли осуждать Бога даже за погоду. Наступает ненастная, дождливая погода, и мы начинаем роптать: «Господи, ну какая же плохая погода!» А насколько сильнее мы осуждаем Бога в более серьезных ситуациях в нашей жизни — в болезни, в горе, в гонении, клевете!

Ты говоришь, что веришь в Бога. Тогда я хочу спросить: «Где твоя вера? Что значит "верю в Бога"?» Это означает, что ты Ему доверяешь, не так ли? Я думаю, что Он очень хорошо знает, что делает, и Тот, Кто очень хорошо знает, что делает, допускает произойти этому в твоей жизни. Неужели Он не мудр? Или ты являешься исключением и у тебя в жизни нет проблем? Конечно, это не так. Как и у всех людей, у тебя есть проблемы. А раз так, почему ты жалуешься, если считаешь себя верующим? Подумай, может быть, Господь испытывает тебя, сумеешь ли ты заплакать, испытать настоящую боль? Как же иначе проявятся те качества, которые находятся в глубине твоей души? Ты должен испытывать боль.

Но как же так? Ведь говорят, что рядом с Богом жизнь будет счастливой. Да, она будет счастливой — в отношении смысла жизни. Ты будешь счастлив, потому что обретешь смысл жизни, обретешь знание, благодаря которому получишь облегчение и утешение, это да. Но комфортную жизнь тебе никто не обещал.

Господь справедлив. Миллионы людей испытывают боль, а ты не хочешь испытать ее, не хочешь пережить

скорбь. Но знай, что и в твоей жизни обязательно произойдет какое-то потрясение. И тебе придется учиться переживать его. Иногда я встречаю людей, которые говорят, что не верят в Бога, но они приняли то, что с ними происходит, сроднились с болью, с притеснениями. И когда задаешь такому человеку вопрос:

- Как ты выдерживаешь это? — он отвечает:
- Я, как и все, боюсь. Но так было угодно Богу!
- Но ты же говоришь, что не веришь в Бога!
- О, я забыл.

В сущности, этот человек верит, ведь он в своей жизни проявляет терпение, которое дарит ему Господь. Он говорит, что не верит, но на деле проявляет настоящее смирение. Он не протестует, становится в очередь и ждет. Он едет в больницу и ждет, он не имеет денег, не имеет знакомых, смиряется, благодарит и за самое маленькое добро, которое делают для него. Тогда как мы, христиане, очень избалованы, мы хотим, чтобы все происходило быстро, и постоянно предъявляем претензии:

— Хочу, чтобы мои проблемы разрешились прямо сейчас!

Разве ты до сих пор не понял, что через эту проблему Господь преподает тебе урок? Если ты не усвоишь его, то с тобой случится другая неприятность, потому что здесь Бог говорит тебе:

— Вопрос не в том, чтобы решить твою проблему, а в том, чтобы ты понял, что сейчас ты должен усвоить

слово «смирение», слово «любовь», слова «прощение», «милостыня», ты должен изменить свой характер. И если ты все это не усвоишь сейчас, то придут другие страдания, благодаря которым ты усвоишь эти вещи позже.

Таковы тайны жизни.

Один человек приходит и говорит:

— Я хочу, чтобы вы занялись моей проблемой, хочу, чтобы вы предложили мне решение!

А другой видит, что решение находится гораздо глубже, что так ситуацию не разрешить, что в нем самом есть черты, над которыми еще надо много работать. Они-то и мешают решению проблемы. Запомни: очаг проблемы не там, где ты думаешь. Ты ищешь в другом направлении. Поэтому будь терпеливым, доверься Богу, и Господь все устроит. Он велел нам смотреть на птиц, о которых не забывает, на цветы, о которых заботится... Само словосочетание «Промысл Божий» означает заботу, мудрость. Неужели Он не премудрый? Неужели Он не знает и мельчайших подробностей? Неужели Господь не любит нас? Он любит тебя. То, что ты испытываешь боль и страдание, не означает, что Он тебя не любит.

Стоматолог тебе помог, вылечил твои зубы, ты снова весело смотришь на жизнь. Но что предшествовало этой радости? Страх, мучения, боль и кровь. И в конце ты говоришь: «Большое спасибо! Вы прекрасный врач!» Это мы говорим зубному врачу, не так ли? Но ведь этот хороший человек заставил нас чувствовать боль. Он знает что

делает. Мы должны научиться такому же доверию к Богу, быть с Ним до конца откровенными, вызывая к Нему: «Боже мой, мне больно, Боже мой, я не выдерживаю, мне очень больно, я скажу Тебе это!» Скажи это! Я не говорю тебе, чтобы ты обманывал Бога, говоря: «Ах, как мне хорошо! Мне совсем не больно!»

Я не понимаю людей, которые, когда у них горе, не плачут. Ты что, не человек? И ты будешь плакать, и почувствуешь боль, и закричишь, и признаешь, что то, что ты переживаешь, является очень болезненным, почти невыносимым, но это благотворно, необходимо, без этого нельзя обойтись. Для души необходимо испытать боль, необходимо пройти через это, раскрыться, раскрыть свои раны. И тогда все изменится к лучшему. Потому что через крест придет радость всему миру. Через боль, которую ты переживаешь, придет счастье. Когда ты пройдешь через испытания, когда то, что тебя беспокоит, то, что ты считаешь самым важным в твоей жизни, наладится (через пять месяцев или через пять лет), обязательно придет что-то новое. Как будто Господь говорит тебе: «Не протестуй, не кричи, возьми Меня за руку, когда Я собираюсь делать Свою работу, доверься Мне!»

Этого доверия нам и не хватает. Крест требует доверия. У каждого из нас наступает момент боли, когда мы обнажаем себя, как Господь, Который был нагим на кресте, но Он не боялся своей наготы, потому что это была

нагота Адама до грехопадения, нагота невинности. Христу нечего было бояться. У Него не было врагов. Он не чувствовал, что Ему необходимо обороняться и тем более нападать. Он сдался. Ты можешь это сделать? Ты можешь сдаться? Кому? Богу, людям, которые находятся рядом с тобой, в твоей семье... Чтобы это произошло, необходимо доверить свою жизнь Богу, Который обязательно приведет ее к чему-то хорошему.

Не прячясь, Христос не постеснялся быть нагим на кресте. Он распростер Свои руки, Он весь стал объятием, Он взшел с земли на крест, потому что Крест — не земля, а возвышение, крест находится между землей и небом. Представь: ты находишься на самой грани с распростертыми руками, голый, уязвимый для каждого, кто смотрит на тебя; он может приблизиться к тебе, ударить, посмотреть, полюбопытствовать... И тогда ты начинаешь понимать и говоришь:

— Я должен преодолеть то, что люди думают обо мне! Сейчас, когда я распят, когда мне больно, я не должен думать о том, что они говорят, как смотрят на меня, что думают о моих проблемах... Только теперь я могу сказать: «Я такой, какой я есть!»

И тогда ты приходишь к слову «истина», к подлинности характера, к осознанию того, кто ты в действительности есть. Боль, которую ты переживаешь, крест, который ты несешь, помогут тебе это сделать — убрать всю фальшь и явить свою внутреннюю ценность. И если

истина существует, то ты увидишь, где она, увидишь, что она глубоко внутри тебя.

Христос стал объятием и сказал:

— Подойдите ко Мне, вы можете плевать на Меня, но можете и обнять Меня. Вы можете выплеснуть свою горечь и злобу на Меня, проткнуть Меня копьем, потому что Я незащищен и стал легкой добычей. Но если хотите, вы можете стать Моими друзьями, обнять Меня, поцеловать Меня, позаботиться обо Мне.

Необходима смелость, чтобы пойти и поговорить, например, со своим духовником, с близким человеком, с отцом, с матерью, со своей женой, со своим другом, с соседом, необходима смелость, чтобы раскрыть руки, чтобы стать объятием, как стал Христос, будучи распятым. В человеческих взаимоотношениях появляется крест, боль, мы не можем раскрыть себя, не можем сказать:

— Я тебя ревную! Хочу быть с тобой и боюсь тебя потерять! Я чувствую одиночество и неполноценность! На самом деле я тебя не очень сильно люблю, но очень нуждаюсь в тебе. Не могу жить без тебя, хотя не очень сильно люблю.

Ты не можешь признаться себе и своему ребенку, что причина, по которой ты не хочешь, чтобы он где-то учился, заключается совсем не в том, что это ему не подходит, а в том, что ты не хочешь потерять его, хочешь, чтобы он был рядом с тобой. В таких случаях мы начинаем лгать.

Боль, настоящая боль и настоящий крест связаны с этой наготой, в которой мы раскрываем себя, чтобы стать настоящими, чтобы с достоинством и честностью относиться к другим, к их силе. Мы ненастоящие, поэтому испытываем боль, не получая пользы от нее.

* * *

Все испытывают боль, и ты тоже. И я хочу показать тебе способ (не я, а Церковь через опыт святых), с помощью которого из боли может родиться что-то настоящее, сладкое и хорошее. В человеческих отношениях почти всегда присутствует боль, но ты стесняешься, не осмеливаешься обнажить себя, подняться на крест. Ты говоришь:

— Как я раскрою руки? А если в меня бросят камень? Я хочу закрыть лицо руками, потому что если я этого не сделаю, то камень попадет мне в лицо!

Но Церковь говорит тебе:

— Не закрывай свое лицо, даже если будешь кричать: «Нет, я боюсь, мне стыдно и мне хочется плакать!»

А люди тебе говорят:

— Мужчины не плачут, женщинам тоже не следует плакать. Ты должен иметь сильный характер, потому что если ты заплачешь, то люди подумают, что ты слабый. Если смиришься, они подумают, что могут тебя использовать.

И что это, если не обман? Не обман ли это, если ты показываешь одно, а чувствуешь другое? Христос на кресте был настоящим, и ты увидишь, что когда через боль ты

раскроешься, когда расцветет то, что таится в твоей страдавшей душе, тогда ты сумеешь сказать правду. Ты не скажешь: «Уходи!» — ты скажешь: «Я очень люблю тебя и хочу быть с тобой!»

Скажи правду. Выскажись, раскройся, будь самым собой! Разве это не трагично, что супруги, женатые двадцать лет, не знают друг друга, не раскрыли друг другу душу? Не раскрыли душевные объятия, так, чтобы раскрылась душа, чтобы другой человек понял, кто ты, что ищешь, на что надеешься. В человеческих отношениях постоянно появляются кресты, и мы не знаем, наступает ли воскресение. Воскресение не приходит само по себе, необходимо попросить, чтобы оно наступило, необходимо перетерпеть эту боль, пойти и сказать правду самому себе, своему близкому человеку, сделать это, отправить это послание. Я не говорю, что, когда ты это сделаешь, все станет идеально. Нет, могут быть шипы, но очень хорошо, когда другой человек знает, кто перед ним. Если найдешь в себе мужество сказать это, то другой человек должен быть совсем бездушным, чтобы не умилиться и не сказать в ответ:

— Знаешь, я такой же, как и ты. Я тоже чувствую боль, неуверенность, я боюсь, я ревную, я боюсь смерти.

Это состояние уже объединяет нас, объединяет истины, которыми мы делимся, объединяет наши души и наши шипы. И тогда мы идем ко Христу, Который превращает наши шипы в розы и говорит:

— Это прекрасно, когда Я вижу вашу искренность и правдивость!

Невозможно быть на кресте и обманывать. Когда взойдешь на крест, закричишь, заплачешь, вспотеешь, запачкаешься, будешь окровавленным; неприятная картина, но это подлинная картина твоей души. Только так ты поймешь, что от большой боли человек становится настоящим и кричит. Это и есть тот самый крест Христов в человеческих отношениях, крест, от которого рождается воскресение, от которого рождаются любовь, сладость и красота.

Нигде не сказано, что если будешь приближаться к Богу, то не пройдешь через крестоношение и не почувствуешь боль. Потому что только через эту боль увидишь свое настоящее я. А когда увидишь, перестанешь твердить: «Меня уволили с работы, меня уволили с работы! У меня нет денег!» Вглядишься в себя и скажешь: «Нет, меня беспокоит не увольнение, а безумная неуверенность, которую я испытываю. Проблема не в том, что у меня нет денег, ведь я не голодаю, и деньги еще остались, но я боюсь, я преисполнен неверия, неуверенности, я чувствую одиночество».

Знай, что крест вовсе не помогает тебе улыбнуться, расслабиться, он вызывает боль, чтобы ты продолжал размышлять о себе. И когда ты сосредоточишься и достигнешь зрелости, ты поймешь, что на самом деле тебя беспокоит. И тогда ты признаешься: «Благодаря этому

событию, этому кресту я понял, что я не люблю Бога. Я понял, что существует океан бесконечной любви Бога ко мне, и я еще не попробовал ни капли из этого океана. Поэтому я чувствую сводящую с ума неуверенность. Я понял, что мне не хватает любви, а не денег, что мне не хватает ласки, а не еды. И крест, который Господь мне послал, помог мне это понять».

А если мы не хотим принять данный нам крест, то кричим, негодуем, ругаемся. Проходят годы, а мы не можем стяжать духовной пользы. К сожалению, это можно увидеть и в монастырях, и в верующих семьях, и на приходах. Это есть во мне, в тебе, в каждом из нас. Годы идут. Иногда смотришь на людей, которые в течение многих лет ходят в церковь, и думаешь: «Ну и чему же научился этот человек в течение стольких лет? Неужели все эти бдения хоть немного не украсили его душу?»

Да, бывает так, потому что крест сам по себе не благоденствует. На него необходимо посмотреть глазами Христа, взглядом Христа, чтобы на тебя повеял этот ветер Христа на кресте. Надо подойти близко к Нему, когда Он там, на Голгофе, и взять дыхание от Его дыхания, от Распятого. Надо дышать вместе с Ним, настроиться на ритм Его сердца, Его мира, Его мудрости, Его святости. И тогда обязательно произойдет что-то хорошее.

В противном случае, вероятно, произойдет то, что рассказал мне мой друг, восьмидесятипятилетний монах, в минуту откровения. Его слова заставили меня полюбить

его еще больше. Он сказал: «Поверь мне, каким я был, когда я поступил в монастырь, таким я и остался. С теми же страстями, с теми же ошибками, с теми же слабостями, с тем же характером». Он не обманывал, это не было смиреннословием, и я видел это. Я высоко оценил честность моего друга, потому что он не изображал несуществующей святости, не играл в святого, не притворялся святым, он говорил правду. Конечно, это не было абсолютной правдой, потому что за свою жизнь он сделал определенные шаги, изменился в лучшую сторону, изменился со Христом, но он сказал слова, которые говорили о многом.

* * *

Я посмотрел: в монастырском храме на стенах висят иконы, и когда монахи заходят в храм, то целуют их один раз утром, второй раз — после «Всякое дыхание», целуют перед тем, как причаститься, когда идут на вечерню, перед началом повечерия, то есть семь-восемь раз в день. Смотришь на ноги Господа, на руки Святой Богородицы, краска облупилась, и говоришь: «Столько поцелуев, столько объятий! Неужели этот поцелуй, эта ласка ничего не изменили в тебе? Неужели они не изменили тебя, не смягчили, не сделали смиреннее?»

Может быть, это и не сделает тебя смиреннее. Все зависит от того, как ты подойдешь к святому, к Пресвятой Богородице, к Господу. Если, например, ты целуешь икону, думая про себя: «У меня все хорошо, я стал богат. Я имею

в виду, что я душевно богат и ни в чем не нуждаюсь. И теперь целую икону, чувствуя себя достойным делать это»; если продолжишь в том же духе и не поймешь свое реальное состояние, не увидишь истину в себе, то сойдешь с ума. Не обманывай себя, скажи правду, скажи, что ты чувствуешь, о чем думаешь, что представляешь себе, к чему стремишься. Если сумеешь по-настоящему разглядеть себя и согласишься с этим, то смиришься и не сойдешь с ума.

* * *

Один человек написал мне и попросил о помощи, потому что у него были помыслы, которые сводили его с ума, и он хотел покончить жизнь самоубийством. Я ответил ему очень просто. Я начал свое письмо так: «Неужели ты не понимаешь, что ты нормальный человек? Прежде чем стать святым, ты должен понять, что такое человек. Человек несет в себе абсолютно все».

«Но это очень больно», — написал он мне.

«Конечно, это крест, поэтому я тебе и говорю — это крест самопознания, крест, благодаря которому видишь свое я».

Но больше всего его поддержала моя фраза о том, что я сам часто чувствую себя так же.

«И вы?»

«Да, и я! И многие другие люди, не только я, но и святые об этом говорят, пишут об этом в своих книгах, обсуждают это, исповедают это, принимают это».

«Но это невозможно, чтобы человек думал и чувствовал такое, — ответил он мне. — Чтобы хотеть, например, совершить зло. Возможно ли, чтобы мать подумала что-то плохое о своем ребенке? Чтобы ей пришло на ум — как помысл, как безумная мысль — что-то плохое о нем или о своем муже?»

Но ведь это мысли, которые о чем-то свидетельствуют, а именно о том, что *в беззакониих зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя* (Пс. 50, 7). Эти мысли говорят нам о том, что любой человек измучен внутренними противоречиями. Но Церковь не означает ли святость? Да, святость видеть свою реальную природу, реальное тление, которое существует в тебе. Надо примириться с этим. Надо взять все эти мешки с нечистотами, положить их перед Христом и сказать Ему: «Вот, Господи, это мое подлинное изображение, это я! Прости меня, Господи! Любишь ли Ты меня таким, какой я есть?» Вот так надо говорить. Что ты начинаешь приукрашивать, скрывать? Правду о нашей душе? Поэтому ты и мучаешься. Поверь, в конечном итоге огромное счастье скрывается в раскрытии нашего истинного я. И заключается оно не в том, чтобы раскрыть его, а в том, что ты все-таки осмеливаешься это сделать.

Я даже написал этому человеку: «Все мы кипим в одном и том же котле, все мы думаем то же самое, все мы одинаковые».

Все очень просто. Достаточно вспомнить, как ты исповедуешься. Тогда ты поймешь, кто ты на самом деле

(если ты, конечно, не святой, я не знаю). Но в последний раз, когда ты исповедовался, неужели говорил о святых вещах, о нетварном свете? Ну-ка расскажи, каким был нетварный свет, когда ты видел его в последний раз? Ты его не видел? Понятно. Я тоже его не видел. Но я говорю об этом, потому что некоторые люди, глядя на нас, иногда сильно пугаются, изумляются и создают себе совершенно ложную картину. Смотри, какой-то молодой человек слушает тебя и говорит:

— Ой, здесь все совершенны, что мне делать? Если я приоткрою свою душу и расскажу все, что я чувствую, то все они убегут отсюда! Они святые!

Нет, они не святые. Они по-другому называются, так их назвал Христос, а не я: лицемерами, фарисеями, лжецами.

Мы все время пытаемся делить людей на категории и строим наши отношения соответственно этому. «Эти люди — хорошие, а те — плохие, мы правы, они не правы», — думаем мы, но приходит Христос, смотрит, взяли ли мы друг друга за руки, получается ли из этого слово «единство». Он говорит нам:

— Вы, хорошие и плохие, помните ли вы молитву, которую Я произнес на Елеонской горе? Похоже, плохие лучше об этом помнят, потому что подают свои руки и говорят: «Мы скитальцы и оскверненные». А вы, хорошие, можете ли подать им свои руки? Подайте свои руки, вы, хорошие, чистые, святые!

— А-а-а! — говорит тот, другой. — Я не могу прикоснуться к тебе!

И тогда Христос говорит:

— Отче Небесный, прошу Тебя, чтобы все они были едино!

Чтобы все стали любящими, соединенными, побратимами. Чтобы отделились от людской злобы, не от самих людей, а от их пороков.

* * *

Христиане говорят, что они хоть и в миру, но живут в другом мире. Но это не означает, что, поскольку я христианин, я очищен, а все остальные находятся в грязи. Наоборот, это я погряз глубже всех, я и есть самый окаянный грешник. Почему? Вот, например, позавчера я слышал, как один мой сосед кричал и ругался с другим соседом. Он хулил и позорил себя, показал себя во всей красе. Да, это правда. А я, в отличие от него, все держу в себе. Мой дом прибран, ничего не видно в моей гостиной, все тщательно скрыто под ковриком, но когда поднимаешь ковер, то видишь прилепленные к полу жевательные резинки, потушенные сигареты, непристойные картинки, всякую всячину! Вот что происходит в душах всех людей. Это и есть наш крест. Осмелишься ли поднять ковер и посмотреть, что происходит внутри тебя, осмелишься ли сказать это самому себе?

Один священник рассказал мне, как он пытается изменить мнение, которое сложилось о нем у других людей.

Люди думают, что вся традиция Церкви собрана в нас, что мы ее носители, что лучшее, что существует и циркулирует, — это мы. Но это не соответствует действительности. По крайней мере, для меня. Я не являюсь аутентичным проявлением традиции.

Но люди думают по-другому, и я должен всегда помнить об этом. Они приходят ко мне, и я не имею права говорить с ними резко, неприязненно, не имею права гневаться, раздражаться, нервничать. Я должен попытаться стать добрее, и если я буду усиленно подвизаться, то, может быть, у меня получится. Но одно дело пытаться стать как святые, а другое — постоянно притворяться святым, создавая у других душевные травмы, комплексы, неврозы. Даже если у тебя получится выглядеть благочестивым внешне, внутри ты останешься собой, ведь сколько ни подавляй свое я, оно обязательно проявится.

Расскажу вам такую историю. Ко мне пришел один мужчина. Он недавно расстался со своей девушкой и очень переживал. Он любил ее, но она не хотела его видеть, и они расстались. Он сказал, что хочет подготовиться к Причастию. Причастился, взял просфору, а спустя десять минут нашел меня и спросил:

— Батюшка, почему же она разлюбила меня? Что произошло с ней? Что?

Вот о чем он думал все это время! Я должен был сказать ему:

— Ты только что причастился! Веди себя подобающим образом! Нажми на кнопку, чтобы притвориться хоть немножко святым! По крайней мере, не говори о всех этих вещах, жизненных, биологических, эмоциональных, сделай над собой усилие!

Но если ему не хочется? Не хочется. Ведь он сказал правду. На самом деле он сказал:

— Я причастился, но снова думаю об этом, потому что я человек...

Поэтому я всего лишь сказал ему:

— Садись, садись, успокойся! — Потому что он, по крайней мере, был искрен.

Может быть, ты возразишь мне: «Неужели не нужно оторваться от наших проблем и постараться хоть чуть-чуть приблизиться к Богу?» Нужно, но это не может произойти, если ты лицемерен. Надо быть честным в своей борьбе, взглянуть в собственное я и принять его нелицемерно. В противном случае у людей возникает много проблем, в которые погружены священники, психологи, психотерапевты. Потом этими людьми заполняются больницы и психиатрические диспансеры. Чтобы не допустить этого, нам просто необходимо быть насколько можно более настоящими, потому что для нас есть обьятие, которое нас ждет. А если боишься какого-то духовника, иди к другому, которого не боишься. Открой свою душу, но сначала открой ее в себе. Полюби свою измученную, больную душу — какой является и моя душа...

Давайте просто скажем Христу:

— Мы хотим стать более искренними и пред Тобою, и по отношению друг к другу.

Единственное, что мы можем сделать, — это приоткрыть свою душу, чтобы в нее вошло немного больше света, чтобы из этого креста человеческих отношений родилось что-то сладкое, родилась любовь. Тогда ты поймешь, что тебя никто не отвергает. Наш Бог полон любви к нам. Желаю тебе, чтобы ты смог претерпеть все, что Он посылает, чтобы смог ощутить, как в твоей душе растет уверенность, что Он бесконечно любит тебя.

Перевод — Виталий Чеботар

ПОКАЯНИЕ — СЛАДКАЯ СКОРБЬ ДУШИ

Если бы у нас было покаяние, то все было бы совершенно по-другому. Так что же такое покаяние, что значит осознать свои грехи? Что значит скорбеть о своих ошибках? Об этом мы постоянно молимся в храме — чтобы Христос дал нам пройти прочее время жизни нашей в мире и покаянии. Мы постоянно молимся об этом, но оно всегда ускользает от нас. Ускользает от нас покаяние!

«Покаяние» — какое хорошее слово! Изменяется мой ум*, я меняю свой взгляд на вещи, меняю свое мышление, свой настрой, сердце, отношение к жизни, я смотрю по-другому на мир, на жизнь, я становлюсь новым человеком. Покаяние означает возрождение, обновление моей души, я словно возвращаю время назад и полагаю новое начало, становлюсь новым человеком, я снова становлюсь

* Греческое слово μετανοια переводится двояко: как «раскаяние» и как «изменение ума». — *Примеч. пер.*

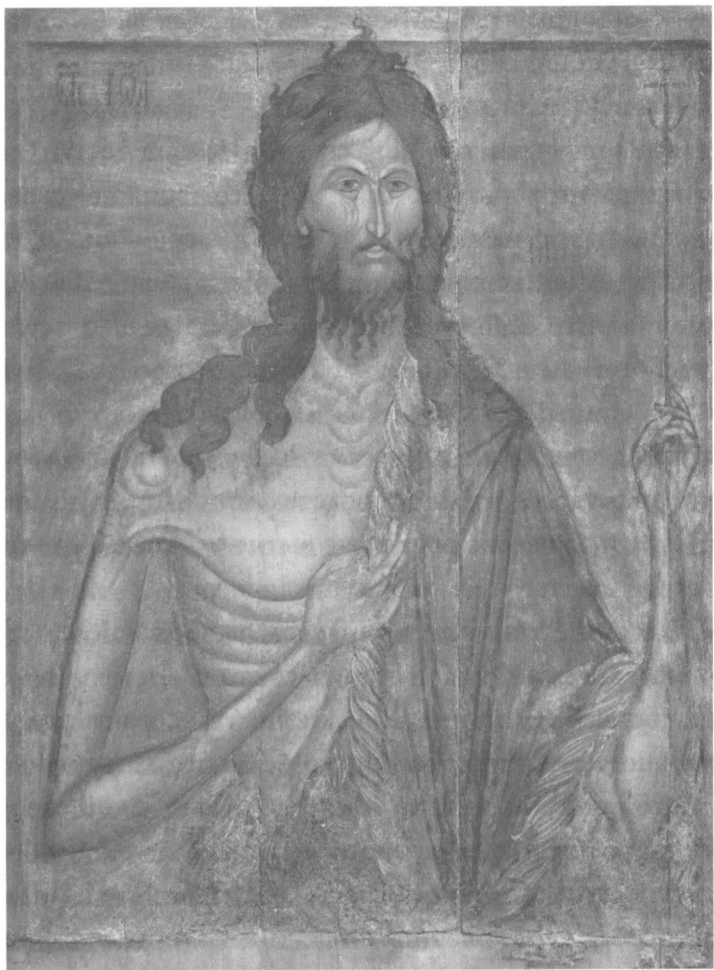
ребенком и открываю новую страницу в своей жизни, совершенно новую. Чтобы записать там что-то новое, я стираю старое, выбрасываю это из своей жизни и начинаю жить заново.

К покаянию стремлюсь я, покаяния мы требуем у самих себя. Господь просил нас иметь покаяние, Он говорит нам: *Покайтесь!* (Мф. 4, 17). О покаянии постоянно говорил и святой Иоанн Предтеча: *Покайтесь!* — глас вопиющего в пустыне. Этот пустынный подвижник, эта горлица пустыннолюбная, этот цвет пустыни, этот крин пустынный все время говорил: *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 3, 2). Изменитесь, исправьтесь, поймите свои ошибки, согласитесь, что вы — грешные люди, примите очевидное — что покаяние необходимо.

Об этом сказал и Сам Господь. Святой Иоанн Предтеча уходит со сцены истории, и в нашу жизнь входит Господь и говорит нам то же самое.

* * *

Но у нас нет покаяния! У нас нет покаяния, и даже теперь, слыша это, ты говоришь себе: «Ты что, прямо сейчас будешь говорить мне о покаянии? Да у меня столько дел, мне надо бежать за детьми, забрать их из школы, надо готовить, делать покупки, ходить по магазинам, надо пойти к врачу, и вообще столько всего на мою голову! Времени у меня в обрез, его не хватает, нужно столько всего сделать, мы же не успеваем сделать даже самое необходимое.

Святой Иоанн Предтеча. Икона

А ты говоришь, чтобы мы покались! Так что же нам сделать, чтобы покаяться? Мы ведь не успеваем еще и каяться. Мы не понимаем, о чем ты говоришь».

Так что же означает покаяние?

Мне вспоминаются слова святого Иоанна Лествичника, который говорит, что то, что ты все время не успеваешь сделать, то, на что у тебя всегда нет времени, — это и есть то единственное, о чем Христос спросит тебя: сделал ли ты это? Единственное, за что ты будешь отвечать пред Богом; единственное, чего Христос взыщет у твоей души в Судный день. Вместе с любовью, вместе со всем хорошим, чего Господь хочет от нас: смирением, добротой, милостыней, всеми добродетелями, которые украшают душу и оживотворяют наше бытие, — вместе со всем этим Он взыщет, имели ли мы покаяние.

Это после того, как ты наделал ошибок, после того, как потерпел неудачу во всем, чего хотел достичь (а мы, конечно, все терпим неудачи; никто в совершенстве не достигает того, что хотел, никто не достигает вершины, на которую хотел взойти; никто не может иметь совершенной любви, совершенного смирения, полной и бескорыстной самоотдачи, чистоты сердца, никто не может иметь этого в совершенной степени, как этого хочет Бог), Господь говорит:

«Если ты не мог достигнуть всех этих благ, которых хотел в жизни, поскольку был бессилен; а если и достиг чего, то сам же проваливал это своей злобой и эгоизмом,

так хотя бы раскаяние во всем этом у тебя имеется? Обогрило ли покаяние все стороны твоей жизни, все моменты твоей жизни? Украсило ли их покаяние, исправило ли их? Ты был грешен? Я не буду тебя судить за то, что ты был грешен, потому что знаю, как Бог, что ты грешен. Я знаю, что ты глина, знаю, что ты пыль, и не жду от тебя ничего больше — Я знаю, что сам ты ничего не можешь сделать! *Ведь без Меня вы не можете делать ничего!* (Ин. 15, 5). Ты не можешь сделать ничего, Я знаю это и не вознегодую, когда увижу твои немощи, потому что знаю, что ты весь — одно сплошное бессилие, одна язва».

Человек — великая язва вселенной. Бог знает это и поэтому не будет судить нас, не будет ругать за то, что мы грешны, не заругает и за то, что мы не достигли великих целей в жизни. А мы и не можем достигнуть великих целей, потому что мы люди — маленькие и бессильные. Все великое, чего можно достигнуть, принадлежит Ему, как и все великое, происходящее через нас, тоже принадлежит Ему. Он дает нам силу, благодать, крепость и действует через нас.

Бог не станет судить нас за то, что мы не обошли всех концов вселенной, миссионерствуя, если Сам не призовет нас делать это. Бог не станет судить меня за то, что я не воскресил ни одного мертвеца, потому что не мое это дело. Не я Жизнь, и Путь, и Истина. Не я сказал: *Верующий в Меня, если и умрет, оживет* (Ин. 11, 25). Христос сказал это. Христос может воскресить мертвого, а я — нет.

За это Он не будет меня судить. Господь не заругает меня даже за то, что я грешен, и за то, что я не могу накормить всех бедняков на свете, потому что сам я этого не могу сделать.

«Знаю, дитя Мое, что ты — человек, ты глина; что под одеждой, которую носишь, под рясой, которую носишь, ты скрываешь плоть, и эта плоть — пыль, глина, прах, пепел, она ищет подобного себе, и Я знаю, кто ты. Но есть нечто такое, чего Я ждал от тебя, — скажет нам Христос, — есть нечто такое, что и ты — глина, пыль, Мое творение — мог сделать и должен был сделать и чего Я ждал от тебя всю твою жизнь. Я ждал, чтобы ты это сделал. И что же это? Чтобы ты покался! Чтобы ты хотя бы покался. Ты не святой, Я знаю, но Я даже не видел, чтобы ты согласился с этим. Я не видел, чтобы ты поскорбел о себе самом, чтобы понял свою меру, чтобы ты понял понятное. Какое понятное? Такое, что ты незначителен, мал, бессилен. Я не видел, — скажет Христос, — чтобы ты согласился с этим, дитя Мое. Я видел тебя крайне эгоистичным, совершенно неисправимым, неуступчивым, совершенно твердолобым, большая доля упрямства имела в том, что ты говорил, в том, что думал, в том, что ты делал. Ты стоял на своем, не каялся, сердце твое не принимало этого, оно всегда было твердым, всегда оставалось незыблемым в твоих поисках, решениях, движениях. Я не видел этой сладости раскаяния в твоём сердце. Я хочу увидеть, что ты соглашаешься с этим, хочу увидеть, что

ты скорбишь, увидеть, что ты спустился с небес на землю и входишь в свою меру, что ты понял свою меру. Я хочу, чтобы ты понял ее и сказал: "Господи, это я. Я так мал, так бессилен, так грешен. Грехов у меня много, и я их знаю, я размышляю о них, скорблю, душа моя уязвляется, глаза проливают слезы, плачет и душа моя. А если на глазах моих и нет слез, ибо они дар от Бога, то в душе моей много слез. И если на глазах моих нет слез, то я по меньшей мере издаю вздох, я терзаюсь из-за этого, признаюсь и говорю это. Я соглашаюсь и говорю: ах, Боже мой, я не таков, каким Ты создавал меня. Я не таков, каким должен быть, чтобы Ты мог взглянуть на меня и порадоваться. Когда Ты создавал меня, когда лепил меня в раю, когда пречистыми Своими руками давал мне жизнь, когда брал глину и лепил дело рук Твоих — человека, меня, весь мир, — у Тебя не было такого замысла, чтобы я падал до такой степени. Ты не хотел, чтобы я опускался до такой степени. А я так пал. Я соглашаюсь с этим, воздыхаю, скорблю, терзаюсь"».

Это и значит покаяние — скорбь души, однако скорбь сладкая. Скорбь, которой сопутствует надежда — надежда во Христе. Скорбь, которой сопутствует ощущение того, что существует Некто, Кто перед тобой. Ты только признай свою ошибку, свое бессилие и будь готов заплакать, разочароваться, а Он не даст тебе разочароваться. Он всегда тебя поддержит, поднимет глаза и скажет тебе: «А ну-ка посмотри сюда, иди сюда. Мне достаточно

того, что ты согласился с этим, достаточно, что ты понял это, достаточно, что ты пришел к познанию истины, — а это знание самое великое. Самое великое знание, дитя Мое, — это то, что ты понял сейчас. Что именно? То, что ты — немощное создание, что ты грешен. Ты понял это? Ты ведь понял это! А поскольку понял это, то ничего другого Я от тебя не хочу. Я хочу, чтобы ты принял это, чтобы смягчилась твоя душа, чтобы сердце твое исполнилось сладости, чтобы слезы потекли из сердца твоего. Чтобы ты взыскал Меня как потребность души твоей, чтобы сказал внутри себя, прошептал вслух и запел: "Господи, помилуй! Господи, помилуй Ты меня уже. Я не могу сам, я очень слаб". И когда скажешь это, то всё остальное Я тебе дам! Но ты согласишься, покайся, ты прими то, что ты есть».

* * *

Это покаяние — скорбь, связанная с надеждой, боль, содрогание нашей души, нашего сердца из-за того, что мы есть, тревога из-за нашего окаянного состояния, из-за того, что каждый совершил: из-за малых и больших проступков.

— Пусть не проходит ни дня в твоей жизни, — сказал мне однажды один святогорец, — без того, чтобы ты вечером, перед тем как уснуть, сказал Богу: «Господи, прости мои ошибки, которые я совершаю на всякий день и совершил сегодня!» Никогда не забывай этого. Не забывай

даже на день, что ты грешен, что ты несовершенен, что ты совершил много ошибок и знаешь их. А некоторые и не знаешь, о некоторых остаешься в неведении. Это ошибки, которых ты не сознал, но которые изошли из твоей души — как атмосфера, которую ты создал вокруг себя, как взгляд, которым огорчил кого-то, как слова, которые произнес и не понял, как они отозвались в другом.

Ты совершил много грехов, малых и больших. Каждый вечер, перед тем как лечь спать, соглашайся с этим и не чувствуй себя безгрешным, не чувствуй себя совершенным, значимым, великим, страшным, неуязвимым, уникальным. Нет! Ты человек, а это значит — немощное создание. Ты — великое создание, самое величественное создание во вселенной, дело рук Божиих, изысканное творение во вселенной, малый космос. В человеке ведь существует целая вселенная — наше сердце, наша душа. И хотя этот космос так велик, он в то же время и очень мал, немощен и незначителен. И почувствовать это помогает нам покаяние. Это и есть дело, которое совершает покаяние, когда Бог коснется нас...

* * *

Однако сегодня люди не каются, они не могут понять своих ошибок. Мы ощущаем себя очень высокими, очень сильными, судя по новостям и фильмам, и по тому, как мы говорим, и по тому, как ругаемся с другими. Нам страшно признаться, что мы виноваты, и мы говорим:

— Если я признаю это, то что скажут другие? Если я скажу это, я испорчу свой имидж. Сегодня мир такой, что, чтобы идти вперед, надо быть жестоким, надо быть лучше всех, никогда нельзя признаваться, что ты совершил ошибку, а если ты сделаешь это, тебя съедят.

Так говорят.

— Не говори, что ты немощен, не соглашайся с этим!

— Ну а что, если это так?

— Нет! Даже если это и так! Ты не соглашайся с этим! Ты говори то, что ты не есть, достаточно создать впечатление у окружающих!

— Но как же я помогу себе? Как я изменюсь? Здесь ведь речь идет не о какой-нибудь работе, на которую я должен попасть, и нужно сказать, что у меня есть качества, которых на самом-то деле у меня нет, чтобы не отдали мое место другому. Здесь мы говорим об отношениях с людьми, о связи с Богом, о связи с самим собой, о том, что мне не надо соглашаться с тем, что я в чем-то нуждаюсь, что я немощен, что я делаю ошибки и у меня есть недостатки.

— Нет, не соглашайся с этим! Это будет твоим минусом. Это низкая самооценка, — так тебе скажут. — Тебя увидят другие и перестанут ценить по достоинству. У них не станет хорошего мнения о тебе!

— Да, но если я не соглашусь с тем, что я немощен, если я не приму своих ошибок, я ведь буду постоянно жить во лжи...

Накануне я размышлял об ошибках, которые совершил за один только вчерашний день, с утра до вечера, и вспомнил, что говорит праведный Иов в Ветхом Завете. А именно, что даже если всего один день проживет человек (если бы вся наша жизнь была не девяносто лет, или восемьдесят, или семьдесят, или сколько-нибудь еще, а всего один день, как у каких-нибудь бабочек-однодневок), даже если бы и такой короткой была наша жизнь, то у нас все равно были бы грехи. Что-нибудь мы бы сделали. Что-нибудь сказали бы. Человек ведь немощен, грешен, он замешан на бессилии, нужде, несовершенстве — мы несовершенны.

Когда размышляешь о своих грехах, говори: «Как не выискать прощения, как не согласиться? Я ведь стою пред Богом в покаянии о грехах, совершённых за неделю, месяц, десятилетие, жизнь».

Прегрешения, ошибки, которые мы всё накапливаем и накапливаем, сокрыты в нас. Они копятся, мы их никогда не видим, никогда не думаем о них. Мы наряжаемся, красимся, прихорашиваемся, душимся, эффектно одеваемся. Мы развлекаемся, танцуем, слушаем музыку, смотрим фильмы. Но внутри в нас существует этот мир, сокровенный мир, душевный мир, мир красоты — но вместе с тем ужасом, который мы накопили. И если мы никогда не увидим этот ужас, если не прикоснемся к нему, если это болото, эту тину мы никогда не выбросим из себя, чтобы видна стала вся красота нашей души, если не исчезнет эта

грязь, чтобы показался цветок любви, цветок души, весь это красивый мир, существующий у нас внутри, то что же будет? Мы позволяем мусору копиться в нас...

Помню, однажды, придя домой, я забыл вынести мусор. Забыл и на второй день. Из-за множества дел, которые у меня были, я о нем забыл, и когда вошел в дом, то этот запах ударил мне в нос. Таково и зловоние, этот смрад смерти, исходящий из нашей души. Я оставил мусор дома, два дня не выбрасывал его, и вся комната провоняла. Ты только подумай: есть люди, есть наши братья, ты или я, которые целыми годами оставляют внутри себя всякую всячину, чтобы она громоздилась: состояния, тайны, скрытые события, о которых никто не знает, кроме тебя и Бога; что-то такое, что ты сделал или сказал, и об этом знают только двое — ты да Бог. Ты да Бог или ты и твое я.

Есть вещи, о которых стоит только подумать, и они уже начинают нас мучить, и мы чувствуем, что совершаем грех. Эти вещи есть, а мы их оставляем и говорим: «Да ладно, ничего, оставь их!» Мы их заталкиваем, как одежду в шкаф, с которой нам некогда разобраться, забрасываем их в себя и сверху придавливаем как попало.

Это великое дело — навести порядок, убраться в своей душе, посмотреть, что в ней имеется. И если ты увидишь, что в ней, то ужаснешься, не выдержишь, ты впадешь в уныние, у тебя начнется депрессия, тебя постигнет разочарование. Но тут приходит Христос и говорит: «Нет, пусть тебя охватывает не разочарование, а лишь

маленькая скорбь» — скорбь по Богу, которая открывает в нас покаяние, истинное покаяние, приводящее к радости. Это скорбь, однако она выведет тебя на поляну счастья. Надо немного поскорбеть, чтобы дать толчок своей душе. Существует эта скорбь как толчок, как побуждение, скорбь, заставляющая душу проснуться от летаргии. Эту скорбь тебе и надо ощутить, только ее, не скорбь отчаяния, безнадежности, разочарования, паники, которая нередко доводит и до самоубийства.

Некоторые видят свои ошибки и говорят: «Я больше не могу. То, что я увидел, меня потрясло. Я ведь уже не смогу исправиться. Мне ведь уже не спастись никак. Мне совершенно не на что надеяться. Покончу же с собой, положу конец этой своей жизни!»

Нет, только не такая скорбь! Это уже другая крайность. Для нас важно то, что говорит нам Господь, а Он говорит не о крайности, а о середине и равновесии: надо опечалиться и проснуться, опечалиться, чтобы двинуться вперед, надо подтолкнуть свою душу, чтобы приблизиться к Богу. И тогда нам больше не нужно будет ничего.

Вот этого и хочет Бог — чтобы мы согласились с этим, склонили голову и сказали: «Да, я грешен! Я тоже человек и совершаю ошибки».

«Да, я сказал тяжкое слово, прости меня. Не ты виноват, это виноват я. Прости меня, я огорчил тебя на днях. У меня были проблемы на работе, и я дал волю своему эгоизму. Я бессердечен, не умею любить, прощать, принимать

тебя таким, какой ты есть, проявлять терпение. Я такой и говорю это не холодно, но в то же время и не отчаянно, я говорю это спокойно, со смирением, простотой, добротой в сердце и жду от тебя понимания». Сейчас, Господи, когда я признал свои грехи, свои немощи, когда я каюсь перед Тобой, я готов на все. И Твоя доброта, Твое признание утешат мою душу более всего. Всякая душа ждет этого.

Этого тебе надо ждать от другого. Когда ты покаешься и по-настоящему смиришься и скажешь: «Прости меня, я согрешил, каюсь», — то никто не будет так жесток, так непреклонен, чтобы ударить тебя, наброситься на тебя еще сильнее. При виде твоего чистого взгляда, твоих кающихся и слезящихся глаз и страсть другого отойдет. Он сдастся и скажет: «Да ладно. Нет проблем, ничего страшного, ты сказал это, ты ведь человек, но всё позади!» Смирение, покаяние, признание растопят железо, они растопят и бесов, парализуют зло.

Но нет у меня этого покаяния, нет этого смирения. Мы делаем так много ошибок, огорчаем так много людей, уязвляем столько душ, презираем столько людей, обходим их стороной, мы безразличны, совершаем столько преступлений, столько грехов. Я не говорю о других, я говорю сейчас из своего опыта. Но не только из своего опыта, а из опыта других. Человек ведь все знает, когда он священник: знает свои грехи, знает и грехи другого, он выслушивает грехи всех людей и видит, что есть много

грехов на свете, в которых кому-нибудь, но надо будет покаяться.

Много таких грехов, которые мы совершаем, даже не задумываясь об этом: впустую потраченные часы, бесконечные потраченные часы, и в этом у нас нет никаких угрызений совести. Мы теряем столько часов своей жизни, проведенных без пользы, о которых когда-нибудь будем горько плакать. Мы будем плакать, но будет поздно. Будем плакать с теми, кто убивал бесконечные часы перед телевизором, компьютером ради глупостей — тогда как надо было читать об искушениях.

Прошли целые часы, в которые они вообще не молились, не прочли ничего. Это бездельные дни, дни, в которые они не научились любить, прощать. А потом скажут: «Когда пролетела моя жизнь? Когда промчались эти годы? Как я стал восьмидесяти — девяностолетним и что сделал в своей жизни? Да ничего! Почему, почему ничего? Христос говорит, что за миг можно покаяться, но в то время как разбойник за минуту вошел в рай, я потерял не просто минуту, а тысячи, миллионы минут и ничего не сделал для своей души. О ужас! Как же пролетело время моей жизни?»

Придет час, когда мы будем раскаиваться из-за потерянного времени. Придет час, когда мы будем раскаиваться в словах, которые сказали. Слова... Сколько отношений испортилось из-за горьких, оскорбительных, злобных, саркастичных, ироничных слов, которыми мы

унизили другого! Потом внезапно чаша переполняется — от одного только слова, одной обиды, и так разрушаются целые семьи.

* * *

Придет час... О, если бы это было сейчас, когда слеза покаяния еще может покатиться из наших глаз и мы скажем Богу: «Господи, как же я мог так говорить, как я мог так ранить других? Что это я говорю, что это такое произносит мой рот?! Нет, не ругань или плохие слова — я просто так общаюсь с другими! Всегда обижаю, иронизирую, не уважаю — что это, то, что выходит из моих уст? Сколько раз я осуждал, сколько раз смаковал жизнь другого! Говорю о людях, которых нет среди нас, порочу их жизнь, толкую их поступки, хоть и не знаю, правда ли то, о чем говорю, не будучи сердцеведцем. Сколько же раз, Господи, я приписывал Твою власть себе. Отнимал у Тебя право, которое только у Тебя есть. Какое право? Судить других. Сколько раз я совершал этот грех, а каюсь редко. Да я вовсе не раскаялся в этом, потому что если бы раскаялся, то остановился бы. Если бы я раскаялся, то не повторял бы этого больше. Если бы мне это не нравилось, я перестал бы».

Когда еда тебе не нравится, когда она горька, безвкусна, ты ее больше есть не станешь. Ты ее не готовишь больше, не хочешь даже пробовать ее — она тебе не нравится. А грехи мы совершаем одни и те же и никогда не каемся.

Почему? Потому что они нам нравятся. Нам нравится то, что мы делаем. Мы привыкли, нам нравится порок. Нам нравится эгоизм, наши страсти, нам нравится любопытствовать о чьей-то жизни, видеть, что другие что-то теряют, расходятся, мы сплетничаем об этом, потому что нам это нравится.

Если по телевизору идет документальный фильм на какую-нибудь научную или философскую тему, например по истории искусства, то мы переключаем канал. Но если найдем канал, по которому передают о жизни людей: кто развелся, почему развелся, как они поссорились, — мы садимся и смотрим. Нам нравится, с нами что-то происходит, и мы наслаждаемся неудачами других. Мы не плачем о них, не каемся — ни о себе, ни о них, ни о скорбях в мире, а радуемся, слыша, что где-то взрываются бомбы, что там боль, испытания, проблемы. Это доставляет нам скрытое наслаждение, потому что, слава Богу, это случилось не с нами, а с другими.

— Скажи, а что там было? А что он ему сказал в конце? Ты узнал подробности?

Нам все это нравится, и мы не каемся. Мы наслаждаемся, совершая грехи.

Если мы захотим покаяться, если захотим поплакать, то что говорят святые? «Если и вода всех рек вытечет из наших глаз, и морей, и океанов, то ее недостаточно будет для нашего плача». Чтобы мы выплакали свои и чужие грехи. Чтобы признали, что у нас не все в порядке.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся (Мф. 5, 4). Плачущие — это те, которые скорбят, у которых есть покаяние, которые жалеют о своем грехе и грехе мира, которые жалеют о своих ошибках, о тревогах людей, о проблемах других, о своих нераскаянных братьях и берут на себя их покаяние, говоря: «Господи, я каюсь и за тех, которые не каются! Молю Тебя: пожалей их!» А мы? Мы — ничего, у нас ничего похожего на это нет.

Сколько не рожденных детей ждет, когда появятся слезы на глазах их родителей, а слез еще нет! Сколько совершается аборт, сопровождающихся одной только подписью: врачи, договоры, документы, вся это формальность! Ты говоришь себе, что так делают многие, много женщин и мужчин проводят аборт. Они совершают убийство, а ты еще не заплакал!

Часто приходят женщины и исповедуются — и мужчины тоже, потому что они несут ответственность за то, что произошло с их женами, — и не говорят ничего про аборт. Ты кратко спрашиваешь:

— Вы когда-нибудь делали аборт?

— Да, два раза.

— И вы так просто говорите об этом?

Ты, отец, ты готов плакать о двух детях, которых уже нет среди живых, и еще больше плакать о живых, но мертвых их родителях? Тут даже не встает вопрос о том, что они согрешили, потому что они люди: и я мог бы это совершить, и любой мог бы совершить по своей немощи,

невниманию, по разным причинам. Но чтобы ни одной слезы? О том, что ты сделал, ты даже не жалеешь?

Разве ты не осознаёшь этого? Разве не понимаешь, что за это надо что-то отдать? Кому? Не мне, не Богу, а этим душам, этим детям, которые не порадовались этому миру, не пожили. Пускай, если бы у вас не было денег, они попрошайничали бы в метро. Но ты никого не спросил, что делать с этими детьми. И ты не губил их для того, чтобы они не жили плохо. Ты просто взял и принял решение — сам. Ты просто еще раз сделал себя богом и сказал: «Я решу, что будет, я буду определять свою жизнь, я скажу, будут они жить или нет!»

Ты еще не поняла, что твое я уничтожило тебя, и не плакала об этом. Ты сделала аборт или хочешь сделать, но не поняла свою ошибку и не пролила из глаз ни одной покаянной слезы. Разве это не страшно? А где покаяние? Нет покаяния. Сколько тысяч абортотворцев совершают в Греции? Примерно триста пятьдесят — четыреста тысяч в год, по официальной статистике (я слышал это несколько раз). Это те, которые заносят в документы в больницах, а сколько еще их делается втайне, о чем не сообщается по разным причинам: чтобы не упал авторитет, чтобы не испортить свой имидж в семье, мире, обществе.

Пролило ли каждое из этих семейств хоть слезу? Я не сердцеведец и не сужу их, не обвиняю, просто объясняю, что земля нашего сердца жаждет слез, потому что она очень суха, земля нашей планеты хочет слез, потому что она пересохла.

Мы грешны, но у нас нет покаяния, и в этом — наша драма, а именно в том, что мы живем в греховную эпоху. Все эпохи были греховными, но нынешняя эпоха в небывалой степени лишена покаяния, она жестока, непреклонна, надменна пред Богом. Это сплошное восстание, бунт против Бога, и дерзость — самое трагичное из всего этого. Трагично не то, что мы совершаем грехи, а то, что мы имеем дерзость и превращаем грех в способ существования. Вместо того чтобы признать это и сказать: «Господи, прости нас. Я умоляю Тебя помочь мне выбраться из

болота!» — мы говорим: «Я хорошо поступаю, так делают все, мне так нравится. Я буду так делать!»

Это уже не человеческое. Это сатанинское. «Я так хочу, мне так нравится, я не буду меняться» — это мышление сатанинское. Я слышал это не от старцев, не из книг, а сказать вам от кого? От самого дьявола я это слышал. Я не видел дьявола лично, но однажды случайно оказался на изгнании нечистого духа. Тогда все продолжалось полчаса, я столько всего слышал и задумался после этого очень сильно.

В какой-то момент священник спросил лукавого духа:

— Кто сильнее? Ты знаешь, почему я это говорю: потому что сильнее Христос, а не ты. Согласись с этим! Это так?

— Я не скажу тебе!

— Кто сильнее: ты или Господь?

— Не скажу!

И в конце священник сказал ему:

— Заклинаю тебя именем Господа сказать мне!

Искуситель ему отвечал:

— Если ты знаешь, что Назарянин сильнее меня, то зачем спрашиваешь?

Священник ответил:

— Чтобы ты сказал это!

Это я слышал своими ушами, и не только я, но и много людей, причем людей образованных. Так что это не какой-нибудь фольклор, чтобы ты говорил: мол, одни бабки

верят в подобные вещи. Там был даже один журналист, я видел, что он держал магнитофон и записывал. Не знаю, чего он хотел — сделать репортаж, что ли, не знаю.

Священник продолжил:

— Ты знаешь, что, когда ты покаешься, Бог примет тебя снова? Он снова примет тебя, как светлого ангела, снова примет тебя в Свое окружение, ты знаешь это? Как возлюбленное чадо, блудное, возвращающееся. Ты знаешь, что Бог примет тебя в Свои объятия, если покаешься?

Искуситель ответил:

— Знаю. Я знаю и это.

Священник сказал ему:

— А тогда, безумный, почему же ты не каешься? Глупец ты, коли не каешься.

И тут раздался крик на весь храм, от которого все застыли на месте, потому что это был голос дикий, сильный, но в то же время очень четкий и уверенный, очень уверенный:

— Потому что *не хочу!*

Я не могу его изобразить. Долго звучал этот голос, стоял один крик: «Не хочу! Не хочу!» Дьявол не хочет каяться.

Каждый раз, когда ты говоришь: «Я не хочу меняться, не хочу признавать свою ошибку, не хочу. Оставь меня в покое! Я хочу пить, хочу курить, хочу грешить, развратничать. Я хочу, мне это нравится, мне это приятно, оставь меня!» — это уже вызывает тревогу.

Если бы ты сказал, что согрешаешь, так как ты человек, как и я совершаю грехи, как и все совершают грехи, — один только Господь не совершил греха, потому что никто не без греха (см. Ин. 8, 7). Все мы грешны, по меньшей мере пред Тобой, Единственным, мы согрешаем, но и пред Тобой, Единственным, припадаем. Я не перестаю грешить, но снова прихожу к Тебе, падаю Тебе в ноги, прошу Твоей милости, говорю Тебе, что согрешил, и Ты снова меня принимаешь.

В этом разница между кающимся и не кающимся человеком: кающийся человек грешит и кается. А нераскаянный совершает грех и упорствует, совершает грех и доволен этим. Совершает грех и радуется, он культивирует его, развивает, упрочивает в себе и живет в аду и сатанинской атмосфере еще в этой жизни, в своем сердце. Ни к чему спрашивать, куда ты отправишься, ни к чему спрашивать, отправишься ли ты в рай или ад: ты уже сейчас испытываешь или рай, или ад. Кающийся уже сейчас ощущает рай, он плачет, соглашается, что виновен, но радуется, потому что видит Христовы объятия, видит перстень, который надевает ему на руку Небесный Отец, царский перстень, перстень усыновления, новой перемены, и Он ему говорит:

— Чадо, Я люблю тебя!

— Я грешен.

— Я люблю тебя.

И ты говоришь:

— Христе мой, какова же эта радость, которую Ты мне даришь! Я грешен, и Ты меня любишь? Как же Ты любишь меня с этим грехом, который я совершаю?

А Господь тебе говорит:

— Я люблю тебя не за то, что ты сделал, но люблю тебя за то, что ты Мне сейчас даешь. За твое сердце, которое ты Мне опять отдаешь, за то, что ты опять приходишь ко Мне, подаешь Мне руку, любишь Меня снова, — вот что Я люблю. Твое возвращение!

Эта красота есть в Церкви. Мы каемся, возвращаемся, падаем и встаем — неопишное чувство возвращения! Тяжело чувствовать падение, эту горечь в душе, нас охватывают печаль и унылость, но, с другой стороны, мы радуемся, потому что у нас есть Отец, мы нашли Мессию, нашли Избавителя. «Радуйся, Родившая Наставника заблудшим, радуйся, Носившая во утробе Избавителя плененных!» Он — наш Избавитель. Мы — плененные, заблудшие, но приходит наш Избавитель, у нас есть Путеводитель, и от этого наша радость, а не оттого, что мы плохие.

В Церкви много надежды, много оптимизма. Покаяние замешано на слезе, которая, как только начнется печаль, превращает ее в радость. И ты уже не знаешь, почему плачешь: потому ли, что скорбишь, или потому, что радуешься.

Есть люди, которые в продолжение исповеди плачут-плачут (я видел людей, которые плачут), и спрашиваешь их:

— А сейчас почему ты плачешь? Тебя же Бог прощает!

И он говорит:

— Не знаю. Плачу и о том, что сделал, и оттого, что чувствую прощение, что Господь наполняет меня Своей любовью. Меня, гнусного, грешного, непотребного Его раба, — как Он любит меня таким, с этим зловонием? Как обнимает меня, немывтого?

А как отец блудного сына поцеловал своего ребенка, который был весь в лохмотьях, целыми неделями не мывшийся, грязный? Как прикоснулся к нему этот пречистый отец, когда его сын был презренным в глазах людей?

И Отец говорит:

— Если ты говоришь так, значит, ты Меня еще не знаешь. Если ты называешь Меня Отцом и считаешь Меня таковым, то ты еще не понял, каков Бог. Ты еще не понял океана Моей любви, Моего человеколюбия, Моей доброты, Моей несправедливости. Я Бог несправедливый, потому что у Меня нет твоей справедливости, нет твоих весов, а даю Свое прощение как Я хочу.

И тогда как на твои весы надо положить определенный груз, чтобы достигнуть равновесия, то Господь балансирует как хочет. Он платит работнику последнего часа так же, как и трудившемуся с утра до вечера. А последний негодует и говорит:

— Господи, ну почему так? Я тружусь с утра до вечера, и Ты даешь мне плату, а этот пришел и стал работать

только под вечер, а у него такая же плата! Ну разве не несправедливо то, что Ты делаешь?

А Бог ему говорит:

— А какое тебе дело до этого? Почему это тебя раздражает? Любовь несправедлива.

Любовь онеправдывает. Нам надо ухватиться за эту неправду и уповать, что спасемся. Если Бог станет судить меня по правде, то я не спасусь, а если станет судить меня не по правде, то есть с любовью, милосердием и прощением, по-Божественному, тогда есть надежда моему спасению. «Господи, если Ты беззакония заметишь, *кто устоит*, Господи?» (Пс. 129, 3). Кто выдержит, кто вытерпит этот суд? Если Ты станешь замечать мои грехи, то нет мне возможности спастись. Но милость Твоя перетянет, перетянет одна слеза.

А у тебя есть одна слеза? То, что мы называем Божией благодатью, то, что называем Христовым прикосновением к душе нашей, это плод Святого Духа. Плод Духа полон слез. Об этом даре нам пишет Священное Писание, потому что это сокровенный и внезапный дар, он бьет ключом и идет от Бога по Его воле, и этим Бог нас удивляет. У Святого Духа много даров, не только этот, у Него есть бескрайние дары: Божественные смыслы, превосходные мысли, уникальные переживания, Божественное сияние вокруг нас, Христова благодать, слезы, многое Он нам дает.

Итак, есть ли у нас эта слеза? Если она есть, тогда у нас есть надежда на рай. Прекрасна эта слеза, когда катится,

и Бог берет ее, ее берет наш ангел, а ты думаешь, будто она исчезает. Бог берет ее и относит в рай, где она превращается в алмаз. И внезапно ангелы видят на небе мощный свет и говорят Богу:

— Что это сверкнуло, что это блестит среди нас, в этом священном собрании? Что так сильно сияет сегодня, Господи?

А Он им отвечает:

— Это слеза одного кающегося человека: одно Мое чадо покаялось. Одно Мое создание плакало сегодня, плакало горько. Я взял его слезы и превратил их в алмазы, которые будут ждать его, чтобы украсить ему венец, когда он придет в Мое Царство.

Эти алмазы создадут нам красоту. Тогда эти слезы украсят нашу душу, и больше у нас слез не будет — «иде же несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная». Бесконечная жизнь. Но для этого должна быть слеза, хотя бы одна слеза.

Старец Иероним Эгинский (есть книга о нем, написанная его духовным чадом) говорит: «Слез много, но глаза малы и не вмещают их. Не хватает глаз моих, Господи, чтобы выплакать слезы, которые у меня есть от любви к Тебе, от раскаяния в моих грехах и грехах людей!»

Как это прекрасно — иметь покаяние! Всегда, а не только в Великий пост. Всегда мы должны иметь покаяние, потому что и в день Пасхи мы совершим ошибки, на Пасху или Успение Богородицы могут случиться

недоразумения: сколько ссор бывает из-за еды, из-за семейных проблем, а ведь идет праздник!

Кто-нибудь может возразить, что праздники — время радости: Рождество Христово, Пасха, само лето, когда мы едем на море, путешествуем, проводим свой отпуск, — а не время для покаяния. Но посмотри, и там, куда ты едешь, дети попросят у тебя мороженого, ты начнешь нервничать, что у тебя нет денег, и злиться на жену, почему она захотела, чтобы вы остановились, и отсюда начнутся недоразумения. Вот вам и снова повод для покаяния! Как вы помиритесь? Да когда покаетесь!

И во время отпусков, и в лучшем кемпинге, и на лучшем море, и на лучшем пляже появятся поводы для покаяния. Куда бы ты ни пошел, надо носить с собой покаяние, чтобы оно всегда было с тобой. Оно очень полезно, необходимо всюду, где ты ни есть, как дорожная аптечка. Оно исцелит раны повседневные, травмы — малые и большие. Оно может исцелить все большие травмы.

Когда мы окажемся пред Богом, у всех нас, каявшихся, будет большая надежда спастись. А мы, остальные, что будем делать? Мы, остальные, никогда не плакавшие, что мы будем делать?

Вспоминаю случай из «Евергетиноса», в нем говорится об одном ленивом и нерадивом христианине, который проводил жизнь свою небрежно, никогда не каясь в том, что сделал. Он постоянно совершал грехи. И вот пришел последний его час, и он увидел, что Бог будет судить его

душу. Там был и данный ему с момента Крещения Ангел Хранитель, который силился найти что-нибудь хорошее, чтобы можно было сказать: «Господи, он сделал это». Однако Ангел не видел ничего хорошего в его жизни, а один только эгоизм, нервы, прихоти, гнев, отдаленность от Бога.

Что же человеку сейчас делать, что он скажет Богу? Все эти вещи, над которыми он смеялся, он увидит, что они — реальность. Что же скажет этот человек Богу сейчас? Вот и пришел конец лжи, конец шуточкам. А он думал, что вечная жизнь — это шутка, и говорил, что только эта жизнь реальна. «Станем есть, пить, брать то, что есть на этом свете, а все остальное — мифы». И что же он видит сейчас? Видит, что то, что он называл мифом, — это реальность, а то, что он считал реальностью, — миф.

Вот и закончился роман! В романах обычно в конце люди начинают жить лучше... а мы и того лучше будем жить! Да, но сейчас он видит, что вовсе не лучше, а, наоборот, хуже, что он вообще не подготовился к другому, тому, что его сейчас ждет. Он не приобрел ничего. И тут он начинает размышлять о своей жизни. Он видит, как весы склоняются к его порокам.

Ангел его был очень печален и плакал, а диавол радовался. И тут вдруг он сам заплакал — он, бессильный, умирающий, вдруг стал плакать и говорить:

— Что же я наделал, Боже! Вся жизнь моя прошла в непотребстве, вся жизнь в ошибках, вся жизнь была

вдали от Тебя — и это самое плохое, это самая большая моя ошибка! Самый большой мой грех. Я не познал Бога! Я жил как псы и даже хуже них, потому что они следуют своим инстинктам в меру, а я... Следовал своим животным инстинктам, страстям, и больше ничего. Не думал, что Бог существует! Не думал, существует ли душа. А сейчас вижу все...

Этот человек видел всю свою жизнь, как на киноленте. Он раньше никогда не плакал. Но тут он, такой жестоко-сердный, заплакал, взял платок и вытер глаза. Весы уже преклонились к его порокам, стрелка застыла в самом низу. И вдруг, в последний момент, Ангел что-то придумал. Любовь ведь всегда что-нибудь придумывает. Любовь находчива, изобретательна. Так что же сделал Ангел?

Он схватил этот платок — этот омоченный слезами платок — и положил его на другую чашу весов со словами: «Господи, Господи! Перед тем как принять окончательное решение, посмотри на этот платок, на эти слезы. Не могут ли они совершить это чудо? Посмотри на его покаяние хоть сейчас, в последний миг, за две минуты перед тем, как ему умереть! Ты милосерден, Ты, Господи, и в другие разы делал это. Ты, Господи, на кресте спас разбойника в последний час».

Он положил омоченный слезами платок, и весы преклонились на другую сторону, Господь его простил!

Слеза покаяния всемогуща! Но есть ли у нас такие слезы?..

Эта слеза всемогуща — слеза покаяния! Но есть ли у нас такие слезы? О, если бы мы нашли время в нашей жизни сегодня, завтра, послезавтра; о, если бы мы поне-многу каялись в том, что сделали, и в том, что собираемся сделать. В том, что совершают ближние наши и в чем мы никогда не каялись, так же как и они никогда не каялись в этом.

Давайте же молить Бога коснуться нас тем жезлом, которым Моисей коснулся скалы — и брызнула вода в пустыне. Чтобы Господь коснулся этой скалы нашего сердца, твердого, как камень, и чтобы брызнула эта животворящая слеза.

Помолитесь, прошу вас, и обо мне, а я буду молиться о вас!

Перевод — Станка Косова

Почему Бог не слышит нашу молитву?

1

Я хотел тебя спросить: «Когда ты говоришь с Богом, Он тебя слышит? Когда просишь чего-нибудь, Он дает тебе?» Мне не всегда, Бог не всегда меня слышит. Иногда я думаю, что Он и вовсе не отзывается на мой зов, на мой голос, на мою молитву. И вы мне о том же говорите иногда, и сейчас ты говоришь себе: «Бог не всегда нас слышит. Мы Его молим, стоим в церкви, однако что-то не чувствуется, чтобы мы получали то, чего просим в молитве».

Давайте же посмотрим, в чем причина этого и почему Бог не слышит, когда мы что-то говорим Ему. Почему, когда мы направляем Ему свое прошение, свою мольбу, Христос не дает нам желаемого? Что сделать, как встать пред Ним, как к Нему приступить, какова та предпосылка, которая сделает исполнимой нашу молитву, наше прошение, наше сильное желание?

Сегодня мы поговорим о молитвах за других людей — когда мать молится о своем ребенке, супруге или отец

о детях, жене, о других. Как сделать, чтобы наша молитва о ближних была услышана?

Вспомним один рассказ из Евангелия от Матфея — случай с хананеянкой, он точно описывает ситуацию нынешнего родителя, молящегося о своем ребенке. Если спросить у большинства родителей, чего они хотят, то у всех одна мольба — мольба о ребенке: чтобы он выздоровел, нормально развивался, хорошо себя вел, был умным, чтобы он исправился, вернулся домой, ушел из плохой компании... Родители, несущие в сердце эту боль, хотят, чтобы их молитва — и больше всего молитва о ребенке — была услышана и чтобы Бог отозвался.

Полагаю, эта женщина, хананеянка, откроет нам несколько тайн. Напомню вам этот случай: *И вот, женщина Хананеянка, выйдя из тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, Сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется. Но Он не отвечал ей ни слова. И ученики Его, приступив, просили Его: отпусти ее, потому что кричит за нами. Он же сказал в ответ: Я послан только к погибшим овцам дома Израилева. А она, подойдя, кланялась Ему и говорила: Господи! помоги мне. Он же сказал в ответ: нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она сказала: так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их. Тогда Иисус сказал ей в ответ: о, женщина! велика́ вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее в тот час (Мф. 15, 22–28).*

У этой женщины была проблема с ребенком — в нем был бес. Однако не является ли бесом любая человеческая

страсть? Может, твой ребенок и не такой, как у нее, но он может пить. А разве это не бес пьянства? Или играть в азартные игры, постоянно делать ставки — все это нездоровые, бесовские дела. Другими словами, эта его зависимость, эта страсть является бесовской, не так ли?

И пока эта женщина взывала, Господь ничего ей не отвечал. Ничего. Молчание! Небо заперто. Терзающийся от боли человек говорит Богу, а Он — ничего не отвечает! Ученики Господа идут и говорят Ему: «Отпусти ее, потому что кричит за нами! Сделай, что она хочет, и пусть уйдет отсюда, ведь она кричит, идет за нами и поднимает крик».

Однако не будем останавливаться на этом случае, а возьмем отсюда только повод. Господь говорит: «Я пришел, чтобы заниматься всеми людьми, Я послан только к погибшим овцам, к дому Израилеву, к тем, кто являются израильтянами». Хананеянка слышит эти обидные, обескураживающие слова, как если бы Господь сказал ей: «Не надейся, Я здесь нахожусь не для тебя, Я для других совершаю чудеса». Но, несмотря на это, она, подойдя, кланялась Ему и говорила: «Господи! помоги мне».

Господь ей не отвечает и отвергает ее, Он ее обижает и, казалось бы, оставляет без надежды. Он ей говорит: «Посмотри, нехорошо взять хлеб у детей и отдать его собакам, отдать еду Моих детей каким-то бродячим собакам. Так не пойдет, так не получится. Я не могу этого сделать — заниматься тобой». Он ее отталкивает, а она

хватается за эти Его слова и опять обращает их в молитву. Вместо того чтобы отчаяться, она отвечает: «Да, Господи, это так и есть, как Ты сказал. Я не возражаю, я не отрицаю того, что Ты говоришь, Ты имеешь на это право. Я поняла, что Ты говоришь. Ты назвал меня собакой — хорошо, я принимаю это: да, я собака, бездомная собака, меня надо вышвырнуть вон, как Ты сказал, меня надо презирать, и пусть будет так». Но затем говорит: «Однако и собакам на улице нет-нет да и перепадает какая-нибудь крошка. Так дай же Ты и мне хоть какую-нибудь крошку. Крошку! Я не прошу хорошей еды, ее Ты отдашь Своим детям, Ты дай мне крошек, падающих со стола господ».

И тогда Господь приклоняется к ней. Этот Бог, Который не нуждается ни в чем, Вседержитель, Который делает что пожелает, Которому повинуются все, — и вот сейчас Он, делающий что хочет, исполняет желание этой женщины. Тот, Которому повинуются все, повинуются Сам, Он, Господь наш Иисус Христос, повинуются этой женщине. Да, повинуются, Бог повинуются человеку и удивляется Своему созданию. Удивляется, изумляется и говорит: «О женщина! Велика вера твоя! Какое создание! Какая прекрасная душа, какая прекрасная женщина, какое прекрасное сердце! Велика вера твоя! Ты еще веришь Мне? Ты еще любишь Меня и не отступаешься? Я тебя гоню, отталкиваю, унижаю, а Ты еще веришь мне? Велика же вера твоя! Молодец! Да будет по воле твоей. Да будет так,

 Почему Бог не слышит нашу молитву?

как ты сказала. Что ты сказала? Чтобы выздоровел твой ребенок? Что хочешь, то Я и сделаю!»

И говорится в Евангелии, что исцелилась дочь ее в тот час. Хороший случай. Хеппи-энд, как говорят дети. Какое хорошее завершение, какой хороший конец и какое хорошее развитие дел! Ее ребенок выздоровел.

А теперь сравни свою жизнь, свою проблему и мольбу этой женщины, сопоставь их и скажи: «Во многом мы с ней похожи, а во многом нет. И я иду к Богу навстречу, и я иду на то, чтобы сделать нечто, однако в моей жизни еще нет этой замечательной фразы, я не могу произнести ее. Какую же? Ту самую, что в тот час дочь ее... Другими словами, чтобы я тоже сказал: "Помолился я о своем ребенке, и он выздоровел! Как здорово! Мой ребенок вернулся домой, он бросил наркотики, создал хорошую семью и перестал пропадать невесть где, не возвращаться домой ночь напролет, гулять, и себя мучить, и меня"».

Так вот, у нас нет такого развития дел. Мы где-то теряем направление нашей молитвы, где-то все портится. Как же нам подступиться ко Христу, как Его приклонить, как к Нему правильно приблизиться, чтобы произошло то, о чем мы Его молим, чтобы совершилось чудо? Где прерывается наша связь с Богом, где мы ошибаемся? А? Я хочу, чтобы сегодня мы направили свое внимание на это.

Давайте немного остановимся и задумаемся. Почему Бог не слышит нашу молитву?

Думаю, первое очень важное условие того, чтобы была услышана твоя молитва о ребенке, муже или жене, — это безнадежность. Когда ты перестанешь надеяться на свои деньги, ум, красоту, возможности, на свои права, когда «отчаешься» во всем этом, думаю, тогда твоя молитва к Богу начнет совершаться должным образом, и, думаю, потерявшие эту надежду люди обладают наилучшей молитвой. Потому что они взывают отчаянно, они потеряли все, у них нет никакой надежды, их разочаровали врачи, психиатры, философы, адвокаты мира сего, «мудрецы» века сего, политики, артисты, певцы. Потерявший эту надежду начинает надеяться на нечто иное.

Однако мы еще не отчаялись в самих себе, в своих возможностях, банковских сбережениях, в своем хорошем доме, имуществе и уповаем на нечто другое, а не на Бога. Чтобы произошло чудо, возлюбленный друг, коротко говоря, очень важно не уповать на вещи мира сего, потому что они не могут тебе дать ничего из того, что ты ищешь. Поэтому нужно, чтобы ты отсек всякую надежду на этой земле и говорил себе: «Все, конец! Один только Бог может помочь мне, я дошел до самого предела, до края пропасти, я в полном отчаянии!» И когда ты скажешь: «У меня нет надежды!» — тогда и начинаешь надеяться на Бога. Тогда наступает час Бога.

Это мне сказал один друг, Павел, он был парализованным и в сорок пять лет отошел в мир иной. Когда он

 Почему Бог не слышит нашу молитву?

доходил до безысходности — душевной, эмоциональной, духовной, впадал в искушения и т.д., то говорил мне:

— Больше не могу, я в полном отчаянии. Это час Бога!

Так он говорил мне:

— Рано или поздно в моей жизни произойдет чудо!

— Откуда ты знаешь?

— Я понял это из того, что лишился надежды. Я отчаялся во всем человеческом.

Когда люди перестают быть твоей надеждой, Бог становится твоей надеждой, ты начинаешь разворачиваться в другую сторону, смотреть на небо, возводить глаза вверх, взывать из всех сил или молча плакать, однако этот тихий плач задевает Бога и сотрясает небеса.

У нас, у большинства из нас, еще есть некоторое утешение. Вспоминаю пожары в Греции, когда люди приходили в отчаяние. Помню, в разных странах мира тогда бушевали ураганы, торнадо, наводнения, и люди писали на крышах крупными буквами: «Боже, помоги нам!» Боже, помоги нам, мы перестали надеяться на людей, никто не может спасти нас, только Ты!

Если ты правильно отнесешься к этому отчаянию, к этой безнадежности, если увидишь ее добрым оком и не утонешь в своем эго, своей депрессии, унынии, отчаянии, а превратишь это в разворот к Богу, в точку приземления ко Христу, в знак богоявления, чтобы ощутить Христово прикосновение именно сейчас, когда ты на краю

пропасти, не положить на себе крест, а почувствовать, что ты окрылен и начинаешь приземляться, вместо того чтобы болтаться над пропастью, — это самый хороший момент в молитве. Лучше всего молится человек, который преисполнен боли и потерял надежду. Ему легче говорить с Богом и быть услышанным.

«Знаешь, у меня есть деньги, но я не могу на них надеяться. Что можно сделать за деньги? Разве деньги могут вернуть мне радость, здоровье, разве они могут сделать моего ребенка, ближнего здоровым так, как я молюсь о том Богу?» Деньги не могут, люди не могут, ну а тогда кто же?

И ты, у которого есть и деньги, и хороший дом, красота и все прочее, ты говоришь в себе:

— Да знаю я все это! Я могу за деньги поменять небо и землю местами, но то, чего я сейчас прошу, никто мне дать не может.

— Да твое положение очень хорошее!

— Как так, я же в полном отчаянии!

— Это-то и хорошо в твоём положении. Отчаяние в помощи мира станет твоей огромной надеждой. Наступит момент, когда ты скажешь: «Оставьте меня, выйдите отсюда все, я хочу говорить. Я буду сейчас говорить с Тем, Кто над вами, Кто вне вас, с Единственным, Кто может совершить чудо».

Следовательно, чтобы была услышана наша молитва, первое, что нужно, — это не возлагать свою надежду на что бы то ни было в мире сем. Поэтому никогда не идите

 Почему Бог не слышит нашу молитву?

проповедовать такому человеку, который находит утешение в своем богатстве, кто воображает о себе, будто он велик, высоко думает о себе. Этот человек самоуверен, он склонен оправдывать себя, он хорошо чувствует себя сам по себе и поэтому ниоткуда больше не может начать искать помощи. Или может, но во всем хочет быть сам. «Во всем сам, — говорит он, — случись что, положу его в больницу, у меня же есть деньги».

Вот старается он, но когда померкнут надежды, которые он возлагал на людей, тогда он начинает задумываться, обезумевает и говорит:

— У меня есть еще миллионы, может, дать их, если надо?

А врачи ему говорят:

— Да дело не в миллионах. Мы тут уже бессильны помочь.

— Но почему, у меня же много денег!

— Твои деньги не могут поднять больного. Твои деньги не могут спасти другого, твоего человека.

Тогда ты сходишь с ума.

И эта женщина тоже обезумела. Она была отчаявшейся, трясущейся, и написано, что она кричала. Она издавала вопли. От отчаяния человек кричит, вопит. Поэтому я и говорю, что первая предпосылка — отчаяться в вещах мира сего.

Однако второй шаг, вторая ступень к тому, чтобы Бог услышал твою молитву о ближнем, — это чтобы

твое обескураживание не превратилось в депрессию, не парализовало твоего я и ты не оцепенел и ничего не делал, а чтобы оно стало толчком ко Христу, к Богу, Иисусу.

Много людей теряют надежду и хотят куда-нибудь обратиться, но не обращаются к должной Личности. Надо понять это и воззвать: «Господи, помилуй!» Ты не просто зовешь, не просто кричишь, а взываешь ко Христу. Ты понимаешь это? Ко Христу. Никуда больше.

Ты ходишь к разным магам, я и об этом слышал от пострадавших матерей, они мне говорили это. В минуты доверия и откровения сердца многие говорят мне это: «Куда я только не ходил», — к божествам и бесам, и это в буквальном смысле. Когда ты ходишь к медиумам, магам, гадалкам, и туда, и сюда, лишь бы обрести хоть какую-то надежду, поверить во что-то, попросить помощи...

Смотри, первое ты уже сделал — потерял надежду, однако второе делаешь не так. Ты не ищешь помощи там, где она есть, ты ищешь ее в засоренных источниках, в таком месте, где тебе помочь не могут. Ты не идешь ко Христу. А подумай, ведь в тот час перед женой-хананеянкой были и апостолы, может, были и другие законники, и другие люди, важные, хорошие, умные, способные, благодатные, обладающие разными дарованиями мира сего. Но куда устремила свой взор эта женщина? Куда? Говорила ли она с кем-нибудь из апостолов? Обратилась ли к людям? Нет, она обошла всех: «Пропустите меня!»

 Почему Бог не слышит нашу молитву?

Вот святой апостол Фома, вот святой апостол Андрей, святой апостол... «Пропустите, прошу вас, пропустите меня!» — «Куда ты?» — «Я иду к Господу. Только Он мне нужен, только Он даст мне то, чего я хочу! Я прибегу, поклонюсь Иисусу и скажу: "Господи, только Ты! Один только Ты!"»

А ты говорил это? «Иисусе, только Ты! Если Ты только скажешь, чтобы произошло чудо в моей жизни, если коснешься души моего ребенка (супруга, друга, брата, соседа, отца). Если только Ты, Ты... я не надеюсь на людей...»

* * *

Люди это люди, и они хорошо делают, что не отчаиваются, хорошо делают, что не предают нас, но — не поймите это неправильно — люди не дадут тебе того, чего ты хочешь, потому что то, чего ты хочешь, дорогой мой человек, это очень велико, очень важно, это огромно и бескрайне. Ты хочешь совершенного, но человек этим не обладает. Только Господь Иисус Христос обладает этим. Не какая-то высшая сила, не какое-то всеобщее или всемирное благо и прочие такие неопределенные вещи, а Иисус Христос.

Этот зов должен пойти от тебя, чтобы ты воззвал: «Иисусе мой!»

Вспоминаю сейчас о том, что много лет назад рассказ мне один святогорец, бывший раньше мусульманином.

Он занимался альпинизмом. И вот отправились они куда-то покорять какую-то вершину, и вдруг под ним все стало обламываться, не помню точно деталей, а внизу зияла пропасть. Он никогда не был связан с Церковью, поскольку был мусульманином. И тут его охватило отчаяние, потому что он видел, что прощается с жизнью. Бывшие рядом друзья ничего не могли сделать, потому что и им грозило то же самое. И он вдруг закричал:

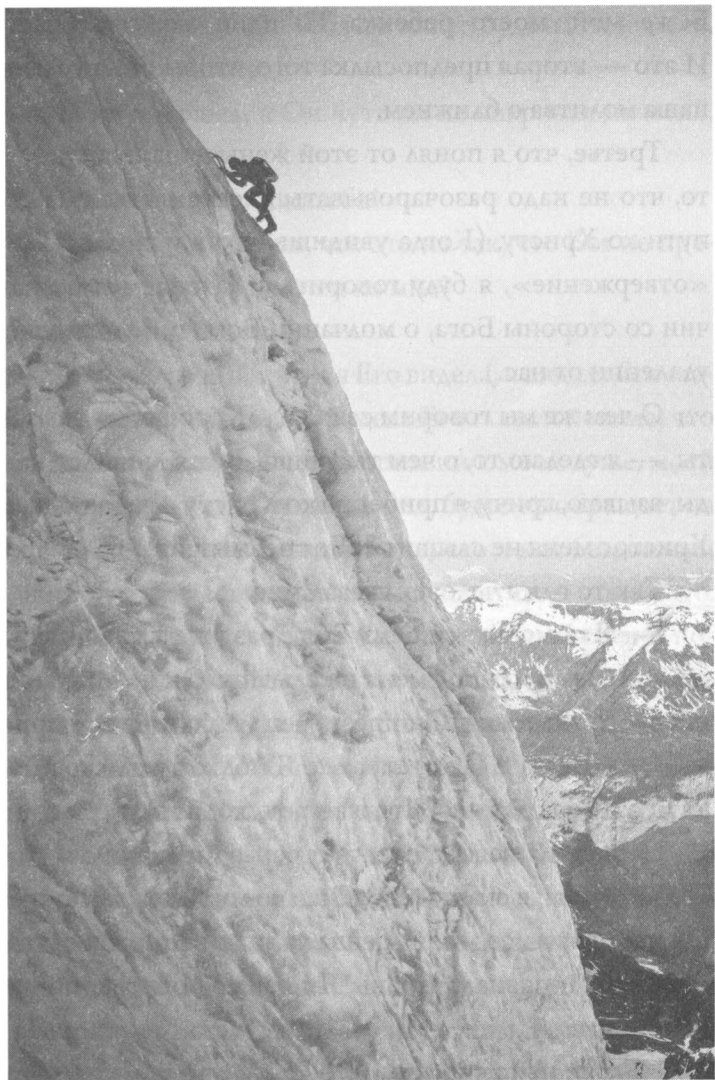
— Иисусе мой, я погибаю!

Все изумились, услышав, что этот мусульманин кричит: «Иисусе мой!» — это он-то, мусульманин!

И знаете, что произошло? Рядом с ним в скале появился выступ, кусок камня, он протянул руку и ухватился за него. Так произошло чудо. Здесь поразительно не то, что, откуда ни возьмись, появился этот камень, а то, что в самый критический момент, видя, что умирает, мусульманин кричит и просит: «Иисусе мой, я погибаю!» Почему он говорит «Иисусе», почему не «Аллах», или «Мухаммед», или какой-нибудь человек? Потому что в эту минуту он оказался в безнадежном положении и понял, что Иисус — и больше никто — это всё!

И этому человеку не пришло в голову сказать что-нибудь еще, но именно это: «Иисусе мой...»

А ты когда-нибудь говорил это? Нет. Потому что еще надеешься на людей, еще рассчитываешь получить что-нибудь от людей, — значит, у тебя еще есть небольшое расстояние до отчаяния. Тебе еще нужно пройти какой-то

путь, пока испустишь этот крик и скажешь: «Иисусе, Боже мой, моего ребенка Ты один можешь спасти!» И это — вторая предпосылка того, чтобы была услышана наша молитва о ближнем.

Третье, что я понял от этой жены-хананеянки, — это то, что не надо разочаровываться, отчаиваться на своем пути ко Христу. (Когда увидишь, что я использую слово «отвержение», я буду говорить о кажущемся безразличии со стороны Бога, о молчании Бога, о Его кажущемся удалении от нас.)

О чем же мы говорим сейчас? «Хорошо, — говоришь ты, — я сделаю то, о чем ты учишь. Вот я лишился надежды, взываю, кричу, я прибегаю ко Христу и говорю Ему, но Христос меня не слышит». Бог не слышит!

Как-то один человек сказал мне:

— Я помолюсь твоему Богу, раз уж ты говоришь мне об этом, но Этот Бог меня не слышит. Он не придает мне никакого значения, Он презирает меня, гонит. Я приближаюсь к Нему, а Он отступает. Я подхожу ближе к Нему, а Он отходит дальше. Что же происходит?

Церковь отвечает, отвечает через хананеянку:

— Давай я скажу тебе: Он и со мной так же поступал. Он не говорил со мной. Сейчас я знаю это, потому что видела чудо и познала жизнь. Я познаю Господа, понимаю Его тайны.

— Это неправильно.

— Что неправильно?

 Почему Бог не слышит нашу молитву?

— Идти к Нему, когда Он гонит меня!

— Это неправда, Он тебя не гонит, будь настойчивее, подойди к Нему ближе.

— Но я подошел, а Он чуть ли не накричал на меня. Я безразличен Ему.

— Это не так, говорю тебе!

— А как ты докажешь, что это не так, что Бог не презирает меня и не безразличен ко мне?

И хананеянка отвечает:

— Я скажу тебе вот что: я Его видела, я видела Его глаза. Я была позади толпы, но видела Его глаза и поняла, что в этих глазах нет злобы, нет неприязни к моей душе, моей боли. Он меня любит. Он сделал вид, будто не обращает на меня внимания. И когда сказал мне, что я как бездомный пес, и прогнал, то я видела, что Он через силу сказал это. Он не говорил это с легкостью, Он меня любил, и я поняла это! Мне надо было смириться, я поняла это; надо было растоптать свое я. Надо было смириться пред Богом. И принять Его... Когда приступаешь к Господу, надо смириться. И просить смиренно, умолять и чувствовать, что ты — как бродячий пес. А не думать: «Ты знаешь, кто я, чтобы говорить мне такое?!» Я смиряюсь, смиряюсь во всем. Он позорит меня, все смотрят, а я говорю: «Ничего, пускай смотрят. Да, это так. Смотрите на меня! Я то, о чем Он говорит». Смиряюсь, плачу пред Ним. Растрепанная, изможденная, я бежала за Ним по пыли, чтобы догнать, среди общего презрения. Я иду на это.

Так делай и ты. Смирись, укоряй себя. Это то, о чем говорят святые. Самоукорение скажет: «Я укоряю себя, то есть обвиняю, и говорю: "А кто ты такой, и что ты о себе мнишь?"» Это требует смирения. Требуется смирения!

И прости, что опять скажу тебе это, но когда ты идешь и молишься о близком тебе человеке, то будь смиренной и внешне, и в душе, и в одежде — во всем. Я уже говорил об этом раньше. Ты не можешь, дорогая, начинать (я не обвиняю тебя, просто объясняю, — может, я и не прав), ты не можешь отправляться наряженной, накрашенной, нацепив на себя и то, и это, надушившись, и с кучей всего этого являться ко мне и говорить:

— Отче, мой ребенок погибает, помолитесь!

Но послушай меня. А где же твое смирение? Ты скорбишь из-за ребенка, ты расстроена... «Да, я хочу, чтобы мой ребенок исправился!» Но можешь ли ты представить себе, чтобы хананеянка утром полчаса сидела перед зеркалом и красилась, укладывала прическу, чтобы у нее получились красивые локоны? А потом, найдя время и силу для всего этого, сказать: «Ну, теперь пойду на встречу с Господом! Дочь моя страдает от беса, но это ничего, я нанесу утренний макияж. Надушусь сейчас и пойду...»? Ничего подобного. Она смирилась во всех отношениях. Идет к Господу, а Он ее смиряет и перед людьми, и в самой ее душе, делает так, чтобы она наступила на собственное я и сказала: «Господи, прости меня!»

 Почему Бог не слышит нашу молитву?

Конечно, я не имею в виду, что ты не должна следить за собой, опускаться. Нет! Но когда ты идешь, чтобы встретиться с Господом, то покажи, что страдаешь, на всех уровнях. Ты поняла? На всех уровнях. Принеси жертву, начни борьбу, соверши подвиг ради ближнего своего. Откажись от чего-то, и тогда приклонишь Божию милость, тогда Бог увидит, что ты не помышляешь о чем-то великом, что у тебя нет высокого мнения о себе, что ты не живешь в мире фальши, заблуждений и фантазий, а приземлилась. Ты понимаешь это? Я хочу, чтобы поняла и не впадала в недоумение. Тогда ты подходишь ближе ко Господу и, будучи смиренной, настаиваешь. И когда Господь делает вид, будто не слышит, ты говоришь: «Ничего, я все-таки пойду и буду взывать. Он услышит. В какой-то момент услышит меня. Он делает вид, будто не слышит!»

Она приближается, настаивает и говорит Ему: «Да, Господи, я собака, но подай мне хотя бы крошки, я хоть об одной крошечке молю Тебя!» Эта женщина наглая, у нее есть наглость, она настаивает, говорит святитель Иоанн Златоуст, но Бог отвечает ей: «Молодец!»* Ее наглость похвальна. Она заслуживает похвалы, она молодец.

Надо иметь такое дерзновение пред Господом и настаивать. Господь Сам показал это: «Не переставайте

* См.: Иоанн Златоуст, *свт.* Беседа о жене хананейской // Иоанн Златоуст, *свт.* Творения: в 12 т. Т. 3. Кн. 2. С. 462.

Исцеление Дочери хананеянки

молиться, не опускайте рук, не разочаровывайтесь, а будьте упорны и ищите Меня. *Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам* (Мф. 7, 7)».

Стучись в дверь:

— Но, Господи, я зову и прошу Твоей милости, а Ты не слышишь?

— Слышу, слышу, но Я хочу, чтобы сейчас, когда ты зовешь Меня, ты на Меня взглянул. Хочу сейчас, когда ты хочешь, чтобы Я совершил чудо для того или другого человека в твоей жизни, чтобы ты Меня увидел. И если увидишь Меня, то поймешь, что Я — самое великое чудо, большее того, о чем ты просишь. Я — самое великое чудо,

 Почему Бог не слышит нашу молитву?

большее, чем то, чего ты от Меня хочешь. Эти глаза, которые видишь, — это Мои глаза. Мои, Господа Иисуса Христа, Бога. Войди же в соприкосновение со Мной, и потом помолишься о том, чего хочешь, и Я дам тебе это. Не теряй надежды, Я не играю с тобой.

Я что, пешка в руках Бога, чтобы Он играл со мной? Я что, игрушка, я что, тряпка, которую Бог бросает то туда, то сюда? Он — Бог, и играет ли Он с нами? Бог не играет с нами, Он не балуется. Он просто хочет сделать добро, многократное добро: чтобы и с ребенком твоим всё было хорошо, и муж твой вернулся, и тебя Он хочет исправить и к смирению привести, и благодарности тебя научить, и многое еще, и молиться тебя научить.

Он никого не забывает и не играет с нами. Нет. Бог очень серьезно смотрит на нас, и все, что Он делает, знаешь как называется? Это называется Христовым воспитанием. Он воспитывает нас. Значит, Он занимается нами. Христос — Педагог, и когда Он делает вид, будто не занимается нами, тогда-то Он в еще большей мере и делает это. Ты понял это?

Поэтому надо приступать ко Господу, не прерывая молитву. Не надо терять надежду. Сколько лет ты молился о своем ребенке? Сколько? Шестнадцать, шесть, тридцать? Хорошо, продолжай дальше. Ты говоришь, что ничего не получил, потому что ничего не изменилось? Нет, получил: ты научился молиться Богу, крепко держаться

за Его священную одежду, хвататься за Его ноги, кланяться пред Ним, чтобы слезы лились из твоих глаз и текли на Его ноги.

Видишь, сколько уже Господь тебе дал! Прежде чем дать то большое, о котором ты молишься, Он дал тебе величайшие вещи. Самые великие, о которых ты и не подумал помолиться, а Господь тебе дает их. Это так. Это так у Христа. Он дает нам то, о чем мы молим, когда мы приступаем к Нему такими: потерявшими надежду, обращенными только к Нему, изголодавшимися, сокрушенными, настойчивыми, терпеливыми, коленопреклоненными, ибо мы согласны с тем, что мы ничто, что не заслуживаем того, о чем реально молим. Надо смиренно просить, а не так, будто это нам полагается по праву.

Этот мой парализованный друг, о котором я говорил, приехал однажды в монастырь святителя Нектария Эгинского (на острове Эгина), и тогдашний владыка Иерофей предложил ему вместе помолиться святому, чтобы его состояние улучшилось. Он ему ответил:

— Ваше Высокопреосвященство, не молитесь ему, чтобы я поправился. Я недостойн просить этого. Мне стыдно сказать об этом святому, я не хочу просить о том, чтобы поправиться, просто помолитесь ему, чтобы все было так, как будет лучше. Так, как хочет Бог.

Какой смиренный нрав! А не: «Я хочу», «Мне положено по праву», «Я этого заслуживаю», «А ты знаешь, кто я?», «Мне Бог должен...»

 Почему Бог не слышит нашу молитву?

Ничего, ничего-то мы не заслуживаем. Это дар, ты понимаешь? Это дар! Если ты воспринимаешь это как дар, если не претендуешь ни на что, то идешь и просишь: «Господи, если желаешь... Я не заслуживаю того, чтобы с моим ребенком стало так, как я хочу. Я не заслуживаю того, чтобы с моей женой, с моим мужем стало так, как я хочу. Господи, я прошу о даре, я смиренно прошу Тебя об этом!» Не с претензиями, не по праву. Это не твое право. То, чего ты хочешь, — это дар от Бога.

2

И еще об одном я забыл, говоря о хананеянке и о том, чтобы Бог услышал нашу молитву, когда мы молимся о других. Когда ты молишься о другом, твоя душа должна гореть и ты должен сделать его боль своей, его проблему — своей проблемой. Это должно так сильно жечь тебя, чтобы ты чувствовал это, чтобы ты чувствовал то, что говорит святой апостол Павел: *Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?* (2 Кор. 11, 29).

Кто из вас говорит: «Как же, он страдает, он болен, в тяжелом положении, и чтобы я не страдал вместе с ним? Я тоже страдаю с вами. То, что чувствуешь ты, чувствую и я, я болею твоей болезнью, плачу от твоей боли»? А посмотри, что сказала женщина из Евангелия?

— Помилуй меня, Господи, Сын Давидов, дочь моя жестоко мучается (ср. Мф. 15, 22).

Молясь о своем ребенке, она не говорит: «Господи, помилуй моего ребенка», а «Господи, помилуй меня». Помилуй меня!

— Тебя помирловать? Но ведь больна твоя дочь?

— Да, Господи, но я так ощущаю ее проблему как свою, что и «помилуй меня», и «помилуй ее» — одно и то же. Я вошла в ее сердце, я вселила ее в свою душу, чувствую, что мы одно, и потому говорю «помилуй меня». Сделай то, о чем я Тебя прошу! Я не прошу о себе — прошу о своем ребенке, о моем человеке. Я так его люблю, так поглощена его проблемой, что сама сгораю вместе с моим ребенком. Господи, исцели его!

Любовь приводит к этому отождествлению, к этому единству, к этому состраданию. «Я сострадаю другому» — вот как происходят чудеса на молитве. Когда ты сострадаешь, когда болеешь вместе с другим, за другого. Когда ты совершаешь подвиг ради другого.

Какой подвиг? Ну какой? Когда ты говоришь мне, что твой ребенок скитается то там то сям, а при этом и сама скитаешься: телевизор, прогулки, развлечения; смотришь, скажем, телевизионные игры, сериалы по сто часов подряд и не уделишь хоть немного из того времени, которое тратишь на телевизор, молитве о своем ребенке. Как же я могу вроде бы сгорать за своего ребенка, а затем иметь совесть сидеть на пирушках, развлекаться,

 Почему Бог не слышит нашу молитву?

интриговать, совершать столько прочих бессмысленных вещей, которые далеко уведут меня от помощи моему ребенку? Ведь этим я не помогаю ему.

И когда Бог попускает болезнь в какой-нибудь дом, то Он попускает ее не только ради того, кто переносит болезнь, но и ради остальных. Чтобы все получили свой урок, все — свое поучение, все — свое исправление. Грех родителей воспитывает детей, и страдания детей воспитывают и исправляют родителей. Скажи: «Господи, сегодня я не буду смотреть телевизор, помолюсь о своем ребенке, потому что хочу вернуть его домой». Или: «За моего супруга я принесу одну жертву: буду испытывать его боль как свою».

Я был поражен, когда на похоронах одного молодого священника увидел бабушку, очень любившую его. Она не приходилась ему родственницей, но любила его. Вот вышла она на улицу и говорит мне:

— Отче, я так сильно болела за него, что сказала Богу: «Забери меня, и пусть живет этот юноша!»

Я услышал это и устыдился. Ты послушай, что она говорит: «Забери меня, чтобы он мог жить»! Это говорит любовь к другому. Это и есть: «Помилуй меня, Господи, мой ребенок мучается! Страдает мой ребенок, помилуй меня, Господи!» Другими словами, чтобы и я что-то заплатил за эту боль, которую испытывает мой ребенок.

А мы говорим: «Господи, соверши чудо, но чтобы с нами ничего не случилось. Зачем пропадать и моей

жизни?» Другими словами: «Не можешь ли Ты совершить чудо, но чтобы мы не платили за это чего-нибудь?»

И Бог говорит:

— Я ничего не хочу, чтобы вы платили. Я сделаю всё. Но хотя бы сердце ваше пусть сострадает.

Ты должен быть расположен к тому, чтобы соучаствовать в боли. Вот ты пишешь мне чье-то имя, чтобы я помянул его в церкви, и говоришь, что у того-то рак, чтобы я прочел его имя. Я не могу читать его имя формально и говорить: «Помяни, Господи, раба такого-то... Елену, Василия...» Ну хорошо, я произнес их. Но это ли молитва? Только ли это? Говорят, что проскомидия имеет огромную силу, но когда? Не когда она совершается формально и внешне — должно участвовать и мое сердце. Что говорится в Писании? Дай Мне, сыне, твое сердце (ср. Притч. 23, 26), Я сердца твоего хочу, и чего бы ты ни просил, с сердцем проси этого. И когда молишься о другом, чтобы с ним произошло чудо, твоя душа должна испытывать боль.

Одна девушка, мать которой болела раком, сказала старцу Паисию:

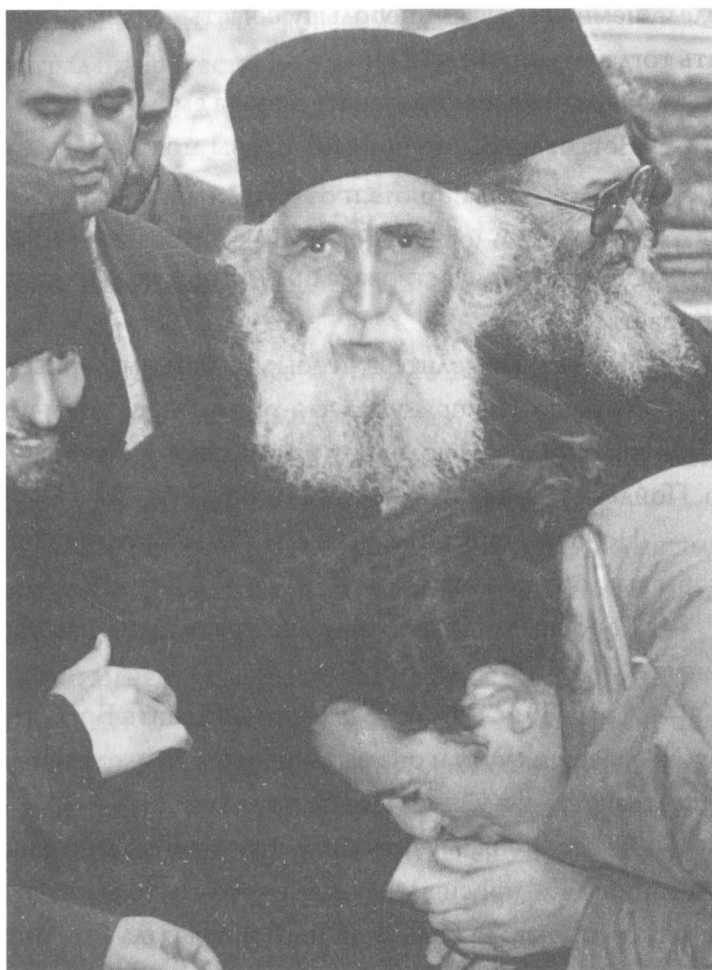
— Отче, помолись о моей матери, чтобы она выздоровела!

Старец Паисий сказал:

— Я помолюсь, чтобы она выздоровела, но посмотри: может, мы скажем Богу, чтобы она выздоровела, но чтобы Он послал и тебе половину рака, чтобы она

Почему Бог не слышит нашу молитву?

Старец Паисий Святгорец среди паломников

выздоровела? Чтобы Он все уравнил. Чтобы и ты поболела немножко, взяла небольшую часть ее рака, и твоя мать тогда выздоровеет? Пойдет?

Девушка была шокирована и сказала ему:

— Нет, отче. Вы не поняли! Чтобы моя мать выздоровела.

— Да, это будет, но, чтобы это случилось, нужно, чтобы и ты немного почувствовала боль, чтобы она могла выздороветь.

— Нет-нет! Помолитесь, чтобы моя мать выздоровела.

— Хорошо. И я придумал что-то получше: давай разделим рак с тобой — половину рака возьму я, а половину ты. Пойдет? И твоя мать тогда выздоровеет...

— Но, отче, простите, неужели надо и нам заболеть, чтобы выздоровела она?

— Хорошо, тогда я возьму две трети, а ты намного меньше.

— А вы не можете, отче, просто помолить Бога, чтобы Он совершил чудо и она выздоровела? Что-то вы меня совсем запутали, я уже ничего не понимаю...

— Я хотел тебя научить тому, что когда ты молишься о ком-нибудь и просишь для него чего-то, то надо, чтобы и ты испытывала боль ради него и показала Ему свою боль, соучаствуя в его боли.

Да, тебе не по силам понести рак другого, потому что ты человек, и очень трудно сказать: «Господи, пускай он выздоровеет, а я заболею!» Мы не говорим этого. Только

 Почему Бог не слышит нашу молитву?

святые делали такие шаги. Это духовный риск, и нужно быть очень святым человеком для этого. Но ты хотя бы сострадай, почувствуй боль, пророни слезу.

Ты плакал? Да? Значит, вернется твой ребенок, муж, жена, отец, мать. Если ты плакал, это значит, что и ты участвовал в боли другого и его проблема задела тебя не внешне, поверхностно и формально, а экзистенциально и опытно. И ты скажешь то, что старец Порфирий говорил одной душе:

— Когда я молюсь о тебе, то не говорю: «Господи Иисусе Христе, помилуй рабу Твою», а говорю: «Господи Иисусе Христе, помилуй меня!» Знаешь, что значит это «помилуй меня»? Это значит, что ты и я — одно, я люблю тебя так сильно, что, когда Господь подает мне милость, она изливается на тебя. Я для тебя хочу, чтобы Он дал мне это.

Это ли не замечательно? Хотя бы как слова, потому что на практическом уровне, в жизни вообще это очень больно. Но наш Господь Иисус Христос, Который превращает отравы жизни сей в лекарства и горечь этой жизни в сироп для наших грехов и нашего исцеления, совершит чудо. Нам нужно не терять надежду, а молиться!

Итак, возлюбленные, желаю вам испытать то, что испытала эта женщина. Согнуть Бога, преклонить непреклонного Бога, Того, пред Кем преклоняются все, ангелы слушают Его в трепете и почитают в страхе, чтобы Этот Бог согнулся перед твоим сердцем, перед твоей любовью,

перед твоим смирением, перед слезами твоими, перед болью твоей. Чтобы ты перевернул то, о чем мы говорим в молитве «Отче наш». Обычно мы говорим: «Да будет воля Твоя», не так ли? «Боже, да будет воля Твоя!» И вот приходит сейчас Бог, Господь Иисус Христос. Она:

— Да будет воля Твоя...

И тогда Господь говорит:

— Нет, чадо, Моя воля сейчас — твоя воля, да будет по-твоему, а не по-Моему!

— Но наша воля, Господи, — чтобы была Твоя воля, чтобы было самое хорошее, чтобы выздоровел мой ребенок, чтобы спасся мой муж, мой близкий, о котором я Тебя умоляю и прошу.

А Господь говорит:

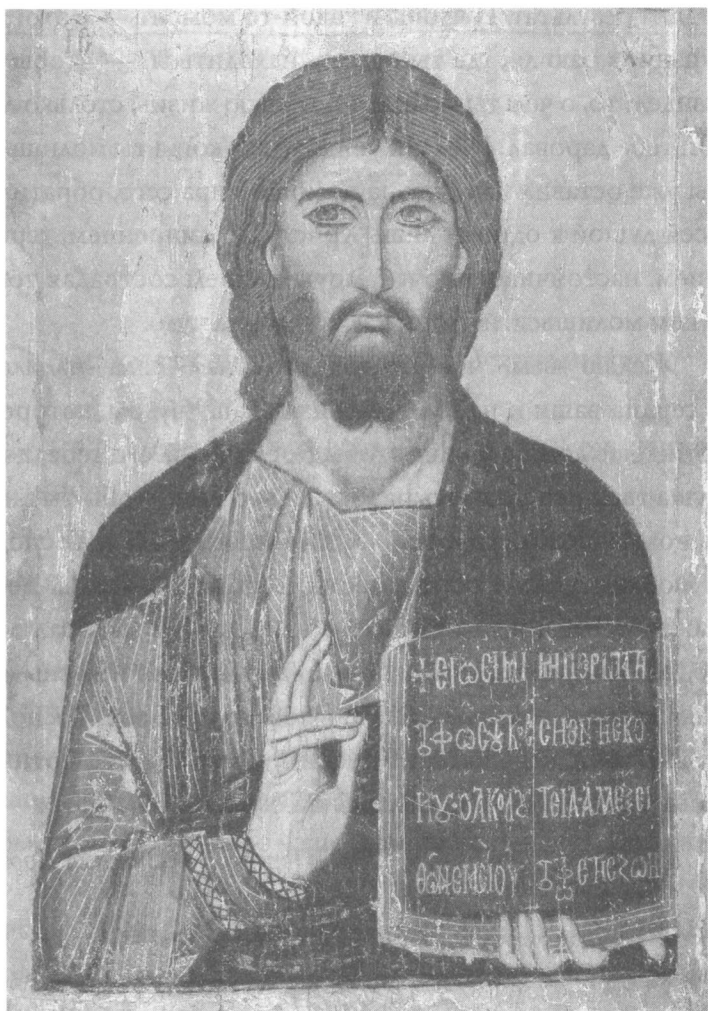
— Так как ты молишься как следует, так как выучила урок о болезни в твоей жизни и смирилась, выросла, ум твой стяжал мудрость, ты усвоила небесную мудрость, Божественную мудрость, то сейчас уже нет причин говорить тебе «да будет воля Твоя»: твоя воля уже — и Моя воля и Моя воля — твоя воля.

* * *

Желаю вам, возлюбленные, чтобы сейчас или когда Бог захочет, после нашей смерти, мы пережили это чудо, о котором просим ради близкого нам человека: чтобы и боль, которая у тебя есть, и слезы, которые проливаешь, тихие и тайные, но достаточно видимые для Бога

Почему Бог не слышит нашу молитву?

Господь Вседержитель. Икона

слезы, — чтобы боль души твоей принесла свой плод и дала результат. И чтобы в какой-то момент — в этой ли жизни, в раю ли, где ты будешь находиться, — чтобы ты увидел: то, о чем ты молился Богу всю жизнь, столько лет, Он тебе даровал. Ибо Он увидит, что, когда ты молишься, ты уже оставил надежду на помощь мира сего, обратился всей душой к одному лишь Христу, со смирением, терпением, настойчивостью и самоукорением сострадая тому, о ком молишься, и чтобы так ты увидел чудо.

Желаю вам, чтобы Божественная сила излилась в сердца ваши и наполнила жизнь вашу чудом, которого ты ждешь долгое время, чтобы Бог даровал его тебе, и так душа твоя исполнилась радости и веселия, чтобы ты днем и ночью потом говорил: «Прославляю Тебя, Господи, и люблю Тебя! Я всегда любил, всегда прославлял Тебя, даже в болезни, но сейчас, поскольку Ты даровал мне то, чего я просил, мой зов мелодичнее, гимн и песнь моя задушевнее, и я не перестаю повторять Тебе, Господи: "Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас!" — и прославляю Тебя непрестанно!»

Перевод — Станка Косова

КАК ДОЛГО Я МОЛЮСЬ?

Однажды я спросил юношу лет шестнадцати:

— Чадо мое, ты любишь Бога?

— Очень люблю, отче, — ответил он непри-
нужденно.

— И регулярно молишься Ему?

И он честно ответил:

— Нет!..

Юноша не мог понять, как эти два ответа противоре-
чат друг другу. Ведь невозможно истинно любить Бога
и не молиться. Когда у тебя есть друг, к которому ты пи-
таешь особую любовь, ты пытаешься всячески найти спо-
собы, чтобы как можно чаще с ним общаться? Не так ли?

Вслушайся, чадо мое, в цифры, которые сейчас тебе
приведу. Это точные данные. Человек, умерший в 70 лет,
прожил свою жизнь следующим образом: 15 лет он ра-
ботал, 20 лет он спал, 2 года ел, 1 год одевался, 9 меся-
цев купался, 7 месяцев брился, 4 месяца чистил свой
нос, 2 месяца чистил зубы и т.д. Ты ничего не заметил?

Все вышеперечисленное относится к внешней деятельности — уходу и заботе о теле. Но когда ты предстанешь пред Богом, число того, что ты обязан был сделать в жизни, будет существенно отличаться. Тогда спросит тебя Праведный Судия: «Сколько ты сделал хорошего? Сколько плохого? Сколько обязательств ты выполнил, а сколько нет? Сколько времени ты уделял молитве?»

За год сердце делает 36 792 000 ударов. Из такого огромного количества сколько ударов оно сделало для Бога? Сколько же времени я должен молиться?

Ты должен знать, чадо мое, что Бог смотрит не на количество времени, которое ты проводишь в молитве, а на твою ревность и расположение сердца. Одна краткая, живая и искренняя молитва стоит гораздо больше безжизненной, сухой, хотя и долгой. Главное — это ревность и теплое расположение. Старайся молиться утром и вечером и не забывай на протяжении дня как можно чаще обращать свои мысли и сердце к Богу. Только тогда будет благословен твой день, когда свои первые мысли ты посвятишь Ему. И сон твой будет мирным и безмятежным, когда, прежде того как ляжешь в постель, снова обратишь их к Богу.

Я не советую тебе молиться лежа в постели. Но если у тебя совсем не получается молиться, то в таком случае лучше не оставляй эту привычку. Но я надеюсь, что ты и сам поймешь: говорить с Богом и Господом твоим лежа в кровати нехорошо... Скажу тебе вот что: не спеши

окончить молитву и... попасть во власть сна! Будь благоразумным! Твори свою утреннюю молитву, когда уже одет, а вечернюю, когда еще не успел раздеться, — и будешь спать спокойно!

Знаешь ли ты одно мудрое изречение: «Всякое ваше дело суетно, если нет благословения Божия»? Тогда как ты можешь ждать счастья, если каждый твой день не начинаешь с молитвы Богу?

Оглянись вокруг, дитя мое: каждое творение по-своему молится и хвалит премудрого Создателя. Растения распускают свои цветы и воссылают свой живительный аромат к Престолу Творца. Птицы своими сладкозвучными голосами кого еще воспевают, как не Всесильного?

Для Него жужжит пчела, кружится веселая бабочка. Его славят своим блеском молнии. Его песнословит гром своим устрашающим величием. Да! Вся природа горячо молится Ему, сама того не осознавая. А ты, чадо мое, разумный человек со свободной волей, отвергаешь то, что так непринужденно исполняет лишенная сознания природа?

Самое прекрасное, что может быть в мире, — это человек, который молится. Это высказывание очень верное. Человек, который молится, живет в другом мире. Он дышит Божией благодатью и напояется нектаром Божественного присутствия.

Я тебе говорил уже, чадо мое, что вся природа молится. Конечно, это символ. Ведь истинная, умная молитва присуща одному лишь человеку. Только человек может

сознательно возносить свою душу к Богу и беседовать с Ним. И на самом деле, молитва — это достоинство человека. Этот критерий, который отличает его от других творений.

Когда я молюсь, моя душа восходит горе к Богу! Меня переполняют небесная радость, благодарность и любовь. Все это я чувствую в высшей степени. Как же я могу не славословить Бога за этот дар? На крыльях молитвы мы можем стремительно взлететь к Божиему престолу и оказаться вдали от суетного мира. Мы можем восходить туда, где жадно вдохнем живительный воздух Божественного присутствия. Молитва — это источник сил в тяжелой борьбе, которую ведем мы каждый день. Когда ты летишь на крыльях молитвы, это изменяет тебя.

Давай, чадо мое! Когда восстают на тебя скорби и бьют тебя, как бушующий шторм, пади на колени и открой сердце Отцу своему! Помолившись, ты увидишь, насколько ты изменился. Тогда небо прояснится и наступит штиль.

Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи, и от словесе мятежна, плещма Своима осенит тя, и под криле Его надеешися: оружием обыдет тя истина Его. Не убоишися от страха нощнаго, от стрелы летящая во дни, от вещи во тме преходящая, от сряща и беса полуденнаго. Падет от страны твоя тысяща, и тма одесную

тебе, к тебе же не приблизится, обаче очима твоима смотриши, и воздаяние грешников узриши. Яко Ты, Господи, упование мое, Вышняго положил еси прибежище твое. Не приидет к тебе зло, и рана не приблизится телеси твоему, яко Ангелом Своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих. На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою, на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия. Яко на Мя упова, и избавлю и: покрыву и, яко позна имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его, и прославлю его, долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое (Пс. 90).

Эти слова, написанные великим Псалмопевцем, наполнят твою душу утешением и станут отличной помощью для тех, кто хочет идти путем жизни прямо и честно.

И ты, чадо мое, непременно один из них, поэтому имеешь великую нужду в Божией благодати. И единственный путь, который принесет тебе победу, — это молитва.

Чадо! Не лишай свою душу живительного дыхания, но молись, молись с ревностью, пока не придет долгожданный день и не увенчает тебя нетленными венцами славы.

Перевод — Анастасия Будник

САД В ГЛУБИНЕ ДУШИ

1

Я буду говорить о молитве. Что имеют в виду, когда говорят, что ум наш чрезвычайно смятен? Пока не началась наша беседа, во всем храме слышны были разговоры. Мы что-то обсуждаем, говорим. Ум человека очень трудно успокоить. Мы не можем успокоиться, хотим постоянно о чем-то думать, говорить о чем-то, чтобы нас что-нибудь занимало, а ум, словно два мельничных жернова, перемалывал бы это, выполнял бы какую-нибудь работу.

Если кто-нибудь скажет тебе: «Успокойся немного!» — ты приходишь в затруднение, ибо не можешь успокоиться, и в этом причина всех наших проблем. А именно в том, что ум наш терзается помыслами, разочарованиями, отчаянием, тревогой, стрессом, страхом, неуверенностью. Например, сегодня, когда беседа закончится и двадцать человек из вас скажут мне: «Батюшка, то, о чем ты говорил, нам так понравилось!» Но один скажет: «Батюшка, то, что ты говорил, мне вообще не

понравилось!» И что станет делать мой ум? Он начнет терзаться из-за этого одного человека и размышлять: «Ну почему ему не понравилось? Как он может говорить так? Он же меня обидел! Меня, такого-то, и такого-то, и такого-то».

А о чем говорит все это? О том, что это — игры ума, постоянные терзания помыслами, тогда как реальность совершенно не такова. Я не завишу от того, хорошее слово вы скажете мне или плохое, и ты не зависишь от того, похваляю я тебя или поругаю. Почему? Потому что наша душа, наше сердце, сердцевина нашего существа сотворена Богом и таит в себе всецелое величие и красоту Христовой благодати.

Однако ум способен довести нас до болезни. Потому что все мы зависим от того, что думают о нас другие: насколько я высок, насколько хорош или я вовсе не таков. И не говорите мне, будто идете в церковь, вообще не взглянув в зеркало. Или не подумав, что наденете, как встанете. Вот что делает наш ум, ведь все это — наш ум, который говорит тебе: «Оденься получше, дитя мое, приведи себя в порядок, не делай себя посмешищем! Что о тебе скажут и что подумают?»

Или ты только что получил какой-нибудь диплом, а когда тебя представляют, забывают о нем упомянуть. И ты тут же начинаешь раздражаться. А почему? Это кто раздражается? Ум, потому что он говорит: «Они должны сказать обо мне всё! И о дипломе, и что я знаком с этим

правителем и этим известным политиком, и что я сделал то-то и то-то!»

Это игры ума, который убеждает нас вешать на себя ярлыки, фальшивые таблички, чтобы мы терзались и мучились из-за того, что не является нашей сущностью. Я — это не мой диплом, не мой рост, не моя красота или безобразие, не очки, не ряса, я нечто, стоящее за всем этим. В Церкви это нечто называется сердцем. Если мы соберем себя там, внутри, в сердце, сосредоточимся каждый в своем сердце и перестанем мучиться из-за того, что другие говорят о нас, тогда мы успокоимся. Почему? Потому что в сердце у всех заложена полнота, огромное счастье, такое изобилие благ, чтобы ты мог оставаться счастливым долгие годы, всю свою жизнь.

— Почему ты несчастна, дочь моя? — спрашиваю я.

— Потому что меня бросил тот, кого я любила. Он оставил меня!

— А сейчас что ты чувствуешь?

— Я чувствую себя плохо. Сейчас я чувствую себя ненужной, преданной, недостойной, чувствую, что ничего не стою!

Представь себе! Человек говорит: «Он меня не любит», — и приходит в расстройство. А кто его доводит до этого? Сердце? Нет, ум. Ум заставил тебя думать, будто если мужчина предал тебя или оставил (или наоборот: если женщина оставила какого-то мужчину), то из этого следует, что ты ничего не стоишь. И даже если все

остальные нас любят, но он тебя не любит, ты чувствуешь себя совершенно погубленной.

А что это такое? Это заблуждение ума. Все наши проблемы начинаются с этого ложного чувства, и мы терзаемся, доводим себя до болезни и думаем, будто этот дом, эта машина, этот человек, который любит нас, — для нас все, и «если он перестанет любить меня, я сойду с ума!».

Один духовник спросил девушку:

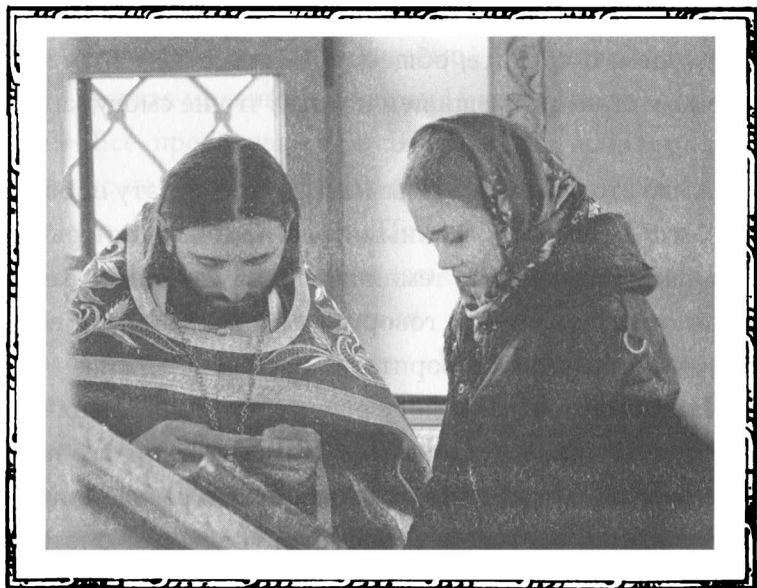
— Почему ты губишь из-за него свою жизнь?

— Но он был такой хороший! — отвечает она. — Я его слишком люблю! Я не могу без него жить!

— Однако семь миллиардов человек на планете как-то живут нормально, вообще не думая о нем! Им даже никто не интересуется. А ты сходишь с ума! Почему?

Потому что человек привыкает оперировать только помыслами, умом и не понимает красоты своего внутреннего мира. Ты прекрасен, ты прекрасна и ценна, даже если другой не уважает и не любит тебя. Что сказал Христос? «В вас есть нечто, чего никто у вас отнять не может». Даже если вас бросят в огонь, даже если сожгут, в душе у вас есть нечто красивое, подлинное, вечное, чего никто у вас отнять не может, поколебать вас и свалить.

Входишь ли ты во внутреннее соприкосновение с этим? Удастся ли нам войти в соприкосновение с нашей душой, с красотой нашего внутреннего мира?

Думаю, нет, потому что целый день мы что-то делаем, целый день о чем-то думаем, ум наш носится где-то и не дает нам покоя.

* * *

Почему покончили с собой все эти люди в Греции с тех пор, как начался кризис, и доньше, около трех тысяч человек, люди молодые и постарше, пенсионеры? Потому что они не научились подпитываться от сердца, а ум сделал их безумными. Думаю, когда они кончали с собой, они не были голодны, никто в этот миг не страдал от голода, вообще не было ничего осязаемого, что создавало

бы им проблему. А что создало для них проблему? Мысль о будущем, о кредите, обществе, детях, о том времени, «когда я стану посмешищем потому, что не смогу заплатить».

А что это все такое? Помыслы. А кто внес эту проблему? Ум. Ум сделал их безумными: еще не дойдя до тюрьмы, они сами заключили в темницу свою душу путем самоубийства. Поэтому я и говорю вам, что это очень важно — понять, что ум говорит нам ложь, много лжи.

Например, сейчас я могу решить, что вы на меня посмотрите и скажете что-нибудь плохое, а вы ничего плохого даже не думаете. Это ум говорит эти вещи. Или девушка идет по дороге и думает, что все на нее смотрят и критикуют: «Ты посмотри, ты посмотри на эту». А никто и не говорит так. Это ум порождает сценарии и делает тебя больным. Поэтому Церковь и дала нам возможность молитвы.

* * *

А что такое молитва? Она — именно это погружение ума в наше сердце, туда, где океан спокойствия, где тишина, покой, полнота Бога, слава от Бога, свет от Бога, любовь от Бога, туда, где у тебя нет такого чувства, будто тебе чего-то не хватает. У тебя есть всё. Но чтобы сделать это, ты прежде всего должен туда погрузиться. Успокоиться, избегая того, о чем ты думаешь, и сказать в себе: «Успокойсь-ка я немного, поразмышляю немного!»

Святые использовали (если вы помните из книг, которые читали) метод так называемой Иисусовой молитвы. Это краткая молитва: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» Все, пробовавшие ее совершать, на исповеди говорят, что не могут сосредоточиться на одном этом, а думают еще и о других вещах. Почему? Потому что, как мы сказали, ум не хочет успокаиваться, шум и гам ему нравятся, он не выносит спокойствия.

Женщины летом говорят: «Поедем в отпуск!» И вы едете отдохнуть, но и там находите себе новую работу. Я вижу это на своих близких: они едут отдохнуть на дачу или куда-нибудь еще и там затевают уборку, и пока она закончится, проходит два дня, а на четвертый возвращаются в город. Ты говоришь ей:

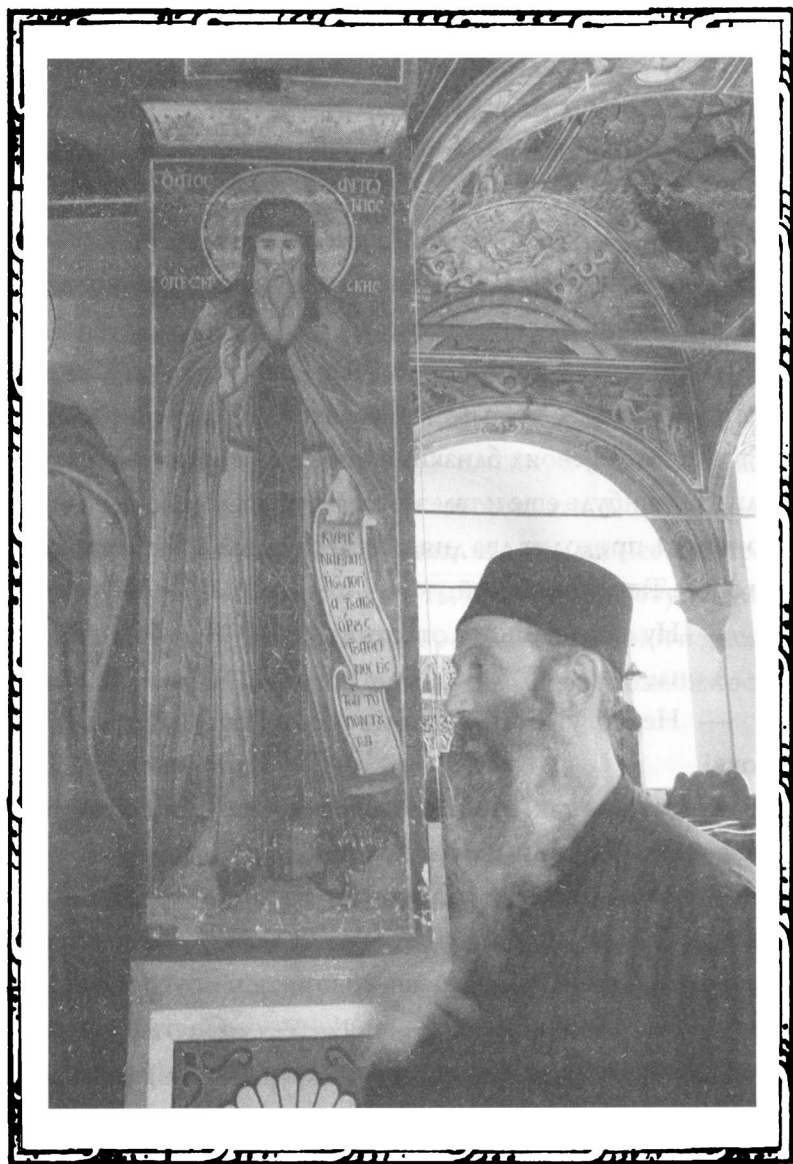
— Ну сядь, немного отдохни!

А она:

— Не могу! Если я что-нибудь не буду делать, я не могу!

Нет, это не так, это наш ум хочет, чтобы стоял постоянный шум. Он не выносит покоя.

Поэтому святые и установили эту молитву: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» — пять слов, чтобы ум мог сосредоточиться. Ты можешь говорить и другое: «Пресвятая Богородице, спаси меня!» — «Святый ангеле мой, храни меня!» Или же обращаться к своему святому. Не обязательно использовать только одну эту молитву, можно любую, лишь бы ум твой не носился без конца

и не доводил тебя до безумия — в ложь, потому что все, о чем он думает, — это суетные вещи, которые изматывают.

Один приятель на Святой Горе Афон сказал мне:

— Прошло какое-то время, пока я научился молиться и сосредоточивать свой ум. Это было нелегко, но когда я это сделал и смог с Божией помощью, знаешь, что я почувствовал? Я почувствовал себя так, словно уехал в отпуск на Карибские острова, словно я отдыхаю на экзотических островах, так хорошо себя чувствуешь, когда успокаиваешься и перестаешь терзаться мыслями, которые мучают тебя и держат в стрессе.

У всех нас внутри имеется сад, весь в цветах благоуханных, однако мы не часто заглядываем в этот сад. Вы видели эти таблички в центре Афин, где чрезвычайно шумно, а на табличках написано: «Во дворе есть сад». Они будто говорят: «Не смотри снаружи, где шум, зайди внутрь и увидишь! Там спокойно, там есть и сад, и виноград».

Так же происходит и в жизни, за шумом и гамом, который мы сейчас поднимаем, думая о всяких вещах, от которых ночью уснуть не можешь. Но если ты перестанешь тревожиться умом, войдешь в сердце, то почувствуешь Бога и услышишь голос, которым Бог говорит тебе:

— Дитя Мое, Я люблю тебя! Дитя Мое, Я существую и буду тебе помогать! Дитя Мое, ты дорог Мне! Что бы ни говорили тебе другие, ты для Меня важен! Не беспокойся! Все будет хорошо.

Этот голос существует в нас, он слышен, но чтобы он был услышан, в душе должен наступить покой, и поэтому святые кроме молитвы «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» использовали и свое дыхание. Это тайна. Не произносите молитву очень долго, а всего пять раз на дню, то есть совершайте глубокие вдохи, при которых, однако, говорит «Добролюбие», ты сосредоточишь свой ум на дыхании и вложишь Христа в это дыхание, в воздух, входящий внутрь, и Христос будет в тебе. «Господи Иисусе Христе» — на вдохе, и «Помилуй мя» — на выдохе. Однако надо не думать ни о чем другом, а следить за спокойствием своей души, быть спокойным.

— Во сколько вы уснули вчера?

Одна дама ответила мне:

— Во сколько я уснула? Или во сколько легла?

Я сказал ей:

— И то, и то.

— Легла в двенадцать, а уснула в час пятнадцать.

— А почему?

— Потому что не могла, думала. Я не могла, меня словно за горло душило беспокойство о налогах, о ребенке, который не нашел работу. Мне не дают покоя и мысли о дочери, которая еще не вышла замуж, и о второй, которая вышла замуж, но у нее еще нет ребенка. Я думаю об этом, думаю, схожу с ума, не могу спать. Утром просыпаюсь, измеряю сахар — он повышен, а я ничего не ела вечером, как странно!

— Эти мысли сводят тебя с ума и изматывают. А что, если бы ты научилась входить в сладость молитвы, доверяясь Богу, и класть свои проблемы пред Богом? Научилась говорить: «Моя дочь? Я предоставляю ее Богу. Работа? Я доверяю ее Христу. Чего я добьюсь, если помешаюсь от ужаса?» Чего? Весьма скоро — инсульта или инфаркта. Вот чего ты добьешься.

Кто-нибудь возразит мне: «Другими словами, ты сейчас говоришь мне, чтобы я ничего не делал?»

Нет, то, что я велю тебе делать, — это самое великое. Самое трудное — не думать о проблеме, а взять ее и попить во Христе и доверить ее Ему. Это очень трудно. То есть сегодня я говорю тебе о совершении этого дела, а не говорю, чтобы ты не делал ничего. Я говорю тебе, чтобы ты сделал нечто конкретное, но не то, что ты делаешь. Потому что то, что ты делаешь, тебя вымотало и прежде времени состарило.

Я пришел сюда сегодня, чтобы сказать вам о том, чтобы вы оставили проблемы, занимающие вас, однако чтобы вы не просто бросили их, как говорят, а чтобы сложили их перед Голгофой, перед Крестом Христовым — в Божьих объятиях и под покровом Пресвятой Богородицы нашей. Это очень трудно. Как бы просто это ни казалось, это чрезвычайно трудно.

Женщине очень трудно заставить себя сказать: «Я вечером усну, а ребенок пусть пропадает где-то, я оставляю его Пресвятой Богородице. Он вернется в три-четыре,

так что же мне делать? Утром надо идти на работу, не могу же я ждать до трех, пока он вернется, чтобы потом с ним ругаться еще до трех с половиной, и лишь потом я лягу, а утром пойду на работу никакая».

Нет, не в этом выход. То, о чем я вам говорю, выглядит — как бы это сказать? — несерьезно, несущественно, но на самом деле это решение — самое существенное. Выйти из безумия мира и войти в покой Бога. Вот это делает молитва. Если хочешь помочь себе преодолеть безумие мира, не входи в это безумие, а немного выйди из него. На сколько? Минут на пятнадцать, на полчаса.

* * *

Я знаю одну бабушку, которая каждую ночь молится по два часа, и когда она с тобой говорит, лицо у нее светится. Она не смотрит турецкие сериалы. У нее есть время помолиться. Она не смотрит сериалов, не смотрит фильмов, а почему? Она хочет молиться о других, любит других, думает обо всем мире, о своей душе — вот что она делает и поэтому молится, и душа ее светится и насыщается этим.

Молитва — не пытка, пытку испытываем мы, потому что не усаждаемся молитвой. Кто усаждается ею, тот знает, что не теряет времени, потому что после этого, когда выходит в жизнь, чувствует себя намного лучше. Он спокоен, давление, сахар, все тело у него в гораздо лучшем состоянии, и врач, к которому он ходит, говорит ему:

— Вижу, результаты гораздо лучше на этот раз. Я говорил тебе, чтобы ты кончал с этим стрессом, и молодец, тебе это удалось!

С этого начинается все. А что такое стресс? Ум думает, думает, думает, и ты болеешь от множества мыслей.

А если вы не можете молиться сами, подумайте о каком-нибудь человеке, которого любите и который немного займет ваше сердце, то есть пусть это будет ваша жертва ради него. Помолись о ком-нибудь, кого любишь: о ребенке, муже, жене, каком-нибудь соседе, близком.

Почему я это говорю? Потому, что, когда любишь кого-нибудь, тебе легче молиться и ты говоришь: «Помолюсь-ка я ради него!» Матери добры и чувствительны потому, что, когда у детей бывает какая-то боль, они поневоле молятся о своем ребенке; о себе много не молятся, но, если с ребенком что-нибудь случится, они всегда помолятся.

Это тайна: помолись о ком-нибудь другом, если не можешь о себе, войди в соприкосновение с Богом по любому поводу. Найди какой-нибудь повод.

Одна женщина сказала духовнику:

— Батюшка, я не могу сосредоточиться на Боге в молитве, не могу полюбить Его, это очень трудно — то, о чем ты говоришь. Батюшка, это всё теории!

И он ей сказал:

— Чадо, сказать тебе что-то? Ты в известной степени права, что не можешь войти в соприкосновение с Богом, но любишь ли ты хотя бы одного человека?

— Я люблю своего ребенка.

— Хорошо, помолись о ребенке и войди в соприкосновение с Богом ради своего ребенка. Используй это в качестве повода.

* * *

Это делал святой Силуан на Святой Горе Афонской. Он говорил, что однажды молился — о ком, вы думаете? — о монастырских трудниках, о строителях. Был там некто Николай из России, который оставил жену, детей и пришел на Святую Гору потрудиться, чтобы заработать денег и вернуться в Россию, принести им денег. Святой Силуан молился о Николае и сотворил хорошую молитву — в уме он говорил: «Христе мой, помоги Николе, дай ему здоровья, чтобы он не упал с какой-нибудь лестницы, чтобы ничего с ним не случилось. Защити его жену, которая одна дома, чтобы она не сделала ничего неподобающего и чтобы дети его были здоровы!»

И в тот час, когда он молился таким образом о Николае, ум его осознал, сколь благ Христос. И после этого, через пять минут, рассказывал он, забыл о Николае и сосредоточился на Христе. Лишь на Христа смотрел, оставил Ниолу, потому что увидел Бога (а когда кто-нибудь увидит Бога, он забывает о проблеме, с которой начал) и пребывал с боговидением.

Что он рассказал затем? В Боге что он увидел, как вы думаете? В Боге, Которого видел, забыв о Николе, он

через несколько минут увидел Николу. Он начал молиться об этом человеке, ум его отрешился и вошел в Бога, и в Боге он нашел того, о ком молился.

Это значит, что глубоко в душе мы все где-то встречаемся. Я и ты — мы любим друг друга в душе, глубоко внутри себя. И твоя невестка со свекровью, то есть с тобой, и те, у кого есть снохи, ваши души и сердца связаны в глубине. Однако существует невероятное столкновение — знаете где? В уме мы разного сорта, там мы не подходим друг другу. Поэтому сноха ругается со свекровью, поэтому муж ругается с женой.

А кто ругается? Наши сердца? Нет, это наши умы ругаются; наши сердца созданы Богом и общаются. Нет человека, который не любил бы сердцем. Даже тот, кто нарочно припарковался перед твоим автомобилем, перед твоим домом, даже тот, кто нарочно выбросил мусор под твоим окном, даже тот, кто причинил тебе зло в жизни ... И твоя душа внутренне любит его, потому что, как мы сказали, глубоко внутри нас есть сад.

Глубина твоей души любит весь мир, и глубина твоего врага любит тебя, но, к сожалению, мы пребываем не в глубине, а на поверхности. А там что говорит ум? «С тобой все в порядке?» Наши сердца, по сути, как дети: ребенок идет и обнимает всех. У малого ребенка нет проблем ни с кем, он будет дуться полчаса, а потом опять обнимает тебя, он не таит злобы ни на кого, прощает всех, — таково наше сердце, каким оно создано от Бога.

Однако мы сейчас не таковы, мы стали «цивилизованными»: «У меня какое-никакое положение, я вот с этим не разговариваю! Нет! Он меня не интересуется! Я не стану говорить с этим, пусть хоть умрет, я, скорее, дух испущу, но не заговорю с ним опять!»

Другими словами, это — твой ропот. Ты недугуешь, это — наша болезнь, а наше сердце в то же время хочет возлюбить даже врагов. Христос этого желает от нас, но мы, к сожалению, не делаем этого и живем в Церкви и состариваемся в Церкви, оставаясь всё такими же. Спросишь кого-нибудь: чему ты научился за столько лет в Церкви? Научился ты иметь мир? Любить? Соединяться с другими посредством молитвы? Ты понял, что другой тебе не враг?

Одна девушка сказала старцу Порфирию:

— Отче, помолитесь обо мне!

А он сказал:

— Сейчас, я помолюсь перед тобой о тебе!

— Да, чтобы я слышала!

И он сказал:

— Господи Иисусе Христе, помилуй мя!

Ее звали Георгией, и она подумала: «Сейчас он скажет и обо мне», — но старец Порфирий повторил то же самое:

— Господи Иисусе Христе, помилуй мя!

Она его спросила:

— Отче, вы не помолитесь обо мне?

Он ей сказал:

— Дитя мое, я о тебе молюсь!

— Но вы говорите: «Помилуй мя»!

А он ответил:

— Дитя мое, разве ты не поняла, что мы — я и ты — одно? Я люблю тебя так сильно, что молюсь о тебе, как о себе, и молюсь о себе, как о тебе!

Это лучшее. Вот это и дарит нам сад, сад в глубине. Кто молится, а утром просыпается, видит соседа и говорит: «Не буду с ним говорить!» — тот глубоко погружен в сумерки. Он еще спит. Этот человек еще не понял даже азов духовной жизни.

Кто молится, то есть думает, что молится, а утром не просыпается с любовью, бодростью и волей к жизни, тот ничего не взял у Христа, не прикоснулся ко Христу, он прикоснулся к чему-то другому. Может, прикоснулся к неопределенным душевным явлениям, неопределенным духовным переживаниям, но разве возможно прикоснуться ко Христу молитвой и остаться таким же? Разве это возможно?

2

Всюду, куда ни шел Христос, все менялось. Не говорится ли, что Он пошел в пустыню? И с Ним туда пошло пять тысяч душ — и все ели хлеб и рыбу, которые Он дал. Пять

тысяч человек пошли в пустыню — зачем? Кто просто так идет в пустыню? Но там был Христос, и они шли.

* * *

Христос увидел тещу святого апостола Петра и исцелил ее горячку. Он шел к больным и лечил их, к одержимым — и освобождал их от злых духов. Что это значит? Это значит, что там, где Христос, все меняется. Мой вопрос таков: а ваша и моя жизнь изменились через Христа? Вот мы с вами говорим, что молимся. А что такое молитва? Мы говорим, что она — прикосновение ко Христу. Но что ты получил от этого прикосновения? Что?

* * *

Вижу после Божественной литургии людей причастившихся, исповедовавшихся, и вот после святой литургии, когда Причастие еще у них в устах, они начинают говорить с горечью, тревогой, беспокойством, страхом, неуверенностью, смятением... Я их спрашиваю:

— Что ты сделал только что? Принял Христа в себя? А ты почувствовал, что твой внутренний сад покрыл тебя покоем и тишиной? Где твой покой? Где твое спокойствие? Что ты взял у Христа?

То же самое сказал мне один ребенок о своих родителях — что он не видит в них больших перемен. Для меня его слова прозвучали как кошмар, он будто говорил мне: «Ты ходишь в церковь, однако я не вижу, чтобы твоя

жизнь изменялась». Он имел в виду свою мать, он еще был маленьким и не мог скрывать своих мыслей:

— Она с детских лет ходит в церковь, печет просфоры, но я не вижу в ней никакого спокойствия. Дома постоянно ругаются, кричат, чего-то требуют, и вообще она большая эгоистка.

Прикасаемся ли мы к Богу на святой литургии, в молитве? Доказательством тому будет наше счастье: если ты счастлив, этим ты доказываешь, что действительно имеешь опыт такого прикосновения в своем внутреннем саду. Но если ты несчастлив и вынашиваешь в себе то, о чем говорят многие женщины, то есть ропот, ворчание, жалобы, недовольство, если думаешь, что все всегда виноваты перед тобой и что-нибудь постоянно делается не так, какая-нибудь ошибка обязательно совершается, тогда Христов мир далек от тебя.

Некоторое время назад один мужчина сказал мне следующее:

— Моя жена вернулась с работы и еще у дверей принялась кричать: «Что это такое?!» А я просто оставил сумку. «Что это за сумка?! Заберите ее! Никто ничего не делает в этом доме!» Мы ее столько не видели, а она с первых же слов — в крик, негодование, возмущение, ругань...

Попробуй скажи ребенку после этого, что молитва успокаивает... Он скажет тебе:

— Не верю! Покажи мне это!

Ты превратил свой дом в место постоянных ссор, криков, ругани.

Поэтому святой Серафим Саровский говорит, что, если хочешь помочь другим, стяжи Божий мир и спокойствие, и тысячи людей получат пользу, даже если ты не будешь разговаривать.

Будь таким, каким должен быть, прочувствуй чудо своего ума, который сойдет в твое сердце и умирится. Тогда ты обнаружишь, что на все начинаешь смотреть по-другому. Беспорядок в доме не будет такой огромной проблемой, и твой внешний вид не будет волновать тебя так сильно, чтобы ты из-за этого доводил себя до болезни: «Ну почему я такой, тетушка, какой я есть?»

А какой ты? Ты увидь хорошее, что в тебе есть, и если найдешь его, все станут любить тебя, все будут тобой восхищаться: твоим лицом, всем. Ведь ты — это не только красивые глаза, ноги, тело, но и характер, и душа, благородство и святость.

Молите Бога, чтобы Он дал нам обрести это посредством молитвы. Не знаю, сколько времени вы молитесь, но знаю, что многие родители много молятся о своих детях и о себе. Есть одна женщина, которая держит у себя в гостинной три книги: Новый Завет, Синаксарь с житиями святых и книгу молебнов. Она мне сказала:

— У меня трое детей, батюшка! И поскольку я ленива на молитву и мне трудно молиться, то я за них по десять минут читаю из каждой книги: за сына читаю десять

минут Евангелие как молитву, успокаиваюсь, вводя своего ребенка в Божию любовь и Божий свет, и предоставляю его Богу. За дочь читаю десять минут молебен, где бы она ни находилась: в университете, в пути, где бы ни была, я ее оставляю Пресвятой Богородице и святым. А за второго сына читаю десять минут жития святых. И делаю это как молитву о моих детях. И за мужа я тоже делала это, и за себя.

Так она заполняет свой день доверием к Богу.

Молитва не долг, то есть не: «Делай это, а если не будешь делать, попадешь в ад!» Она — кислород души. Мы нуждаемся в ней, чтобы жить. Кто не хочет молиться, тот пусть не делает этого, однако в жизни увидит, что постоянно будет пребывать в смятении — «кто-то что-то сказал мне, и я весь трясусь»!

* * *

Пошел некто на Святую Гору Афонскую, и ему сказали, что он останется там на несколько дней. Сначала он сказал: «Да нет, я захочу остаться еще! Четырех дней мне недостаточно, я хочу неделю!» А что оказалось? Он не смог и одного дня выдержать, потому что вечером в первый день отошла вечерня, повечерие, поужинали они, и ему сказали:

— Спокойной ночи!

— Как спокойной ночи? Сейчас же семь часов! У вас есть телевизор, что-нибудь еще?

— Нет, у нас здесь нет этого!

— А радио?

— И радио нет.

— Ну а какая-нибудь газета, спортивные новости?

Чтобы мне почитать немножко.

Один из братьев сказал ему:

— Ну чего тебе надо, дитя мое?

— Извини, но что я буду делать всю ночь?

Монах подумал, что он человек простодушный, и вынул четки, протянул ему и сказал:

— Возьми их!

— Да я купил себе на выставке, для машины!

— Нет, ты возьми их, чтобы молиться по ним!

— Хорошо, но я ведь не говорил, что могу молиться всю ночь, чтобы время у меня проходило с четками и молитвами.

— Мы тут так живем.

— И как же вы можете быть счастливы?

— Это дело, если его делать много, доставляет радость душе, и ты ощущаешь Бога.

— Ну ладно, тогда я извиняюсь... А когда следующий корабль?

— Есть и завтра, и послезавтра. Но ты же сказал, что останешься на неделю?

— Нет-нет, в этом нет необходимости, я приложился ко всем иконам, увидел святые мощи, а завтра утром хочу уехать!

— Ты поедешь в соседний монастырь?

— Нет, я уеду в Салоники, я возвращаюсь домой!

Он не выдержал безмолвия, покоя, тишины, а предпочел им стресс. Поэтому, когда отключается электричество и умолкает телевизор, мы не знаем, что делать.

* * *

Летом я слышал, как какие-то женщины говорят из окон:

— А что мы будем делать сегодня?

— А что будем делать! Ничего! Передачи нет, мы ее и во вторник не увидим.

— А как же пройдет вечер?

— Ну как-нибудь пройдет, имей терпение...

Женщина не восприняла это как повод для счастья, чтобы сказать себе: «Успокоюсь-ка я немного, посижу в тишине», — а принялась роптать: «Конец света! Всё! Что же я буду делать?»

* * *

Святой Иоанн Златоуст говорит: вместо того, чтобы взять у Бога покой, мы хотим передать Ему свое смятение. То есть поступаем наоборот. Помните, где об этом написано в Евангелии? Когда поднялась буря на море и корабль утонул, Господь что делал? Он спал, отдыхал, а корабль бросало по воле волн. Господь не действовал умом Своим, то есть Он не стал думать: «Мы погибаем,

мы в опасности! Катастрофа! Что делать?» Сердце Его было спокойно, поскольку Он Бог, и Он отдыхал. Ученики же, вместо того чтобы сказать: «Смотри, как Он спокоен! Он нас спасет! Успокоимся и мы, как Он!» — что сказали? «Разве это возможно, чтобы Он был спокоен, а мы погибали? Проснись же и Ты, встрепись! Господи, мы умираем! Что же Ты делаешь? Спишь?»

И святой Иоанн Златоуст толкует это место так. Вместо того, чтобы перенять спокойствие у Христа, они хотели передать Ему свое смятение. Это делаем и все мы — по-нуждаем Бога войти в нашу игру, то есть в наше безумие, и чтобы Он исполнял наши планы. Хотим и Его сделать таким же, как мы, вместо того чтобы сказать: «Я войду в Божий Дух и в Его покой!»

Поэтому Христос встал, протянул руки, и наступила великая тишина на море, все утихло. А Он сказал им:

Что вы так боязливы, маловерные? Где вера ваша? (Мф. 8, 26; Лк. 8, 25).

* * *

Что значит верить в Бога? Просто произнести Символ веры? Мы его произносим, но ощущаешь ли ты от этого мир?

Моего ребенка уволили, ответ — молитва, я представляю его Богу. Что мне еще сделать? Если я знаю кого-нибудь, позвоню по телефону; если найду объявление, передам ему, но душа моя не будет ввергаться в стресс

из-за этой проблемы, ведь безумие не поможет моему ребенку и не решит его проблем.

Поэтому один мальчик говорил мне о своем отце:

— Мне нравится, что мой отец, когда молится, всем в доме передает оптимизм. Он — наша опора, его лицо и слова вдыхают в нас надежду.

Вот доказательство того, что человек действительно молится Богу, в то время как мы тонем в ложке воды. И хотя мы исповедовались, причастились, но всегда что-нибудь случается, и мы не выдерживаем и срываемся. Ходим на проповеди, беседы и т.д., однако помним их недолго.

В этом тайна молитвы, которая является великим делом. Монахи, главным образом подвижники Святой Горы, у которых нет обилия посетителей и которые пребывают одни, живут этим, и у них есть прекрасные духовные переживания. Сейчас, в эту минуту, когда мы с вами говорим, они спят, чтобы проснуться в двенадцать посреди ночи или в час и молиться в ночи, или уже сейчас молятся...

* * *

Сделайте что-нибудь, чтобы помочь своим детям, мужу, себе самим в жизни, а именно — не занимайтесь детьми и другими, с тем чтобы помочь им, а оставьте их в покое. Однажды я проводил беседу с таким названием: «Оставь своего ребенка в покое!». Оставь мужа в покое,

люди не хотят, чтобы их исправляли, они хороши такие, какие есть.

Ты возразишь:

— Но с мужем такое творится!

Пускай творится! Ты на себя смотри! И если твой муж придет, я и ему скажу то же самое: оставь свою жену в покое, смотри на себя!

— Но почему вы склоняетесь на сторону мужа? Вы всегда его поддерживаете! — возмущалась одна дама.

Беспокойство этой дамы о том, чтобы я не поддерживал ее супруга, показывает, что она идет ко мне за тем, чтобы я дал ей некую награду, чтобы сказал ей, что она имеет право на свои поступки. Другими словами, она хотела услышать следующее: «Скажи немного, насколько я права, насколько свята, какая я мученица, а во всем виноват он! И как я только вышла за него замуж?! Я что, была слепая?»

Когда слышишь доброе слово о другом, было бы хорошо сказать в уме: «Да, он совершает ошибки, ну а что делаю я как христианка?» А ты вот что делай: молись. Чтобы муж приходил с работы и видел тебя изменившейся. И когда ты произносишь молитву (я не имею в виду, чтобы ты кадила вокруг себя ладаном, когда он этого не хочет, а чтобы ты внутри себя кадила, чтобы твоя молитва возносилась, как кадило, пред Богом в твоём сердце), тогда твой муж поймет по твоим добрым словам, что в тебе произошла перемена: «Жена причастилась вчера,

и смотри, какая она спокойная». Жена исповедалась неделю назад, и муж видит, что она говорит по-доброму.

Молитва должна проявляться в отношениях с другими. Там она видна будет. Одна женщина говорила:

— Как хорошо я себя чувствую, когда слушаю передачи! Я успокаиваюсь, утихаю, даже плачу! Меня ничто не тревожит, я так спокойна!

— Прекрасно! А кто у вас дома в это время?

— Никого, я одна. Я просто удивляюсь, почему, стоит только другим войти в дом, меня все нервируют? Есть ли этому объяснение? Я спокойна, но как только придут другие, они меня возмущают!

Ты понимаешь, что ты говоришь? Ты говоришь мне, что спокойна, когда одна, и гордишься этим. Но если бы ты не была спокойна, когда одна, тогда мне следовало бы направить тебя к врачу, потому что не может быть такого, чтобы ты была одна и не была спокойна. Это естественно. Со стенами тебе, что ли, ругаться?

Однако есть и такие случаи. Ругаются и с мебелью, стенами, карнизами. В любом случае вопрос заключается в этом: когда твой муж или ребенок войдут запыхавшись и бросят сумку — ты покажешь, какую молитву ты совершала. Молитву твою будет испытывать жизнь, а не теории и слова. Я, например, очень часто терплю неудачи в жизни, то есть в жизненных испытаниях.

То, о чем мы говорим, очень просто, однако требуется большой труд, чтобы осуществить это на деле. Не так ли?

На практике мы в большинстве своем претываемся. Поэтому помогите себе и успокойте свой ум. Подготовьте себя молитвой к любой проблеме и говорите себе: «Сейчас вернется домой муж, и его поведение, то есть его ум, будет меня раздражать. Но кто будет раздражаться на него и преткнется — я или мой ум? Мой ум. Потому что сердце мое в глубине своей любит его».

Подготовься и говори себе: «Я люблю своего мужа. Может, он вернется домой потный, может, порвал брюки, но я люблю то, что стоит за этим. А за всем этим скрываются его душа и сердце. Бог — в его сердце, благодать Святого Крещения, я люблю этого человека».

Не становись надзирателем ни для кого, никого не исправляй, потому что никто не изменится насильно. И ребенок твой не бросит наркотиков, курение, пьянство, ночную жизнь, он не оставит этого из-за одних слов, а бросит только по благодати, которую ты пошлешь ему своей молитвой. Можешь ли ты сидеть дома, а чтобы сын твой был в городе и чтобы ты молилась, а он бы чувствовал, что в сердце у него что-то происходит и кто-то ведет его к хорошему? И чтобы это была твоя молитва. Можешь? Вот в этом заключается цель!

* * *

Был один святой человек, который много молился, и чувствовал, как будто на молитве находится в другом

месте, и ощущал еще другие вещи. И вот как-то он оказался перед человеком, одержимым злым духом. И ему сказали:

— Скажи что-нибудь, помолись!

И он сказал всего два слова, и бес взревел. Однако произнес он эти слова из самого сердца, где их и переживал. Он сказал:

— Богородице Дево!

Он всего эти два слова произнес: «Богородице Дево!» Но сказал их так, словно был весь заряжен: звук и свет вырвались из его души. И бес взревел, когда услышал имя Пресвятой Богородицы, то есть *Богородице* и *Дево*!

Это как когда римляне искали Господа и Он их спросил: *Кого ищете?* Они сказали: *Иисуса Назорея*. И Он ответил: *это Я!* (Ин. 18, 4–5).

И тогда они пали на землю. Почему? Потому что Господь сиял — от святости молитвы, от соприкосновения с Небесным Отцом.

* * *

Чудес нам не хватает, а не проповедей. Чудес. То есть чтобы ты не стояла возле своего ребенка, мужа, а издали воздействовала на них. Можешь ли ты возносить такую молитву — бежать вслед за своим ребенком молитвой?

К счастью, вы добрые и не обращаете этого вопроса ко мне: а ты это можешь? В школе, однако, дети говорят мне совершенно напрямик:

Образ Божией Матери Иверской. Афон

— Батюшка, а если я вам скажу свою проблему, мы можете ее решить молитвой?

Один ребенок сказал мне:

— У моей бабушки рак. Вы можете помолиться, чтобы она выздоровела?

Я ответил:

— Что сказать тебе? Это трудно. То есть я помолюсь, но у меня нет такой силы. Я скажу и другим, чтобы помолились.

Если бы у нас было хорошее соработничество и соприкосновение с Богом, это произошло бы. Это не недостижимо, однако у нас нет соприкосновения с Богом. Поэтому в молитве нам необходима вера.

* * *

Когда ты молишься, чтобы вылечился твой ребенок, не думай о болезнях, но — о здоровье. Надо ждать лучшего. Надо представлять себе то, чего ты хочешь: «Сделай так, чтобы мой сын женился!» То есть молитва означает, что в то время, когда ты молишься, надо верить, что это уже идет, что оно уже начинается. Скажу тебе это просто: чтобы ты слышала шаги своей снохи. «Мой сын женится! Всё! Не знаю когда, но это будет!»

Вот это значит вера. В противном случае наша вера больше похожа на теорию.

Перевод — Станка Косова

СЕКРЕТ СМирЕНИЯ

Маленькие дети более спонтанны. Они говорят то, что чувствуют. И в начальной школе они всегда пишут: «Я, я... Я, мама и папа поехали отдыхать. У меня машинка!» А учительница исправляет их сочинения красной ручкой: «Не пиши постоянно "я, я..."»

С другой стороны, мамы и папы, уверенные в том, что их ребенок — лучший, часто говорят: «Мой сын (или дочь) — лучше всех!» Они считают, что их дитя способнее всех и в классе, и в спортзале, а уж если ребенок занимается музыкой, то они непременно скажут: «Учительница по фортепиано отметила, что моя дочь — лучше всех! Это видно!»

Все родители так говорят. Они внушают своему ребенку с детских лет, что он — лучший, потому что если не быть лучшим, то ведь легко можно стать и худшим! Так культивируется наш эгоизм.

Когда писатель Никос Казандакис приехал на Гору Афон, он встретился там с одним подвижником — отцом

Макарием (Спилеотом), который жил в пещере. В конце разговора отец Макарий сказал ему:

— Очнись, пока не поздно! Твой эгоизм огромен, твое я съест тебя!

Казандакис сказал ему в ответ:

— Не вини эго, отче! Эго отделило человека от животного.

А подвижник ответил:

— Ты ошибаешься. Эго отделило человека от Бога. Когда человек жил в раю, он был смиренным и был вместе с Богом. Бог любил его, и человек ощущал свое единство с Господом. Но как только человек сказал слово «я!», он отделился от Бога и убежал от Него. Убежал из рая, убежал от самого себя, убежал ото всех.

Только в одном случае мы можем (и должны) вспомнить о своем я — когда обвиняем себя. Тогда мы можем сказать: «Да, я виноват. Это я согрешил, я ошибся, я сделал это по собственному желанию!» В таком случае — да, но, к сожалению, это тот самый случай, когда мы не говорим я.

Есть даже такой журнал — «Эго». И там психоаналитики пишут, что когда человек собирается на какое-нибудь мероприятие или вечеринку, то во время сборов (выбора парфюма и т.д.) в его душе ясно обозначается это слово — я. Как я выгляжу, какое я произведу впечатление, что обо мне скажут, как оценят мой внешний вид, мою одежду, мой парфюм... Эго постоянно проявляется

в современных развлечениях. Человек постоянно думает о своем я, потому что поместил его в центр собственной жизни.

Но таким образом мы сильно отдаляемся от Истины! Господь учит нас, что, даже если человек исполняет все Его заповеди, он все равно должен говорить о себе как о непотребном рабе Божиим. А мы часто считаем себя великими и важными персонами уже в самом начале духовного пути, когда еще ничего не сделано.

Смирение — это не грусть, не тоска. Некоторые именно так понимают смирение — что это какая-то депрессия, когда человек чувствует себя слабым, обиженным, больным интровертом. Это не так. Смирение — это пребывание в Истине, в правде. Оно означает, что человек знает, кто он, знает свое место в этом мире, сознает свою немощь и благодарит Бога за все те благодеяния, которые Он оказывает ему, несмотря на его слабости. Смирение означает жизнь в истине, а не в том обмане, который создает вокруг нас современная жизнь.

Я слушал запись, на которой старец Иаков (Цаликис) читает заклиательные молитвы над одной женщиной, и там ясно слышался голос злого духа. Разумеется, таких вещей лучше не слушать, но так случилось, и вот что бес говорил старцу:

— Раз ты святой, почему ты не говоришь об этом? Скажи, что ты святой! Раз ты сам это знаешь и тебе удалось победить меня, скажи!

И было слышно, как старец Иаков смиренно и твердо ответил:

— Ты лжешь! Я прах и пепел и покланяюсь Отцу и Сыну и Святому Духу — Троице Единосущней и Нераздельней!

Слышали бы вы, как кричал и вопил бес! И я подумал о том, что мы и так знаем: самая главная цель у дьявола — сделать нас эгоистами. Он очень хочет, чтобы мы стали эгоистами и начали считать себя важными персонами — в то время как Господь хочет, чтобы мы были смиренными и являли это смирение своей жизнью.

Смирение — это когда человек принимает бесчестие с радостью, нахлынувшие скорби и трудности — с распростертыми объятиями, с мыслью о том, что таким образом душа излечивается от грехов и болезней. Когда приходят трудности и мы вынуждены смириться, нужно помнить, что Бог очищает нашу душу от прошлых или настоящих грехов или предохраняет от того, что может случиться в будущем.

* * *

Одна женщина сделала аборт и поисповедалась в этом грехе. Но исповеди в таком случае недостаточно. Недостаточно рассказать о грехе. Нужно смириться и покаяться в содеянном.

Смирение — это действие, а не слова. Слова сладки на вкус. Душа может растрогаться и умилиться от слов, слова

дарят ощущение сладости. А дело смирения на вкус очень горькое и едкое. Вот так: слушать о смирении — сладко, а выполнять — горько. Отец Георгий (Карслидис), известный духовник в Северной Греции, сказал этой женщине, которая сделала аборт (а она была очень красивой, богатой аристократкой):

— Вот что тебе надо сделать. Ты оденешься в лохмотья, никому не будешь говорить, кто ты, и отправишься в [такое-то] село. И целую неделю ты будешь просить там милостыню, никому не рассказывая о своем прошлом и настоящем. Даже имени своего не будешь называть. Это унижение поможет твоей душе смириться по-настоящему и очиститься от того зла, которое ты причинила другой душе, твоему ребенку, умершему, не успев появиться на свет.

Женщина все исполнила и после этого почувствовала то, чего не чувствовала во время исповеди, — облегчение. И исцелилась от греха.

* * *

Когда мы только встаем на путь смирения, то первое искушение, которое приходит к нам, — это тщеславие. Как только захочешь быть смиренным, в голове сразу начинают появляться тщеславные мысли. А что такое тщеславие? Это когда человек сделает доброе дело и втайне начинает гордиться этим. Например, я пощусь, и тут мне приходит помысл, и я начинаю думать: «Какой я молодец!

Раз я пощусь, значит, я не такой, как остальные! Я другой, я лучше!»

Или, например, можно скромно одеваться (что само по себе хорошо), но появляются тщеславные мысли на этот счет, и вслед за ними приходит высокомерие и самодовольство. И человек начинает думать: «Видишь, что творится вокруг? Мир погибает, все одеваются вызывающе, а я не такой. Молодец!» Это «Молодец!», которое мы произносим про себя после каждого доброго дела, и есть тщеславие. Это искушение, с которым мы будем сталкиваться всегда при совершении хорошего поступка, потому что каждый раз в нас что-то раздувается изнутри и появляются мысли: «Молодец! Я сделал это втайне!» Но слово «Молодец!» сказано, и таким образом мы уже возгордились. Меньше всего это похоже на смирение.

Смирение подразумевает желание научиться. Когда у человека есть смирение, он не говорит: «Я все знаю!» Он задает вопросы — своему супругу, супруге или даже своему ребенку. В свое время это произвело впечатление на святого Иоанна Лествичника, когда в одном монастыре он увидел седовласых старцев, задающих вопросы священнику, который их исповедовал (а священнику было сорок лет). Это были старцы, монахи, закаленные в молитве и духовной брани, и они смиренно задавали вопросы человеку моложе себя.

В наши дни тоже такое бывает. На Афоне есть игумены, которые моложе многих монахов в монастыре.

И такой игумен, несмотря на сан, идет к старшим и спрашивает у них совета, чтобы смириться, а не действовать по своему усмотрению. Это полезно для души.

Не будем говорить: «Я все знаю! Не указывай мне, что делать!» Ведь такое отношение передается всем членам семьи, всем окружающим.

Однако бывают случаи, когда христианин имеет право возмутиться относительно случившегося и таким образом продемонстрировать «эгоизм» без вреда для души. Что же это за случаи? Когда необходимо встать на защиту православной веры, мы не только можем, но и должны быть категоричными, строгими. И это будет не эгоизм, а исповедание веры. Когда святому Агафону предъявляли ложные обвинения, клеветали на него, он принимал всё. А его называли грешником, лжецом, эгоистом... Но когда его обозвали еретиком, он ответил:

— Послушайте! Насчет всего того, что вы говорили мне до этого, у меня есть надежда исправиться. Но если я соглашусь с тем, что я еретик, то потеряю надежду на спасение! Если я еретик, то не могу спастись. Поэтому я не соглашаюсь с вашими словами.

Святые отцы так объясняют поведение Господа в Иерусалимском храме. Взяв бич и выгоняя продающих и покупающих, Он не испытывал чувства гнева. Он ни на кого не злился и полностью контролировал Свое поведение и Свои действия. Он перевернул скамейки, рассыпал деньги, но, когда оказался перед клетками с голубями, которые

предназначались для жертвоприношения, сказал: *Возьмите это отсюда!* (Ин. 2, 16).

То есть, если бы Христос потерял над Собой контроль, Он опрокинул бы и клетки с птицами. А так как голуби были ни в чем не виноваты, Он не причинил им вреда. Об этом говорят толкователи Евангелия. Следовательно, Господь не был в нервном состоянии. Он совершил все это не из эгоизма, а из любви — истинной любви к закону Божию, желая защитить храм. И христианину, желающему стать смиренным, нельзя гневаться, нельзя спорить.

Один послушник старца Паисия Святогорца рассказывал: «В каких бы грехах мы ни исповедовались отцу Паисию, он принимал нашу исповедь с большим смирением, любовью, человеколюбием и говорил нам: "Ну вот, и ты — человек. Ничего, исправимся!" И никогда не ругал. Только в одном случае он огорчился очень сильно — когда мы начинали гордо спорить, выказывая тем самым свой эгоизм. Только тогда он говорил: "Сейчас, дитя мое, я не могу тебе помочь". Когда мы вели себя так, его душа страдала, потому что в нашем поведении был эгоизм. Грех — свойство человека, а эгоизм — свойство дьявола».

* * *

Смиренный человек легко исправляет свои ошибки. И ему легко помочь. Не знаю, задавали ли вы себе этот

вопрос — почему исповедь нас не меняет? К сожалению, я вижу это по себе, да и по другим людям. Мы идем на исповедь, но после нее не особо исправляемся — по крайней мере, настолько, чтобы можно было сказать: «За последние пять лет я сильно изменился».

Почему же мы не меняемся? Потому что у нас нет смирения. Мы не даем другим людям сформировать наш характер. Например, человеку говорят: «С этого дня ты должен поститься!» И здесь необходимо смирение, чтобы ответить: «Да, я буду поститься, не буду есть мясо». А человек вместо этого говорит: «Постойте-ка, вы мне указываете, должен я поститься или нет? А еще — во сколько я должен вставать, чтобы идти в церковь, делать то или другое?..» Эгоист не позволяет никому управлять собой, но тем не менее им управляют его собственные страсти. А получить руководство и воспитание из рук Церкви он не может.

В одном из псалмов говорится, что во смирении нашем вспомнил нас Господь и *избавил нас от врагов наших* (Пс. 135, 23–24). А святые отцы дополняют: Он избавил нас так и от страстей, нечистот и немощей. Когда Бог видит смиренного человека, Он избавляет его от всякого искушения. Смиренные люди не пытаются постичь Божественную Истину, а просто живут в Ней. У них простые мысли — они думают как дети. А у человека, который путано выражает свои мысли, путано рассуждает, душа смиряется, как правило, с трудом.

* * *

Некоторые люди, приходя к старцу, начинают задавать ему странные вопросы. А ведь вопросы свидетельствуют о духовном развитии человека. И вот, например, когда к старцу Порфирию приходили смиренные люди, они задавали ему вопросы о спасении. А другие, чья душа была наполнена эгоизмом, спрашивали, покупать ли мотоцикл, выйдет ли дочь в ближайшее время замуж и т.д. Кто-то даже просил старца помолиться о выигрыше в лотерею. То есть люди спрашивали о том, что не было существенно для их спасения.

Вместо того, чтобы заглянуть в себя, эгоист смотрит на других. А еще он внимательно рассчитывает, когда придет антихрист, какие у него будут цифры, и т.д., и т.п., — вместо того чтобы следить за собственной душой. А о чем в древности люди спрашивали старцев? В патерике часто рассказывается, как какой-нибудь человек приходил к старцу и спрашивал его: «Отче, скажи, как можно спастись! Скажи, что нужно сделать, чтобы спастись, полюбить Христа, победить свои немощи и страсти!»

Эти вопросы мы должны задавать и себе, и своему духовнику, и святым людям (если появляется такая возможность). Эти вопросы не содержат простого любопытства, под которым скрывается эгоистическое желание заниматься чем угодно, но только не собой. То, о чем я говорю сейчас, не абстрактно.

Когда ученики спросили Христа: *Господи, неужели мало спасающихся?* (Лк. 13, 23) — Он не ответил прямо на этот вопрос, а сказал: *Подвизайтесь войти сквозь тесные врата* (Лк. 13, 24). Помните? То есть у Него спросили одно, а Он ответил другое. Спросили, сколько людей спасется, а Он ответил: «Старайтесь подвизаться — вот что вас касается. А сколько людей спасется — это вас не касается». Таким образом Господь возвращает нас на землю, к смирению.

То же самое Он сказал и апостолу Петру. После воскресения Господь сказал ему: *Иди за Мною* (Ин. 21, 19). А он начал спрашивать Христа о святом Иоанне Богослове, что будет с ним (*Господи! А он что?*) (Ин. 21, 21). Что ответил Господь? *Что тебе до того? Ты иди за Мною* (Ин. 21, 22). То есть то, что будет с Иоанном, его жизненный путь, — это Мое и его дело. А ты смотри на себя. Помогая себе, ты поможешь и другим. И это не эгоизм. Это та единственная ответственность, которую мы несем за развитие собственной души, чтобы обратить ее к покаянию и смирению.

Как говорит святой Иоанн Лествичник, Господь не осудит нас за то, что мы не были богословами; или что не совершали чудес; или что не были проповедниками, обратившими к Богу целые племена и народы. Господь осудит нас за то, что в нас не было смирения, не было покаяния и сокрушения о своей душе.

Перевод — Елизавета Терентьева

ПРОВЕРКА НА СМирЕНИЕ: ОБИДЫ И НАПАДКИ

Смиранный человек не стремится завоевать первенство. Святыне не старались быть лучше всех. А вы знаете, что были среди них такие, которые специально отрезали себе один или несколько пальцев на руке, только чтобы не становиться епископом? Другие люди, наоборот, из всех сил стремились к епископству, а святыне, обладая великим смиренненьем, не хотели этого. И когда их собирались возвести в сан силой, они говорили: «Хорошо! Сейчас я кое-что сделаю, и вы не сможете меня заставить!» Потому что для принятия священного (в том числе и епископского) сана необходимо, чтобы все конечности были без увечий. Где сегодня найти такое смирение? Все изменилось...

Смиранный человек говорит простым языком — как говорил Сам Господь наш Иисус Христос. Почему сейчас мы так часто обращаемся к поучениям старцев? Вот недавно вышла книга с беседами старца Паисия — так ее раскупили за один месяц. Почему эти книги столь быстро

исчезают с прилавков? Потому что старец говорит простым, смиренным языком, и таким образом его слова проникают в наше сердце.

А мудреные речи зачастую являются отражением нашего эгоизма — правда, не всегда. Ученый, образованный человек может говорить сложным научным языком, но при этом быть смиренным — ведь смирение живет в сердце, а не в словах. Таким человеком был архимандрит Софроний (Сахаров). Его беседы написаны высоким стилем, их нелегко читать, но они полны смирения. С одной стороны, это, несомненно, богословские, научные высказывания, а с другой стороны, в них видно смирение автора. И когда начинаешь вчитываться, понимаешь это.

А если почитать Достоевского или других авторов, на чью долю выпало множество жизненных испытаний, то можно увидеть, что эти произведения полны человеколюбия и сострадания к людям. Достоевский берет грешного человека и превращает его в героя — не из-за его греха, а из-за той боли, которую переживает человек на пути от содеянного греха к покаянию.

Если мы считаем своего ближнего во всем лучше нас, то это также признак смирения. Например, сейчас кто-нибудь скажет: «Среди нас тут сидит смиренный и святой человек!» И если никто при этом не подумает, что данные слова относятся к нему, то это хороший знак. «Кто же это? Наверняка не я! Это кто-то другой!...»

Некоторые приходят на исповедь и говорят: «Отче, я — большой эгоист, у меня много гордости, я хуже всех». Они говорят это и верят в то, что говорят. Но узнать, смирен ли человек по-настоящему, можно только по его реакции на нападки и обиды от окружающих. Вот где видно истинное смирение!

А если в церкви, на исповеди, называть себя эгоисткой и недостойной грешницей, а придя домой, закатывать скандал в ответ на малейшее замечание супруга, то о чем это говорит? Ты же всего пять минут назад говорила священнику, что своими грехами заслуживаешь адских мук! Как же ты можешь искренне считать себя великой грешницей и при этом взрываться от самого незначительного комментария в свой адрес? Значит, на самом деле ты не верила в то, что говорила на исповеди.

Как-то в одной обители (не в Афинах) я встретил монаха, который до своего прихода в монастырь был агрономом. Он старательно подметал монастырский двор, не поднимая при этом ни пылинки. Но игумен, проходя мимо, прямо при мне (а я был тогда ребенком) сказал ему — на мой взгляд, совершенно несправедливо:

— Как тебе не стыдно! Ты запылил весь монастырь! Подметай внимательнее!

Я уже собрался вступить за монаха и сказать игумену: «Отче, что вы говорите? Он не поднимает пыли!» Но в это время монах поклонился, поцеловал у игумена руку и сказал:

— Простите, отче! Я буду стараться подметать аккуратнее.

Итак, он поклонился, поцеловал руку (а ему было около сорока лет, совсем не детский возраст) и сказал: «Простите!» — хотя и без того подметал как нельзя лучше. Такой поступок являет истинное смирение, смирение на деле. Человеку сказали обидные слова, и он смиренно принял обиду.

Авва Дорофей вспоминал: «И я как-то, в одном монастыре, видел смиренного человека, который никому не возражал. Все его ругали, а он хранил молчание. Я подумал тогда: "Он будет великим святым!" Но когда я узнал, в чем причина этого молчания, то разочаровался. Почему? Я спросил его: "Отче, как можешь ты не гневаться и переносить все с таким смирением?" Знаете, что мне ответил этот человек? "Вот еще! Буду я обращать на них внимание! Пусть говорят, что хотят!" И я подумал: "Жаль. Значит, в тебе живет не смирение, а презрение"».

Презрение не есть смирение. Когда нам говорят что-то неприятное, а мы думаем про себя: «Меня это не волнует!» — это не смирение. Это — эгоизм, и эгоизм даже в большей степени, чем если бы мы ответили на обидные слова.

Архимандрит Ефрем Филофейский рассказывал, что, пока он жил со своим духовником, старцем Иосифом Исихастом, тот за все десять лет и десяти раз не назвал его по имени. Как же обращался духовник к своему ученику? Об

этом написано в самом начале книги: «Он говорил мне: "Эй, поди сюда, лентяй! Эй, сюда, негодник! Эй, иди сюда, бездельник!" И я никогда не чувствовал неприязни по отношению к нему, не обвинял его и не раздражался, а любил его как святого, и моя душа получила от всего этого огромную пользу, очистившись от эгоизма и слабости».

* * *

Старец Порфирий рассказывал: «В то время я был совсем юным, а старцы (на Афоне. — *Примеч. авт.*) обращались со мной очень сурово. Но я считал их всех святыми людьми и со смирением любил их». И старец Порфирий стал тем, кем он стал. Мы все хотим подняться высоко другими путями, но никаких других путей нет.

Святой Иоанн Лествичник говорит кое-что очень интересное: «Если хочешь стать смиренным, ищи способы: ищи нужные слова, мысли, молитвы — ищи, отдавая в это время корабль души своей от бурных вод гордыни». Иными словами, необходимо найти какие-то средства — молитвы, слова и пр., то есть нужно что-то сделать для того, чтобы обрести смирение.

Как-то я был на Афоне и спрашивал там монахов о смирении. Мне хотелось узнать, что они про это скажут. И в скиту святой Анны я обратился к одному своему знакомому — подвижнику:

— Отче, расскажите мне о смирении — ведь вы прошли этот путь. Что сделало вас смиренным?

— Что тут можно сказать? Я не смиренный. Просто человек проходит через множество вещей и смиряется. Эти вещи очень странные, иногда просто удивительно странные.

— Можете привести какой-нибудь пример?

И монах рассказал:

— Однажды я нечаянно разбил термометр. Он выскользнул у меня из рук, и я его уронил. Мой духовник увидел это и сказал мне: «Возьми веревку, повесь этот термометр себе на шею и ходи так четыре дня. И всем, кто со смехом будет спрашивать тебя, что это, отвечай: "Я разбил термометр"».

— И вы сделали так?

— Сделал.

А этот человек в свое время блестяще окончил университет — с красным дипломом. И вот он принял такую епитимию и выдержал ее полностью. Зато теперь, разговаривая с ним, видишь такую благодать, такое умиление на его лице, что хочется спросить: «Как вы стали таким?» А он стал таким под ударами смирения.

И еще он рассказал:

— Однажды на Афон приехал очень красивый юноша. Он хотел стать монахом, но при этом много внимания уделял своей внешности. И что же сделал наш духовник? Он взял сажу со дна кастрюли, в которой мы готовили пищу на костре, и сказал ему: «Ну-ка, подойди сюда, красавчик! Больно ты симпатичный!» И со словами «Не

умывайся, пока я не скажу тебе! Будешь ходить так!» вымазал лицо юноши сажей. И юноша смирился. А мне духовник рассказал, что, когда он сам в юности пришел на Афон, у него были прекрасные длинные волосы и он очень о них заботился. А его старец сразу же, как только он пришел, взял ножницы и отрезал эту красоту. Будущий монах покорился, но его самолюбие сильно пострадало при этом, и в храме он прятался, чтобы его никто не видел. Но старец сказал ему: «Не стой там! Иди сюда!» И поставил его у подсвечника, так чтобы каждый, кто входил в храм, видел его. Это было настоящее мучение, но оно принесло огромную пользу. Так люди смиряются и исправляются.

А попробуйте сказать ребенку, только что вернувшемуся из школы, когда он уже переоделся и сел за стол: «Ой, у нас закончился хлеб! Одевайся скорей и сходи в магазин!» Ему очень трудно будет выполнить вашу просьбу. Большинство детей в таком случае говорят: «Почему ты всегда просишь меня, а не братьев? Я у вас как прислуга!» Так, к сожалению, эгоизм проявляется в нас еще с детских лет.

Но если мы перестанем быть эгоистами, то успокоимся и все наши проблемы исчезнут. Нас не будут волновать никакие житейские трудности, потому что самая большая наша проблема — это гордыня. И если мы победим ее, то успокоимся.

И помните: смиряясь, мы будем страдать. Но когда смиримся, то увидим Бога и успокоимся. В противном

случае в нашей душе никогда не будет мира и мы постоянно будем обвинять кого-то в своих проблемах.

Об этом очень хорошо говорит святой Никодим Святгорец в эпилоге к «Новому мартирологу»: святые победили свои страсти, они смирились, покаяться и обрели покой. Только так и можно успокоиться. Поэтому смиренный человек всегда спокоен, что бы ни случилось. Он знает, что его место — внизу и ниже спускаться некуда. Поэтому он не боится, что кто-то сбросит его вниз, ведь он сам отправил себя туда, смирившись.

И если вы услышите о ком-то, что он за короткое время достиг духовных высот, знайте, что для этого ему пришлось пройти через большие страдания, которые он принял смиренно и без ропота. В этом весь секрет.

На пути к смирению очень полезно вспоминать о своих старых грехах. Не все были христианами с детства.

Один человек пришел ко мне и сказал:

— Отче, знали бы вы, как я жил! И как Бог спас меня! Я работал водителем такси и чего только не делал! Обманывал, грешил...

Это не исповедь. Люди просто приходят и рассказывают, как Бог спас их от их прошлого. Это очень помогает смириться. «Если бы Бог покинул меня, я бы погиб!» А другие смотрят на распятие, на страдания Христа, на Его терновый венец и думают: «Если Господь так пострадал, как я могу быть эгоистом?» И эти мысли также смиренны.

Кто-то смиряется, вспоминая о своих повседневных грехах. А если ничто из перечисленного не действует, то появляются средства, которые действуют всегда и на всех. Что же это за средства? Испытания и болезни. Когда болеешь, волей-неволей смиряешься. Рак смирит и самого гордого упряма. Нет человека, который был бы болен раком или какой-то другой мучительной болезнью и не смирился бы при этом. Потому что когда плоть страдает, душа очищается и эгоизм исчезает.

Я знал очень жестких людей, которые не давали никому слова сказать. Но когда они заболели и оказывались прикованными к постели, то говорили своим детям: «Большое спасибо тебе, дитя мое, за то, что принес мне попить!» А раньше от них только и слышно было: «Принеси это!» «Принеси то!», «Иди туда!», «Иди сюда!» Вот так смиряет болезнь — человек становится кротким как овечка.

Часто Бог ограждает нас от таких страданий. Но иногда, для нашего спасения, Он допускает страданию коснуться нас, говоря: «Если этого человека оставить так, он никогда не излечится от своего эгоизма. Придется ему пострадать».

Смирение — это неисчерпаемая глубина, как неисчерпаем Бог, Который обладает наивысшим смирением. Но если мы ощутили это неземное благоухание — аромат смирения, а затем нас кто-то похвалил и мы возгордились, то не надо обольщаться: святые отцы в таком случае

говорят, что мы просто находимся в прелести, истинного смирения в нас нет.

Вот меня похвалили, и я начинаю гордиться, как гордятся некоторые успешные, образованные люди, ожидая, кто что про них скажет... А желание, чтобы о тебе говорили, означает, что нет смирения, ведь смиренный человек, наоборот, не хочет, чтобы о нем говорили. Перед Богом мы все одинаковы.

Перевод — Елизавета Терентьева

НАУЧИСЬ ЖДАТЬ

Смотри, вот ты мне говоришь: «Я во что бы то ни стало хочу, чтобы мой ребенок изменился! Я хочу увидеть его другим, а потом готов и умереть!» Не знаю, увидишь ли ты его изменившимся прежде своей смерти. Может быть, ты увидишь его перемену уже после своей смерти. Может быть, Господь хочет, чтобы ты терпел до последнего и твое желание увидеть своего ребенка изменившимся еще при жизни, как ты этого хочешь, не осуществится. Однако его перемену увидит Господь, а ты ее увидишь уже из другого мира. Нужно набраться терпения. Жди ответа на твою молитву. Ты обращался вчера к Богу с просьбой? Теперь надо ждать. Когда? Не беспокойся. Когда стрела твоей молитвы достанет до сердца Господа, пронзит и поразит его любовью, тогда ты увидишь результат. Когда ты запустил стрелу молитвы? Вчера? Тогда подожди. Твоя стрела возносится к Богу. У Бога ни одна молитва не пропадает даром, ни одна молитва не остается без ответа. Наберись терпения и жди.

Некоторые хотят получить ответ на молитву незамедлительно. Ты молишься сегодня, а завтра уже хочешь видеть результат твоей молитвы? Может, так и произойдет. Но ты, когда берешь четки в руки, не жди моментального плода молитвы. Многие приезжают на Святую Гору, ходят с четками в руке и желают увидеть Бога уже после первого всенощного бдения. Хотят узреть нетварный свет уже после первой ночной молитвы. Так не бывает. Требуется много терпения и прилежания, надо все предоставить Богу, говоря: «Господи, когда Ты Сам этого захочешь. А я буду ждать». *Терпя, потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою* (Пс. 39, 1). Господь призрел на меня, воззрел, услышал, но прежде всего мне надо научиться ждать. Поверь, на самом деле ждать Бога и Его обетованный доставляет большую радость.

Знаешь, сколько преподобный Аммон Египетский ждал, чтобы Господь его избавил от гнева? Он каждый день просил Бога об этом. И знаешь, сколько лет он ждал? Целых восемь лет. Все эти годы он побеждался гневом, и каждый день он боролся с самим собой, постоянно молясь и проявляя терпение. И вот на восьмой год ему явился Господь и избавил его от этой страсти. Только подумай, а если бы он отчаялся на восьмой год и стал говорить: «Всё, больше не буду просить. Так не может продолжаться. Сколько можно? Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, уже целых семь лет я терплю, жду, и ничего не происходит». А он потерпел еще, и на восьмой год пришло

его избавление. В его сердце воцарился такой мир, что он больше ни разу не разгневался в своей жизни. Ты гневаешься? Гневаешься! И я тоже иногда гневаюсь. Не очень сильно, но все же гневаюсь. Ты тоже хочешь пережить подобное чудо? Тогда с сего дня начинай молиться с терпением. Моли Бога, чтобы он отнял от тебя гнев. Проси об этом на каждой литургии и не говори: «Зачем мне идти в церковь, что мне там делать?» Вот будешь как раз это и делать. Если ты гневлив, каждый воскресный день на литургии проси Господа, чтобы Он укротил твой гнев. Уже одно это — серьезная причина каждое воскресенье ходить в дом Божий. Молись так: «Господи, дай мне кротость и мир душевный, чтобы я не выходил из себя, не создавал в семье гнетущую атмосферу своим гневом, криками и раздражительностью, чтобы моя жена и дети не трепетали, видя меня в таком состоянии, чтобы моя супруга не расстраивалась постоянно из-за меня. Господи, избавь меня от гнева». Я знаю, что ты уже молился об этом. Спрашиваешь, сколько же раз тебе об этом просить? Много. Святой Аммон молился восемь лет. А ты сколько об этом молишься? Сколько времени ты умоляешь Бога: «Господи, избави меня от этой страсти»? От гнева, от блудной страсти, от пьянства, от курения, от воровства, от любопытства, от лжи. Обо всем, что тебя беспокоит, проси Господа и затем жди с терпением.

Знаешь, почему тебе надо ждать подобно святому Аммону и другим святым? Потому что Тот, ради Кого ты

так мужественно терпишь, не какой-нибудь посторонний (случайный) бог, но Святый Божий, Бог, из уст Которого никогда не исходила ложь. Он всегда остается верен Своим обещаниям и постоянен в Своей любви. Когда-нибудь Господь войдет в твое сердце и поможет тебе, и станешь ты кроток как ягненок, и не будешь больше гневаться, и пить не будешь больше никогда, и курить бросишь, и от прочих страстей избавишься, и станешь человеком новым. Надо терпеть и молиться.

Нужно молиться и терпеливо ждать, чтобы и супруга твоя изменилась к лучшему. Не спеши и не жди, что сегодня все резко станет лучше. Ошибки, которые допустила твоя жена, не были совершены за один месяц. Это ошибки всей жизни. Слово «характер» (греч. «*χαραῖς*» — начертываю, нацарапываю. — *Примеч. пер.*) означает «не-что нацарапанное, начертанное». Характер формируется в нас с детства, и его невозможно изменить в один миг. Некоторые супруги дают друг другу срок: «Если через год наши отношения не наладятся, разведемся». Да подожди же ты! Чуть что, сразу разводиться. Потерпи немного.

— Да сколько же можно терпеть, отец? — спросишь ты.

— Ведь это характер. Разве его так легко изменить? Подожди.

Мне вспоминается один человек, который сел на диету. Лечащий врач ему сказал, что самые глубокие жировые

отложения сжигаются труднее всего. Если человек соблюдает жесткую диету, то последние килограммы он сбрасывает намного труднее, чем первые. Знаешь почему? Потому что эти жировые отложения в нашем организме формировались десятилетиями. Соблюдая диету, мы делаем следующее: сжигаем старые жировые прослойки. Предположим, у кого-то сегодня вес девяносто килограммов и он хочет сбавить его до восьмидесяти. Однако восьмидесят килограммов он весил много лет назад. Вот он уже весит девяносто один килограмм, затем девяносто пять. Чтобы ему вернуться к восьмидесяти килограммам, нужно сделать большое усилие над собой, сжечь этот жир и вернуться к тому, как было когда-то давно. Конечно, это очень трудно.

Так и в случае с нашей душой: она, так сказать, обросла жиром. Наши страсти создали в нашей душе «жировую прослойку», от которой очень трудно избавиться.

Надо терпеть ради родного человека. Нужно создать немного «свободного места» в сердце другого человека, дать ему время подумать, принять решения, отстраниться внутренне (душевно), если ему это нужно. Да даже и телесно, если он по-другому не может. Да, пусть уйдет. Пусть пойдет ненадолго к своей маме или отцу, или ты сам уйди ненадолго. Подумай, успокойся, побудь один. Нельзя требовать любви от другого человека, говоря: «Веди себя со мной хорошо, уважай меня». Этого невозможно достичь давлением на другого, это совершается только

по свободной воле. Поэтому предоставь своему супругу время, свободное пространство, имей терпение.

Один молодой человек мне поведал свою историю, которая очень меня взволновала: «Отец, от меня ушла моя любимая девушка, с которой мы были помолвлены несколько лет. Что я мог поделать? Я, конечно, очень хотел, чтобы она осталась, но разве можно требовать любви насильно? Разве можно говорить: "Полюби меня против своей воли, потому что я этого хочу". И знаете, что я сделал? Я позволил ей уйти. А теперь сижу и жду, когда она вернется. Жду, любя ее. Жду, душевно страдая. Жду и молюсь».

Такая реакция самая правильная. И вот увидишь, как другой человек изменится. Если будет воля Божия, и любовь, исходящая из глубин твоего сердца, будет истинной, и само терпение твое будет исполнено любви, тогда ты увидишь, что близкий тебе человек, который ушел от тебя (твоя жена, ребенок, супруг), нигде в другом месте не найдет такой нежной любви, как твоя, и вернется. Пусть идет куда хочет, может, человек даже вкусит различных других опытов, но нигде он не найдет ни такого тепла, ни такой любви. Он сможет обрести лишь жалкую подмену, лживые слова, любовь, основанную на личной выгоде, и вернется к тебе. Лишь бы только, когда он вернулся, ты все еще ждал его. Ты будешь ждать?

Как красиво описано в «Одиссее» возвращение Одиссея домой! Как он возвратился домой, а Пенелопа

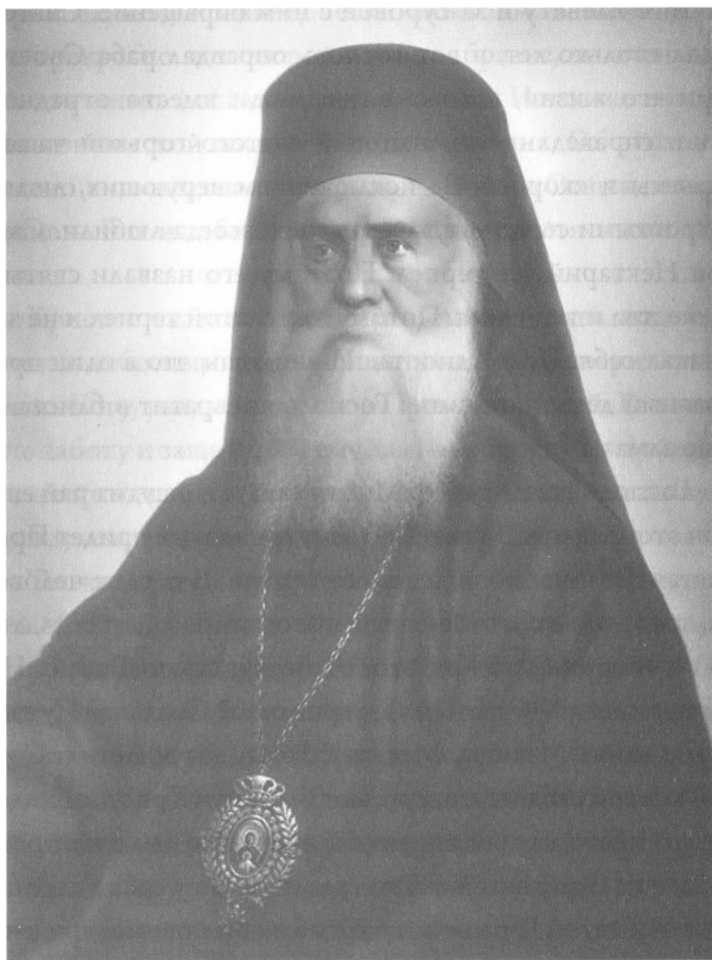
все еще его ждала. Как трогательно! Представьте себе, если бы Одиссей застал свою жену вышедшей замуж за одного из докучавших ей женихов, которые наблюдали за Пенелопой и только выжидали, чтобы взять ее в жены. Все эти годы ждала Пенелопа, ждал и Одиссей. Он терпел в продолжение всего похода. Его любовь и терпение были вознаграждены. Потому что его терпение было исполнено любви.

И блудный сын вернулся. А отец ждал его и терпел. Отец смотрел из окна, не покажется ли сын, и глаза его выражали любовь, доброту, тоску по сыну и огромное терпение. И произошло чудо.

Конечно, тяжело терпеть. Современная эпоха пропитана спешкой, мы все постоянно говорим: «Вот прямо здесь и сейчас!» Центры по изучению иностранных языков, медицинские учреждения для похудения, интенсивные курсы там и здесь — все обещают нам быстрый результат. Даже кухонная техника сейчас помогает приготовить еду необычайно быстро: раз — и готово. Микроволновые печи: две минуты — и обед готов. Чего бы мы ни коснулись, все делается со скоростью. Но вот грядет Господь и говорит нам: «Знаешь, все, что ты делаешь, ты делаешь хорошо и быстро. Все это облегчает тебе жизнь. Однако твоей душе и сегодня, несмотря на то что прошло столько веков, нужен свой собственный ритм — тот, который был ей задан тогда, когда Я тебя создал, чадо Мое. И это не меняется».

Возделывание души также требует терпения. Надо ждать, пока не исполнятся обетования Господа на тебе. Господь обещал человеку множество обетований. И то, что Он обещал, сбудется непременно. Например, Он обещал нам, что *блаженны плачущие*. То есть тот, кто плачет в этой жизни, обязательно возрадуется. Подожди, я постараюсь объяснить тебе это. Христос конечно же не имел в виду слезы, которые ты пролил вчера на нервной почве. Надеюсь, ты это понимаешь. Потому что многие из нас плачут по причине слабых нервов, когда ругаются и ссорятся, когда случаются недоразумения. Он не имел в виду такого рода слезы. Речь идет о смиренных слезах или о слезах несправедливой обиды. Плакал ли ты когда-нибудь, будучи несправедливо обижен? Не потому, что тебя обидели, или был задет твой эгоизм, или тебя обуяло упрямство, потому что не вышло по-твоему. Нет. Плакал ли ты, когда к тебе проявили явную несправедливость или тебе пришлось пострадать за правду? Плакал ли ты, будучи оклеветан?

Я знаю, кто так плакал: святой Нектарий. Сколько раз он наверняка проливал слезы в своей келье на острове Эгина, слыша столько критики в свой адрес! Конечно, он не был бесчувственным. Он постоянно терпел несправедливость, клевету и все ждал и ждал. И все-таки дождался своего оправдания. Только когда? При жизни, к сожалению, лишь в малой мере. Однако после его кончины Господь в полной мере оправдал его. Александрийская

Преподобный Нектарий Эгинский

Церковь принесла свои извинения за возведенную на святого клевету и за суровое с ним обращение. Святой ждал столько лет, и вот Господь оправдал раба Своего. При его жизни, к сожалению, люди вместо отрадной чаши справедливости напоили святого горькой чашей клеветы и скорбей. За исключением верующих, людей с простыми сердцами, которые его всегда любили. Святой Нектарий все терпел. Поэтому его называли святым мужества и терпения. Потому что святой терпел и не защищал себя. Подожди и ты. И увидишь, что в один прекрасный день твои слезы Господь превратит в блистающие алмазы.

Господь сказал: «Кто Мне последует, ощутит рай еще при этой жизни. Я явлю Себя внутри него, и придет Пресвятая Троица, и войдет в его сердце. В сердце человека, который любит Меня еще в этом мире» (см. Ин. 14, 23). А ты говоришь: «Как это? Я не чувствую Бога». Но ждешь ли ты? Ждешь ли ты терпеливо? Сколько? Нужно долго. Дни? Месяцы. Месяцы? Годы, десятилетия. Создай внутри себя место, куда мог бы войти Христос. Выдели это место, сделай так, чтобы это место было постоянным, и не передвигай его то туда, то сюда у себя в сердце.

На Святой Горе есть такой обычай: новопостриженному монаху дарят икону святой Ипомони (в переводе с греческого — «терпение»). Знаешь ли ты об этом? Очень многие монахи почитают святую Ипомони. Потому что жизнь монаха — это одно сплошное терпение.

Каждый день ранний подъем в келье, каждый день рано утром служба, правило, четки, поклоны. Конечно, все это прекрасно, есть порой и разнообразие, но очень часто эта жизнь достаточно монотонна. И что же нужно для монашеской жизни? Бездна терпения. Об этом написано в последовании великой схимы «Созижди терпение». Вот и тебе необходимо приобрести такое терпение.

Христос сказал в Евангелии, что тот, кто подобно птицам небесным, подобно цветам и детям вверит свою жизнь Богу, увидит над собой Промысл Божий, Его нежную заботу и защиту. «Я ему дам, — говорит Господь, — все необходимое: и пищу, и воду, и красоту, и красивую одежду, и все остальные земные блага».

Ты же, однако, не проявляешь терпения, чтобы увидеть эти чудеса. Вместо этого ты постоянно волнуешься. Господь говорит: «Чтобы ты узрел то, что Я тебе обещал, сними с себя свои одежды, Я хочу украсить тебя, сделать тебя необычайно красивым, но как, каким образом Я могу тебя одеть в Свой одежды, когда ты постоянно одеваешься в свои ветхие, мирские, ложные? Сбрось с себя тревогу и волнение, чтобы Я смог дать тебе новое, красивое лицо, умиротворенное и спокойное. Сбрось с себя напряженное переживание, чувство незащищенности и панику, которые тебя уродуют и старят твоё лицо, приди и оденься в Мою одежду». [Оденься] в мир Христов, в веру в Его силу, в надежду на Его слова.

И знаешь, что нужно сделать потом? Ложись спокойно и терпеливо жди, пока не придет к тебе благодать Божия и не изменит тебя. Стань таким, каким тебя хочет видеть Господь, а потом ложись, спи и жди. Доверься Богу и вверь Богу всю свою жизнь. Если будешь проявлять терпение, то каждый день будешь видеть, что Господь что-то совершает в твоей жизни. Просыпаясь каждый день, будешь удостоверяться, что ты все ближе к своему счастью. Если же ты согласишься на это с точки зрения логики, то скажешь: все, что говорит Бог, не сделает меня счастливым и, напротив, введет меня в подвешенное состояние, и будешь как бы висеть в пустоте. То, что ты считаешь подвешенностью в пустоте, есть самое верное движение счастья. Будь уверен: то, что тебе кажется пустотой, на самом деле наполнит тебя, ты увидишь, как изменится твоя жизнь. «Не мсти врагам своим, — говорит Господь. — Предоставь их Мне. Я поступаю с ними по справедливости. А ты делай свое дело. Какое? Люби врагов своих. Поступая так, ты соберешь на их главы разожженные угли». Но ты возразишь на это: «Я хочу видеть отмщение! Я хочу видеть, Господи, что Ты вмешиваешься в мою жизнь. Я хочу видеть в своей жизни порядок и справедливость». На это Христос ответит тебе: «Оставь все как есть. И когда придет время, Я вмешаюсь. Но и той душе, которая тебя обидела, Я хочу помочь осознать ее ошибку. Ты же прояви терпение. И предоставь судить Мне вместо того, чтобы судить самому».

* * *

Господь нам заповедал, чтобы мы молились так: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». «Господи, но разве только на сегодня? — говоришь ты. — А завтра? Завтра разве нам не нужен хлеб?» Оставь это «завтра». Разве мы живем не сегодня? Запасись терпением — и почувствуешь и завтра силу Божию и попечение. Для этого тебе не нужно думать о том, что будет послезавтра, через год или через шестьдесят — семьдесят лет. Пусть все течет само собой. Наша жизнь требует терпения. Разум нам говорит: «Делай все сейчас. Спешь, двигайся, беги, все застрахуй, сделай разные вложения, а то потеряешь контроль над жизнью». А Господь что говорит? «Не надо. Не впадай в панику. Подожди. Научись ждать».

Усвоил ли ты этот урок терпения в своей жизни? Подумай. Тебе было восемнадцать, затем двадцать лет, потом сорок, шестьдесят. И вот теперь тебе уже восемьдесят пять или девяносто. Смотри, как быстро пробежали эти годы. Когда ты был маленьким, ты говорил: «Вот бы поскорее вырасти. Пока я буду взрослеть, интересно, как будет проходить жизнь?» И видишь, как она проходит? Очень быстро. И что надо делать? Надо ждать. Надо каждый день принимать со спокойствием, как от руки Господней. Каждой вещи свое время. Нужно только проявлять терпение. Надо ждать, чтобы пришло Царствие Божие. Нужно ждать, чтобы Бог устраивал все по Своему усмотрению.

Есть люди, которые устают от жизни. Они устают от земных страданий и, поскольку не умеют ждать, доходят до того, что начинают говорить: «Лучше бы я умер». Некоторые говорят мне об этом на исповеди: «Отец, я несколько раз говорил. Боже мой, я так устал от жизни, лучше бы я умер и успокоился». Но такая смерть, какую ты ждешь, вовсе не является доброй кончиной. И святые желали смерти, но они смотрели на конец не как на освобождение, а как на начало блаженства. Они хотели умереть не от ненависти к жизни, а от жажды подлинной жизни, чтобы быть рядом со Христом. Они желали смерти не как избавления от мучений, а чтобы пережить таинство Бога во всей полноте. Они желали смерти не для того, чтобы избавиться от чего-то, но чтобы быть измененными чем-то и Кем-то, то есть Богом. Чтобы преобразиться в Царствии Божиим. Святые хотели покинуть этот мир — и не могли этого дождаться. Ведь они очень любили Бога и взывали к Нему: «Господи, возьми меня к Себе!» Об этом говорил апостол Павел: *хочу разрешиться и со Христом быти* (Флп. 1, 23). Апостол Павел, говоря это, подразумевал следующее: «Желаю умереть. В этом мире меня уже больше ничего не держит. Хочу уйти из этого мира. Не могу больше терпеть». Но святые говорили так не оттого, что жизнь им наскучила подобно нам.

Мы часто желаем смерти, потому что устали от жизни, потому что не имеем терпения, потому что не радуемся Божиим дарам. Но в этой жизни мы обязательно устанем.

Многое предстоит нам пережить. В нашей жизни будет много скорбей. Много слез и вздыханий. Безвыходных ситуаций, болезней, волнений и переживаний будет больше, чем смеха и счастья. Я знаю это. И ты об этом говоришь, все мы знаем это по опыту. Но борьба твоя того стоит. Все скорби, которые ты несешь здесь с терпением, готовят тебе Царствие Небесное. *Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас* (Рим. 8, 18). Вот увидишь, то, что мы сейчас безропотно претерпеваем, есть ничто в свете того, что нас ожидает. Нас ожидает невероятно прекрасный мир счастья и ликования от пребывания рядом с Богом. Все святые, удостоившиеся видеть рай, восклицали: «Боже мой, если бы я знал, какая радость меня ожидает здесь, я бы никогда в жизни не роптал, а постоянно бы терпел, лишь бы быть причастником этого блаженства». Поэтому будем всё терпеть. Чтобы насладиться Царствием Божиим, наполненным счастьем.

* * *

В какой-нибудь другой раз мы побеседуем о том, почему надо терпеть, вспомним некоторые причины и мысли, которые укрепят это терпение в нашем сердце. Потому что часто вы приходите и плачете, говоря: «Все! Я больше не могу. Не могу терпеть моего мужа, который напивается. Не могу терпеть мою жену, которая никак не оставит меня в покое и кричит целыми днями. Не могу выносить

моего ребенка, который не слушает меня. Не могу терпеть моего преподавателя, который ко мне придирается. Не могу одного, не могу другого. Я больше не могу, у меня больше нет терпения! Моя нервная система устала. Я болен». И все же мы можем еще немного потерпеть. И когда Господь увидит, что еще одна капля — и наша чаша переполнится, Он, несомненно, что-то предпримет и найдет решение.

Сегодня, однако, вы были очень терпеливы. Я вас немного утомил. Но такова тема терпения, что нужно настоящее терпение не только чтобы практиковать его в своей жизни, но и чтобы говорить о нем и слушать о нем.

Перевод — Димитрий Лампадист

Прѣжнѣе прошло. Не бойся

Я заметил, что у людей, обращающихся к священнику, есть что-то общее, и это общее — страх. В душе у них царит какая-то тревога. На нас давит случившееся в нашей жизни и происходящее теперь, мы беспокоимся и за будущее: что нас ждет впереди? что принесет нам завтрашний день? что произойдет в обществе? что будет с нашим здоровьем, страной? как мы справимся со своими финансовыми проблемами? И вот мы уже не спим, как раньше, в мире и спокойствии, мы в большинстве своем чего-то боимся.

* * *

Я думаю о святых мучениках, которые в ту минуту, когда их вели на пытки, конечно, тоже боялись как люди. Ведь каково это — видеть перед собой мечи и ножи? Когда видишь кипящее масло и шипящую известь, ты, как человек, конечно, пугаешься, однако сейчас, после их успения, после их мученической смерти все, что пугало их в тот час,

побуждает их молить Бога о нас. Они показывают Богу свои отрубленные руки, отсеченную голову, изрезанную плоть и говорят:

— Господи, то, чего я боялся тогда, привожу сейчас пред лицо Твое, чтобы умолить Тебя отнять страх у людей, живущих на этой земле!

Я привожу вам этот пример, чтобы с самого начала сказать вам, что, когда мы боимся чего-нибудь, мы, конечно, думаем о чем-то неприятном. В минуту боли, в минуту страха не жди, что поймешь, сколь великое дело совершается в тебе. Тебе больно тогда, и ты мучаешься, страдаешь. Однако когда пройдет пять месяцев, год, два и ты оглянешься назад и посмотришь, какие минуты были в твоей жизни самыми важными, самыми сильными, какие минуты сделали тебя святее, смиреннее, мудрее, ты увидишь, что это были именно минуты страха, боли, тревоги.

Задумайтесь, вы, сорока — пятидесятилетние и старше, ведь если оглянетесь назад и спросите себя: «Когда я по жизни окреп, когда почувствовал, что встаю на ноги, когда получил силу?» — ответом будет: «Когда я проходил через некое испытание, когда я был потрясен. Тогда я и стал задаваться вопросом, что происходит, тогда стал искать решения проблем, тогда мои руки налились силой и мне захотелось уцепиться, схватиться за что-то». Многие так и говорят: «Я нашел Бога, когда в моей жизни произошло такое, что повергло меня в ужас, испугало меня (какая-нибудь смерть). Я был потрясен, когда увидел, как

любимого человека увозят на кладбище. Этот страх заставил меня схватиться за Бога, и душа моя окрепла».

Трудный час — это и есть тот час, когда мы чувствуем великое благодеяние Бога и благодарность к Нему. Только, когда нам больно, мы этого не понимаем: чтобы понять, должно пройти достаточно времени. Нам надо знать это. Сегодня жизнь пугает нас, а вот спустя три-четыре года, когда мы будем смотреть на все, оглядываясь назад, я скажу себе: «Тот год помог мне, тогда я стал сильнее, я стал больше верить, я с большим доверием положился на Бога», — и из страхов выйдет что-нибудь хорошее.

Вспоминаю об одном парализованном человеке из города Патры, который жил в Афинах и был прикован к постели. Он публиковал в одном журнале «Статьи парализованного человека». Однажды я пошел к нему. Он как раз причастился, больничный священник ходил причащать его. У него было тогда огромное испытание и потрясение, были и у него свои искушения, но он повернулся ко мне и сказал:

— Приближается чудо! Вот подожди — и увидишь!

— Откуда вы знаете?

— Я знаю это, потому что боюсь. Когда я боюсь и у меня есть искушения, немного погодя Бог приходит и находит меня. Сейчас у меня тяжелая минута, и я уверен, что это та минута, в которую Бог придет!

Когда ты боишься, Богу приходит пора отворить небеса и помочь тебе. Страх приводит тебя к надежде на

Бога, к тому, что ты цепляешься за Него и наша душа укрепляется, хотя до этого тебе было не по себе. И скажу вам нечто, во что вы порой не можете поверить, да и я тоже, потому что с малых лет был так научен, когда был еще таким, как вы.

* * *

Как малым детям, нам говорили, что мы не можем преуспеть в жизни, поскольку слабы. Мама, отец, родня, друзья нам постоянно говорят:

— Осторожней, упадешь! Смотри, куда ты идешь!

Потому что ты рискуешь оплошать! И это происходит постоянно: в школе, на работе, в семье. Пусть каждый спросит себя: сколько раз ему говорили, что у него нет шансов, что он не может добиться чего-то в жизни, — и он в конце концов поверил, что все трудно, все недостижимо.

Душа: твоя уязвима для страха, потому что мы не выросли сильными, уверенными в том, что Бог нам подаст силу и мы добьемся своего в жизни. Мы, наоборот, верим в свое бессилие. Мы — Божии чада, мы прикасаемся к Божией силе и, несмотря на это, постоянно боимся, постоянно ужасаемся. Идем на собеседование, ища работу, и боимся:

— Помолитесь обо мне!

— А чего ты боишься?

— Что меня могут не одобрить.

— Нет, это не то... А чего ты на самом деле боишься?

Ты боишься, что твои возможности малы, потому что на самом деле ты можешь, но не веришь в это.

Ты решаешь создать семью и боишься. Почему? Потому что нашему уму легче думать о неудаче, чем об успехе. Мы больше верим в то, что провалимся, чем в то, что справимся. С большинством людей так происходит.

Когда ребенка дома нет, наш ум никогда не будет думать, что он просто вышел погулять. Что да, он опаздывает, но с ним все хорошо. «Да нет! Там что-то есть! Там что-то происходит!» — «Что происходит?» — «Что-то плохое!» Почему? Потому что все это обратилось у нас в навык, то есть мы привыкли, чтобы опасность пугала наш ум, не важно, существует она или нет.

Когда ты поймешь это, с этим надо будет бороться. Как бороться? Так, как мы сейчас говорим. То есть сесть, логически поразмыслить и сказать: «Сколько раз я боялся зря и в итоге видел, что ошибался! Сколько раз я думал, что моего ребенка привезут на "скорой", а с ним все было хорошо!

И я спрашивал его:

— Ну почему ты так делаешь?

А он:

— Я опоздал.

— А что случилось?

— Со мной все в порядке.

Это потому, что я не вразумляюсь, не понимаю, что Бог управляет всем!>

С твоим ребенком ничего не случается, однако ты постоянно боишься, не только когда с ним что-нибудь может случиться. Часто ты боишься задолго до того, как с ним что-нибудь может произойти.

* * *

Итак, мы можем выдержать, у нас есть сила, только нужно в это поверить. Надо об этом помнить, говорить то, что говорит святой апостол Павел: *Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе* (Флп. 4, 13). Я всё могу, меня ничто не напугает в жизни, я могу с этим справиться! По жизни я встречусь с трудностями, но выйду победителем из испытаний, меня выгонят из дома, в котором живу, потому что у меня нет денег, но я найду что-нибудь другое». — «Как ты можешь так говорить? Ты что, фантазируешь?» — «Нет. Мы будем надеяться и уповать на силу Божию. Мы будем бороться». Вот так. Ты будешь бороться и добьешься своего.

* * *

Я и в другой раз говорил, что многие женщины и мужчины часто изводят себя (женщины в большей степени по причине своей чувствительности), тревожатся за будущее и заболевают: «У меня то-то не получится! Я боюсь, что не выйду замуж!» Они боятся, что останутся одни, что ничего не сделают, а в итоге, по прошествии лет, все улаживается. А потом у нее опять появляется страх — будет

 Препрежне прошло. Не бойся

ли у нее ребенок? Будет! Да даже если и не будет, ты сильная и на деле поняла, что можешь выдержать это. Если Бог это попустит, ты выдержишь.

* * *

Тебе не удастся вовлечь меня в свою игру. Мы этого и хотим постоянно — и сами боимся, и других хотим вовлечь в свой страх, чтобы, если можно, боялись все. Если кто-нибудь подбодряет нас, нам это не очень нравится: «Нет-нет, я провалюсь!» Наш наркотик называется страхом, и когда кто-нибудь нам его не дает, мы начинаем нервничать. Глубоко в душе мы и не хотим утешения — мы хотим собственного несчастья, хотим ныть, хотим роптать. Но надо тряхнуть немного головой, чтобы все это улетучилось, и сказать: «Я буду сильным и стойким по жизни!» Бог дал нам не дух страха, а дух силы (см. Тим. 1, 7). Бог дал тебе силу, и мы с тобой можем быть успешными.

* * *

Когда я был маленьким и ходил в церковь, в воскресной школе мне говорили:

— Приблизься к Богу, и все у тебя будет хорошо! Приблизься к Богу, чтобы разрешились твои проблемы! Приблизься к Богу, там все розово!

Что-то в этом духе. И вот я приблизился к Богу как ребенок, но, вырастая, увидел, что находиться близко к Богу не так уж хорошо: там есть и много проблем, много

страхов, много тревог, много неудач, много ударов, много пощечин. Поэтому сначала ты должен подготовиться, чтобы знать, что́ нам обещает путь, на котором мы и через землетрясения пройдем, и поколеблемся, и запутаемся, и измучимся, однако не будем отступать. Я добьюсь успеха, потому что, пройдя через все это, стану святым, стану мудрым, стану зрелым человеком. Иначе не бывает. Сквозь злоключения в жизни мы увидим лицо Божие. Вошел ли ты в Церковь? Приготовься пройти через злоключения.

Это как если бы ребенок говорил матери: «Мама, с того самого дня, как я пошел в школу, этот учитель все время задает нам упражнения. Что же будет потом?» Что будет? Все, каникулы закончились! Это и означает «школа» — ты будешь делать упражнения.

* * *

Бог любит тебя, но как Он тебе это докажет? Научив твою душу терпеть, любить, прощать. А этому не учатся без злоключений, без испытаний, без страхов в жизни. Что тебя устрашает, то и делает тебя сильным. В конце концов делает тебя сильным. Другого пути нет. Если вам известен другой путь...

Когда ты делаешь это, тыходишь в христианскую жизнь близ Бога подготовленным к тому, что пройдешь и через трудности, и не оказываешься застигнутым врасплох. Ты не сваливаешься с облаков, не говоришь: «Что

это такое — то, что свалилось сейчас на меня?» Это жизнь. Нет святого, у которого не было бы таких мгновений в жизни: каждый боялся и ужасался, проходил через тревоги, испытания, искушения. Все мы пройдем через это, и неверно то, что сказал мне один человек:

— Вот тот человек, который вчера пришел в церковь и заговорил с тобой, я удивляюсь ему: он так счастлив! Я вижу, что он всегда радуется. Нет ничего, что могло бы его утешить!

Я ответил ему:

— Не могу говорить тебе о его личных делах, но вот ты ему удивляешься, завидуешь, но ты же его, по сути, не знаешь, а если заглянешь в его душу, то увидишь, что и у него есть свои проблемы — с детьми, деньгами, какими-то болезнями; он не скажет тебе всего. Он ведь ждет результатов анализов на рак, но улыбается людям.

А что ему делать? Сесть и сказать: «Вы знаете, я весь трясусь. Я вам улыбаюсь, а сам трясусь, потому что страдаю от такой-то болезни»? Он не говорит этого, и ты ему завидуешь. Но у всех есть что-нибудь такое, что их пугает. У всех. И у меня, если вы спросите меня и скажете; и у тебя, говорящего мне это, разве у тебя нет чего-то такого? И у меня есть: я думаю о будущем, о том, какой будет моя жизнь, о болезнях, родителях, о себе. У всех нас есть поводы для боязни, но благодаря ей наша душа может окрепнуть, мы можем вызреть и пустить корни в Божией жизни.

Один святогорец говорил:

— Я очень люблю своего духовника и очень благодарен ему за одно дело в моей жизни!

— Какое?

— Он научил меня раз и навсегда, что в жизни существуют и боль, и радость. Он сказал мне правду, и когда я шел к нему и говорил, что прохожу через искушения, он говорил мне: «А чего ты ждал? Не понимаю». Когда мне хотелось заплакать от трудностей, он говорил мне: «Не плачь! Встань и возьми себя в руки! Оставь эти сентиментальности! Это сентиментальности твоего плохо понятого эгоизма. Научись тому, что в жизни радость и боль всегда идут вместе. Сегодня ты смеешься, завтра заплачешь, а послезавтра снова будешь смеяться. Поэтому не бойся. Пойми это раз и навсегда». И научил меня, — сказал мне он, — когда в жизни все хорошо, радоваться и благодарить Бога. А когда скорбь, испытание — говорить: «Да, это так, такова жизнь». Он научил меня укреплять свою душу и смотреть на жизнь таким образом.

* * *

Не знаю, поняли ли вы, что в реальности жизнь — это сеть, сотканная из боли и счастья, радости и страха. Ученые, и особенно детские психологи, говорят, что, когда человек рождается и выходит из утробы матери, первое, что он чувствует, это сильнейший страх. Почему? Младенец

ужасается оттого, что выходит из тишины, счастья и тепла материнской утробы.

Есть нечто хорошее в страхе, а именно то, что он делает нас более человечными. Например, мать, дети которой отсутствуют или сын которой в казарме, если она услышит другую мать с похожей проблемой, то сочувствует ей и говорит:

— Я знаю, что ты испытываешь. Я тоже беспокоюсь, и как ты думаешь о своем ребенке и боишься за него, так и я думаю о своем.

Женщина, прошедшая в своей семье через болезни, больницы, реанимацию, когда услышит другую женщину с подобными проблемами, сострадает ей. Страх нас сближает, делает более сострадательными, более любящими и сплоченными.

Есть люди, принимающие помощь от других, тогда как раньше они говорили: «Я не нуждаюсь ни в ком! Я не нуждаюсь по жизни, я сам со всем справляюсь!» И вот пришел час, и тот, который был когда-то таким суровым, сидит теперь, и его кормят, оказывают услуги, а он говорит:

— Благодарю тебя! Страхи по жизни, проблемы сделали меня более человечным, и я принял вашу помощь. И благодарю тебя за то, что помогаешь мне! А когда-то я думал, что смогу все сам.

На меня произвело сильное впечатление, когда я на днях увидел в новостях этого человека и он сказал, что

раньше отдавал одежду и продукты в один храм Афинской архиепископии, а на этот раз сам пришел взять. Экономический кризис довел его до страха за свое будущее и за жизнь, и этот человек, подававший когда-то милостыню другим, дошел сейчас до того, что говорит: «А вы дадите мне куртку?» Однако это смирило его и сделало настоящим, подлинным человеком.

* * *

Большинство из нас — люди с витрины. А когда ты начинаешь бояться, ты настоящий, тогда исчезают «безупречные» манеры нашей культуры и мы выводим на свет свое истинное я. Поэтому, когда человек оказывается на похоронах, в больнице, он может начать там рыдать, кричать, плакать, и спадает фальшивая маска «превосходного» человека, говорящего: «Я знаю все, я сильный!» Благодаря боли и страху мы становимся подлинными, настоящими людьми.

Когда нам предстоит чему-то ужаснуться или встретить человека, которого мы боимся, очень важно заранее подготовиться к этому психологически. Другими словами, не идти неподготовленными на эту встречу. Независимо от того, офис ли это, куда мы идем на собеседование, желая устроиться на работу, или какое-нибудь другое место. Святой пророк Давид говорит: *Уготовихся и не смутихся!* (Пс. 118, 60). Когда предстоит чему-то случиться, ты не иди туда прямо так, а сядь дома, переживи это заранее

в своей душе и скажи: «Ну что ж, пойду в офис». Или муж возвращается и: «Я сегодня сделала те расходы, которые сделала», — и тут разражается буря. А надо: «Сяду-ка я и подготавливаю, чтобы не говорить резко, чтобы меня не охватила паника оттого, как я ему это скажу, что он мне будет говорить, как я ему буду отвечать. И чтобы я не думала постоянно о плохом, что мы поругаемся. Скажу ему спокойно, а когда начнет злиться, переменю тему, подготавливаю к этому».

Твой ум не должен постоянно вращаться вокруг проблемы. Потому что когда ты долго боишься чего-то, ты в конце концов начинаешь этого хотеть. Потому что ты его как будто ищешь. Когда ты боишься чего-то, ты как будто говоришь Богу:

— Я верю, Боже, я глубоко верю, что проваляюсь, ибо знаю, что проваляюсь.

И Бог говорит:

— Да будет по вере твоей. Поскольку ты поверил, да будет так! Во что ты там поверил? Что в 5:15 вечера, когда будешь сдавать экзамены на права, ты скажешь: «Это исключено, что я сдам, меня зарубят!»

Как ты сказал, так оно и стало. А почему? Потому что ты в душе не доверился Богу, не поверил. Позволил страху доминировать и завладеть тобой. А поскольку ты ему позволил, то так оно и стало.

Поэтому, когда мы идем на встречу с каким-нибудь трудным человеком, очень важно заранее прочувствовать

его в Божией любви и помощи, с надеждой и верой. Давайте посмотрим на другого так, словно он наш брат, любящий нас и добрый человек.

* * *

Ты идешь на собеседование в какую-нибудь компанию, но когда ты скажешь в душе: «Какой этот человек суровый! Это исключено, что он согласится на то, что я у него попрошу!» — ты уже предрасположен к тому, чтобы произошло отторжение. Или твой ребенок выходит вечером, ты должен подготовить свою душу и сказать: «Мой ребенок проведет хороший вечер. Между нами не будет нервотрепки, но — любовь». Прочувствуй это, произноси молитву: «Господи Иисусе Христе, дай нам мир, и я поверю, что наступает мир в доме».

* * *

Душевная подготовка ко всякому страху в жизни очень важна. И когда что-нибудь произойдет в твоей жизни и ужаснет тебя, главное — научиться быстро возвращаться на путь спокойствия и мира. Что-то произошло, и ты расстроился. Что-то произошло, и ты испугался. Хорошо. Но сколько это будет продолжаться, сколько? Два дня? Три? Нет, ты останови это прямо сейчас и не возвращайся без конца к этим страхам. Ты пройди мимо этого, не переживай его без конца в душе и не живи воспоминанием об этом.

Кто-то плохо поступил с тобой в прошлом, ты был уязвлен и с тех пор ходишь напуганный. Да, но жизнь переменилась, прошло уже три года с тех пор, как ты с ним рассталась. Однако она все думала об этом и боялась всех предстоящих знакомств:

— Я прошла через расставание.

— Да, ты рассталась, но когда? В прошлом году?

— Да, но сейчас я боюсь, что снова потерплю неудачу.

Но ведь это неправда. Не давай же страху из твоего прошлого отравлять тебе настоящее и будущее, поставь на этом точку и скажи: *Препрежне прошло* (Откр. 21, 4). Как говорит святой апостол Павел, *забывая заднее и простираясь вперед* (Флп. 3, 13). Препрежне прошло. Да, я напугался, ужаснулся, и ладно. Но впредь будет лучше.

У нашего ума есть обыкновение больше прилепляться к тому, что его пугает, чем к тому, что придает нам отвагу и надежду. Будем же осторожны в этом, будем включать Богом просветленную логику и говорить: «Это не правда, это все от моего ума. Все не так, как я думаю! Не бойся!»

* * *

И будьте осторожны со своим желудком, потому что от многих волнений и страхов желудок начинает болеть. Страхи наносят вред и телу тоже. Когда приходит время и мы излучаем расстройство, страх и тревогу, это доводит нас до болезни. Ты идешь к врачу и говоришь ему:

— У меня болит желудок!

А врач тебя спрашивает:

— А что случилось?

— Доктор, да всё огорчения.

— Из-за чего?

— Да сын мой нашел одну... жизнь не ладится.

— А почему ты так беспокоишься? Предай своего ребенка Богу!

— Не могу. Я боюсь!

От страха, не превращающегося в доверие, наше тело заболевает. Все болезни — бóльшая часть из них — начинаются с душевного напряжения, тревог, страхов.

* * *

Отец Софроний (Сахаров) из Эссекса говорит нечто замечательное: «Когда я возлюбил Бога, тогда увидел все остальное по-другому». Наступают такие моменты в жизни, когда ты начинаешь любить Бога и переживаешь нечто очень сильное в связи с Ним, тогда ты начинаешь фильтровать все через это свое новое богопознание, и оно тебя уже не пугает. Он говорит: «Мне дано было другое зрение и другой слух. От Бога дан был мне новый взгляд и новые уши. Я слышу и вижу жизнь по-другому».

Одна женщина в отделении интенсивной терапии сказала мне:

— После того, что я пережила, я уже ничего не боюсь в жизни! Когда ты два месяца ходишь по больницам

и слышишь то, что слышала я... Меня больше ничего не пугает в жизни, как раньше.

Следовательно, если мы будем жить с Богом и испытать некое сильное чувство бесстрашия, единства с Ним и любви, тогда все остальное не будет оказывать на нас влияния. Мы будем смотреть на это хладнокровно. Например, тебе позвонят по телефону, скажут что-нибудь тяжкое, а ноги у тебя не подкосятся.

То есть мы заболеваем из-за страхов. Надо сказать: «Вот, Бог укрепил меня, сейчас я ничего не боюсь! Сейчас, как говорит святой Антоний Великий, я не боюсь Бога, а люблю Его».

И если ты чувствуешь, что любишь Бога, то ты уже не боишься ничего в жизни, что бы ни случилось. Произошло ли землетрясение, рушится ли дом, святой говорит: «Дом рухнул, ну и ладно. Какое это имеет значение? Ведь душа моя отдана Богу».

Он как влюбленный — что ему ни говори, это его не трогает, не интересует, он витает где-то в другом месте. Если и денег у него не окажется, он будет говорить: «Сегодня я наслаждаюсь своим счастьем, своей любовью!»

Если когда-нибудь мы переживем это, мы станем очень сильными. Нас не будут пугать вещи мира сего, потому что мы прикоснулись к опыту другого мира, к Богу. К этому и должна стремиться наша душа.

Итак, давайте помнить, что *любовь изгоняет страх* (1 Ин. 4, 18). Когда любишь, ты не можешь бояться. Когда

 Архимандрит Андрей (Конанос)

люблю кого-то, я отношусь к нему как малое дитя, которое всех любит, всех воспринимает как своих. А мы чем больше растем, тем больше отдаляемся друг от друга и боимся. Когда любишь, ты не боишься, ты испытываешь доверие ко всем и доверяешь свою жизнь Богу — как устроит все Он...

Перевод — Станка Косова

Не бойся радоваться!

Не расстраивайся ни по какому поводу

Сколько лет ты пребываешь в Церкви? И что ты делаешь столько лет? Преуспеваешь ли? Видишь ли изменения? Созреваешь? Или, может, продолжаешь тревожиться, гневаться, ссориться со всеми окружающими и остаешься человеком внешним, внутри которого прячутся беспорядок и ложь? Сколько лет со Христом, а достиг ли ты подлинной нравственности и простоты манер? Стал ли ты настоящим человеком?

Здесь мною обозначены некоторые характерные черты, которые служат признаком того, что мы преуспеваем в нашей духовной жизни в Церкви. Ты, наверное, слышал о «глубине сердца», где все утихает. Чем чаще ты туда стремишься, тем труднее мирской печали ее взволновать.

Слышишь — но как бы и не слышишь. Тебе больно, но ты не сходишь с ума. Ты спокоен и вынослив. Тебя не просто сломить! Никто и ничто не может тебя потревожить! На оскорбления не обижаешься, не впадаешь в печаль. За тобой выбор!

Ты можешь оградить свою душу благодатью Христовой. Все зависит от того, как ты на это будешь смотреть. Христос помогает тебе увидеть все иначе. Ум Христов направляет тебя, наполняет твою обиденную жизнь духовным светом, учит любить и быть любимым, быть близким по духу, человеческим, святым.

Живи

Жизнь без смысла и цели. Так порою ты ощущаешь. Часами мучаешься, устаешь, скучаешь, стареешь раньше времени. Но с такими ощущениями не надо мириться. Есть решение, есть выход! Наполни красотой свою жизнь, свое общение, свой дом, свою работу. Изменяйся. Ищи то, что тебя не удовлетворяет, и улучшай это. Не отступая, не сдаваясь и не ворча. Ты обычно живешь не своей жизнью, но — жизнью, которую навязывают тебе другие: родители, общество, политики, педагоги, священники. Ты принимаешь эти правила жизни неосознанно и бездумно. Видно, что ты стараешься, прилагаешь усилия, проявляешь жертвенность, но сердце твое в глубине страдает.

 Не бойся радоваться!

А все потому, что ты забыл: самопожертвование — это одно, и совсем иное — самоубийство.

Выход же таков: живи глубинными стремлениями своей души и сердца. То, к чему ты призван лично, развивай свой собственный талант.

Христос пришел на землю для того, чтобы оживить наши сердца и наши желания, а не для того, чтобы нас умертвить. Умертвить же Он пришел нашу ложь, а не радость жизни. Христос утверждает в жизни красоту, удовлетворение, успокоение.

Если мучаешься, найди, к чему ты стремишься, и воплощай это в жизнь! Все это: самопознание, искренность, смелость, перемены, покаяние — не бывает без боли. Но ты уже не вернешься в жалкое прошлое, а, напротив, начнешь жить в прекрасном будущем.

Да, мы часто живем не своей жизнью. Поэтому мы томимся и чахнем. Одна девушка стала парикмахером и была счастлива. Это было то, о чем она мечтала. А другая может стать врачом и зачахнуть, потому что ей это неинтересно. Это не ее призвание.

Не бойся радоваться. Достаточно все делать с благодарностью Богу. Не бойся быть счастливым. Ты для этого и живешь. Для этого ты и был сотворен — чтобы радоваться! Привнеси славу и красоту Божию в твой дом, в общение, в работу: все делай бодро, живи по-настоящему. Ищи пути исправления и перемен. Во всяком случае, не влачи жалкого существования, но живи

восторженно, радостно, с благодарением, прославляя Бога!

Вот мы приняли в себя — причастились — Крови Христа, так пусть оживляются и наша собственная кровь, и сердце, и вся наша жизнь! Того желаю и тебе, и себе, и всему миру. Ибо Христос воскрес, и посему мы достойны лучшей жизни, наполненной радостью и воодушевлением.

* * *

— Молишься?

— Да, молюсь.

— А кому ты молишься: самому себе или Богу?

Но не торопись говорить, что молишься Богу. Потому что эта молитва не как обыденные наши дела. Молиться — значит прикасаться к Богу, к Тому, Кто есть Мир и Любовь. Взгляни на доказательства настоящей молитвы: ты меняешься к лучшему, ты счастлив, у тебя сияющее лицо, ты располагаешь к себе, у тебя блаженное состояние.

Ты говоришь, что молишься, но подумай, почему твой ребенок не видит изменений в твоей душе, несмотря на то, что ты говоришь о себе как о духовном человеке и ходишь в церковь. Вспомним, какова сила молитвы была у Господа. Когда Христос молился на Иордане — небеса разверзлись, на Фаворе — Он просиял Божественным светом, на Елеонской горе — римские воины падали наземь. Вот такая сила молитвы!

Такая молитва подобает и нам. Она нас вырывает из шума повседневной суеты и окружает тишиной и спокойствием. Когда ты по-настоящему пребываешь в молитве, то забываешь все: день, час, место, время, еду, нужды. Ты живешь в другом месте. Как святой Нектарий, который растворялся в безмятежной молитвы. Молитва — это путешествие в неизведанное место, путешествие через моря и океаны. Молитва должна быть нуждой и упоением, а не обязанностью.

Я молюсь, чтобы стать как Он, но не для того, чтобы возложить на Бога свое собственное бремя страданий и тревог. Я молюсь Богу, чтобы стать как Он, а не для того, чтобы вовлечь Его в свое болезненное состояние и тревогу. Молюсь, чтобы Ты изменил меня, Христе мой, но не для того, чтобы я изменял Тебя.

Необходимое условие молитвы: просто поместить ум в сердце. Дать замолчать тревожащему меня уму и вслушаться в сердечную тишину. Молитва — дверь туда, где нет проблем. Но есть причина, по которой я не переносу тишину молитвы. Я привык к этому гулу в уме, к непрекращающемуся потоку мыслей и пленен земными вещами.

Некоторые, когда молятся, забывают свои проблемы! Растворяются в благодати Божественного общения. Тревога уходит. Душа наполняется спокойствием, любовью и уверенностью.

А когда не молишься, то обделяешь самого себя, лишаешь себя чего-то значительного и великого. Оставляешь себя брошенным и беспомощным.

Ежедневно молись понемногу. А если не можешь разговаривать с Богом, разговаривай, хотя бы немного, с женой, или с мужем, или с детьми. Начни с простого. Постарайся сделать более чувствительной свою душу к своим зримым ближним, к своему брату во Христе. Чувствительность в малом расположит тебя к молитве. Это как введение. И затем придет упоение радостью от молитвы. И тебе станет хорошо. И тебя уже не сможет сломить ничто земное.

Я рассуждаю о молитве легко, но мне трудно ее творить. Слова всегда отважнее дела. Простите.

Перевод — Иван Чепкий

ПУСТЬ КАЖДЫЙ ТВОЙ ДЕНЬ БУДЕТ ПРЕКРАСНЫМ

Я молюсь, чтобы каждый твой день был прекрасным, спокойным и безгрешным. Об этом мы молимся на каждой литургии. Мы молимся, чтобы каждый наш день, каждая ночь и вся наша жизнь были прекрасными, чтобы это всё мы делали с большим душевным старанием, чтобы вникали всей своей душой в мельчайшие подробности нашей жизни. Что бы ты ни делал, делай это красиво.

Рассказывают о старце Паисии, что он, например, чистил апельсин очень хорошо и красиво, хотя это дело незначительное.

Пусть каждый наш день будет идеальным и святым. Святой день — что это означает? Это день, посвященный чему-то. Люди посвящают чему-нибудь определенные дни. Например, день, посвященный окружающей среде; день, посвященный борьбе с курением, наркотиками; день матери, день труда и т.д. Мы посвящаем Богу не только несколько дней — христианин, который любит

Бога, посвящает каждый свой день Богу и хочет, чтобы он стал святым днем. Знаете ли вы, что означает святой день? Именно это: посвященный день. Свято то, что посвящено Богу. То, что отдано исключительно Богу, чтобы Он его благословил, сделал его благодатным и сделал с ним то, что захочет. Мы молимся каждый день обо всем, но не о том, чтобы день стал идеальным и святым. Церковь молится, чтобы каждый день был спокойным, чтобы дни нашей жизни проходили безоблачно, чтобы мы не беспокоились, чтобы нас не охватывала паника. Успокоимся, мы чрезмерно встревожены и беспокойны, испытываем слишком сильный стресс, и в наших сердцах не царит мир Христов. В суетной беготне не царит такой мир, в наших походах по магазинам и в нашем доме не царит такое спокойствие, а царят беспокойство и большая тревога. Мы просим Бога, чтобы Он даровал нам спокойствие; мир вокруг вас может погибать, но мы должны оставаться невозмутимыми; все гибнет, а мы сохраняем безмятежность в своем сердце и говорим себе и вслух: «Я спокоен, потому что во мне Начальник мира, во мне Христос». Он является нашим спокойствием, в наших сердцах находится Божия сила, которая превышает человеческого ума и превышает человеческих обстоятельств. Другие люди не могут понять, почему мы спокойны, когда находимся рядом с Христом; они думают, что мы черствые, равнодушные, безучастные к человеческой боли, но это не так. Мы участвуем в этом, христианин воспринимает все, что его

 Пусть каждый твой день будет прекрасным

интересует, получает отовсюду информацию, слушает разные новости, сохраняет информацию в своем сердце, но никакие потрясения в мире не могут разубедить его. Земля может сотрясаться, страшные события могут сменять друг друга, но христианин продолжает сохранять спокойствие в себе. Вокруг могут происходить бури и кораблекрушения, метели, катастрофы, землетрясения, наводнения, войны, но мы сохраняем спокойствие. Я хочу сохранять спокойствие каждый день. Почему? Потому что *Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться* (Пс. 22, 1). Потому что я не бомж, не брошенный всеми в этом мире человек, у меня есть Господь, в моей жизни есть Кормчий, Который пришел и сказал мне много нежных слов, с большой любовью, с огромным доверием. Он сказал мне это так, что я почувствовал, что Он — мой Пастырь, Он — мой Пастырь Добрый. Мой Пастырь Добрый, Который пасет Своих овец. Достаточно, чтобы ты был Его овцой и Он поставит тебя на злачном* лугу, там Он поселит тебя, на злачном лугу. Все вокруг тебя может разрушаться, а ты приходишь ко Христу, доверяешься Ему и сохраняешь спокойствие в своем сердце, как корабль, который бедствовал среди волн, а ребенок спокойно стоял на палубе. Все разбежались, чтобы куда-нибудь спрятаться, укрылись в каютах, а он стоял, ничего не боясь, и смотрел вокруг. Кто-то сказал ему:

* Злачный (устар.) — обильный, богатый злаками, плодородный.

— Беги, спрячься куда-нибудь! Спрячься, чтобы спастись! Почему ты не боишься?

— Потому что, — ответил он, — капитан корабля — мой отец. Поэтому я не боюсь!

Дорогой друг, корабли в этой жизни, какими бы хорошими ни были их капитаны, могут утонуть. В последние годы мы слышали о многих утонувших больших кораблях, там люди были в опасности, и они утонули, погибло много людей. Но корабль в моей жизни, Кормчим которого является Христос, никогда не покинет спокойствие, он не потеряет свой путь, даже посреди бурь, волн и неудач Господь приведет нас в Свой порт, на пристань Своей святой воли. Поэтому я сохраняю спокойствие и говорю себе: «Успокойся, будь спокоен». «Прошу вас, успокойтесь, — так говорил мне на Афоне один мой друг. — Успокойтесь, не волнуйтесь, будьте спокойны, не смущайтесь, не входите в ритм этого мира».

Этот мир полон тревог, потому что искуститель часто приходит и беспокоит нас. Он сеет суматоху. Божий человек несет спокойствие и тишину. Как же это прекрасно: нащупать пульс своего сердца и понять, что он спокойный, а ты только что узнал, что, наверное, тебя уволят, что в следующем месяце не сможешь осуществить очередной ежемесячный платеж за кредит, что, вероятнее всего, врачи не знают, сколько времени в реанимации проживет твой родственник. Что твой ребенок не поступит на факультет, на котором он хочет учиться, что вряд ли ты

 Пусть каждый твой день будет прекрасным

сдашь экзамены в этом семестре, потому что ты плохо подготовился к ним, — ты получил целый поток подобных новостей. Естественно, как человек, ты задумаешься, расстроишься, немного обеспокоишься, но эта твоя тревога останется на поверхности. Попробуй сделать так, чтобы твое беспокойство не углублялось, а оставалось на поверхности, чтобы в глубине души сохранялись непоколебимое спокойствие, кротость, тишина, уверенность и чтобы ты сказал: «Господи, в Твоих руках жизнь моя, жребий моей жизни, все, что случится со мной, Господи, в Твоих руках».

Нет смысла беспокоиться, я доверяюсь Богу. Неужели я не верю в Бога? Неужели у меня нет Кормчего? Неужели у меня нет Отца? Кто, как не Христос, имеет огромную любовь ко мне и умер ради меня? Неужели Он не говорил: «Я умираю, чтобы ты жил, Я умираю, чтобы быть с тобой»? Неужели Он не сказал, что, когда умрет, возьмет тебя к Себе, и не только тебя, но и всех людей?

Осознав все это, ты поймешь, что нет никаких оснований беспокоиться и волноваться. Все эти проблемы только называются проблемами, но таковыми не являются. Эти проблемы не стоят того, чтобы ты заболел, чтобы у тебя развились гастрит, язва и опухоли в организме. Некоторые говорят: «Эта проблема довела меня до рака! Это беспокойство довело меня до рака!» Вы знаете, что жизненные проблемы, жизненные тревоги связаны с тем, что ты дергаешься, теряешь контроль, обеспокоишься,

затем возникают болезни. Посмотри, как одно взаимосвязано с другим и как быстро исчезает спокойствие из наших сердец. Но когда спокойствие царит в сердце, ты смотришь на все по-другому, ты здоров и относишься по-другому к жизни. Это чудо, это дар Христа для тех, кто посвящают себя Ему, отдают себя Ему, верят в Него. Верь, веруй беззаботно в Христа, верь по-настоящему, верь, что Христос существует. Я верю, что Христос повсюду, верю, что Христос рядом со мной, что Он управляет моей жизнью, верю, что сейчас, когда я говорю, Бог движет моими губами, и поэтому я могу говорить, верю, что сейчас мое сердце бьется, потому что Бог позволяет ему биться. Я верю, что если Христос захочет, то я буду жить еще много лет, и если Он захочет, то я скоро умру, через несколько дней, сегодня, спустя несколько часов или через несколько минут; верю, что произойдет то, что Он захочет.

Почему тогда мы так беспокоимся? Что будешь делать, если ты растревожишься? Что ты изменишь в своей жизни, если начнешь паниковать, если начнешь делать хаотичные движения, бегать туда-сюда и наполнишься тревогой? Дерзай, не стой, скрестив руки; я не имею в виду, что ты не должен выполнять свои обязанности. Успокойся. Как прекрасно — взять и успокоиться. Доверься Богу, возьми свою проблему и положи ее к ногам Христа. Возьми свое беспокойство и скажи: «Господи, у меня возникла эта проблема, хочу Тебе рассказать о ней. Хочу Тебе поведать о ней и положить ее к Твоим ногам, обсудить свою

 Пусть каждый твой день будет прекрасным

проблему с Тобой. Хочу, Господи, сделать Тебя участником того, что меня беспокоит, и прожить то, о чем говорит святая литургия: себя, других людей и всю свою жизнь Тебе доверить». То есть себя, все свои проблемы со здоровьем, все экономические, личные, межличностные проблемы, все, что меня мучает, возложить к ногам Христа. Возьмите друг друга и всех остальных — родителей, братьев, друзей, коллег, соседей — всех, вложи мысли о них в свое сердце и приведи их ко Христу, оставь их там и скажи: «Господи, я привел их сюда, вот, возьми их, они мои близкие люди, я их люблю, молюсь о них, хочу что-то сделать для них, но что я могу сделать? Что я могу сделать, кроме того, чтобы привести всех к Твоим ногам? Я больше ничего не могу сделать. Почему? Потому что я скован границами, потому что мои силы ограничены, потому что я не вечен, не всемогущий, не всесильный, не премудрый, не всезнающий, все это Ты имеешь, все это Твои свойства. Поэтому, Господи, возьми мои проблемы, мои вопросы, я доверяю их Тебе».

Знаешь ли ты, как понять, что доверие твое действует? Когда ты вручишь свои проблемы Христу, почувствуешь в своем сердце успокоение и скажешь: «Ах, как хорошо мне сейчас! Прекрасно, сейчас я успокоился, сейчас я утихомирился!»

Но как нам успокоиться, если другой человек все еще в больнице? Как мне утихомириться, если он еще не выздоровел. Нет, это ошибочное мнение. Не надо ждать

выздоровления дорогого мне человека, чтобы успокоиться. Мое спокойствие заключается не в здоровье другого человека, а в том, чтобы мы «сами себя и всю жизнь нашу Христу Богу предадим»*. Всё доверяем Христу, и это чувство освобождения от накопившегося напряжения дает покой, так как мое бремя исчезло, я отдал его Христу. Тогда мы говорим: «Ах, как мне стало легко! Господь все взял Себе. Поэтому Господь, зная, что у меня огромное бремя в этой жизни, что я загружен житейскими проблемами, сказал бессмертные, вечные и превосходные слова: *Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас*» (Мф. 11, 28).

Услышьте слова *труждающиеся и обремененные* — это о людях, которые полны забот, беспокойства, проблем, вины, личных проблем. Посмотрите, две тысячи лет назад Господь использовал эти слова. Он знал, что мы будем загружены и с течением времени люди все больше и больше погрязнут в заботах, будут очень напряжены, будут готовы застрелиться, и Христос говорит: «*Придите ко мне, Я знаю, что вас беспокоит, что вы устали от жизни, от проблем, которые существуют, и от проблем, которые вы преувеличиваете в своем уме, и они смущают вас. Придите ко мне, отдайте мне свои проблемы, Я все возьму, возьму всё Себе. Я утешу, ободрю вас, дам вам мир и спокойствие*».

* Из великой ектении.

Видел ли ты, как спит маленький ребенок на руках у матери? Видел ли ты своего ребенка? Или, если у тебя нет ребенка, видел ли ты, как спят маленькие дети, — ребенок полностью доверяется своей матери. Предоставляет себя ей, расслабляет руки, рот, лицо — нет тревоги, нет напряжения. Он полностью вручил себя матери, утихомирился, успокоился. Это картина о передаче нашей души Богу. Так необходимо жить. Да, я знаю, что сейчас, когда мы говорим об этом, думаешь, что должен сделать так много дел, но неужели считаешь, что мне нечего делать? У всех нас много дел и забот. Я сейчас не в монастыре, чтобы сказать тебе об этом через мое безмолвие, у всех есть дела, которые нужно делать. Это прекрасно — жить мирно, с доверием Христу, хотя у нас есть проблемы. Неужели вчера у тебя не было проблем? Неужели вчера у тебя не было много дел и ты не говорил: «Я не успею, я не справлюсь»?

И что случилось? Успел. Можно тебя спросить: что будет, если ты не успеешь этого сделать? Если не успел, что теперь делать? Делать то, что можно сделать. Мы делаем то, что можем сделать. То, что не сможем сегодня сделать, завтра сделаем. По-другому не бывает. Если можешь что-то сделать, то сделаешь независимо от того, беспокоишься ты или нет. Поэтому нет никаких причин копить душевную скорбь, усталость и преждевременно стареть. Большинство из нас состарились из-за проблем. Если бы мы не воспринимали их так интенсивно, то были

бы спокойнее и моложе душой и телом. Я не знаю, каков цвет твоих волос, и не знаю, когда ты увидел седину в своих волосах. Сейчас ты полысел. Как это произошло? Постепенно. Первые морщины, первые седые волосы появились из-за беспокойства. Я знаком с человеком, который из-за огромного беспокойства за ночь поседел. Боль старит человека, когда она переживается без Христа, а со Христом этот процесс тления происходит не так быстро. Душа всегда молода, когда она рядом со Христом. Так что успокойся!

Перевод — Виталий Чеботар

Богооставленность

Иногда и у тебя, ревностного христианина, кающегося в грехах, угасает пламя, раскаленные уголья, превращавшие твое сердце во всеожжение, остывают, вулкан, извергавшийся в тебе, засыпает. Вера твоя бурлила и кипела... А сейчас она остывает, и ты начинаешь колебаться. Ты смущаешься, идешь к своему духовнику и говоришь:

— Я изменился, я не такой, каким был. У меня нет сейчас такого желания, я не хочу вести духовную жизнь. Поэтому и опаздываю в церковь, не прихожу рано, не чувствую многого из того, что переживал раньше.

Ты начинаешь колебаться... Это очень большая тайна, которая — внимай тому, что я скажу, — случается со всеми людьми. Надо быть искренними, заземленными, реальными и знать, что это случается со всеми подвижающимися христианами. Все проходили и пройдут по этому пути.

Когда познаешь Христа, переживаешь чудо и восхищение. Немного спустя, однако, Христос тебя покидает.

В каком смысле тебя покидает? Воспитательно, то есть Он хочет, чтобы ты приложил усилия и собственным трудом и борьбой приобрел это чудо, которое переживал даром. Объясню это на примере, который старец Иосиф Исихаст привел отцу Ефрему.

Они жили на одном из склонов Святой Горы. Однажды они смотрели на море. По нему проплывал маленький корабль, ветер дул, и корабль двигался беспрепятственно. Старец Иосиф сказал отцу Ефрему:

— Ты видел, как легко движется кораблик, когда есть ветер? Ветер надувает паруса, и корабль плывет по морю. Как это легко, как просто! А что делает моряк? Ничего — он наслаждается путешествием. Но когда ветер стихнет, когда нет благоприятной погоды и легкости путешествия, тогда что делает моряк? Он ведь не может сидеть на одном месте: он схватит весла, напряжет мускулы, займет нужное место на корабле и уже не будет наслаждаться, как на лодочной прогулке, а напряжется и приложит усилия, чтобы повести свой корабль туда, куда хочет. Пришло время и тебе взять весла и уже самому подвизаться. Но, опять же, ты не один: тебе Христос дает силу, однако в ту минуту ты вкладываешь всю свою волю, все сердце, все произволение, все свое любочестие, ты вкладываешь себя, показываешь, чего хочешь, а не только того, что Христос даст тебе.

Приведу пример. Если Господь явится тебе сейчас и Ты увидишь Его, сам того не желая, не потрудившись, не

попотев и не борясь, в тебе возникнет спонтанная молитва, и ты будешь молиться все время, из глаз будут литься слезы счастья, и радости, и благоговения пред Господом. Это будет очень легко и очень приятно. Знаешь, что это? Это — от Божией благодати, это — дар от Бога. Это — дар, который Бог дает нам, бесплатный дар, даром — ты не делаешь ничего, чтобы получить его. Это не делает тебя хорошим или плохим, это — Божий дар, который Бог в неисследимых Своих решениях желает тебе даровать. Он говорит тебе:

— Я хочу показать тебе Мою любовь, величие, теплоту и светлость!

Знаешь, как чувствует себя человек в этот миг? Конечно, ты переживал это много раз, и тогда ты восклицаешь:

— Как хорошо быть близ Бога! Как легко! Это то, что утешает больше всего!

Одна девушка ощутила это, когда Бог коснулся ее даром, а она ничего для этого не делала, и она потом молилась часами подряд, бесппроблемно и легко. Просыпалась ночью и во сне хотела молиться — так хорошо ей было. Пошла она к своему духовнику и сказала:

— Я чувствую себя исключительно хорошо, я летаю, я молюсь, я наслаждаюсь Богом. Жизнь близ Христа так легка!

Он ей ответил:

— Чадо, то, что ты сейчас переживаешь, — от Бога, оно не твое, а Божие, и оно должно стать твоим

стяжанием, ты должна это усвоить. Надо сделать его своим опытом. Знаешь, в опыт превращается то, за что мы проливаем кровь. Дай кровь, чтобы получить дух, не так ли?

— Но, батюшка, что вы говорите? Я всегда буду такой, всегда буду молиться. Я чувствую, что жизнь возле Христа прекрасна, приятна, нет искушений, нет трудностей, все становится легким, я люблю всех людей, прощаю всех!

— Чадо, прославляй Бога! Это подарок, который Он тебе сделал. Однако душа твоя не всегда будет такой. Я хочу тебя подготовить, чтобы ты потом не говорила: мол, в церкви мне говорили ложь, будто все в духовной жизни розово, легко и хорошо. Бог дает тебе это.

— Что вы говорите?! Что я однажды потеряю это?

— Не знаю когда, может, и не потеряешь этого, но, конечно, в какой-то момент Бог, опять же по бескрайней любви, захочет, чтобы ты сделала это — чтобы ты усвоила это накрепко. А чтобы это произошло, тебе надо будет пройти через много испытаний, боль, труд, слезы, удары.

Может, кто-нибудь спросит: «Хорошо, но значит ли это, что другого решения не существует? Не может ли быть как-то по-другому?»

Нет, другого способа не существует.

* * *

У меня есть очень хороший ладан, как и у тебя есть дома, и ты кадишь им, но если ты его держишь в коробке,

он не благоухает. Каким бы хорошим он ни был, каким бы качественным, каким бы ароматным, но если ты его держишь в коробке, он не благоухает весь дом. Чтобы ладан мог благоухать, его надо положить на уголек, он должен разгореться, расплавиться, и уголек не должен быть холодным и замерзшим, а раскалившимся, раскрасневшимся.

Кто подвизается, те переживают это и знают это. Это — сущность духовной жизни, и человек должен понять это, потому что это очень важно. Когда я говорю «сущность», то имею в виду один основной момент, который человек должен хорошо понять, в противном случае существует риск бросить все. По сути, это хороший и важный момент на твоём духовном пути, однако ты не чувствуешь, чтобы у тебя всё было хорошо. Ты думаешь, что у тебя все не так, потому что тебя одолевают слабость, скука, лень, пресыщение, усталость на молитве, и ты говоришь: «Ой, больше не могу, я устал, мне надоело, я не хочу больше молиться; итак, я отказываюсь делать это!» Не надо отказываться. Не надо бросать все. Это час твоей личной борьбы, это час, в который Бог говорит:

— Ты хочешь заблагоухать? Так надо разгореться, надо испытать боль, тебе надо также испытать и боль...

Я говорю слово «надо», и мне не нравится это постоянное «надо», но здесь нет другого слова. В этом вся тайна.

* * *

Одна монахиня в России (я прочел ее историю в одной духовной книге) исключительно сильно верила в Бога. После монашеского пострига она вечером уснула и...

«Я уснула верующей, а проснулась неверующей! Утром я проснулась и не верила в Бога! Вера во мне исчезла. Тогда как раньше я переживала такие превосходные вещи, так сильно чувствовала Бога, так долго произносила свою молитву, непрестанную молитву «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», я творила ее все время и испытывала радость от всего, что делала, а после этого внезапно — хоп! — крылья мои сложились, желание исчезло, и я проснулась неверующей. Почему? Я пошла к своей духовной матери в монастырь и рассказала ей об этом».

Она ей ответила:

— Очень рано напало на тебя это искушение. На других нападает позднее, тебя же сразу стало бороться.

— Почему же со мной это случилось?

— Чтобы ты показала свою личную волю, свое произволение. Хочешь ли быть близ Бога? Ты покажешь это своей собственной борьбой. Не без труда. То, что у тебя прежде было и чем ты наслаждалась, было без труда, Бог давал тебе это. Легкую и приятную духовную жизнь. Знаешь ли теперь, что такое верить, не чувствуя многих вещей? Вставать и идти в церковь, хотя не чувствуешь сильно

Божью благодать, и говорить себе: «Господи, я Тебя не чувствую, не вижу, не ощущаю. Я чувствую холод, чувствую, что душа моя суха, как пустынная земля, как пустыня Сахара. Я не чувствую Тебя, не понимаю Тебя, но верую, что Ты существуешь, и помолюсь. Хотя сердце мое не чувствует умиления, хотя я не чувствую благоговения, но пойду, пойду в церковь, буду читать Евангелие, прочту акафист Пресвятой Богородице, буду подвизаться, подавать милостыню, хотя это не идет у меня изнутри. Почему? Чтобы показать Тебе, что я хочу, хочу поверить и не останавлиюсь, буду бороться».

Разумеется, мы будем бороться. Все святые прошли через это, нет святого, который не прошел бы через то, о чем мы говорим, — через такое ощущение в духовной жизни, что Бог тебя как будто бы покидает.

Послушай одну тайну. В тот трудный час, когда ты чувствуешь, что всё и все тебя оставили — и самое трагичное, даже Бог (да, наступают моменты, когда ты чувствуешь, что даже Бог тебя оставил), — в час, когда ты чувствуешь, что искушения тебя одолевают и на тебя накатывает волна сопротивления, противоборства и духовного безаппетития (поверь мне, я не обманываю, потому что говорю это не я, а говорит это Господь, говорят святые, говорит это опыт Церкви, святые апостолы, все это говорят), — в тот час Господь намного ближе к тебе, чем когда-либо. Когда Бог отсутствует, Он присутствует в твоём сердце. Однако присутствует не как-то эмоционально, слащаво,

с ласками, нежностями и прочим, а очень трезвенно и говорит тебе:

— Я здесь! Но Я хочу, чтобы душа твоя возмужала, возросла, окрепла, чтобы не оставалась ленивой эмоционально и психологически, а окрепла и чтобы ты стал смелым. Кого Я люблю, того наказываю!

«Наказываю» значит «воспитываю» («παιδεύω» — по-гречески «воспитываю»), развиваю, не оставляю их плыть по течению».

Хороший учитель дает ученикам всё более трудные задачи, чтобы сделать их смышленными, развить их ум. Когда он видит, что они колеблются в поиске решения, он не спешит вмешиваться. Они смотрят ему в глаза и говорят:

— А сейчас? Как тут быть? Задача не получается.

Знаешь, что делает хороший учитель? Он тоже смотрит им в глаза и зна́ком как бы говорит им:

— А ну-ка поищи-поищи, говорящий, будто у тебя не получается. Вспомни и другое, что тебе известно, вспомни все задачи, которые решал, вспомни опыт, который у тебя есть.

Он не дает ему готовой пищи, не дает готовых решений, а садится и предоставляет ученика самому себе. Я видел это в классах, когда был маленьким, когда нам задавали незнакомые задачи и наступала полная тишина: мы ждали какого-то решения. Мы знали, что учитель знает ответ, но он не говорил его нам, да мы и не хотели, чтобы он говорил:

— Не говорите нам ответ, мы его сами найдем!

Вопрос в том, чтобы ты его нашел. Зачем? Чтобы порадовался и ты. Чтобы и ты стал участником богопознания, и именно это дистанцирование Учителя показывает, как сильно Он тебя любит и как хочет сделать тебя участником Своих тайн. Понимаешь? Другими словами, Бог не хочет оставлять тебя в стороне от Своего знания, не хочет, чтобы ты постоянно оставался младенцем, ребенком, малышом, маленьким пред Ним, а хочет сделать тебя сильным, зрелым, чтобы ты приобрел истинное богопознание. Он говорит тебе:

— Приди, приди, встань, борись, думай, подвизайся, смирись, поищи Меня, позови Меня, и Я приду, чтобы ты Меня нашел. Я хочу, чтобы ты настаивал.

Это великое дело, и если ты это поймешь — и я, и ты, — мы перестанем обвинять Бога. Мы крайне несправедливые христиане, потому что онеправдываем Бога своими словами. Разве ты не несправедлив и я не несправедлив, когда, например, мы все время говорим: «Бог не добр, Он меня оставил»?

Бог тебя не оставил. В час, когда ты думаешь, что Бог тебя оставил, Он занимается тобой. «Занимается? Но Он меня оставил». Да, тебе кажется, что Он тебя оставил. В этот момент ты так чувствуешь Его заботу — как богооставленность, как отсутствие Бога.

Добрый Бог, смиренный Бог, Святой Бог, однако, не обижается на это и не меняет тактику. Он говорит:

— Ничего, говори что хочешь! Хотя ты и заставляешь Меня испытывать боль, хоть ты снова распинаешь Меня на кресте, но по-другому не бывает, Я буду настаивать на этом методе.

Так рождаются святые. Среди искушений. Так возрастают души.

Я говорю это, потому что — может, и с тобой это случилось — кто-нибудь, имея ревность, обращается к Церкви. Но немного времени спустя он утрачивает воодушевление и говорит:

— Я больше не могу, Бог меня сейчас оставил!

Но Бог тебя не оставил. Сейчас Он хочет, чтобы ты подвизался, хочет, чтобы ты настаивал. Опять, снова и снова. В духовной жизни нужно большое терпение. Поэтому многие люди и бросают все.

А Христос что делает? Он уважает это. Он говорит тебе:

— Дитя Мое, если Я приучу тебя к постоянным нежностям, сладостям и подобным заботам, душа твоя никогда не станет зрелой! Никогда! Когда ты получишь удар, тогда смиришься, станешь зрелым, поплачешь, укрепишься и станешь святым.

Все Божии человеки прошли через это. Если вы прочтете житие святого Силуана Афонского, то увидите, сколько искушений у него было! В начале своей духовной жизни он видел Господа, видел Христа живого перед собой, видел, как Он ему является, душа его переменилась,

он так обрадовался, и немного спустя это все исчезло. Но он не просто не чувствовал Господа — он не чувствовал ничего. Шел помолиться, но не мог — он ничего не чувствовал.

И каково же тут решение? Чтобы ты настаивал. Чтобы ты настаивал и чувствовал себя исключительно на своем месте. Чтобы ты чувствовал себя очень хорошим — ты не плохой.

— Но как же так? Меня душат искушения, злые помыслы, постыдные, лукавые помыслы, пороки, как же «я хорош»? После того как я не исправляюсь?

Вопрос не в том, исправляешься ли ты, а в борьбе, которую ведешь. Есть одна замечательная картина, говорит старец Паисий: когда земледелец распахивает ниву, чтобы посеять семя, то, если посмотреть сверху, картина эта очень неприятна: раскопанная нива неприглядна, она почернела, на ней комья грязи. А потом он засекает семя. Если кто-нибудь посмотрит с самолета, пролетающего сверху, то скажет: «Эта нива некрасива». Но после этого, однако, она зеленеет и превращается в прекрасный луг, появляются цветы, листья, плоды, и она красуется. А как начиналось все это? С раскопанной, неприглядной, почерневшей нивы, где видны только комья грязи. Вот и все.

Ты будешь настаивать, не будешь отчаиваться и отказываться. Надо быть внимательным в этом, потому что многие люди бросили духовную жизнь и расслабились,

тогда как это было искушение, которое им надо было уметь преодолевать.

* * *

И снова говорю: когда почувствуешь одиночество, тогда Христос очень близко. Когда почувствуешь себя один, Господь возле тебя, ты не один. Просто ты себя так чувствуешь, так думаешь, но возможно ли это, если мы говорим: «Ты, Существующий повсюду» [«Иже везде Сый»]?

Так что же происходит? Ты не чувствуешь, что Он близко, однако Он близко. И в этот час ты отдашь предпочтение логике духа, Святого Духа, и скажешь: «Хорошо, может, я и чувствую себя так, но что это значит? Значит ли, что это истина? Я чувствую, что я окаянен, — так значит ли это, что я окаянен? Чувствую, что Бога не существует и я Его не чувствую, — так пусть же я Его почувствую!»

Это помыслы, которые вовсе не означают, что это — ты. Хотя я и священник, но завтра у меня может быть следующий помысл: «Бога не существует!» И мне пришла бы такая мысль, и я сказал бы: «Может ли быть правдой все это? А может, все это — ложь?»

Это может случиться с любым человеком. Есть люди, которые задыхаются от своих помыслов, отчаиваются, а некоторые чувствительны, они бросают все и говорят: «Да ну! Я не могу, я ухожу из Церкви, потому что с тем, что мне приходит в голову, я отправлюсь в ад!»

Нет, ты будешь настаивать, поставишь на первое место разум и скажешь: «Беспокоят меня эти мысли, ну а если беспокоят, значит, они мне не нравятся, значит, они не мои, значит, кто-то другой — искушитель — борет меня в этот миг».

Так что же я делаю перед искушением? Веду борьбу, сопротивление, настаиваю, снова, снова и снова, а стремиться чувствовать то, чего мы хотим, — это ни в коем случае.

— Ты ходишь в церковь?

— Хожу.

— Подвизаешься?

— Пытаюсь.

— Молишься?

— Да, но не очень чувствую молитву.

— Читаешь акафист Пресвятой Богородице каждый день?

— Я не понимаю слов.

— Но ты его читаешь?

— Да.

— Это ничего, что не понимаешь. Но ты прилагаешь усилие? Молишься, чтобы Бог просветил тебя? Читаешь Евангелие?

Хоть ты и не ощущаешь читаемого — вникай! Решение не в том, о чем говорят некоторые: «Я буду делать все это, когда начну это чувствовать. А сейчас — до свидания!»

А когда ты это почувствуешь? А ну скажи мне: когда наступит тот момент, чтобы ты «чувствовал»? Если только ты не имеешь в виду пару раз в год — в Великий Пяток и еще в какой-нибудь день, когда ты чувствуешь умиление.

Некоторые думают, что поскольку они в Великую Пятницу пошли в церковь, расчувствовались и заплакали, то, значит, это Божие прикосновение к душе. Ты допускаешь ошибку. Это не всегда прикосновение к Богу. Это сентиментальность. Если бы это действительно было прикосновением к Богу, тогда тебе следовало бы переменить свою жизнь. Твоя вера не может существовать только один день в году и ограничиваться растроганностью пару раз в году.

Понимаешь? Ты будешь подвизаться, хотя многого не понимаешь, и говорить: «Господи, молю Тебя: помоги мне преодолеть это! В душе я ощущаю духовную сухость, душевное безаппетитие. Дай мне ревность, дай сильное желание... а не то, что говорит мне ум. То, что говорит Божия логика, что говорит мой духовник».

А духовник тебе говорит:

— Иди причастись в это воскресенье!

Ты, однако, говоришь:

— Я не чувствую этого, я хочу это почувствовать и потом пойти!

Это ловушка. Много людей остаются далекими от святого Причастия, потому что не приступают, если не

испытывают чего-нибудь эмоционального: умиления, слез. Другими словами, если у тебя нет подобных ощущений и душевного чувства, тогда ты что, никогда не причастишься? Причастишься. Я поставлю на первое место логику и скажу: «Господи, я не чувствую многого, но верую и исповедую, что Ты — истинный Христос, Сын Бога Живого. Верую, что это — Тело Твое Святое и это — Честная Твоя Кровь. Я верую в это. Чувствую ли я это? Иногда да, а иногда нет. Но не имеет значения. Я пойду с моей верой». Это и значит вера.

Остался ли ты далеко от святого Причастия? Тогда начнешь борьбу. Ты не будешь доверять собственным помыслам и мыслям — это великая тактика, духовная тайна, которую святые передают нам. Например, в тебя вошла какая-нибудь мысль, будто у тебя что-то не так, будто ты не в порядке, ты недостойн. А ты говори себе: «Что мне сказал духовный наставник? Он сказал, чтобы я, несмотря на то что недостойн, пошел и причастился. Я причащусь, я сделаю это, а не то, что говорят мне мои мысли».

Много людей в нашу эпоху терзаются помыслами, мыслями, прилепляются к мыслям, которые входят им в голову, но не подвизаются, чтобы выйти из этого болота, и утопают, а потом запутываются душевно, эмоционально: тут примешиваются и среда, и искустель, и много всего другого, и ты уже конца и края этому найти не можешь. (Ты заметил это? — и ты, и я.) Поэтому Церковь говорит: «Духом владычним [властным] утверди

мя» (Пс. 50, 14). Чтобы мой дух, мой ум, мой рассудок был властным, чтобы я управлял своими мыслями со здоровым смыслом, который дает мне Бог.

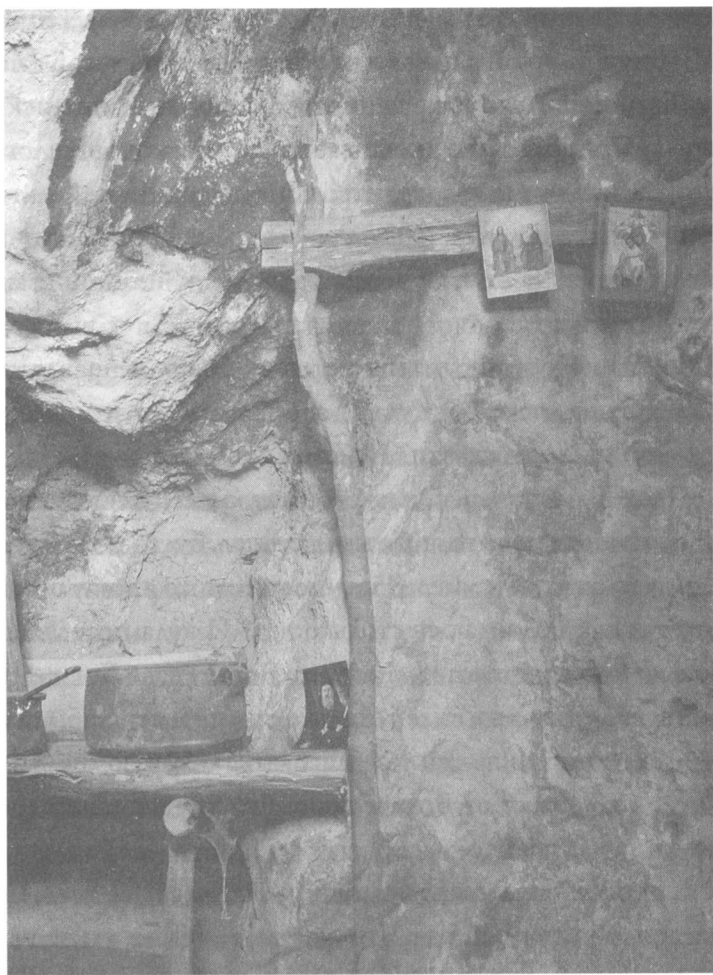
Потому что некоторые люди такие чувствительные, и особенно некоторые женщины; ими овладевают какие-нибудь мысли, и они верят тому, что думают. Прогоняя эти мысли!

* * *

Мне очень понравилась книга отца Ефрема Филофейского «Мой старец Иосиф Исихаст и Пещерник». В скиту святой Анны у них не было помещения, чтобы готовить, и они готовили на улице, под навесом. Они клали несколько бревен, чтобы укрыться от ветра, который дул так сильно, что опрокидывал кастрюлю и чуть ли не его самого, поскольку он был очень худым. Он рассказывает:

«Однажды, когда дул ветер, кастрюля опрокинулась вместе с крышкой, они покатались вниз, вся еда разлилась, и я побежал вниз в стыду. Где же мне найти еду, где найти кастрюлю, где найти крышку?»

Помысл поколебал его веру и стал говорить ему: «Каков же Бог? В какого Бога ты веришь? И что же делает Бог? Он привел вас сюда наверх и не укрыл, попустил вам ветер, сметающий все. Где же Его покров и что Он делает? Где Он?» А он отвечал помыслу (и не удивляйся тому, что я тебе скажу): «Замолчи, замолчи и исчезни!» Он сказал это помыслу, потому что понял: в глубине души не он

Келья отшельника в скиту св. Анны. Афон

говорит это, это не его голос, он не может препираться с Богом, потому что говорит: «Боже мой, я люблю Тебя!»

«Внутри, во мне, однако, что-то появляется, чтобы колебать меня. Это искушение, это сопротивление искушителя. Природа тоже вмешивается, привычки прошлого, которые не дают мне довериться Богу. Что же мне делать? Да то же, что и делал. Я скажу: "Убирайся прочь, сгинь! Оставь меня! Я не принимаю эту мысль, не принимаю этот помысл"».

— Ты недостойн, у тебя не всё хорошо. А правда ли, что Бог существует? Откуда ты это знаешь? Да это сказки!

— Какие еще сказки? Исчезни отсюда, сгинь!

Плохое слово, да? Однако он сказал его искушению: «Я не принимаю того, что ты говоришь, будто Бога не существует, будто Он мне не помогает. Как же я живу столько лет и как подвизаюсь столько лет? И куда подевались столько чудес, которые я видел от Бога? Разве Бог не существует? Разве я не видел столько чудес? Я что, забыл все это? Такую помощь, такую благодать, которую ощутил? Такую поддержку от Бога и такие Его вмешательства — разве я забыл все это?»

В прошлом ты искал помощи, и Бог давал ее тебе. Он спасает тебя каждый раз. Что же это все было, ты это забыл?

В духовной жизни есть маленькие тайны, их не очень много, то есть тебе надо выучить несколько вещей и правильно относиться к ним, знать их и через их призму

встречать большинство искушений, а потом ты уже будешь подвизаться и побеждать. Все мы прошли через это.

Кто-то говорит мне:

— И ты?

— И я. А что?

— А ты что, не веришь круглые сутки?

Да, но приходят такие минуты, когда человек колеблется. Любой человек колеблется. Святые апостолы и те колебались. Святые нашей Церкви встречали трудности, другие утрачивали веру и снова обретали ее. У третьих душа согревалась, охладевала и снова согревалась. Путь каждого — это тайна. Следовательно, что же мы делаем? Мы спрашиваем, что делал один, что делал другой. Мы для того и читаем жития святых, чтобы увидеть, что делали святые апостолы, святые, боровшиеся со всем этим.

Думаю, в Посланиях к Фессалоникийцам и Галатам святой апостол Павел пишет: «Не говорил ли я вам, что вы пройдете через искушения? Я был у вас, и вы парили в облаках и говорили: "Как хорошо". А как только я ушел, искушения пришли, и вы стали колебаться. Надо привыкнуть к искушениям, не надо смущаться».

Когда у тебя искушения, не надо считать, будто Бог тебя оставил. Тогда Бог любит тебя.

Но ты говоришь:

— Я совершаю грехи через искушения.

— Встанешь! Упал ли ты? Давай поднимайся!

— Да, но я опять согрешу.

— Согреши снова. Ты встанешь снова.

В конце концов, ты ведь не согрешаешь с удовольствием, не согрешаешь прямо, а борешься. Понимаешь? Другими словами, когда тебе в среду хочется поесть мяса, то ты не съедаешь его сразу. Ты говорил мне, что боролся, подвизался — один час: «Нет! Не стану его есть!» Но в конце концов не выдержал и съел! Кусок куриного мяса.

Хорошо, но ты видел, что ты мне сказал? «Я боролся один час с моим чревоугодием, с моим голодом и в конце концов поддался и поел».

Другой поел сладкого в Страстную Пятницу: «Я не выдержал и потом расстроился».

Ну хорошо, и что же теперь делать с тобой Богу? Отрубить тебе голову за то, что ты поел шоколаду? Ты боролся, упал, увидел свою немощь, так смирись же, скажи: «Вот, Господи, это я! Я не исправим, я человек, я немощен!» — и снова приложи усилия!

* * *

— Хорошо, но разве Церковь не хочет, чтобы мы были совершенными?

Совершен только Христос. Мы совершенствуемся, а это значит, что мы постоянно встаем. Совершенствование — это не нечто такое, что случилось раз и навсегда. Не будь и таким самолюбивым, чтобы желать быть самим

совершенством. Когда ты совершаешь грех, то не чувствуешь, что это нечто совсем чуждое твоей жизни, — ты грешен, ты понял это, так не надо же иметь высокие представления о себе, смирись, подвижайся, не отчаивайся, не разочаровывайся.

Когда у тебя искушения и ты чувствуешь, что Бог далеко, тогда Он очень близко. Например, если у тебя какая-нибудь финансовая проблема, какая-нибудь трагическая безысходность и ты говоришь, что ищешь работу и не находишь ее; ребенок твой хочет жениться и не может... Сказать тебе что-то? Это и есть час, в который Бог приходит. Приготовься же, разве ты не слышишь шаги Бога, чадо? Бог идет.

Борьба в духовной жизни не признак того, что мы потерпели неудачу, что наша жизнь трагична, это — образ жизни. Это — наша жизнь: борьба, труд, усилие, испытания, скорби — и во всем этом совершается тайна святости. Так ты станешь святым.

* * *

Итак, в заключение: у тебя все идет очень хорошо. Почему? Ты чувствуешь, что совершенно окаян, но поскольку ты близок к Церкви, к Христовым ногам, падаешь пред Христом — поэтому у тебя все идет хорошо, не волнуйся. Ты будешь бороться, чтобы выкарабкаться из своей греховности. Это, однако, произойдет через препятствия и затруднения, но близ Христа.

Не разочаровывайся же, сколько бы грехов ты ни совершал, не разочаровывайся, какими бы трагичными ни были обстоятельства твоей жизни: найдется решение, конец еще не наступил. Если Бог оставляет тебя жить, значит, Он готовит тебе что-то хорошее, в противном случае Он бы забрал тебя. Если бы ты подготовился к раю, Он бы забрал тебя. Быть живым — вопреки всем искушениям — это значит, что у Бога имеется какой-то мудрый план.

Молюсь, чтобы с легкостью открылось твое сердце, твой ум, и мой, и твой, и всех нас, чтобы мы увидели эти тайны, поняли, зачем проходим через все это. И в конце поймем великую любовь Бога, и будем воспевать Его и славословить, и будем говорить: «Прославлено буди имя Твое: все было к лучшему! Ты устроил все так хорошо: после проблем, трудностей и испытаний Ты пришел укрепить меня, очистить, сделать меня Твоим чадом — сильным, свободным, радостным, раскрепощенным, цельной личностью, чтобы я был достоин войти в рай».

Такие души входят в рай — не больные, скорченные и угрюмые, а души, которые закалились, которые подвизались, которые стали хорошими в руках Бога, иногда заставляющих нас испытать боль, поскольку мы малочувствительны и все время плачемся. Но что же делать Богу? Он заставляет нас испытать боль.

И я испытываю боль, я не делаюсь учителем. И я прохожу через то же самое, что и ты...

Перевод — Станка Косова

БЕЗУМИЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Когда мы смотрим теленовости, слушаем радио и т.д., то видим, что наша жизнь становится все труднее и труднее. «Вокруг какой-то ад», — говорят многие. Ты смотришь теленовости и просто заболеваешь. Слышишь о событиях, происходящих совсем рядом с твоим домом, поражаешься и говоришь: «Куда же мы катимся? Почему у нас такая жизнь? Неужели она не могла быть лучше, неужели она не могла быть раем?» Она могла бы быть раем. Бог создал нас на радость, а не на страдание. Бог привел нас в этот мир не для того, чтобы делать нашу жизнь сущим адом, а чтобы мы жили мирно, тихо, радостно, созидательно. Чтобы проводили активную, но в то же время смиренную и спокойную жизнь. Как говорится на Божественной литургии, «да и мы в тишине их [правителей наших] тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте». Чтобы у нас были свои повседневные дела, хорошие занятия, семья, родственники, друзья, что-то

созидательное, скромное со смирением, с любовью... Однако наша жизнь не такова, наоборот — она крайне напряженна, трудна, выматывающа, утомительна, тленна, разрушительна. То есть она разрушает нас, мы заболеваем, стареем от нее раньше времени и не знаем, чем все это кончится.

Из Евангелия и Откровения нам известно, что мир идет от плохого к худшему, поскольку он не принимает Христа, Правителя жизни. Для нас это очевидно. Но мы, несмотря на это, ищем других объяснений событиям — научных, политических, геофизических, магических, да, даже магических, оккультных; и только Божественных, таких, которым учат нас Церковь и Христос наш, мы не принимаем.

Половина Греции полыхает в пожарах, но сколько людей принимает этот призыв к покаянию? Всего несколько христиан. А их считают смешными. Остальные пребывают исключительно на мирском уровне, который, безусловно, неотъемлем, который нельзя отменить — в том смысле, что человеку, у которого горит дом, действительно нужно дать новый дом, а голодному дать еду. Но знаешь, что говорит святой Косма Этолийский? «Когда кормишь ребенка, поставь перед ним икону Христа, чтобы он научился связывать еду с Богом, и скажи ему: "Дитя мое, то, что ты ешь, оно не мое, это Бог мой дает мне! Бог дал мне здоровье, и я работаю. Бог дает нам еду, и мы кушаем. Мама приготовила тебе поесть, но это Бог послал дождь,

и земля дала плод, и животным Бог послал еду, и они выросли, и вот мы теперь едим...“»

Все в мире связано. Все крещается в Божией благодати, и все может получить христоцентричное толкование, когда центром является Христос и все ведет нас ко Христу. Когда же мы не понимаем и не принимаем посланий, которые Христос посылает нам в жизни, а ожесточаемся, становимся все более беззаконными, все сильнее бунтуем против Бога, тогда чего еще мы можем ждать?

Наша жизнь могла бы быть удивительно прекрасной. Ведь Бог дал ясные обещания. Он сказал в Ветхом Завете: «Если послушаете Меня, то будете наслаждаться земными благами и все в вашей жизни будет благословенно! Ваша жизнь будет раем, подлинным наслаждением, подлинной сладостью! Если же не послушаете Меня, вас ждет меч — вы перебьете друг друга, вы друг друга съедите» (см. Лев., гл. 26). Потому что если Господь не станет главным организатором нашей жизни, если Он не войдет в наш ум, чтобы управлять нашими движениями, если Он не войдет в наш ум, чтобы управлять нашим телом, направлять наши мысли, наш выбор, если мы не дадим Ему управлять неукротимым конем нашего я, встающим на дыбы от эгоизма, если Господь не войдет как управитель в наш дом, страну, парламент, в нашу Грецию, если Господь не станет нашим управителем (в том смысле, что мы, управляющие на земле, не будем искать Его помощи, Его воли, не будем рассчитывать на Христа), то невозможно будет человеческому

роду найти равновесие. Потому что без Христа в человеческой жизни и обществе правят инстинкты, логика абсурда, преследование выгоды, закон джунглей, по которому сильный должен уничтожить и разорвать на куски слабого, творится несправедливость... И это естественно, ведь нет Господа, Который наполнил бы жизнь смыслом, Который придал бы ей краски, Который объяснил бы. А добро и зло сегодня — понятия относительные. «Все зависит от личного восприятия — для тебя это зло, а для меня добро, и наоборот», — говорят некоторые.

Если у нас не станет Управителя, если наш ум поколеблется и не сможет хорошо работать, тогда и будут такие последствия. Без Христа нет общего мерила, нет общего критерия, общей меры для сравнения, перед нами нет идеала с конкретной целью, которую мы хотим достигнуть, нет личности, которой мы хотим подражать. Какова личность, каков человек, тот образец, который хочет формировать современная эпоха? Идеал современного человека таков: это экстравертный, сверхактивный, но глубоко депрессивный человек, не видящий смысла и цели, не имеющий перспектив, он не знает, куда идет, откуда пришел и как будет жить. Все это чуждо Церкви. У Церкви есть другие идеалы, другой взгляд на жизнь, другой опыт. Не все христиане переживают его, лишь некоторые, но цель в том, чтобы произошла эта закваска и чтобы эти дрожжи заквасили остальной мир, чтобы мы поняли, что если мы не будем смотреть на мир глазами Христа, то этот мир

абсурден. Мир постоянно попадает в новые безысходные положения и, пытаясь их разрешить, создает новые. Так мы никогда не обречем покой и не успокоимся. И когда вспыхивает пожар или случается какая-то катастрофа, землетрясение, мы, конечно, должны заняться внешним, прибегнуть к науке и к разным технологиям, но очень важно понять глубинный смысл происходящего. Сегодня, если открыть сводку новостей, они не натолкнут нас ни на какие раздумья, не наведут нас на мысль о чем-то важном в жизни, что бы нашло отклик в нашем сердце, в нашем бытии, повлияло бы на наше счастье. Зато ум наш постоянно занят деньгами, зарплатами, пенсиями, биржами.

Кто-нибудь из слушающих меня возразит:

— Естественно. А что, ты разве не хочешь, чтобы зарплата у людей стала выше? Ты, что ли, против денег? Без денег ничего невозможно сделать. Ты ведь ведешь передачи, живешь на что-то, значит, и ты получаешь какую-то зарплату.

— Да, конечно, получаю, но не за передачи, а за свою работу.

— Нет, дорогой, не денег тебе не хватает, чтобы стать счастливым. Я конечно же желаю тебе, чтобы у тебя были деньги, чтобы ты нашел работу, которую ищешь, чтобы тебе не сокращали зарплату, а повышали, желаю, чтобы все было справедливо. Но ты должен знать, что само по себе все это не является достижением счастья. Мы находимся в глубоком заблуждении, у всех нас неправильное,

перевернутое представление об этом, и мы отождествляем и связываем счастье с подобными вещами.

Проснувшись, ты сразу же включаешь сводку новостей, чтобы послушать утренние комментарии, и смотришь эти новости, где обсуждаются разные темы. А если ты сядешь спокойно, выключишь телевизор и подумаешь: какое это все имеет отношение к тебе, к твоей жизни, к Богу, к твоим детям? Что тебе дают эти новости, куда они тебя направляют, над чем заставляют задуматься? Так получается, что утром ты не молишься, — будь честен, ведь не молишься же. Не читаешь Евангелия, уж о службе и речи быть не может, то есть ничего духовного не делаешь, а как только просыпаешься, тут же твой мозг подвергается бомбардировке новостями, попадает в плен сводок разного рода: политических, биржевых, экономических, полицейских: о том, сколько людей осталось в живых, сколько убито; где идет война, что будет с этой партией, что с другой, кто будет править, кого сместят, как идут выборы, — ты всерьез веришь, что все это сделает тебя счастливым?

Если хорошенько задумаешься, то поймешь, что на самом деле так не считаешь, что это всё — уловки, алиби или нечто такое, что мы находим, чтобы направлять свои силы на что-то, забываясь и проходить мимо сути жизни. В чем мне помогает все то, что предлагает нам современная эпоха? Разве все это может ответить на великие экзистенциальные вопросы: о счастье, внутренней

радости, смысле жизни, одиночестве, депрессии, страхе перед небытием?

На свете, в душах молодых людей столько вопросов! Неужели их глаза не заставляют нас задуматься? Глаза их жаждут смысла жизни. Глаза их пусты, в них нет искры радости, благодати Святого Духа, которую они получили при Крещении, но затем зарыли, закопали, и нет теперь этой радости. Усталые взгляды. Разве они не заставляют нас задуматься? Чтобы придать всему смысл, сказать детям, для чего все это, что за всем этим стоит, объяснить им, зачем они живут, куда идут, как победят в себе пустоту, тоску.

Пусть ответит телевизор, и ты, и все люди, и наши политики на вопрос юного человека: «Почему мне грустно, когда я возвращаюсь с вечеринки?» Вот на этот вопрос ты должен ответить. Ты, говорящий о зарплатах, о страховках и о многом другом, выступающий по всем прочим вопросам, приди и ответь своему сыну, у которого в кармане были деньги и опять есть, но, несмотря на это, он возвращается с вечеринки, с праздника, прогулки и, чувствуя в душе своей вакуум, спрашивает: «Почему же я унываю? Почему у меня депрессия? Почему ничто не наполняет меня? Почему я делаю все, а радости не испытываю? Почему мне не хватает чего-то, а я не знаю чего, и постоянно испытываю тоску?»

Когда эти вопросы получают ответ? Кто нам на них ответит? Вы говорите, что на такие вопросы не отвечаете, но одновременно заявляете, что спасете мир: ведь вам на

телевидении выделяют бесконечные часы для того, чтобы вы развивали свои идеи; значит, то, о чем вы говорите, считается очень важным (а то бы вам не давали столько часов, а давали бы всего пару минут).

Когда на какой-нибудь телевизионной передаче собираются пять-шесть человек и начинают бесконечно обсуждать разные безжизненные темы экономические, технологические и прочие, которые совсем не затрагивают наше сердце, а, наоборот, вызывают у нас сильное беспокойство, — нам нужно что-то делать.

Так что же нам делать? Делать то, что мы пытаемся сделать сейчас. Мы должны озадачиться, задуматься, вразумиться, начать ориентироваться на Христа, а не на образ мыслей этого мира, чтобы понимать, в своем ли мы уме. Потому что у мира одни критерии, согласно которым ты в своем уме, и совсем другие — у Христа. Согласно миру, я безумец — а может, и ты, коль скоро мы с тобой говорим о таких вещах... Сегодня эпоха говорит одно, а мы другое. Пусть это безумие. Но это безумие позволяет нам жить и толковать жизнь правильно, мы благодаря ему стоим на своих ногах и выдерживаем разрушительную угрозу лишения всех мирских удовольствий и можем побеждать смерть.

А со смертью как быть? «Да там будет пенсия!» Хорошо, ты получишь ее, а что будет после пенсии? Кто будет говорить тебе о времени после пенсии, какой бы большой она ни была? Кто скажет тебе о смерти, которая грядет,

чтобы наполнить твою жизнь смыслом? Или, может, мы в это не верим и не принимаем смерть? Тогда следует признаться: в глубине души мы — неверующие, атеисты, живем без Христа. В таком случае понятно, почему так ведут себя люди: паникуют, смотрят на все однобоко, абсолютизируют политические и экономические события. Все это естественно, естественно в неестественной атмосфере... Ведь в ней нет Христа, человеческий ум помрачается и видит действительность искаженно, ни в чем не ориентируется на Христа.

Например, по телевизору говорят: «Мы заботимся о молодежи, о качестве жизни, мы хотим, чтобы она развивалась, радовалась!» Хорошие слова, не правда ли? Но объясни мне смысл этих слов. Что значит «чтобы молодежь радовалась»? Объясни мне, что значит «качество жизни»?

Вот, например, организуют для молодежи театральные постановки, представления, чтобы у них было качество жизни. Идешь в театр и видишь вульгарность, безнравственность, обман, разные нехорошие намеки. И я это не придумываю, это — реальность. Разве это — качество жизни? Чтобы собиралась молодежь и играла такую пьесу? Что же это за качество жизни для молодых людей? Что оно может им дать?

Все идет не в том направлении. И мы, верующие во Христа, должны хотя бы осознавать свое состояние, обратить свой гнев в молитву и самоукорение. Ругать не

других, а себя, говоря: «Виноваты мы, потому что, если бы мы были истинными христианами, если бы у нас было смирение и мы правильно вели себя в жизни и вмешивались, когда возможно, тогда мы имели бы влияние на людей вокруг и атмосфера в обществе была бы более здоровой».

Скажу вам еще кое-что, чтобы все это не звучало теоретически. В начале каждого сезона все каналы запускают новые сериалы, новые фильмы. Ты их смотришь? С конца сентября и до конца сезона. Среди них нет ни одного, где не царили бы ложь, супружеская неверность, коррупция, неприличные намеки, вульгарность, лукавство, безнравственность. Разве я преувеличиваю? Если ты считаешь, что я преувеличиваю, включи сегодня вечером телевизор и посмотри, что там идет, какие фильмы, сериалы. Сейчас даже нет специально выделенного времени для определенного рода фильмов или передач, показывают всё подряд, когда захотят. Какой идеал формирует это все в душе ребенка? То есть как на это все смотрит ребенок? Но нам на это говорят: «Такова жизнь, такими мы стали. Телевизор отражает реальность». То есть мы тонем и показываем в фильме процесс этого утопания. Мы гнием — и этот процесс гниения превращаем в кинокартину.

Помните, как хорошо говорит апостол Павел: Для всех я сделался всем (1 Кор. 9, 22). То есть я опускаюсь до уровня каждого, но чтобы приобрести их во Христе, чтобы поднять их. А в фильмах изображается реальность жизни с ее изменами, супружеской неверностью, лукавством,

безнравственностью, неприличными намеками и т.п. для того, чтобы возвысить меня и вывести из этой безысходности? Разве ты не понимаешь, что подобное только способствует развитию этого состояния? Какую семью создаст ребенок, насмотревшийся таких картин? И как ребенок почувствует, что это неправильно, если телевидение не показывает эту действительность в поучительном контексте, не вносит поправок и не говорит: «Вот видишь, человек, который изменил своей жене и живет с другими, с подругами, потом кается, исправляется, плачет, просит прощения, исповедуется...» Но такого подхода нигде нет. Напротив, все эти супружеские измены, безнравственность и лукавство преподносятся в чарующем, привлекательном свете, даже торжественно. Создается определенная атмосфера. Кто этим всем управляет, что за ум прячется за всем этим и чего он хочет добиться, какие взгляды хочет сформировать у людей?

Если бы вы могли поехать на Афон (это касается мужчин, а женщины — в какой-нибудь женский монастырь) на некоторое время, дней на десять, побыть без радио, телевидения, газет и прочей информации и пожить исключительно Божией жизнью! За эти дни ум немного очистится, отфильтруется, и когда ты затем вернешься в мир, то все будет казаться тебе безумием, нездоровым. Ты увидишь, что все идет не так, и будешь удивляться: «Где же я был и где оказался? Я был в чистоте — и оказался в грязи. Был в святости — и очутился в разврате,

в беззаконии. Был в покаянии — и очутился в атмосфере восстания. Здесь люди хвастаются своими грехами. На Святой Горе каются — грешат и каются, а здесь грех превращают в торжество, в образ жизни, во флаг, которым гордятся, всем показывают и пропагандируют. Значит, что-то с нами не так. Значит, мы впали в какое-то безумие.

Об этом безумии много веков тому назад говорил святой Антоний. Он говорил, что в последние времена люди так обезумеют, что если увидят знакомого, который в порядке, то соберутся вокруг него и станут говорить ему: «Ты безумец, а с нами все в порядке!» И будут считать здравомыслящего человека сумасшедшим. И естественно, эти люди будут по-своему правы: поскольку они безумны, их ум не может понять тех, кто от них отличается, понять людей, просвещенных Богом, которые имеют в себе Божию благодать, чей ум остается на своем месте и чисто видит Бога, мир, людей, жизнь. Люди без Христа не понимают этого, они вещают на другой частоте. Это как говорить по-гречески с человеком, который знает только китайский.

И какой же вывод? Я говорю это не для того, чтобы кого-то осудить или обвинить. Я говорю это для того, чтобы всколыхнулись застоявшиеся воды в уме христиан, к которым и ты себя причисляешь. Ты считаешь себя церковным человеком, но и твой ум тоже иногда заблуждается, помрачается, и ты тоже увлекаешься, расслабляешься, обмирщаешься. Тебе нравится это слово? Ты уже слышал его. И ты

Фотис Кондоглу

тоже живешь немного по-мирски, и тебе это нравится. Тебе нравится и духовная жизнь, и мирская. Нас все еще услаждает греховная жизнь, мирская суета с телевидением, лукавство, нам нравятся забавные и пикантные штуки.

И что из этого выйдет? Во что все это выльется? «Неужели все напились воды безумия и сошли с ума?» — спрашивает Фотис Кондоглу*. Прочитайте этот рассказ о воде безумия, чтобы увидеть, как сошли с ума все, и единственным, кто в итоге не сошел с ума, был царь. Потому что он

* Фотис Кондоглу (1897–1965) — знаменитый греческий писатель, издатель, этнограф и иконописец.

не пил воду безумия, пролившуюся с неба. И вот от этой воды безумия все стали видеть белое черным, а черное белым, перестали понимать правильное и стали считать его неправильным, и наоборот. Один только царь не стал пить эту воду и сказал:

— Я не буду ее пить, чтобы и мне не увлечься, ведь мне надо хорошо управлять ими!

И все хорошее, что он делал, остальные, испившие этой воды, считали безумием. Они бросились свергать его, и царь сказал себе: «Так что же будет со мной? Только я один не стал пить этой воды, и что мне теперь, страдать? А принеси-ка мне ее сюда, хлебну и я от нее немножко!» Таково было его решение.

Так неужели и твоим решением, чтобы еще немного задержаться в этой жизни, будет — войти в ее безумный ритм? Чтобы и в твоем уме произошла эта перемена, это страшное повреждение и чтобы ты смотрел на все как остальные?..

Однако придет время, и наступит страшный час смерти. Сегодня по телевизору слова «смерть» не услышишь в том смысле, в каком нас учит Церковь, — в созидательном, — который бы заставил тебя задуматься, пробудиться. По телевизору можно увидеть смерть только в триллере. В триллерах одна только смерть, мертвые головы, кровь и убийства. Однако такой подход к смерти показывает только ужас этого явления и не заставляет человека задуматься, задать себе вопрос: «Что же буду делать

я в час смерти? Что будет после нее? Каким я приду к этому моменту? Что станет с моей душой?»

Пробьет этот час, и все мы увидим, сколько ошибок совершили, какой неправильный у нас был подход к жизни. Это подобно тому безумию, в котором умирает пьяный. Когда пьяный человек напивается, ты можешь говорить ему что угодно, но он не понимает, что с ним происходит. И если в этот час его собьет машина и он покинет мир сей, то его душа, поскольку она не пьяна, будет понимать все, но будет уже поздно. Мы тоже пьяны в мире сем. Об этом говорит святитель Иоанн Златоуст: пьяные люди управляют этим миром, страстями, немощами, пороками, неправдами. Ум тех, кто постоянно упивается, никогда не очищается. Они никогда не задаются вопросами: «Куда мы идем? Где в нашей жизни Бог?»

Телевидение, политика, средства массовой информации — все это могло бы помогать нам стать святыми. Если бы на телевидении пропагандировались высокие жизненные идеалы, нравственные ценности, то это вдохновляло бы людей на добро. Но, как вы знаете, такие вещи не популярны сегодня, а популярно другое, то, что показывают, то, что пользуется спросом.

А мы идем от плохого к худшему, и постоянно меняются наши критерии. Уходит наша прежняя строгость, когда мы звонили на телевидение по мелочам с жалобами и добивались того, чтобы меняли сцены, даже запрещали

передачи и каналы из-за того, что народ возмущен или родители протестуют ради своих детей. А сейчас никто ни на что не реагирует. Все принимается с радостью и рукоплесканиями, несмотря на то, что мы христиане. Что тут скажешь? Рекламируют духи — и рядом показывают всю наготу этого мира. Рекламируют машину — опять рядом обнаженная фигура. Поразительное знание и умение манипулировать сознанием человека, однако без малейшего уважения к человеческой душе, которая заражается всем этим и заболевает. То есть они знают, что душа человеческая подвержена влиянию и ее легко соблазнить; они знают психологию человека, делают на это ставку и душевно его разлагают. Они говорят: «Если мы рядом поместим эту привлекательную, соблазнительную, полуголую фигуру, то человек клюнет». Разве не так? Как рыба клюет на наживку, так и они делают. Но разве в этом — уважение к моей душе? И кто из нас протестует против всего этого? Все мы говорим: «Спасибо, спасибо большое. Как хорошо все, что вы нам говорите, все, чему вы нас учите. Мы всё принимаем».

Дорогие мои, нам нужно пробудиться, начать молиться и непрестанно творить Иисусову молитву «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Эта молитва побеждает суету нашего времени, грязь телевидения, политики, всего скверного, существующего в эту эпоху, и все запутанное расставляет по своим местам. Молитва ко Господу обладает такой силой, потому что в ней мы называем Христа

Господом, а это значит, что Он — самое главное Лицо, самая главная цель, самое главное в жизни.

Господь — это всё. Всё — это не то, что показывает телевидение, и не то, что говорят политики, это не пенсии и не биржа; всё — это Господь Иисус Христос, и посему каждый раз, когда ты произносишь Иисусову молитву, ты становишься нормальным человеком, потому что все расставляется по своим местам. И ты понимаешь, что суета — это суета, значит, я не буду к ней приближаться и не буду ей предаваться; что Иисус Христос — это всё, что Он — Господь, и я Ему поклоняюсь, и прошу Его меня помиловать, и стараюсь правильно относиться к Нему, к жизни, к людям. И когда ты научишься иметь правильное отношение ко Господу Иисусу Христу, у тебя появится правильное отношение ко всему.

Духовный человек, по словам Священного Писания, судит всех, видит все, пронизает все, а его никто не понимает (см. 1 Кор. 2, 15). Если ты церковный человек, просвещенный Богом, никто тебя не понимает, ты же все понимаешь и видишь: суету, обман, лживость, фальшь. Но помимо этого ты видишь в глазах этих многих людей, выступающих по телевидению, пустоту, бесконечную пустоту, и эта пустота убеждает тебя в их неправоте и в том, что ты имеешь благословение быть рядом со Христом. И ты говоришь: «Господи, благодарю Тебя! Я очень грешен, но хотя бы знаю, Кто — Врач. Я — грешный и пропащий человек, но знаю, где мое отечество; я сошел с пути, но знаю,

куда надо вернуться! У меня есть правильный ориентир, и я стремлюсь к нему, а не в ад и не в тартар. Я хотя бы знаю, куда иду, знаю, в какую дверь постучать, знаю, где покаяться, где встать на колени, исповедаться и воззвать к Твоей милости».

Вот в чем разница, а не в том, что мы лучше других. Да мы даже хуже других, потому что мы, христиане, не преобразили мир. Вместо того чтобы преобразать мир, служить людям, стать закваской для мира, мы поддаемся миру: мир нас сдавливает, засасывает, как огромная воронка, и втягивает в свою игру, в свою сферу, в свое пространство. Мы бы должны были пробуждать мир, наш взгляд должен бы стать как взгляд одного святого, у которого был дар: он смотрел на человека — и поднимал его дух, смотрел — и одним только взглядом насаждал в человеке рай. Наши же глаза стали похожи на стекляшки, в них нет росы Святого Духа, нет Божией благодати, нет веры, нет ощущения истины. Надо, чтобы на тебя смотрели люди и убеждались. Но мы не убедительны... Хотя и другие люди тоже не убедительны — они просто погружают тебя в наркоз, расслабляют, заставляют забыться, и ты начинаешь идти ко дну. Поэтому вся наша современная мирская жизнь, суэта, телевизор и прочее систематически избегают анализа, глубокой мысли, чтобы ты не успевал задумываться о том, что происходит, и не задавался вопросом: «Что происходит? Куда мы катимся? Может быть, я — жертва?»

Подросток в школе как-то сказал мне: «Отче, вы говорите, что стадионы, концерты — все это опасно. А я слышал всякие скандальные истории о священниках. Как мне после этого ходить в храм?» Я сказал ему в ответ: «Знаешь ли ты, что рок-певец, на концерт которого ты ходил, принимает наркотики, увлекается магией, несколько раз разведен, сидел в тюрьме за наркотики и другие вещи (и это все — подтвержденная информация), а ты идешь с восторгом и еще платишь за это деньги. Хотя он тебя не учит чему-то другому, он не является носителем иного духа, как это происходит в церкви, куда ты идешь не ради священника, а ради благодати, которой он наделен и передает тебе. А на концерт ты идешь ради певца, ты делаешь из него бога, поклоняешься ему. Ни в какой церкви не поклоняются людям, ни в какой церкви не поклоняются какому-то отдельному священнику, а поклоняются и служат Христу, и в самый священный момент на богослужении мы говорим: "Един Свят, Един Господь Иисус Христос". Поэтому мы ходим в храм. А ты услышал какую-то скандальную историю, заикнулся на ней, ты анализируешь и задаешься вопросом тогда, когда тебя направляют к этому. А на стадионах, там, где кроются огромные экономические интересы и выгоды, ты не задумываешься, не задаешься вопросом: "Может быть, я жертва? Может быть, меня используют?" Почему-то все эти вопросы мы задаем только относительно Церкви».

Однако молодежь устремляется именно в те места, на счет которых нужно задумываться. Но они не виноваты, потому что никто их не заставляет об этом задумываться. Никто не говорит своему сыну: «Дорогой, в сериале, который ты смотришь в девять вечера, показывают мужчину, и он очень мило себя ведет с девушкой. Так вот эта девушка не его жена, она ему совсем чужая. А взгляд его лукавый, с таким взглядом невозможно создать семью. Если ты будешь подражать этому человеку и научишься так смотреть на людей, то у тебя не получится хорошей семьи, ты разрушишь свой дом, и ребенка своего ты оставишь, и будут разводы».

Разве все не так? Разве все это — мои фантазии? Разве я преувеличиваю? Дай-то Бог. Хорошо, если бы было так. У христианина, когда он смотрит что-нибудь по телевизору, по меньшей мере есть критерий, есть мерило, эталон для сравнения, есть Церковь, Евангелие, и по ним он судит. А у другого нет ничего, он отдается, доверяется, что ему ни скажут, он все принимает на веру.

Сейчас не существует человека, который бы не смотрел телевизора, нет человека без пристрастия к тому, что показывают: спорт, политика, мода, прически, одежда. Проблема не в том, к чему привязан человек, проблема в том, что наш разум зацикливается, пленяется, заболевает тем, что в тот великий час, когда мы увидим перед собой Бога и станем с Ним жить вечно, нам это совсем и ни в чем не поможет.

* * *

Расскажу вам одну историю «опыта после смерти». Некий человек умер, душа его покинула тело, однако потом вернулась. Он действительно видел вечную жизнь и сказал себе: «Если Бог сулит дать мне еще несколько лет, то я больше ни разу не сделаю того, что делал. То, что я увидел, заставило меня понять: жизнь — это очень серьезно, это не шутка, чтобы прожить ее кое-как, в суете; существует искушение, которое радуется, когда мы теряем верный ориентир. Впредь буду внимательным. Не буду придавать первостепенного значения ни прическе, ни одежде, не буду отдавать свое сердце этому». Вот что сказал этот святой, который умер, ожил, а потом знаете что сделал? Он укрылся в пещере и провел прочие дни жизни своей в молитве и покаянии. Может, тебе жаль его и ты говоришь: «Бедный, он не знает, чего лишается, каких удовольствий!» А он жалеет тебя, потому что ты тоже окажешься там, где был он, и не знаешь, что там встретишь. А он знает, потому что был там, видел все и вернулся.

Мы не можем игнорировать опыт святых людей, учение Христа, Который возвещает нам истину и просвещает нас. Мы должны видеть мир так, как Христос нас учит его видеть, понимать, какой обман кроется в мире, чтобы мир нас не пленял. Мы должны жить в этом мире, но быть не от мира сего, жить своим собственным безумием, наилучшим безумием — Божиим. Чтобы мы были

не безумными, а бого-безумными, безумными Бога ради. Только так мы можем выстоять в жизни, только так можем сохранить свой ум чистым в эту столь нечистую эпоху.

Только в том случае, когда будет землетрясение, мы уже не будем говорить, что оно произошло из-за столкновения литосферных плит, а будем знать: земля, по которой мы ходим, ненадежна. Или, если случится пожар, нужно помнить: *наше жительство — на небесах* (Флп. 3, 20); нам нужно покаяться, признаться в том, что мы неправильно относимся к жизни, и потушить этот пожар слезами покаяния.

Ветхозаветная история показывает, что люди жили в грехах, блуде, делали аборт, занимались магией, совершали убийства, чинили всякую неправду. Все это, к сожалению, происходит и в наших домах, и на нашей родине. Все это вызывает Божие неодобрение, Божий гнев. Божия благодать не может почивать в такой атмосфере, в такой стране, в таких домах, в таких душах.

Надо, чтобы наш ум вернулся на свое место. Но, к сожалению, это не так легко сделать. Бог посылает нам испытания, дает нам уроки, пока мы не покаемся. Мы должны прийти к покаянию. Покаяние — единственный выход.

Перевод — Станка Косова

РАЙ, КОТОРЫЙ НЕ РАЙ

1

Сегодня мы поговорим об особой группе людей, которые живут среди нас и втайне страдают. Если заглянуть им в глаза, то увидишь, что они страдают, но когда они идут по улице, проблемы не видно: они в трезвом состоянии. Однако когда их скрутит недуг, они сидят дома взаперти, плачут, кричат, бьются головой об стенку, не зная, что сделать, чтобы справиться с этим: боль разрывает их на части, ломает им руки, ноги, все тело.

Когда их пронзит наркотический голод, они доходят до того, что не знают, куда деваться: просят денег, воруют, нападают на людей, чтобы отобрать какие-нибудь деньги, — не по злобе, а оттого, что они не выдерживают. Не могут существовать без дозы, на короткое время погружающей их в расслабленное состояние опьянения и экстаза, но при этом так сильно помрачающей их ум и делающей больной душу. Помолимся же сегодня об этих людях, в несчастье которых я чувствую и свою вину.

Я ощущаю свою огромную ответственность за них. Да и как иначе? Священник научен брать на себя всю вину мира, все грехи мира и говорить самому себе и другим, что он виноват во всем: да, я виноват в большой степени. Черная ряса, которую ношу, притягивает к себе весь свет, она означает, что я ношу в себе и на себе боль людей, скорбь людей, которая очерняет их душу, терзает их и причиняет им боль. Черная ряса означает, что я живу не для себя, что моя жизнь распята. Она означает, что я передаю Христово послание, благую, радостную и счастливую весть и что ношу в себе целительную силу, которая может преобразить мир. Она означает, что я держу в своих руках Христа и передаю Его людям, она означает, что я принял Духа Святого (*Примите Духа Святого!* — Ин. 20, 22), чтобы прощать грехи, исцелять душевные болезни, помогать людям восставать из своего падения и устремлять свой взор к светлому горизонту, чтобы они видели Бога, выкарабкивались из своей ямы и обретали смелость в жизни. Вот что означает ряса, которую я ношу, — она означает, что я священник и, соответственно, христианин. А ответственность наша, христиан, и нашей Церкви огромна.

Меня потрясли слова некоего духовного человека, сказавшего, что во многих бедах виноваты мы, христиане. Мы всерьез убедили людей, что где-то существует нечто восхитительное. Вот уже двадцать веков мы убеждаем людей, что существуют рай, Царство Божие, такая радость, что существует такое счастье. И где же? В Церкви.

Мы убедили людей, что на этом свете они могут искать для себя абсолютного счастья, великой радости, в изобилии которой они воскликнут от всей души.

Эта ностальгия по раю, это вожеление рая — во взгляде людей, стремящихся открыть для себя счастье. Глубоко в душе мы знаем, что это счастье где-то есть. Церковь убедила нас, что рай существует. Но вот тут-то и наступает большое разочарование, сильное столкновение этого страстного желания с реальностью, сна с пробуждением, мечты с тем, что мы имеем здесь и сейчас.

Человек грезит о том, чтобы найти где-то Бога, найти какое-то счастье, нечто такое, что коснется его и изменит его жизнь. Он видит Церковь, входит в нее. Подходит ко мне, подходит к тебе, утверждающему, что ты христианин. Он приходит в надежде, говоря себе: «Дай-ка я посмотрю, что будет? Получу ли я что-нибудь от Церкви? Есть ли что-нибудь такое, что она может мне дать? Вот этот человек, этот мужчина, эта женщина, юноша, говорящие, что они ходят в церковь, — у них есть что дать мне? Вижу, что они входят и выходят из храма. Или вон тот священник, у него есть нечто большее — у него более сильная связь со Христом. Что может дать мне этот человек? Дай-ка посмотрю!»

И человек подходит ко мне, ожидая открыть для себя Церковь, открыть Христа, увидеть в моем лице нечто особенное, чего не дают ему другие люди. Ведь мы так и говорим, что телевидение ничего нам не дает, кино не обладает

силой изменить нашу жизнь, мировая цивилизация без Христа не предлагает нам ничего. Вот человек и говорит себе: «Хорошо, я приду к тебе, христианину, священнику, крещеному, проводящему беседы, слушающему христианские радиопередачи, молящемуся; приду, чтобы посмотреть, что у тебя есть, что бы ты мог мне дать. Ну так что же ты можешь мне дать?»

Он приходит ко мне и знаете что находит? В большинстве случаев его ждет разочарование. Он находит нечто такое, чего не ожидал. Или не находит ничего, уходит и говорит: «Они как все. Ходил я туда и ничего не получил. Моя жизнь никак не изменилась». Он приходит, чтобы поговорить с тобой, но часто слышит, что ты говоришь суровым тоном, судишь, осуждаешь, все время что-то комментируешь, ругаешься, ты строг, упрям и эгоистичен. Результат таков, что душа человека, молодого человека, не может найти уладу, обрести тепло, которого искала, не может восстановиться, проснуться от летаргии, в которой пребывает, и он приходит к ужасному заключению — совершенно ошибочному, но в то же время и очень точному применительно к нам:

— Я ходил в Церковь и разочаровался. Познакомился с христианами и был поражен. Разве это христиане? Разве христиане такие? Что могут дать мне нынешние христиане? Кто из современных христиан может сказать душевное слово, полное утешения, любви, согревающее душу?

Я говорю не о тебе, брат, это не обязательно относится к тебе, может, ты святой человек. Я говорю о себе и таких, как я, — мы не такие, какими должны быть, и разочаровываем людей, потому что, знаете ли, люди находят Христа прежде всего в тех, которые Христовы. Для людей мы — икона Христа в начале их знакомства с Церковью. Не многие познают Господа напрямую, через Божественное откровение, через какое-нибудь видение, через некое чувство, которое они стяжают в молитве. Большинство познают Христа и Его присутствие через других людей.

Некий миссионер работал в Африке и спустя несколько лет предложил местным жителям нарисовать Христа, каким они Его себе представляют. И знаете, что сделало большинство? Одни нарисовали Христа черным, по цвету их племени, другие — с местными характерными чертами лица, третьи таким, каким Он изображен на византийских иконах, присланных из Греции, — каждый изобразил Его таким, каким себе представлял. А один африканец вместо Христа нарисовал миссионера, сделавшего его христианином, крестившего его, в нимбе и с надписью «Иисус Христос, Сущий» (то есть наш Бог, Тот, Который всегда существует), и показал миссионеру. А тот ему сказал:

— Я сказал, чтобы ты нарисовал Христа, а ты нарисовал меня!

Африканец ответил:

— Да, я нарисовал тебя, потому что верю: Христос — как ты. Я научился смотреть на Христа твоими глазами, потому что ты первым преподавал мне Христа в жизни, и я верю, что Христос — как ты. Ты научил меня Христу и подал мне мир, утешение, заполнил пустоту в моей жизни, и я уверен, что Христос не может отличаться от тебя. Ты — как Христос и чувствуешь то, что говорит святой апостол Павел: *Уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20).

Это сделал африканец, он нарисовал своего миссионера. Ты понимаешь, что это значит? Это значит, что мы — икона Христа в мире. Если кто-нибудь хочет говорить с тобой о Христе, а начинает обсуждать священников, христиан, людей из своего квартала и говорит тебе: «Я разочарован, я видел христиан», — то он не прав, потому что только Христос безгрешен и непогрешим, только о Нем ты не можешь сказать ничего плохого. Но Господь поставил нас, чтобы мы представляли Его в мире, а мы не делаем этого, мы зачастую не можем донести в мир Христова послания. Ведь самое важное — не произнести какие-то слова, а передать утешение, любовь, тепло Господа, Его прикосновение, тишину, покой, который Он несет, мир, который Он распространяет.

Души людей не находят у нас отдохновения, и поэтому они делают обобщенное заключение о Церкви — просто отбрасывают все: нас, а вместе с нами и Христа. Если кто-нибудь разочаровался во мне, то он разочаруется

и в Церкви — конечно, неправомерно, потому что Церковь как тело Христово свята, ведь Господь — ее Глава.

Но моя ответственность огромна, огромна и ответственность нашей эпохи, нашей цивилизации, ушедшей так далеко вперед в развитии технологий, кибернетики, интернета. Во всех этих достижениях мы ушли далеко вперед, но в то же время уходим и далеко-далеко назад, живем, словно в медном или каменном веке, в первобытной злобе, первобытных страстях, эгоизме, грехах, неправдах, разврате — в том, что вынуждает молодых людей разочароваться, раниться и ощущать горечь оттого, что в Церкви они не находят того, чего ищут, потому что, к сожалению, я не даю им того, чем обладает Церковь.

Я как христианин испытываю нужду в личном покаянии из-за этого моего неуспеха, и мне впору сказать то, что говорит святитель Иоанн Златоуст: «Если бы мы, христиане, действовали правильно, по-христиански, если бы любили Господа и имели Христову благодать в себе, то не было бы рядом с нами страдающего и измученного душой человека, терзающегося в страшной безысходности; он смотрел бы на наше лицо и чувствовал бы радость».

Не помню, о каком святом я читал в синаксаре, что он обладал даром одним взглядом отнимать у людей скорбь, отнимать уныние, депрессию. Стоит ему взглянуть на тебя — хоп! — и ты меняешься. Тут же. Какой прекрасный дар! Он, святой, имел в себе Христа и все лучшее,

Христово давал другим: Христос есть радость — он дает тебе радость, и если ты исполнен Христа, то ты исполнен радости. Святой снимает скорбь, боль и горечь с сердца другого. А кто из нас может сказать это? Кто?

* * *

Почему наши дети, почему молодежь доходят до наркотиков? Почему? Потому что молодые люди не могут заполнить пустоту в себе рядом со мной, тобой, своей матерью, своим отцом, братьями, в своем квартале, возле своих родных. Почему? Потому что мы не Христовы.

Если бы мы были Христовы, то не было бы наркома-нов рядом с нами. Мы бы их вылечили, мы бы их обняли, и в наших объятиях всякая боль и горечь утихли бы. Исчезли бы зависимость, нужда, подавленное состояние. Мы совершали бы чудеса силой, которой обладали руки святых апостолов, прикасавшихся к больным — и врачевавших их, прикасавшихся к мертвым — и воскрешавших их, говоривших слово одержимым злыми духами — и исцелявших их.

Сегодня мы не можем совершать таких чудес. Сегодня мы не можем изменять людей таким образом. Потому что, вместо того чтобы подойти к ним с любовью, мы их осуждаем и бросаем в них камень анафемы.

— Отче Паисие, такая-то пара развелась, — сказали однажды старцу Паисию.

И знаете, что он ответил?

— Я виноват в этом.

— Ты? Почему же ты виноват? Ты их даже не знаешь!

— Я виноват!

— Но почему же, отче?

— Я виноват! Почему? Если бы я сильно любил Христа, если бы имел сильную связь со Христом и Он был бы для меня как друг, если бы имел такое дерзновение в молитве, то я бы помолился, и Господь услышал бы меня, и они бы не развелись. Но у меня нет такой сильной молитвы. У меня нет такой благодати, чтобы я схватил четки и эти люди изменились.

Святитель Иоанн Златоуст говорит, что если есть один человек в квартале, один достойный христианин в городе, один святой человек, то весь город переменялся бы, он повлиял бы на всех людей. Может, это звучит для вас странно? Может, я преувеличиваю? Может, и преувеличиваю. Но что касается меня, я не преувеличиваю. Знаю, что я разочаровываю, я понимаю это и вижу на деле, как часто люди приходят в храм, ожидая увидеть нечто, обрести нечто, некую надежду, которой они не обрели в другом месте, но не находят ее и разочаровываются. И снова уходят огорченные и говорят: «Это не то, я не такого ожидал. Поэтому я разочаровался».

В глубине нашего сердца находится рай, там его чрепки, там наше сладкое воспоминание о нем, наша ностальгия по нему. Мы покинули рай и тоскуем о нем, но чтобы он снова открылся, человек ищет где-то в другом

месте — белого рая, белой смерти, экстаза, наркотиков. Тяжело видеть молодых людей, которые, не находя истинного Христа, ищут какого-то Его заместителя, стремясь пережить нечто сказочное, экстатичное, опьяняющее, нечто такое, что вырвало бы их из этой прозаичной, больной, изматывающей, бессмысленной реальности и дало бы им некий ложный смысл, некую обманчивую радость, некое опьянение.

Все эти слова, которые я использовал: «опьянение», «экстаз», «исцеление», «радость», «вдохновение», по сути чисто церковные, ими изобилуют духовные книги наших отцов, «Добротолюбие»; они — опыт наших святых. Мы сохранили их в Церкви, но, к сожалению, не можем передать миру их содержание.

Существует ли сегодня такое экстатичное событие в Церкви, существует ли эта радость в Церкви, этот всплеск радости? Это исцеление, лечение, чудо, тайна, это событие? Оно трогает сердце молодого человека и делает его опьяненным, и он с легкостью несет проблемы и скорби жизни. Вы ведь знаете, что сказал Маркс: религия — опиум для народа, наркотик для народа, потому что тогда эксплуатировали религию, чтобы управлять народами и делать с ними что угодно.

Может, это и верно. А что говорим мы? Мы говорим, что Церковь — это опьяняющее лекарство, очаровывающее душу, без того, однако, чтобы ты терял рассудок, душу, равновесие, она помогает тебе очароваться сладко,

напиться трезвенно, чтобы быть в силах выдержать боль жизни. Чтобы справиться с жизнью, нужно быть опьяненным, очарованным Христовой любовью, чтобы выдержать ее и не дать сломить себя боли, притеснениям, болезням, потерям, страданиям, лишениям жизни. Как очарован влюбленный, который собирается жениться и пребывает в чарах любви: он, что бы ни услышал, радуется, он живет в своем мире, он не слышит того, что слышат другие, потому что говорит: «Через неделю я женюсь, а потом уеду на медовый месяц. Я так счастлив, а то, о чем вы говорите, меня не волнует!»

Это следовало бы делать Церкви, это следовало бы переживать нам, христианам, это очарование, это опьянение, это трезвенное упоение, которое несет Христос и которое не валит тебя с ног, а пробуждает, оно пробуждает все твои клетки. Вся твоя нервная система работает оптимально, ум очень быстр, твоя мысль, душа, взгляд — все светло, и в то же время ты, однако, как очарованный. Все это возвещает Церковь, имеет Церковь, но мы, христиане, не ощущаем этого, у нас этого нет: нет вдохновения, любви, всплеска радости и счастья.

И что же делает молодой человек? Не находя этого у меня, у тебя, не научившись опьяняться Церковью, не научившись справляться с гнетом мира сего одним вхождением в Церковь, в мое и твое сердце, он ищет этого где-то еще — и находит. Находит в наркотиках, в этом псевдораю, который ненадолго одурманивает его, и ему

кажется, что он уже видит небо в звездах и летает, слышит цвета и видит звуки — нечто невероятное.

Он пребывает в другом измерении, и это опьянение позволяет ему избежать реалий жизни. Это и есть упоение, это и есть мучение, но потом, когда прекратится действие дозы и снова наступит голод, опять возникает потребность, эта безумная потребность, от которой ты места себе не можешь найти. Думаю, курящие, ненадолго остававшиеся без сигарет, отчасти могут понять, что значит наркотический голод.

Это ужасно — мчаться, чтобы принять свою дозу, не зная, куда деться, не находя денег, хотеть бороться с собой и в то же время не быть в состоянии подчиниться себе самому, ведь воля твоя слаба и немощна; биться головой об стенку, скрипеть зубами и в какой-то момент не выдерживать. Когда ты становишься зависимым, когда пробуешь снова и снова и наслаждаешься, а потом опять приходит боль, то ты не выдерживаешь, снова выбираешь легкое решение.

А если ты покатишься по наклонной плоскости, то уже не останавливаешься. Ты остановишься только на дне. Только в конце. Может, ненадолго приостановишься и в тюрьме, но совсем — только когда окажешься в могиле. Оттуда уже нет возврата, там нет исправления.

Поэтому не надо вообще начинать, не надо полагать этому начало, не надо никогда пробовать.

2

Посмотри, как свободен Христос, как Он любит нас. Он любит нас, но и уважает в то же время, ценит так высоко, что оставляет нам быстроту ума, предоставляет свободу идти к Нему и, если пожелаем, уйти, отречься от Него.

Диавол никогда не может сделать этого. Не делают этого и наркотики — они не уважают тебя, не признают твоей свободы. Ты не можешь сказать: «Ну что, попробую их, а если не понравится, брошу». Может, ты и хотел бы бросить их хотя бы ненадолго, но они этого не хотят. Они не дадут тебе убежать. Ты запутаешься в их щупальцах и чем больше будешь силиться убежать, тем больше будешь запутываться, пока в какой-то момент не окажешься неподвижным, обездвиженным, жертвой.

Я пережил несколько таких трагедий, знаю нескольких человек, и это за многие годы наложило печать на мою жизнь. Ведь вокруг так много такого, чего мы не видим и не знаем: слезы наркоманов, их матерей, отцов, тяжелые семейные драмы — мы, внешние, не знаем о них. Если только летом какое-нибудь окно окажется открытым и мы услышим крики; если только нам случится столкнуться с кем-нибудь в тот момент, когда он принял наркотики, и мы увидим это в его взгляде — в больном, затуманенном, измученном взгляде, который смотрит и не видит, который не знает, чего хочет, и ищет, — только тогда мы можем что-нибудь заподозрить.

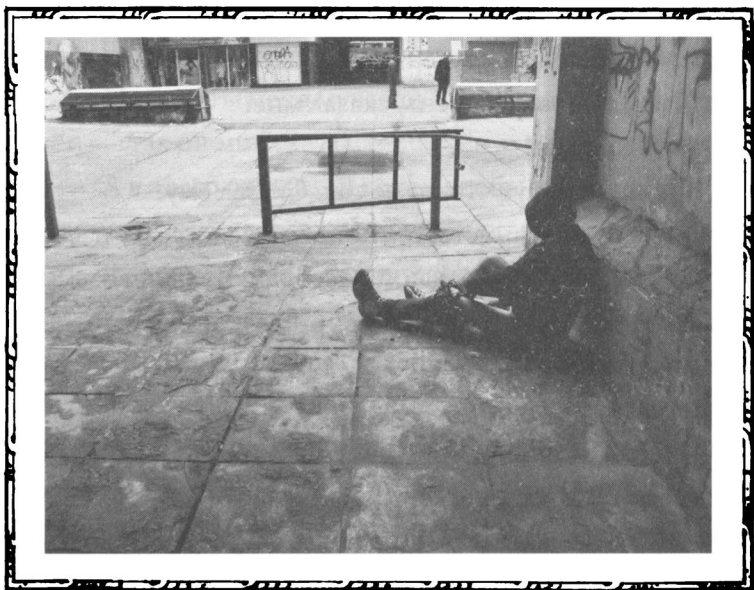
А сколько еще происходит такого, о чем у нас даже представления нет! В эту минуту, когда мы с вами говорим, сколько людей страдает, терзается, мчится, чтобы достать свою дозу. Они попали в сеть и запутались. Одни продают, другие покупают в замкнутом порочном круге. Ты хочешь указать на виновных — и не находишь их. Пытаешься найти кого-нибудь виновного, но за ним скрывается целая спираль: один поддерживает другого, и ты не знаешь, на кого указать.

Но я знаю, кого мне укорять: буду укорять того, кого могу укорять. Самого близкого мне человека. Буду укорять себя. Себя я спрашиваю об ответственности, об ответственности государства, учреждений, других людей — пусть каждый спросит себя. Если бы я был таким, каким хочет Господь, то те, кто меньше всего близок мне или тебе, христианам, не продолжали бы погибать, не продолжали бы идти по этому пути.

Помню, однажды я был на площади Омония в Афинах по каким-то своим делам. Навстречу мне шел человек, спешивший за дозой. Я разглядел его лицо, увидел глаза и был потрясен, потому что узнал в нем своего знакомого, которого не видел несколько лет. Я шагнул к нему и хотел сказать:

— Ну как ты? Ты помнишь меня, Георгий? Чем ты занимаешься? Ты меня помнишь?

Но не мог внушить ему ничего, потому что он витал где-то в другом месте. Он побежал от меня, а потом

я увидел, как он остановился возле какого-то человека, они чем-то обменялись, он что-то взял и опять заспешил.

Я был тогда потрясен, потому что одно дело — слышать о наркотиках и наркоманах, бывших где-то, когда-то, рядом с тобой, далеко от тебя, и совсем другое — чтобы эта бомба взорвалась в доме твоего друга, твоего знакомого, но самое ужасное — чтобы она взорвалась в твоём собственном доме и чтобы ты стоял и наблюдал, как осколки взрыва заполняют собой все комнаты. Видеть собственного ребенка, близкого человека, мужа, жену, дорогую душу, страдающую чем-то подобным.

Или вот другой случай. Мы в Афинах ждали автобуса. Тогда мы еще были студентами, у нас была целая компания. К нам подошел парень, сказал мне:

— Я голоден!

Я понял, что тут что-то не так. Сказал ему:

— Если хочешь есть, так пойдем поедим — у нас есть время! Там, на углу, большой ресторан, пошли, возьмешь себе что-нибудь, что хочешь: курицу или еще что. Чего тебе хочется?

Он сказал:

— Нет, я прошу тебя: дай мне денег, дай мне лучше денег! Чтобы я вас не задерживал!

— Да ты нас не задерживаешь, пошли, возьмем что-нибудь, чтобы ты поел!

— Да ладно, не надо. Друг, ты мне лучше дай денег. А то вы пропустите автобус!

— Да я не спешу никуда, пошли, купим тебе чего-нибудь!

— Ну хорошо, пойдем. Пошли!

Мы пошли. Когда дошли до середины пути, он говорит мне:

— Я тебе что-то скажу. Слушай, может, ты лучше дашь мне денег?

— Да я не спешу, пойдем в ресторан.

Когда мы уже подошли к нему, парень повернулся ко мне и опять:

— Ну так что, дашь мне денег?

— А ты что, не голоден?

Он сказал мне нечто такое, что меня обезоружило:

— Ну чего ты меня мучаешь? Ты же знаешь, что я хочу денег, — так он мне сказал.

— А я этого ожидал. Я хотел, чтобы ты сам сказал это. Я знаю, что ты хочешь их, но не хотел тебя позорить перед всеми, не хотел, чтобы ты чувствовал себя униженным. Я хотел, чтобы ты сказал это и чтобы мы поговорили. Мы вот — молодежь, были на студенческом собрании, в кружке, изучали Священное Писание. А сейчас едем по домам. И поскольку ты тоже молод, то спрошу тебя: скажи, ну зачем ты так запутываешься?

— Эх, друг, я не могу тебе сейчас рассказывать... Моя мама... они разведены, я ночую на улице, голодаю, жажду, но самый сильный голод у меня — по наркотикам.

— Как тебя зовут?

— Панайотис.

— Панайотис, да сделай ты что-нибудь со своей жизнью! Ты не можешь сам себе помочь?

— Может, и могу. Может, поехать к дяде на Эвбею, у него пчелы, помочь ему немного по работе? Может, вырвусь, может, как-нибудь изменится моя жизнь и я обрету смысл.

— Это очень важно. Чтобы ты сделал что-нибудь, что называют трудотерапией, чтобы увидел какой-то смысл в своей жизни, чтобы занимался чем-то созидательным. Сделай же что-нибудь, ну ты же так молод! Пока умрешь,

пройдет еще столько лет, исправь свою жизнь, создай семью, найди работу, не прожигай свою молодость, ты же себя губишь!

— Не знаю, друг, если бы я оторвался, вышел из этой колеи, в которой застрял.

В заключение он мне сказал:

— Ну а сейчас ты дашь мне, чтобы я взял себе что-нибудь? Ну хотя бы кока-колу: если ее быстро выпить, она вызывает маленькую эйфорию. Она, конечно, не сравнится с наркотиком, но когда нет денег...

— У меня нет столько денег, чтобы ты покупал наркотики. И тебе нельзя давать столько денег. Пойдем, возьмем тебе что-нибудь поесть.

— Но я в любом случае благодарю тебя за то, что поговорил со мной!

— И я тебя тоже благодарю, что доверился мне!

Я не был один, там были и другие ребята. Мы стали говорить о Панайотисе. Его я снова увидел почти месяц спустя, опять же в Афинах, в плачевном состоянии. Он сидел у какого-то магазина перед витриной, подобрал под себя ноги, в состоянии после принятия дозы, и глаза у него были совсем мутные... Он был как заколдованный, как уснувший и уже не говорил со мной. Я смотрел на него, а он меня не узнавал, я говорил ему что-то, но он меня не понимал.

Я сказал ему:

— Панайотис, ты помнишь меня?

— Ах, друг... я не понимаю, кто ты...

Ничего. Он не мог говорить.

— Ты знаешь?.. А как дела с тем, о чем мы с тобой говорили? Ты ездил к дяде с пчелами?

— Я сейчас не могу говорить! — сказал он и был готов отключиться.

* * *

Я вспомнил слова одной своей знакомой, она сказала мне их по поводу своего сына, который страдал той же болезнью. Она рассказала мне, как однажды вошла в его комнату и застала его за тем, что он держит свои ботинки за шнурки и раскачивает их в воздухе. Все его тело одеревенело, он не мог двинуться, не мог ничего понять. Она что-то говорила ему, но он не просыпался, он не мог прийти в себя и сидел на кровати, готовый обуться, но не мог, потому что наркотик действовал и он в этом состоянии витал — в другом месте.

Мать хотела говорить с ним, а он ее не понимает. И она плакала, но сын ее не понимал, сын был где-то в каком-то месте, а она в другом. Она жила в своем безумии, она чуть не сошла с ума, а сын жил в своем безумии — из-за всех нас, христиан, из-за нашего христианского общества. Из-за всех нас: родителей, учителей, воспитателей, священников, всех нас, обязанных быть светом миру, быть светильником, освещающим всю землю, светом, стоящим на горе.

Но мы не светлый град, который видят все, мы не такие. И в этом наша огромная ответственность, что мы не такие, что мы не придали смысла этим детям, смысла в жизни, смысла их жизни. Что не научили их, как расти, как жить, как переносить боль, мы не научили их тому, что Христос существует, не рассказали, что значит крест, искушение.

Эти дети видели, как ты ссоришься, ругаешься, как разводишься, как стучишь кулаком по столу, как ты устраиваешь скандалы, как требуешь и настаиваешь, как хочешь, чтобы всегда было по-твоему, и как хочешь всего и всегда. Эти дети ни в чем не нуждались, и это стало той причиной того, чтобы они хотели всё большего и большего и чтобы не имели никакой жизни. Ты не научил их радоваться малому, не научил тому, что жизнь бережет для них беды и проблемы, а также тому, чтобы они радовались в боли, чтобы научились видеть воскресение в Христовом Кресте.

Мы избаловали своих детей болезненным и опасным комфортом, и когда жизнь встряхивает их, они не могут оправиться. Когда жизнь прижмет их, когда подует первый холодный ветер в их жизни, встретится первая западня, наступит первое помрачение ума, то первый же вызов и предложение приятелей застанет их без всякого сопротивления, без всякой опоры, без Христовой благодати, без критериев православной жизни и правильного выбора: куда я пойду, что я возьму и чего не возьму, когда я скажу «нет!», а когда — «да!».

Это дети, которых ты не научил поститься, говорить «нет» мясу, говорить несколько дней «нет» молоку, сыру, от чего-то отказаться, чего-то лишить себя ради Христа, радоваться в этом своем лишении и ощущать сладость жертвы и борьбы. Как ты научил этих детей ни в чем себе не отказывать и есть всё, так они сейчас и поглощают смерть.

Мы оставили этих детей в беспомощном состоянии и несем огромную ответственность за то, что они дошли до этого ложного мира — рая, который не рай, а переименованный ад. Как написано в Новом Завете, диавол является в виде светлого Ангела (см. 2 Кор. 11, 14); свидетелями именно этого стали они. Эти дети — наши дети, и мы несем огромную ответственность за них.

Все программы по борьбе с зависимостью благословенны и хороши, я недостойн судить или комментировать их. Но одно все же могу сказать: если человек не научится укрепляться благодатью Христовой, то он ненадолго оставит наркотики и, скорее всего, опять начнет принимать их. Это как с диетой: если кто-нибудь не научился питаться правильно, то что он делает? Немного сбросит вес, килограммов на пять-шесть, обуздает свою волю, но потом, если правильное питание не станет для него образом жизни, наберет не только те пять-шесть килограммов, которые сбросил, но станет толще, чем был.

Так происходит и здесь. Мы ненадолго бросаем наркотики в центрах, но если не придашь смысла и цели жизни

этих людей, если не дашь им Христа, если не научишь тому, зачем они живут, откуда пришли и куда идут, как им обрести сильную волю в Христовой силе... Так где же эта сила? Силу мы ищем, но нет у меня силы, не могу я этого забыть, хочу, но не могу, кто даст мне силу перестать курить, пить, бросить наркотики, любую зависимость? Кто? Дядины пчелы, о которых тот парень сказал, что поедет на Эвбею?

Ты говоришь: но я ведь сказал ему, чтобы он поехал! Да, сказал, как скажу и любому, что надо обратиться в какой-нибудь центр, чтобы отказаться от наркотиков, потому что и это нужно, но недостаточно без Христа, без Божией благодати. И Господь говорит это, а неложное слово Господне всегда подтверждается: *Без Меня не можете делать ничего!* (Ин. 15, 5)

Ты думаешь, что меняешься и порываешь с зависимостью от наркотиков, но потом попадаешь в какую-нибудь другую ловушку. Бросаешь наркотики, но начинаешь пить, попадаешь в какие-нибудь другие сети, начинаешь другие беззакония или впадаешь в блуд — одна страсть заменяет другую. Это не лечение, это суррогат, это ложное ощущение лечения, которым ты ненадолго обманываешь себя.

Поэтому так много молодых людей идет в эти центры по борьбе с наркотиками, на короткое время успокаивается, но потом, когда жизнь прижмет их, они не знают, как устоять, как создать семью, растить детей. Я не знаю,

может, есть и другие, я молюсь об этом. Я не радуюсь их срыву, просто вижу их срыв из того, что слышу от близких им: «Он вырвался, но опять взялся за старое. Бросил, мы успокоились года на два — и опять начал». Почему? Что же случилось, почему он опять начал? Потому что у них нет Христа. Эти слова, скажет кто-то, выглядят как-то теоретично и слишком церковно, так только бабки говорят: «Христос да Христос», — но это правда, и реальность доказывает это.

Если ты не почерпнешь от Христовой силы, ты не сможешь сделать ничего. Честной Крест, сила воскресшего Господа, благодать Его таинств — вот что дает нам силу. Почему мы склоняем голову под епитрахилью священника и получаем прощение? Потому, что вместе с прощением получаем и благодать, силу и выдержку в жизни, и нам удается устоять. А как устоять в противном случае?

«Я поставил себе цель бросить курить, и у меня сильная воля, ты меня не знаешь!» А что значит сильная воля? Где ты ее нашел? Ну так давай бросай! Бросаешь ты ненадолго и видишь, что не можешь бросить этого насовсем. Или бросаешь, но потом начинается другое: нервы, капризы, упрямство. Страсть не уходит просто так: ты ее закрываешь, душишь, прижимаешь, а она показывается в другом месте. Не получается, она — это взрывная сила.

Только Господь берет грех мира. Он берет, подметает, глубоко вычищает все, что мучает твою душу. Вот в чем

тайна — нам надо найти Христа. Давайте же найдем Господа, потому что любой из нас стоит перед опасностью связаться с наркотиками: и богатый, и бедный, люди всех слоев. И самые богатые тоже, у которых есть все, но им не на что надеяться, они ничего не ждут. Ничто, что бы ты им ни дал, не доставляет им радости, все им надоело, они пресыщены в душе своей.

Дашь какому-нибудь бедному человеку цветок, розу, ромашку, и он говорит: «Спасибо!» А богатого не трогают такие вещи. Какая-нибудь простодушная бабуля увидит закат солнца, растрогается, перекрестится и скажет: «Господи, какие цвета, какая красота!» А богатый, у которого все есть и который все наслаждается-наслаждается, живет в расточительстве, сребролюбии, сластолюбии, алчности, сверхпотреблении нашей эпохи, не довольствуется ничем.

У богатых людей есть все, но, поскольку у них нет Христа, они ощущают пустоту и прикрывают ее каким-нибудь редким переживанием, чем-то еще непознанным, чего они еще не испытывали до сих пор. «А что это?» Все остальное они уже испытали: удовольствия, женщины, яства, ночная жизнь, машины, отдых, чего же им не хватает? А не хватает этого опьяняющего переживания, этого экстаза, этого чего-то другого, чего они еще не испытали. Того, что у Церкви есть, чтобы дать тебе. Не я дам, а Христос. Я тебя разочарую, но у Церкви это есть. Но так как они не находят этого в Церкви, то ищут где-то в другом

месте и, к сожалению, находят — у этих коварных людей, которые, конечно, тоже являются жертвами других, и найти этому конца и края ты не можешь.

Давайте же молиться, чтобы Бог дал этим детям Свою благодать, Свою силу, чтобы совершилось чудо, чтобы произошло что-то и они бросили то состояние, в котором живут, чтобы произошел прорыв в их сердце, чтобы они пережили что-то потрясающее. Неужели ни один святой не может изменить их?

* * *

Когда такие люди приходили к старцу Паисию, они бросали наркотики, освобождались, облегчались, жажда наркотиков исчезала из их души как черное облако. Почему же? Потому что по благодати старца Паисия и по его молитвам Христос входил в них и они чувствовали, что наркотик не может в них задержаться, для него нет места. В одном человеке не могут вместиться и наркотики, и Христос — Христос не как теория, а как присутствие, как опыт, переживание, прикосновение, как преображение. Это страшно и потрясающе.

Но таких людей, как старец Паисий, в этих центрах нет. Если бы там были такие люди, святые люди, которые способны изменить наших детей! А мы, все остальные, тысячу раз пытаемся их изменить: мать плачет о своей дочери, отец о сыне, чтобы они изменились. Но как же им измениться и где им жить? В твоём доме, в твоей разрушенной

семье? Как ты хочешь от своего ребенка, чтобы он изменился, что ты можешь дать ему взамен?

И знаешь, что тебе отвечает ребенок?

— Ну куда же ты меня зовешь жить? В какой мир зовешь вернуться? В тот, который создаешь ты?

Ты, естественно, скажешь:

— Дитя мое, но мир для всех один и тот же. Все мы мучаемся, страдаем, это же не выход.

Однако у ребенка чувствительная душа. Молодые не могут понимать все так, как говоришь ты. И это не снимает ответственности ни с тебя, ни с него.

Помню, раньше я ходил в одну библиотеку, там был библиотекарь, и его сын часто приходил к нему, просил денег, и мы слышали это через стекло. И вот однажды он приходил раза два-три, кричал, отец говорил с ним, и мы всё слышали:

— Эх, дитя мое, ну я же недавно давал тебе пять тысяч драхм? Что ты сделал с этими деньгами? Больше я тебе не дам.

Он знал, что его ребенок принимает наркотики, но давал ему денег. А что ему оставалось делать? Давал, тот устраивал скандалы, отбирал деньги силой.

Отец сказал:

— У меня нет денег, чтобы доехать до работы, — он жил далеко, — я пришел пешком!

А сын ему говорит:

— Дай мне их сейчас же, сию же минуту!

Он отобрал у отца последние пять тысяч драхм и исчез. Отец стоял за библиотечной витриной и плакал, мы видели это и пошли к нему.

Он сказал нам:

— Мне очень жаль, что я так унижаюсь. Вы уже знаете, вы поняли, что творится у меня дома. Сын связался со всем этим. Но вы никогда не связывайтесь! Будьте осторожны! Я уже продал всю мебель, вещи, мы живем впроголодь, лишь бы сын мог принимать свои наркотики...

Немного времени спустя мы увидели этого библиотекаря с черной ленточкой на рукаве. Он был в трауре. Мы подошли к нему и поняли, что это по его сыну. Мы прочли это в его глазах и не стали спрашивать. Взглядом спросили его, он кивнул и сказал:

— Да. Это так. Павел. Павла нашли в одном отеле скончавшимся от передозировки. Привезли домой, я горюю и рыдаю, а с другой стороны, знаю, что теперь стало легче и ему, и нам. Мы ведь уже ничего не могли сделать, мы были опустошены и финансово, и душевно. Это была нескончаемая трагедия...

Помню еще, как летом, когда из-за жары распахивают окна, я шел по одному кварталу и услышал разговор отца и сына. Сын говорил отцу:

— Дай мне скорей денег!

— Я больше не могу тебе дать! Делай что хочешь! Вставай и убирайся! Я больше не могу этого выносить!

— Так, значит, ты хочешь, чтобы я стал торговцем?! Ты хочешь меня принудить к этому?

И что же делает отец? Чтобы сын не стал торговцем наркотиками, он дает ему денег. Этот ребенок превратился в сущую развалину. Когда он был маленьким, у него умерла мать, и я помню его тогдашнего. После похорон он меня нашел, и у него даже не хватило духу сказать мне: «Мама умерла!» Он сказал это по-английски, быстро так сказал: «Mother...» И с тех пор, не знаю почему, он не нашел себе опоры, помощи, он конечно же не нашел Христа, ему не дали Христа, и с тех пор он погряз в том, что стало для него как «mother». У него появилась своя мать.

Старец Паисий говорит:

— Если мать не даст ребенку грудного молока, но и сердечного молока тоже — своей любви, тогда ребенок вместо ее груди станет искать бутылочек, чтобы утешиться, успокоиться, уснуть, чтобы уйти куда-нибудь от бремени этой жизни.

И эти бутылочки — это спиртные напитки, наркотики, все, что опьяняет. Потому что чего ищет ребенок во всем этом? Он ищет материнской груди, материнских объятий и материнской ласки, которых не нашел. И эта грудь, эти объятия — это объятия Церкви, которую он в глубине своей души ищет. В глубине души он ищет Христа, но не находит.

Помню первые похороны в своей жизни, которые я видел. Я что-то услышал, открыл окно и стал вглядываться,

чтобы понять, что происходит, и увидел справа много людей, собравшихся перед одним домом. Там стояло много людей, и мне сказали, что это похороны. Умерло совсем юное дитя. Юное дитя? А кто? Да там же живет Аристид, мой друг. Да, Аристид. Он умер. Такой маленький? А от чего? От наркотиков.

Впервые это слово прозвучало в моих ушах и было мне непонятно. Умер от наркотиков. Я не знал, что это такое. Вот мы говорим: его задавила машина, он сорвался в пропасть, — это я знал, но чтобы от наркотиков? Что это такое? Тебя что, чем-то бьют? Что-нибудь на тебя падает? Что это? Мне сказали, что это то, что ты ешь, кладешь на себя и умираешь.

Я был ребенком. Но Аристид ведь тоже был ребенком... И с тех пор, с 1982 года, я поминаю его, поминаю теперь на проскомидии, и столько других людей еще, кого знаю, кого знаете и вы. И мы не можем перечислить всех этих имен, но можем молиться за всех них и помнить о своей ответственности, можем научить себя и своих детей возлюбить Крест Христов, возлюбить жизнь Церкви.

Помню, я ходил в воскресную школу, и, когда заканчивался учебный год, нам всё твердили: «Дети, которые ходят в воскресную школу, не принимают наркотиков». Сейчас я вижу, понимаю, что правы были говорившие это. Действительно, только если человек близок к Церкви, он не погрязнет где-нибудь, не побежит куда-нибудь искать суррогатов.

Кто-то сказал мне:

— Я не принимаю наркотиков, друг, но и в церковь тоже не хожу.

Дай тебе Бог, чтобы ты чувствовал себя хорошо и не принимал наркотиков, однако знай, что ты принимаешь что-нибудь другое вместо наркотиков. Наркотиком для тебя может быть чрезмерное увлечение телевизором, спортом, фанатство, все, что прилипло к твоему уму и от чего ты не можешь отвязаться: мода, одежда, прически; по вечерам ты где-то носишься или ведешь ночной образ жизни, — все это зависимости. Все, что одурманивает душу и наносит ей вред, что затуманивает разумную часть души, и человек четко не видит истину и Бога, — все это наркотик.

По крайней мере, люди, которые принимают наркотики, так сильно унижаются, так сильно смиряются, соглашаются, что они не на правильном пути, понимают это и вынашивают надежду на то, что, когда дойдут до дна, когда дальше уже некуда, им останется только одно — сказать: «Господи, помилуй! Я пропащий, я — отброс общества, я — непотребный. Господи, помилуй меня!» Тогда как все мы, остальные, опьяненные благопристойными наркотиками, которые не выдают окружающим нашей проблемы, однако ум наш, не знающий Христа, болеет, — тешимся мыслью, что мы очень хорошие.

Вот лицемерие нашей эпохи! Если бы мы не были такими лицемерными, может, меньше детей оказались бы

так близки к наркотикам и были бы намного ближе к тишине, теплу, объятиям Христовым, в которых ты пребываешь бдящим, имеющим ясный ум, очень деятельным и которые в то же время помогают тебе выдержать удары жизни в Его сладком упоении. Он дает это упоение Своим членам через исповедь, святое Причастие, молитву, любовь, жертву.

Брат мой, дай всем нам Бог быть опьяненными Христовой любовью, чтобы выстоять перед остальными опьянениями, которые мир предлагает нам, и так поддержать своей рукой, молитвой, слезой всех, кто мучается и страдает среди нас. Дай Бог, чтобы Господь увидел их боль, агонию, драму и привел к спасительному пристанищу. Чтобы в какой-то момент Он сделал это, хотя бы в последний час, перед тем как им уйти из сей жизни...

Перевод — Станка Косова

СЕЙЧАС ТЕБЕ ХОЧЕТСЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ?

*... Царство Небесное подобно царю,
который захотел сосчитаться с рабами своими.*

Мф. 18, 23

Уверяю вас, у всех нас есть проблемы; иногда мы ищем помощи у других, думая, что у них особых проблем нет, но у них они тоже есть. У всех есть проблемы, и это нас объединяет — эта боль, эта общая человеческая природа, это общее человеческое бессилие, эта общая потребность взыскать Божией милости и утешения друг у друга. Это прекрасно, когда один другого укрепляет, говорит доброе слово с любовью, чтобы так, потихоньку прошла эта жизнь, чтобы протекли наши дни и как-то незаметно, исподволь открылась перед нами другая реальность — небесная реальность, где нет ни болезни, ни печали, ни вздыхания.

Там ты уже не будешь вздыхать, не будешь скорбеть, там уже не будет боли, тревоги, болезни, смерти, рака, терзающего столько людей, не будет досады, страданий — всех этих неприятностей там не будет. Но тут они есть. Поэтому нам необходимо великое терпение. С терпением жди Господа, и увидишь, что в конце Он тебя не

разочарует. Христос никого не разочаровал. Даже если кто-нибудь и говорит, что разочаровался, но наступит миг, когда он поймет, что и то, что сегодня кажется ему разочарованием, им не является, потому что жизнь еще не закончилась. Лучшее еще не пришло, оно придет. Однако нужно иметь надежду, живую веру и терпение, чтобы увидеть, что будет дальше. Дар, который Бог готовит тебе, приближается, он уже на соседней улице.

Сейчас тебе больно, ты страдаешь, сейчас у тебя проблемы — но потом наступит что-то хорошее. Нужно лишь, чтобы все эти проблемы, все эти испытания, через которые мы проходим, преображали нас, преображали нашу жизнь, меняли нашу душу к лучшему, освящали нас, чтобы мы пережили сказанное в псалмах, что эта перемена — от десницы свыше, что эта перемена, это преобразование — следствие вмешательства Божией десницы: достаточно, чтобы добрая рука Божия тронула твое сердце, преобразила тебя, переменила и усовершенствовала.

Если бы мы каждый день всё больше становились христианами! Ты христианин, и я тоже, мы крещены, однако христианин ли я, Христов ли я, такой ли я человек, каким хочет видеть меня Бог? Ты знаешь, что значит «христианин»? Я еще не понял точно, что это значит. Понимаю только, что я не такой, каким должен быть.

Однажды мой приятель, семидесятилетний афонский иеромонах, у которого была детская душа, сказал мне:

— Я выезжал со Святой Горы всего ничего за свою жизнь. Я тут уже пятьдесят лет и выбирался всего несколько раз — пять или шесть, — когда был вынужден. Скажи, если по городу, в котором ты живешь, пройдет какой-нибудь инопланетянин (скажем, на другой планете есть жизнь и какой-нибудь человек прилетит на Землю), то узнает ли он вообще, поймет ли, что по этой земле, на которой ты живешь, через твой город проходил Христос? Он понял бы, что Христос родился? Глядя на людей, отличит ли он, кто из них христиане, а кто нет? Не по документам, не по тому, крещены ли они, то есть не по каким-нибудь внешним признакам, а поймет ли он, что Христос прошел здесь, по той перемене, которую увидел бы в душах людей? Отличаются ли чем-нибудь нынешние христиане? Отличаются ли они по высоте своей жизни, по тому, как они духовно возвращают свое сердце, отличаются ли они от остальных? Чтобы они не отличались себялюбием, а спасительно и человеколюбиво помогали всему человечеству, всем людям. Я не знаю. Я думаю: такие ли мы, какими Господь хочет видеть нас, и свидетельствуем ли своей жизнью о Христе? Ведь иногда люди даже не догадываются, что мы христиане.

Однако кто-нибудь скажет: «Так что же мне теперь делать? Начать кричать об этом?» Напротив, если ты станешь делать это, будет еще хуже. Вопрос не в том, чтобы ты стал кричать и заявлять об этом формально, внешне, а чтобы другой увидел тебя и понял, что в тебе есть нечто

такое, что выделяет тебя и притягивает его, что отличается от всего вокруг и очаровывает, но отличается смиренно. И тогда другой видит тебя и ощущает, что твое сердце — чувствительное сердце, смягченное сердце, не жесткое. И чтобы он понял, что ты — возрожденный человек, чувствительный, добрый, смиренный. Смиренный? Это великое дело. И чтобы ты излучал это, и чтобы это было видно, чтобы оно передавалось другим и сияло вокруг тебя.

Иногда, я не скрываю этого, иногда скорее у мирских людей, вообще не заходящих в церковь, видишь замечательные черты, которые следовало бы иметь прежде всего христианам. Но у нас, христиан, их нет, а они есть у этих людей, которые и в церковь-то особо не заходят. Они не очень церковны, не ходят на библейские уроки, не выписывают христианских журналов, но они больше нас христиане по своему поведению: честнее, искреннее, откровеннее, не лицемерят, говорят прямо, какие они есть, и показывают это. Может, они и не святые, но честно говорят, что они собой представляют, и принимают это.

Что же хочет сделать Церковь с того самого момента, когда мы рождаемся, и пока не умрем? По Божией милости — переменить нас, преобразить, смягчить наше сердце, из каменного сделать его плотным, человеческим сердцем, чувствительным сердцем, и дай Бог, чтобы когда-нибудь оно стало таким, как сердце Христа, как благоутробие Христа, как доброта Господа, чтобы ее стяжали

 Сейчас тебе хочется справедливости?

и мы. Вот это и хочет сделать Церковь: смягчить нас, освятить, преобразить, потому что годы проходят. Пока не наступил час, когда мы отойдем из жизни сей...

И вопрос заключается вот в чем: успел ли ты стать Христовым человеком, чтобы смягчилось твое сердце, успел ли перемениться, стал ли таким, каким хочет видеть тебя Бог? А чего Господь хочет больше всего? Он больше всего хочет нашего блага. Естественно, все, что Бог дарует нам, прекрасно. Бог хочет сделать нас абсолютно счастливыми, всецело блаженными, всецело прославленными, чтобы мы полностью вошли в гармонию с самими собой, с Богом, миром, небесным и земным миром. И одна из множества этих превосходных целей, которые Бог преследует для нашей пользы, — смягчить наше сердце и даровать нам это благоутробие, эту благодать, это милосердие и любовь к нашим ближним.

Чаще всего мы жестоки и мстительны, но, несмотря на это, утверждаем, что верим в Христа. Мы говорим, что мы церковные люди, и, невзирая на это, не можем с легкостью простить, не можем проявить милосердие, проявить любовь к своим братьям. Помните евангельский случай, где показано, какую боль испытывает Бог оттого, что у нас нет этой доброты? Помните тот случай, где говорится, что Царство Небесное подобно царю, который захотел посмотреть, как живут люди в его царстве, его рабы, посмотреть, что они сделали в своей жизни, чего достигли в борьбе?

... Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитаться с рабами своими (Мф. 18, 23).

— А ну-ка давайте посмотрим, давайте сочтемся! Придите, посмотрим, что вы сделали, до чего дошли в борьбе, которую вели.

И пришел один из его слуг, который был должен ему чрезвычайно большую сумму — десять тысяч талантов, астрономическую сумму для той эпохи, — и он не мог ее вернуть: ему негде было найти столько. Должен он был много, но у него этого не было, и царь, судивший его, сказал:

— Позови тогда свою жену, детей, я заберу их в рабы вместо того, что ты мне должен. Отдай мне свою семью, дом, всё...

И что же сделал этот слуга? Он пал перед ним ниц смиренный, потрясенный, он смягчился ненадолго, поклонился господину и сказал:

— Господин, очень прошу тебя: прояви терпение и великодушие, и я найду способ вернуть их тебе, только имей терпение. Не спеши судить меня, прояви терпение. Дай мне еще одну возможность.

И в притче говорится, что господин этого слуги, царь этот, сжалился: *Государь, умилился над рабом тем, отпустил его и долг простил ему* (Мф. 18, 27). И что же он ему сказал?

— Я сжалился над тобой, мое сердце тронулось от того, что ты сказал, и я не просто не хочу, чтобы ты

 Сейчас тебе хочется справедливости?

изводил себя, стараясь вернуть мне деньги сию же минуту, но и вообще прощаю тебе долг!

— Но почему же?

— Ради тебя! Потому что я люблю тебя! Я прощаю тебя просто так!

У Бога не существует «почему»: когда Бог любит тебя, когда Бог прощает, когда Бог милует, тогда не существует логических объяснений. Мы не делаем Ему какого-либо подношения, чтобы Он нас простил, — Бог прощает нас без всяких предварительных условий. Он прощает нас, потому что Он — Любовь, Бог есть Любовь. Мы даем, чтобы нам давали, делаем добро, когда нам делают добро, — это закон природы, это природное свойство человека: ты даешь мне — тебе дают. А Бог говорит:

— Нет! Я распинаюсь за вас еще до того, как вы Меня возлюбите, до того, как упадете на колени и скажете: «Я согрешил!», до того, как заплачете, до того, как покаетесь, до того, как попоститесь, совершите бдения, предпримете духовную борьбу, — до всего этого Я вас прощаю. Я люблю вас, распинаюсь за вас, проливаю Свою драгоценную Кровь за все человечество, за все согрешения еще до того, как вы их совершите, какими бы они ни были!

Первый шаг делает Он: первым возлюбил Он — хотя мы были грешны, Христос умер за нас, хотя мы были и продолжаем быть грешными, Господь совершает первый благородный шаг любви, первую атаку этой любви

и «прижимает нас к стенке» в Своей милости. Он осаждает нас Своей милостью и говорит:

— Я делаю этот шаг, прощаю тебя!

Это ощущаем мы, христиане, значит, ощущаешь это и ты, не правда ли? Ты ощущаешь это в таинствах Церкви, когда идешь и причащаешься, и священник многократно повторяет эти слова. (Мы, духовники, много раз повторяем: «Тело и Кровь Христовы», — говорим это постоянно, каждому верующему. Иногда произносим и все выражение: «Тело и Кровь Христовы во оставление грехов и в жизнь вечную»^{*}.) Ты причащаешься Тела и Крови Христовых во оставление грехов, и грехи, которые ты совершил, прощаются тебе. Ты причащаешься, и ты уже прощен, в тебя входит жизнь вечная. И ты говоришь:

— Что я такого сделал, Господи, что Ты меня прощаешь? Неужели за этот пост, который я держал пару дней накануне, или за краткую борьбу, которую вел?

Нет, возлюбленный мой. Первое святое Причастие и первая жертва были совершены не после постов и дел с нашей стороны, а по Христовой любви, на Голгофе. И после этого из благодарности, из боголюбия, из любви нам захотелось сделать что-нибудь для Бога, и мы постимся,

^{*} В Православной Церкви принято произносить эти слова: «Причащается раб Божий (раба Божия, имя) Честного и Святого Тела и Крове Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, во оставление грехов и в жизнь вечную».

 Сейчас тебе хочется справедливости?

подвигаемся, молимся, воздерживаемся. Первым, однако, Христос нас возлюбил, а мы из благодарности тоже делаем что-то, и Христос говорит:

— Я дарую тебе прощение грехов — ты причащаешься, и Я тебе прощаю грехи! Воровал ли ты? Я прощаю тебя! Убивал? Ты покался, исповедался? Смирил себя? Я тебя прощаю. Я на Голгофе уже простил тебя еще до того, как ты сделаешь что-нибудь из всего этого. Я простил тебя, но сейчас ты из благодарности приходишь и говоришь Мне: «Господи, благодарю Тебя за эту милость, которую Ты явил мне, и хочу открыть Тебе свои грехи!»

Не то чтобы Он меня не простил — Он простил меня. Прощение дано было на Голгофе, дано, но сейчас я прихожу с простертыми руками, прося Его милости и за то, что я сделал, зная: Господь уже возлюбил, простил меня.

Что естественно сделать, возлюбленный, когда ты получишь это огромное прощение, когда тебя зальет эта великая милость, это великое Божие милосердие, что должно быть самым естественным движением, следующим шагом твоей души? Что будет самым естественным? Чтобы ты растаял, чтобы сокрушился, чтобы почувствовал, как твои кости становятся мягкими, как воск, и сказал:

— Господи, какова же эта доброта, которую Ты являешь мне! Господи, какова эта любовь, которую Ты оказываешь мне! Господи, я ведь ничего не сделал! А Ты мне

говоришь: «Во оставление грехов и в жизнь вечную», — мне, персти, глине. Ты даруешь мне целое небо, мне, преступнику, заключенному в тюрьму собственных страстей, и выводишь меня на место свободы. Мне, страстному, даруешь Свое бесстрастие, любовь, славу. Господи, что же мне делать, что мне сделать, чтобы сказать Тебе: «благодарю»?

И Господь говорит:

— Чтобы ты... Да ничего не делай, просто оставь свою душу, чтобы она напоилась от этой милости, и когда она напоится, она сама по себе смягчится.

Когда ты почувствуешь, что тебя заливают Божия благодать, когда пойдешь исповедуешься, примешь участие в таинстве святого Причастия и почувствуешь, что Господь тебя любит и прощает, что Церковь снова принимает тебя в свои объятия и Христос наполняет тебя Своей любовью, снимает твою скверную ризу и дарит тебе новую одежду, надевает тебе на руку царский перстень, дает новую обувь, чтобы ты ходил по пути Его любви и мира, и делает тебя новым человеком, — когда ты почувствуешь все это, тогда уже не нужны проповеди. Душа твоя трогается, потрясается, она становится чувствительной, становится смиренной и говорит:

— Христе мой, Христе мой, благодарю Тебя! Благодарю Тебя, благодарю Тебя!

И ты непрестанно молишься по четкам, говоря: «Благодарю Тебя!» Ничего больше. На каждый узелок

говоришь: «Христе мой, благодарю Тебя!» И из глаз твоих льются слезы любви и благодарности, и ты постоянно говоришь: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе! Слава Богу!» И не можешь насытиться, говоря:

— Господи, я не хочу ничего просить, я не хочу больше ничего в жизни! Я чувствую себя таким полным, таким счастливым, таким насыщенным!

— Почему?

— Потому что получил Твою милость, принял Твою милость.

«Но это же теоретические вещи!» — скажет кто-то.

Что? То, что ты получил Божию милость? Это не теоретическое, а онтологическое состояние, это экзистенциальное, реальное переживание. Божия милость заливает тебя, и это не твоя фантазия или впечатление, а движение Бога к тебе. Христос входит в твое сердце, прощает тебя, обнимает, милует, просветляет, дарует тебе все хорошее, и ты уже говоришь:

— Как хорошо, и я ощутил Христово прикосновение!

После этого, возлюбленный мой, появится повод показать, смягчила ли тебя Божия милость, которую ты ощутил, сделала ли тебя из бесчувственного чувствительным, из жестокого, каким ты был раньше, добрым человеком. В твоей жизни появятся поводы показать, усвоил ли ты благодать, которую получил. Сделал ли благодать, которую получил от Бога, своей и не дал ли ей скатиться (как

 Сейчас тебе хочется справедливости?

это бывает с зонтом, под которым дети ходят, когда дождь льется на них: капли скатываются по зонту и не впитываются в одежду детей, не касаются их).

Так мы поступаем и с Божией милостью, потому что часто, когда она изливается на нас, когда она хочет войти в наше сердце, чтобы Бог мог просветить нас, мы делаем так, что, к сожалению, эта милость отступает, и, выходит, мы зря принимаем Божию благодать. И апостол просит нас и говорит: «Не принимайте напрасно благодать Божию (см. 2 Кор. 6, 1), не принимайте ее бесцельно, чтобы не осталась тщетной эта благодать Божия и милость». Того, что Бог даром дает тебе, не теряй, Его доброта и любовь пусть изменяют и трогают тебя.

«Да, это тронуло меня. Я ходил на службу, и как хорошо я себя там чувствовал! Смотрел на иконы, ладан благоухал, такое умиление, так хорошо было все!» Да, все это хорошо, теоретически, все кажется хорошим сначала, но на деле видно будет, переменяло ли это тебя реально. Когда? Немного погодя. Когда ты выйдешь из храма, сразу, как только прервешь молитву и шагнешь в повседневную жизнь. Когда придет твой коллега, твой брат, который немного должен тебе, как и ты много должен Богу (другие люди — тоже должники перед нами, и они должны нам что-то, то есть плохо поступили с нами, должны нам денег, не воздали нам хорошим поведением, хорошим словом, добрым взглядом), да, и тогда Бог захочет узнать:

— А эта милость, которую Я дал тебе, она коснулась тебя? Ты отнесешься сейчас к другим, как Я благостно отнесся к тебе? Я поступил благородно с тобой, и, выходя, ты сказал, что был тронут. Но вопреки этому Я видел, что немного спустя пришел некто и обратился к тебе, а ты ответил ему очень сурово, очень язвительно, обидел его жестоко, хотел отомстить ему. Вижу, ты таскаешь по судам свою жену, ты, сказавший, что исповедь, которую принес, тронула тебя, и Я простил тебе все. А ты после этого идешь и ищешь справедливости в суде, ведешь брата своего в суд и говоришь: «Пусть он заплатит, пусть будет наказан! Есть еще справедливость на этом свете!»

И Бог наш говорит:

— А ну-ка постой, сейчас тебе хочется справедливости. А когда Я тебя судил, почему ты тогда не хотел справедливости и говорил: «Господи, если станешь замечать беззакония, кто устоит?» Господи, постой же теперь и не смотри на все по справедливости! Прости меня, прости меня!»

И Он говорит:

— Я простил тебе все долги, всё, что ты был должен Мне, Я не поступил с тобой справедливо.

Да, Бог несправедлив, Бог человеколюбиво несправедлив, для Бога один плюс один не два, для Бога один плюс один столько, сколько захочет Он, лишь бы спасти

* *Аще беззакония назириши, Господи, кто постойт?* (Пс. 129, 3).

 Сейчас тебе хочется справедливости?

Свое создание. Бог спасает нас не по Своей справедливости, а по Своему человеколюбию и любви. Он подает нам пример этоса*, пример духа, пример сердца. И говорит:

— Я так сильно люблю тебя, Я так много тебе прощаю, почему же вы не делаете того же?

И ты говоришь:

— Откуда Ты знаешь, что мы не делаем того же?

И Он говорит далее в этой притче о слуге, которую я тебе рассказывал: этот слуга, которому царь простил все, пошел и разыскал своего приятеля, то есть ближнего, находившегося в той же категории, что и он. Тот должен был ему сто динариев. Первый был должен десять тысяч талантов, а второй сто динариев — гораздо меньше, совсем малую сумму. И несмотря на это, несмотря на то, что он только что получил прощение, получил благодать Великого Царя, Бога, только что получил благодать Божию, что он сделал в следующий момент? Схватив его, душил и говорил:

— *Отдай мне, что́ должен!* (Мф. 18, 28). Верни мне долг.

Что же он тебе должен? Прах должен праху? Прах и ты, человеке мой, с которым плохо поступили, прах и другой, и оба вы когда-нибудь умрете. Оба вы — немощные создания Божии; разве и ты, и он не грешны? Что же ты недоумеваешь теперь? Произошло недоразумение

* *Этос* (греч.) — обычай, нрав, характер.

между грешниками, между преступниками, ссора между заключенными — ведь все мы преступники и заключенные пред Богом! Не следовало ли этой греховности, этой нашей общей греховности объединить нас, сделать более дружелюбными и чтобы мы говорили:

— Ну что тебе сказать, брат? Сегодня ты со мной говорил резко, вчера я с тобой говорил резко, разве ты не помнишь? Я понимаю тебя, прощаю тебя. Приди, чтобы нам вместе подвизаться и обоим бороться, становиться такими, какими Бог хочет видеть нас! Дай мне руку, чтобы мне поцеловать тебя, чтобы ты меня простил и я тебя простил и чтобы мы снова стали подвизаться.

Не так ли? Разве все мы не одинаковые? Мы люди. Все мы виноваты пред Богом. Но, несмотря на это: «Нет!» — отвечает он. А только что получил прощение! Видишь, его ничто не коснулось, и он говорит своему ближнему:

— Хочу, чтобы ты отдал мне все сейчас же!

И пал, говорится, друг в ноги ему, и умолял его горячо, и говорил:

— Прошу тебя!

И говорил ему те же самые слова, которые только что говорил Царю: «Потерпи на мне, умоляю тебя, и все отдам тебе». Те же самые слова, вспомни и растрогайся. Не говорил ли ты только что своему Господину: «Смилуйся надо мной»? И Он тебя пожалел. Хорошо, а теперь другой говорит тебе: «Смилуйся надо мной, пожалей меня, и я сделаю что могу, чтобы вернуть тебе деньги».

 Сейчас тебе хочется справедливости?

Однако он не захотел! Он не захотел, и пошел, и посадил его в тюрьму, пока тот не найдет, как вернуть долг. Другие, однако, увидели этот его жестокосердый поступок — нет ничего хуже жестокосердия, христианского жестокосердия, немилосердия, жестокости христиан, церковных людей, которая часто вынуждает мирских людей показывать на нас пальцем, а спустя немного времени и совсем перестать обращать на нас внимание и говорить:

— Да знаю я их. Видал я их. Не ходи, не связывайся с этими христианами. Они заняты одними судами, они хуже мирских людей, они жестокие, будут требовать справедливости до последнего. У них только и хотят, чтобы ты им заплатил, хотят тебя унижить, уничтожить, увидеть, как ты падаешь им в ноги.

Ну разве это Христов этос? Возможно ли, чтобы такое делал человек, который регулярно исповедуется? Человек, который причащается?!

Сколько раз ты причащался в своей жизни? Много. Не спрашиваю уже о том, сколько раз мы, клирики, причащались и сколько святых потиров потребили. И сколько раз в нас — и в тебя, и в меня — вошел этот океан прощения от Бога, Его Пресвятое Тело и Кровь, Его благодать и милость.

Да, ты говоришь, что иногда бываешь тронут. А не разговариваешь с братом своим, держишься высокомерно и корчишь рожи своему ребенку или матери, приятелю своему, соседу. Ты жесток и с женой, и с ребенком,

а в венах твоих течет Христова Кровь? Как же может эта Кровь двигаться в тебе — эта Кровь, которая истекла на Голгофе? И эта Кровь взывает к прощению, к милости, к милосердию. Как можешь ты носить эту Кровь в себе, чтобы она заквашивалась с тобой и с твоим сердцем и чтобы, несмотря на это заквашивание, твоя душа вообще не могла закваситься, чтобы не могла тронуть тебя и изменить?

Но почему? Как это получается? Что же это за колоссальная злобная сила, которую я ношу в себе, так что даже Сам Бог не может преобразить меня и изменить? Как я приступаю к таинствам Церкви, но не принимаю в себя преобразующую благодать этих таинств и силу, которую они таят? Не трагично ли все это?

Я видел мирских людей, как они прощают из человеческого великодушия, как они говорят:

— Я хорошо воспитан, я великодушен. Я прощаю тебя, не хочу копаться в мелочах, я прощаю тебя!

И чтобы при этом мы, христиане, не прощали, помнили зло, которое нам кто-нибудь причинил? И чтобы не просто не прощали, но и проклинали и божились?! *Любите врагов ваших, — говорит Господь, — благославляйте проклиняющих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас* (Мф. 5, 44). Чтобы ты молился о них с любовью. О чем — об их зле? Нет, об их благе.

Другой вопрос, что тогда Бог оправдывает тебя больше, и кто вредит тебе, тот будет смирен Богом. Существует

 Сейчас тебе хочется справедливости?

Божественная справедливость: эта рука постоянно бьет тебя и мучает; если ты ей не отомстишь, то Бог придет, ударит по ней и поставит ее на место — но только Бог, а не ты. Ты не должен изрыгать из себя мстительности, неприятности, злобы, проклятия.

Можно ли проклинать — и считать, что ты христианин, и осмеливаться приступать ко святому Причастию? Изрыгая из ума и сердца, да и из уст тоже, проклятия: проклинать своего ребенка, говорить своему чаду тяжкие слова — о его будущем, о его детях:

— Да чтоб тебе век радости не видеть! Чтоб тебе сладкого хлеба не есть никогда в жизни!

Ну разве это слова? Ты дерзаешь говорить так, изрыгаешь такую злобу, а носишь имя христианина, и другие думают, что ты христианин. *Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв*, душа твоя умерла — так написано в Откровении (Откр. 3, 1). И горе нам, братья, если мы такие, горе нам!

Святой апостол Павел говорит: если вы участвуете в таинствах Церкви и прежде всего — в святом Причащении, но остаетесь такими неисправимыми и неблагодарными Божией милости, остерегайтесь, ибо это обернется вам ко злу (см. 1 Кор. 11, 27–32). Это и значат слова «не в суд или осуждение» — это осуждение наступит.

А что значит осуждение? Разве осуждение — это что-то неопределенное? Нет, наступит и осуждение в твоей жизни — в тебя входит Тело и Кровь Господа, в тебя

входит прощение, которое ты получаешь на исповеди, и ты после этого остаешься неисправимым и даже становишься еще хуже, вместо того, чтобы прощать и любить, мстишь и наказываешь?

* * *

Слуги пришли к Господину и сказали:

— Господин, Ты простил ему, а он потом обошелся очень жестоко с другим человеком.

Тот опять его позвал:

— Рабе лукавый! Да ты, Я смотрю, лукав! Ты только что плакал, ползал передо Мной на коленях и говорил: «Прости мне!» — и Я тебе простил. Тогда Я не назвал тебя лукавым, Я всегда оставляю вам возможность. Но всему есть конец, безапелляционный приговор будет оглашен в какой-то момент, и тогда все встанет на свои места. Я все простил тебе, потому что ты Меня упросил, а тебе самому не надо было простить?

* * *

Бог взял его и сказал: «А тебе не надо было?...» — но это не как долг или обязанность. Он произносит «надо» не в смысле хорошего поведения, а в смысле любочестия. Он словно говорит ему:

— Дитя мое, нет ли в тебе хоть чуточки любочестия? Хотя бы немного? Я такую доброту явил тебе! Не надо ли было и тебе чуточку проявить милость? Ну, в конце

 Сейчас тебе хочется справедливости?

концов, кого бы ты помиловал? Меня, Бога? Нет. Твоего друга — прах. Ты прах, и он прах, и он человек, как и ты, он тоже человек. Почему же ты был так жесток к ближнему своему? Как Я помиловал тебя, явил милость тебе — а ты явил ли такую же милость?

И наконец, говорятся, господин тот разгневался и предал его мучителям, пока не вернет всех долгов, которые сделал, — то есть человек этот уже никогда не выпутается из долгов и всегда будет мучиться, вот что это значит.

И Господь заканчивает притчу. Вы помните, как я начинал эту притчу? Господь говорит: «Царство Небесное будет подобно...» — то есть Он хочет дать нам представление о рае, о том, что значит рай. Рай будет означать милосердие, Царство Божие будет означать доброту, будет означать любовь, теплое сердце — вот что будет означать рай. Рай не означает справедливости, того, что говорят многие: «Да он хоть в рай попади, я не хочу быть вместе с ним!»

В раю могут оказаться и некоторые из тех, кого ты не переносишь, с кем не хочешь быть вместе. Зачастую это говорит о нашем неблагоразумном сердце и нашем невежестве: мы не знаем, что такое рай, нас не тронула эта реальность, и мы не хотим платить цену, чтобы войти в него. Нам нравятся вершины, однако мы хотим оказаться на них, не взбираясь, не истоптав обуви, не натерев мозолей на ногах, а так не бывает.

Поэтому Христос завершает эту притчу и говорит: *Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его* (Мф. 18, 35).

Внимайте сказанному Господом. От сердца, от души научитесь прощать чужие прегрешения.

* * *

Как трудно и как просто пойти в рай — делай только это, только доброту в сердце имей, только душевную сладость имей, как сказал мне один святогорский монах из монастыря Дионисиат. Очень старый, никогда не слышавший радио, он сказал мне:

— Когда ты Божий человек, ты весь сладкий.

Как же у нас появится этот сладкий вкус? Ведь очень горький вкус ощущают другие, когда обращаются к нам. Где же эта сладость, которую другой ощутит в душе, когда приблизится к тебе и узнает тебя? Где эта доброта?

Как же наша жизнь стала таким адом? И ты спрашиваешь, куда мы отправимся там? Да где ты находишься сейчас, туда отправишься и потом. Если ты уже сейчас переживаешь ад немилосердия, если уже сейчас живешь адом злобы, ненависти, мстительности, жестокосердия, как же ты отправишься в рай? Ты не сможешь отправиться в рай, ты не захочешь отправиться в рай, потому что привык к другому.

Перевод — Станка Косова

У ДЕТЕЙ ЕСТЬ ПРИЧИНЫ БЫТЬ ПЛОХИМИ

1

Я хочу тебе сообщить несколько хороших новостей.
Но сначала позволь спросить:
— Есть ли у тебя дети? Сколько? Много?
— Трое!

Трое детей считается много. Конечно, в то время, когда у других людей нет ни одного ребенка. Кто-то создает семью, и ты спрашиваешь у него:

- Сколько у тебя детей?
- А у нас еще нет детей, — отвечает он тебе.
- А когда вы хотите их завести?
- Мы это решим позже, — он говорит.
- А сейчас что делаете?

— Ну, хорошо проводим время. Ходим на прогулки, берем отпуска, ездим на курорты, не имеем обязанностей.

Затем, когда приходит время завести ребенка, когда мужчина или женщина решают, что наступило подходящее время, уже не могут это сделать. Тогда они приходят снова и снова и говорят:

— Помолитесь, чтобы у нас родился ребенок!

Я не понял. Как думаешь, кем является Бог? Кто есть Бог? Твоим служащим? Твоим рабом? Хорошо проводишь время и Бога не включаешь в это приятное времяпрепровождение, и когда немножко испортится твое настроение, ты говоришь: «Боже, а ну-ка подними чуть-чуть мое настроение! Угоди нам в этом немножко, а затем вернись на Свое место!»

Этот человек мог иметь детей, но не родил их, потому что хотел жить без проблем, «хорошо проводил время», а затем, когда решил завести ребенка, уже не мог этого сделать. Эти слова относятся не к одной или двум парам, таких пар много. Нас наказывают наши дела, наш эгоизм.

* * *

Итак, есть у тебя ребенок? Или не имеешь ребенка? Если нет у тебя ребенка и если это не твоя вина, ты мученик (мученица); если в этом ты не виноват (виновата), то ты святой человек, потому что принимаешь Божий Промысл со смирением, а это трудно, очень трудно сделать. Я это понимаю. Существует и мнение народа: как другие люди смотрят на меня и как мы от этого себя чувствуем. Кто-то говорит: «Мне все равно, что скажут люди! Я хочу ребенка, но столько лет у нас нет детей!»

Бог знает, что ты помолишься, успокоишься, и ты и твоя супруга будете любить друг друга, не распределяя обязанностей, не думая о том, кто виноват; если один

из вас виноват, не ищите виновного. Кроме того, хорошо, если можно вылечить медицинскими препаратами и любить друг друга, не думать и не волноваться. Потому что, когда человек беспокоится о какой-то своей проблеме, что не может легко ее решить, он должен уповать на Бога. Бог, Всесильный, Премудрый и Преподобный, допустил, чтобы ты заключил этот брак с конкретной личностью. Бог в Своем мудром плане знает, что у тебя трудности три, четыре, пять, десять, пятнадцать лет.

Мне известен такой случай. У человека после двадцати лет брака родился ребенок. После двадцати лет муж и жена смирились, что у них не будет детей. Один любил другого, ничего не требуя от него, не говорил ему: «Я хотел бы иметь от тебя ребенка, но если ты не можешь мне его родить, моя любовь к тебе охладает!» Нет! Он говорил: «Я тебя люблю еще бескорыстнее, я тебя люблю такой, какая ты есть. Так попустил Бог — Бог, Который меня любит и об этом знает; если Он хотел чего-то другого, не изменил ли бы Он события? Не допустил ли бы Он, чтобы я женился на другой девушке? Если я живу с тобой, и Бог это допустил, и мы поженились через таинство Брака, и Бог запечатал эти отношения — это означает, что это хорошо». Не так ли? Целью брака являются дети, рожденные не насильно, а когда их Бог даст. Когда Бог не дает их по какой-то причине (по какой — Он знает в Своем мудром Промысле), то любовь не теряется, единство не теряется, полнота души не теряется, святость не

теряется. Просто нет ребенка — естественно, ты смиряешься. Остаются боль и грусть, потому что ты — человек.

Мы сказали, что не можем быть бесстрастными, не может кто-то сказать: «Это меня не волнует, это меня вообще не беспокоит!» Но когда у тебя много детей, видишь, сколько трудностей возникает. Можно услышать такие слова от людей: «Счастливы те, у кого нет детей». Так говорю и я иногда, когда вижу трудности женатых людей; говорю: «Пресвятая Богородица, от чего я избавился!» А в иные моменты, естественно, говорю: «Посмотрите, как хорошо они живут!» В другой раз говоришь: «Хорошо, что я не как эти люди, что это за сумасшедший дом, как они выдерживают, как справляются с семейными делами, как справятся с экономическими проблемами!» Посмотри, все распределено Богом. Бог знает, сколько допустить каждому, сколько выдержишь, сколько сможешь, и делаешь свой выбор, ведь все в жизни имеет свою цену. Что выберешь, через то и пройдешь. Будешь иметь и радости, будешь иметь и скорби, будешь иметь и счастье, будешь иметь и страдания, и болезни, и одиночество.

Все как-то уравновешено. Существует и пустота во многих вещах, то есть в большинстве случаев, чтобы показать нам Бог то, о чем говорит старец Паисий: «Бог тебе дает какую-то конфету, чтобы понять: кондитерская находится в раю, то есть мы здесь не имеем полноты счастья и, естественно, полноты несчастья. Жизнь тебе дает

немного ада, чтобы ты понял, что в конечном счете настоящий ад гораздо хуже. Также тебе дадут и сладкое вкушение рая, частицу рая, чтобы ты увидел, что существует что-то гораздо большее в другой жизни. Но здесь не все совершенно. Не существует абсолютно совершенного пути».

Посмотри, сейчас у тебя есть ребенок, и у тебя много проблем. «Мой ребенок, — сказала мне какая-то женщина, — не такой как все. Я не могу его терпеть. С моим терпением я бы вошла в Книгу рекордов Гиннесса». И отец говорит: «Мой ребенок неправильно растет. Он очень непослушный. У меня очень плохой ребенок!» Итак, у тебя плохой ребенок. Что ты имеешь в виду, говоря: «плохой ребенок»? Может быть, он не слушается: не ест, не учит уроки, кричит, ругается, нервничает, хлопает дверьми, не подчиняется, ревнует, ворует чужие вещи, не сидит на одном месте, все разбрасывает, проверяет, что есть в гардеробе? Это твой ребенок? «Да, это мой ребенок. Откуда ты его знаешь? Ты, батюшка, — говорят они, — сейчас описал моего ребенка». Почему ты говоришь, что у тебя очень плохой ребенок? Итак, я должен тебе сообщить хорошие новости. Позже этот плохой ребенок станет хорошим. «Исключено!» — скажешь ты. Ты не знаешь. Во-первых, этот плохой ребенок — твой ребенок. Ты должен задуматься о том, как он стал плохим, если у него такой хороший отец и такая хорошая мать. Во-вторых, не называй ребенка плохим. Не говори, что он

плохой. Ты это говоришь потому, что он балуется. «Балуется, имеет буйный характер, непослушный, несосредоточенный, не слушается. Ой, батюшка, я умру, я не могу! И не только один, у меня есть и другие дети. Но этот один или эти двое из пяти детей, которые есть у меня, словно заболели! Чужие дети — ангелы!» Иногда те, о ком думаешь, что они ангелы, вовсе не растут как ангелы, и те, о ком изначально говоришь, что они буйные и непослушные, становятся добрее. Хочу сказать еще кое-что приятное. Когда был маленьким святой Силуан Афонский, он был очень буйным, очень непослушным ребенком, проказничал и грешил. Совершал грехи, и не шуточные, а тяжкие грехи. Тяжкие грехи в юности, буйные шалости, вел бунтарскую и греховную жизнь, все то, из-за чего не стал священником и иеромонахом. Но этому юноше, этому буйному и непослушному ребенку, сегодня говорим: «Преподобный отче, моли Бога о нас!» А некоторые носят его имя. Я знаком с несколькими детьми, которых зовут Силуан. Однажды я поехал в какой-то православный лагерь и спросил у ребенка:

— Как тебя зовут?

— Силуан.

— Ты крещен в честь святого Силуана Афонского со Святой Горы.

Откуда этот ребенок может знать, что история его имени началась от одного святого, который в юности был плохим и непослушным ребенком? И если бы кто-то

его видел, то сказал бы: «Ой, что это за ребенок? Представь себе, какой грешник из него вырастет!» Теперь он святой! В райской славе. Святой Иоанн Кронштадтский тоже был грешным и непослушным в детстве. Он проказничал, дед ругал его за то, что он не учил уроки, был буйным, непослушным. Этот шаловливый ребенок стал святым. И теперь Церковь чествует его, мы читаем его житие, ставим в пример.

Так что успокойся, не спеши судить, не спеши делать выводы о своем ребенке. У тебя плохой ребенок, и ты сразу же кричишь и отчаиваешься, теряешь надежду, публично называешь ребенка хулиганом. Слова благодаря уплотнениям в окнах соседи не услышат. Итак, нельзя говорить ни ребенку, ни другим людям, ни самому себе, что у вас плохой ребенок. Ваш плохой ребенок станет самым хорошим и очень хорошим. Каждая неприятность, которую ты называешь несчастьем, — это доброта, показанная и проявленная по-другому. То, что скрывает ребенок, это что-то очень хорошее, но он его по-другому проявляет. В своем завещании старец Порфирий говорит: «Когда я был маленьким, я очень много шалил...» И это не просто образ. Святые — не безгрешные, и то, что они стали святыми, не означает, что они были безупречными в своей жизни и не баловались, не совершали плохих поступков.

Давайте спустимся на землю. Когда пишется житие какого-то святого, который покинул этот мир и жил

преподобной, чистой и святой жизнью, житиеписец не станет писать о его недостатках, которые, несомненно, были ему присущи, но представит его в качестве образца. Чтобы был эталоном. Сейчас не скажешь, что этот святой, например, иногда съедал по пять тарелок пищи. Это не описывается в его житии. Да, он ел, но не всегда об этом говорится. В некоторых житиях, естественно, это написано. Как, например, в житии святого Афанасия Афонского сказано, что он слишком много ел, но все же это для него было большим воздержанием, потому что он после этого хотел еще больше есть. Во многих житиях святых наблюдается тенденция не просто приукрашивать, но брать все лучшее, как пчела, которая собирает самое хорошее из жизни. И никто не знает, что сделал святой в своей личной жизни, когда он был маленьким, в детстве, в школе. Есть святые, которые были очень озорными в детстве. Просто мы иногда читаем фильтрованные, приукрашенные, переработанные жития и говорим: «Почему мой ребенок такой или стал таким?»

Ваш ребенок, который шалит, ругается и не сидит на одном месте, — нормальный ребенок. Ты говоришь: «Идем в церковь», — а он поднимает шум. Ну он не может же стоять неподвижно; просто необходимо следить, чтобы он не отвлекал других прихожан и чтобы не мешал им молиться, для этого нужно на некоторое время выходить из храма. Если ребенок не может несколько часов сидеть спокойно, скрестив руки, — это нормально. Также естественно, что

он не может сидеть в классе все время молча, не сделав ни одного движения, не разговаривать. Иногда мы перебарщиваем со своими требованиями из-за взрослого мышления. Человеку, которому двадцать пять, тридцать или пятьдесят лет, трудно правильно судить о своем ребенке, которому, скажем, пять, десять, пятнадцать лет. У тебя зрелый ум, и ты судишь ребенка, который развивается, вступает на свой жизненный путь. Жизнь твоего ребенка только началась, постепенно он станет хорошим.

В некоторых житиях говорится о недостатках святых, это мне нравится, потому что я утешаюсь, зная свои недостатки. Видя Божественно-человеческую сторону Церкви, я понимаю, что Церковь — не пространство лицемерия, где мы корчим из себя святых, а пространство святости и подлинности. Аутентичность содержит в себе искренность, порядочное отношение и говорит тебе: я знаю, что у тебя есть грехи, ты шалишь, но у тебя есть и стремление стать святым. Я вижу и то и другое. Священное Писание говорит обо всем: о непослушных детях и о беспокойных учениках Христа. Неужели святой апостол Петр не был буйным? Неужели он не имел бунтарского духа? Неужели он не был полон энергии? Неужели он не был воодушевленным? Иногда и легкомысленным, прежде чем Господь его изменил. Он спешил, отрезал ухо слуге Малху, что это было? Неужели это не было проказой? Иуда не был ли плохим? Но Бог дает Иуде, Своему непослушному ученику и ребенку, сундучок с деньгами.

Представь себе! Дает ему возможность нашкодничать! Сам Бог, Сам Христос дает ему свободу, находясь рядом с Ним, и в этом заключается тайна. Бог как бы говорит: «Я безгрешный Бог, не существует лучшего учения для тебя. Я буду рядом с тобой, ты будешь смотреть на Меня. Ты такой, какой есть. Поскольку Я Бог, не хочу оказывать давление на тебя и заставлять тебя быть добрым. Я не хочу тебя заставлять стать Моим хорошим ребенком и учеником. Я тебя хочу вдохновить, заставить возлюбить святость. Но также даю тебе свободу действий».

Посмотрите, как Бог поступает с непослушными учениками — Он держит их возле Себя, давая им свободу, чтобы человек рядом мог дышать. Если ты отец или мать, дай своему ребенку дышать, чтобы он не чувствовал, что задыхается, что ущемляется его свобода. Если заставляешь насильно своего ребенка быть хорошим, оказываешь на него давление, то это ад. Один ребенок мне рассказывал: «Утром меня волокли по полу, когда я был маленьким и не хотел идти в церковь. Силой снимали с меня пижаму и, хотя я снимал одежду, снова одевали меня, чтобы я шел». И как же этот ребенок полюбит храм, если идти в храм для него было мучением?

Такой подход к тому, чтобы сделать детей хорошими, неудачен. Дети могут быть плохими, но и такой подход неправилен. Христос показал нам другой пример — смирение, любовь, надежду, свободу. Какой хороший отец у блудного сына! Я не верю, что есть лучше отец, чем он,

если его Отцом является Сам Бог, а у него плохой ребенок. Не всегда виноват отец, что у него плохой ребенок, ребенок имеет право на свободу. И его отец дает ему свободу. В каждом возрасте существует свобода, в любом возрасте есть граница, но после определенного момента ты уже не можешь постоянно давить на своего ребенка. Сам Бог дает ребенку право уйти из дома. Блудный сын попросил отца разделить имущество, взял все, что отец дал ему, и уехал в далекую страну. Отец говорит: «Ты свободен, но я тебя люблю!» Дать свободу не то же самое, что сказать: «Оставь нас в покое! Делай что хочешь! Убирайся отсюда! Твоя жизнь нас не интересует!» Нужно сказать: «Мне больно, что ты согрешаешь, не хочу, чтобы ты уходил. Я хочу, чтобы ты был рядом со мной, но я также хочу, чтобы мы жили в любви, в единстве!»

Если бы ваш ребенок чувствовал себя хорошо, то не захотел бы делать то, что он делает, его не тянуло бы выходить на прогулки и находиться в разных компаниях, а тянуло бы домой. Но дома ему ничего не нравится. И вместо того чтобы выяснить, что ему не нравится, ты делаешь его еще более подавленным и раздражительным. Об этом тебе говорю: «Читай Евангелие, чтобы увидеть, как в притче отец относится к плохим детям, то есть ко всем нам, с какой свободой, с каким уважением, но не без контроля. Он следует за нами, наблюдает, вмешивается, когда это необходимо, но никогда не отменяет свободу наших действий».

Смотри, у тебя есть пятилетний ребенок. Дать ему свободу не означает позволить делать все, что он захочет, или со второго, с третьего класса разрешить ему шалиться где захочет и не знать, где он находится. Давайте называть вещи своими именами. Нужно иметь проницательность и рассудительность. Мы всегда склонны находить недостатки у других, а не у самих себя. Ты считаешь, что твой ребенок плохой, в то время как ты очень хорошая мать или очень хороший отец. Если ты прав и ты действительно хороший родитель, то должен быть спокойным. Но ты не спокоен, тебе постоянно что-то мешает. Постоянно ищешь что-то в ребенке, чтобы его покритиковать, постоянно готов сделать ему замечание. Ежедневно многие родители негодуют, критикуют, ругают своих детей. Это неправильно. Если ты такой хороший родитель, почему не успокоишься? Уважай других, утихни, занимайся больше собой, чем своим ребенком. Говоря, занимайся собой. (Имею в виду обработку души, а не то, что говорят иные родители: «Оставляю детей, хожу и смотрю на витрины магазинов. Пусть они делают что хотят. Меня это не интересует, я буду заниматься своей жизнью!»)

Быть спокойным, чтобы твой ребенок видел: в доме есть мать и отец, и они являются самыми спокойными людьми — тихими, счастливыми, молящимися, смиренными. Заниматься собой не эгоистически, а духовно. Знаешь ли ты, какую большую помощь оказываешь своему ребенку, когда он видит тебя спокойным? Знаешь ли ты, какой

огромной помощью является смирение? Когда отец блудного сына раздал имущество своим детям, знаешь ли ты, какая тишина и смирение были на его лице, сколько боли, как наполнились слезами глаза этого человека, но и какое уважение, доброта, любовь? Когда пришло время, его любовь приняла ребенка. Сын прошел по своему пути, пережил свой опыт, совершил грехи и вернулся. Лучше всего было бы, чтобы он не уходил и не грешил, а всегда оставался дома. Но если он поступил так ради своей свободы? Тогда отец сказал ему: «Дитя мое, я даю тебе то, о чем ты попросил сейчас, когда ты уходишь. Я хочу быть с тобой! Но я не приду к тебе с ропотом, не буду тебе звонить по мобильному телефону, чтобы тебя раздражать, спрашивая: где ты? что делаешь? с кем ты? что ты сейчас говоришь? почему ты только что мне не позвонил? когда ты вернешься? Нет. Я поставлю печать в твоём сердце, и куда бы ты ни пошел, буду рядом с тобой. Я даю тебе мою любовь, тепло, наполненный болью взгляд, молитву, поцелуй и нежность, и, дитя мое, если это не может удержать тебя рядом со мной, то я не могу тебе дать ничего другого или сделать, чтобы тебя удержать. Я не могу тебя удержать силой. Делай что хочешь. Но я буду тебя так сильно любить, что эта любовь наполнит меня покоем и спокойствием, смирением, любовью».

С этих пор ты — спокойный родитель. И для ребенка это будет постоянным напоминанием: у меня такой отец, такая мать, и когда я не рядом с ними, когда я далеко,

совершаю свой бунт, свои пороки, эта их любовь не дает мне покоя! Я вспоминаю этот взгляд, эти наполненные слезами, тоской, любовью ко мне, теплом глаза.

Нельзя путать свободу в смысле, описанном выше, с той, когда родители относятся безразлично к детям, называя это свободой. Не стоит впадать в крайности. Когда я говорю, что следует заниматься собой, я имею в виду построение отношений с мужем или женой. Любить друг друга, учиться жить в браке счастливо, в единстве. Так вы не будете заниматься круглосуточно своим ребенком. Некоторые люди (скажу вам немного грубо, но правду) вместо того, чтобы признать, что проблема заключается не в их ребенке, а в не существующих отношениях между супругами, отсутствии взаимопонимания, находят себе оправдание в том, что постоянно занимаются ребенком. Так они скрывают от других и от самих себя, что между супругами нет контакта, нет реальной связи, нет единства, нет любви. Они направляют всю свою энергию, жизнеспособность, нервы и заботу на ребенка. Но ребенок не виноват в этом, и становится жертвой негармоничного и нестабильного брака своих родителей, а родители еще и срываются на него. Многие говорят детям в свое оправдание: «Я хочу тебе добра! Я о тебе беспокоюсь!» А кто сказал, что надо так сильно беспокоиться о ребенке, если до этого ты не позаботился (позаботилась) о себе, о своем браке и о своей супружеской жизни? Как твоя любовь к ребенку может быть чистой, если

родители не научились любить друг друга после того, как их сочетал Бог?

Во время совершения таинства Брака Бог соединяет двоих, чтобы они друг друга любили, и говорится: два станут одной плотью. Таковы ли вы? Любите ли вы друг друга? Бог не говорит, что твой ребенок станет одной плотью с тобой, потому что ребенок — другая плоть, рождается новое тело, появляется новый человек, и он отправляется в свой путь. Ты ему поможешь, но твоя помощь ему должна быть такой: хорошо жить в своей семье, правильно жить в своем браке, давать правильный пример, не всегда жить так, как хочешь. После того как это налажено, можно заниматься детьми. Некоторые мужья не разговаривают со своими женами и все время заняты ребенком; некоторые жены не разговаривают со своими мужьями, возникают проблемы, но они постоянно занимаются ребенком. И это начинает раздражать и утомлять ребенка: часть той любви, которая у тебя есть, надо отдать супругу, а ты полностью изливаешь ее на ребенка. На мой взгляд, лучшая, образцовая семья — это когда родители смиренные, освящающие. Не те, которые достигли святости, а те, которые находятся на пути, борются, падают и встают, являются аутентичными по своему духу (быть аутентичными — значит не быть лицемерными, неискренними). В общем, настоящие христиане — не значит непогрешимые, а боголюбивые, искренние, честные, которые уважают своих детей.

Мать делает просфоры, а один из ее детей не хочет идти в церковь. Она, занимаясь своим делом и не настаивая на том, чтобы он шел в храм, преподает своему плохому ребенку хороший урок, как бы говоря: «Дитя мое, пойми, я люблю Христа, очень люблю Бога и, хотя я устала, работаю и переутомляюсь, напрягаю свои силы, делаю просфоры. Но я так люблю Христа, что это мне не трудно!» Неужели эта просфора не говорит плохому ребенку, что у него верующая мать, которая ходит в церковь, которая его уважает, не заставляя его ходить в храм? Это является лучшим примером, который гласит: «Дитя мое, завтра в храме будет богослужение, завтра будет Божественная литургия, будет звонить колокол, я хотела бы, чтобы ты пришел. Но я не настаиваю, не хочу на тебя давить!» Ребенок это видит. Может быть, завтра утром он захочет пойти в храм, может быть, не захочет, может быть, ему будет тяжело, потому что он пришел домой только утром. Что бы ни случилось, эта мать — самая хорошая мать. Даже если ребенок не будет ходить в церковь, эта мать сделала все, что могла.

Бог не хочет увидеть, сколько раз вы, возлюбленные мать, отец, тетя, дядя, дедушка, бабушка, привели своего ребенка в церковь. Какую награду получают те, кто заставляет детей идти в храм, волоча их за собой против их воли? Бог смотрит на все обстоятельства: как ты приводишь его, какой пример подаешь ему, какую атмосферу в доме создаешь. И знай, эта мать, о которой шла речь, создает очень

хорошую атмосферу в душе ребенка. Дело в том, что твой ребенок нервничает, бунтует, не хочет идти в церковь, если, например, он подросток, потому что он неправильно понял некоторые вещи. Важно уважать свободу ребенка и не заставлять его ходить в церковь, чтобы сказать: «Теперь нас будут уважать и хорошо о нас говорить. Все соседи видят, как мы все вместе ходим в церковь! Мы производим хорошее впечатление, и теперь все скажут, что мы благочестивая семья». Подумай, не по этой ли причине ты принуждаешь ребенка идти в храм? Поступай как Бог — нежно, внимательно, а не с давлением. И неплохо подтолкнуть ребенка, сказать ему: «Дитя мое, я хотел бы, чтобы ты пришел со мной в церковь, я рад, когда ты идешь со мной вместе!» Но не надо это делать насильно.

Божественная литургия переполняет нас радостью, мы чувствуем Христа рядом с нами, и особенно важно, чтобы твой ребенок видел, что ты, ходя в храм, меняешься. После храма ты возвращаешься домой нервный и ругаешься со своей женой; ребенок видит, что ты сребролюбив, жаден, эгоистичен, отстранен, капризен, неисправимый лицемер, хотя постоянно ходишь в церковь. Это самое плохое! Детям очень важна искренность, честность, прямота. Между тем некоторые дети жалуются, что их родители делают дома одно, а на людях — другое.

В таком случае кто из вас плохой? Ребенок, которого ты считаешь плохим, или ты? Не окажется ли, что ты хуже, чем ребенок, потому что он, несчастный, всегда виноват?

Ребенок не выносит нашего лицемерия, в таком случае мы не христиане, мы не Христовы.

* * *

И позвольте мне еще раз привести пример хорошей семьи. Мне нравятся семьи, где много детей и все они разные. Семьи, где одни дети ходят в церковь, другие — не ходят, одни дети ходят гулять и возвращаются домой ночью, другие хотят посветить себя Богу и создать хорошую христианскую семью, третьи хотят вступать в брак не с христианами, а с людьми, которые не имеют отношения к Церкви, потому что у них много претензий.

Какой-то человек сказал мне: «Батюшка, не должны ли нас умилять семьи, где все христиане? Где все совершенны, где все ходят в церковь? Не должны ли они быть примером хорошей семьи? Понятно, это наше стремление, это наше вдохновение, это содержание нашей молитвы, этого бы мы хотели. Это идеал».

Если все члены семьи верующие, тогда все легко согласуется. Когда хотя бы родители веруют, когда эти две центральные личности в семье, по крайней мере, будут правильно служить «литургию» взаимоотношений, брака, тогда после Божественной литургии в церкви даже дети могут начать тянуться к вере, и этот дом будет благословен. Почему? Потому что взаимоотношения будут такими, какими являются отношения Бога с людьми. Потому что со своей человеческой логикой мы готовы осуждать

людей, но надо будет осудить и Бога и сказать Ему: «Боже мой, что же это за мир, который Ты создал? Что это за общество? Какой же Ты Бог? Посмотри, что происходит сегодня! Сегодня я услышал в новостях: люди убивают друг друга, уничтожают дома друг друга, воруют, жгут, употребляют наркотики, творят неправду, и Ты, Боже, что делаешь для Своих детей? Что это за семья, которую Ты создал? Какой же Ты Бог Отец?»

Но Бог ли в этом всем виноват?

И Господь отвечает:

— Я нахожусь на Своем месте.

— Где?

— На Голгофе.

— И что Ты там делаешь?

— Я распят. Что еще Я могу делать? Из Моих рук течет кровь. Что еще? Люблю! Что еще? Прощаю грехи тем, кто этого хочет. Если Моя любовь не тронет тебя, дитя Мое, и не сделает из плохого человека хорошим, то ничего больше нельзя сделать!

* * *

Желая вырастить детей хорошими, мы принуждаем их, оказываем на них давление. Нельзя сделать человека хорошим силой. Потом, когда эти дети обретают свободу, находят ключ от дома, или берут родительский ключ, или, когда получают свою зарплату и имеют достаточно денег, чтобы их тратить, встают и уходят, и уже ничего не

сделают из того, к чему силой принуждали их, из-за родителей они будут ругать и Церковь. Они скажут: «Не выдерживаю больше, мне надоело, что всю жизнь на меня давят! С сего дня буду высыпаться в воскресенье, никогда не буду ходить в церковь!» А все потому, что ребенка постоянно силой водили в храм, потому что не научили по-хорошему делать добро. Родители говорили хорошие слова, но плохим способом. Поэтому я сказал, что лучшим домом является тот, где есть и хорошие и плохие дети.

Я, например, плохое Божие дитя, ты можешь быть хорошим. Бог любит тебя, а ты обвиняешь Бога, у Которого много детей (и я в том числе Его ребенок), что Он терпит меня. И Господь с удивлением посмотрит на тебя и скажет: «О чем ты говоришь? Я настоящий Отец! Я жду Своего ребенка, Я его люблю, отношусь к нему с состраданием, даю ему возможность исправиться, даю ему надежду!»

Хорошо быть настоящим отцом, таким как Бог — полным любви, заботы, святости, чистоты, благоговения, нежности. Но необходимо научиться также не жаловаться на своих «плохих» детей. Научитесь смотреть на себя и обретать покой, как Бог блажен и имеет покой. Бог может видеть войну, кровь на земле и катастрофы, но не испытывать неудовлетворения, которое мы испытываем. Мы не удовлетворены, у нас все виноваты! И мы используем детей как оправдание нашего непокоя. Я видел матерей, чьи дети употребляют наркотики; эти матери постоянно живут с ножом в сердце. Но это не означает,

что они должны потерять мир, тишину, молитву и веру в Бога. Если все это теряется, мать как будто говорит: «Я выше Бога, я лучше позабочусь о своем ребенке, чем Он!» Бог хочет лишь того, чтобы каждый был на своем месте. Тогда люди обретают покой, мир, тишину и могут горячо молиться за своих детей. Возьми своего ребенка через молитву и положи его в объятия Бога, скажи своему ребенку с любовью несколько слов, покажи ему свою искренность. Но сначала сам прими в свое сердце, что не нужно делать добро ради себя, ради положительной оценки окружающих, твори его лишь ради счастья ребенка. И тогда мать может сказать: «Дитя мое, я надеюсь, что ты когда-нибудь почувствуешь благорасположение к Богу в своей душе, чего из-за меня ты не почувствовал. Я виновата, что не показала тебе настоящего Бога, Бога любви, прекрасного, любящего Христа, Который привлекает к Себе души. Я виновата, что не привлекла тебя к Церкви, что я не показала тебе милостивого Бога!» И независимо от того, насколько плох ребенок, он ответит: «Нет, мама, я не говорю тебе, что ты виновата! Я виноват, я нервный, я бунтарь, для этого у меня есть свои причины».

У детей есть причины быть плохими. Сегодня мы говорили о доме, но есть и школа, есть и общество, есть и телевидение, есть и мода, есть и атмосфера, а также бомбардирование понятиями, идеями, провокациями, предложениями: постоянно детей дергают, дразнит куча раздражителей. Будет ли хорошо нашим детям? Кто научит

их добру, кроме нас, родителей? Ребенок живет в определенной эпоху, в определенном обществе, в течении, в реке... Куда уходит эта река? В рай или в ад?

Я скажу: твой ребенок — очень хороший. Возможно ли, чтобы твой ребенок, которого Господь положил в твою утробу в тот день, в который ты его зачала, где ты и твой муж испытывали такую любовь друг к другу и Бог подарил тебе этого ребенка, был плохим? Ребенок не плохой, нет!

Ведь и ты ненамного лучше ребенка. Родители не очень хорошие, общество не очень хорошее, но, с другой стороны, самые плохие родители — лучшие родители, то есть ты и плохой родитель, и хороший глубоко в душе, но еще не научился находить Божию доброту в себе, доброте души, и проявлять ее по отношению к своему ребенку. В конце концов, если мы немного успокоимся, прекратим ссориться и скажем: «Все мы жертвы какого-то состояния, все мы больны, все мы дети нашего времени, грешные — все мы», тогда мы сможем полюбить друг друга, станет понятнее, по-другому посмотрим на жизнь. И ваш плохой ребенок окажется очень даже хорошим, а хороший ребенок в чем-то плохим, потому что он скрывает многое, что нуждается в исправлении. Вообще только один свят — Господь Иисус Христос, только Господь абсолютно святой, безгрешный, сострадательный, милосердный, смиренный, любящий. Нам необходимо пройти долгий путь, нам необходимо сильно измениться.

* * *

Итак, плохие дети являются самыми хорошими, просто необходимо научиться добру, прикоснуться к нему, полюбить его, погладить его, чтобы процветало хорошее, и не поливать места, где прорастают сорняки и раздражительность. Необходимо любить, как лучший Отец, Который является нашим Господом, полюбить, как Он любит нас и уважает нас и в то же время остается полностью независимым и счастливым. Он хочет видеть нас лучшими, чем мы сейчас, и не наказывает нас, не мучает, а ласково и внимательно хочет пробудить в нас всю красоту, которую мы таим глубоко в себе.

Извини, хороший родитель, если я обидел тебя. Ты хороший, но должен стать лучше: люби своих детей, свою жену. Желаю вам дома почувствовать рай, чтобы обрадовать ваших хороших и плохих детей. Моли-те Бога, чтобы Он когда-нибудь всех принял в рай, всю семью, и тогда увидите, какие все хорошие. Хорошо бы и мне быть там!

2

Какие проблемы у людей, сколько мучений, сколько боли? Что делать? Надеешься на Бога, доверяешься Христу, занимаешь свое место во Вселенной и говоришь:

— Господи, здесь мое место, я не могу находиться на всей земле, не могу уследить за своим ребенком везде, что мне делать? Я молюсь, мой Христос, Тебе. Ты находишься повсюду и все преисполняешь, но я не могу везде находиться, я живу дома, на своей улице. Я не могу уехать куда-то в другое место, не могу гоняться за своим ребенком, за своим мужем, который ошибся, или за женой, которая в чем-то запуталась.

Слушаешь разные слова на исповеди, разные вещи происходят. И непрестанно звучит молитва: «Господи Иисусе Христе, помилуй меня. Господи Иисусе Христе, помилуй моего ребенка, мою жену, моего мужа, всех людей».

Помни, что все они очень хорошие. Нет плохого человека, и твой плохой ребенок очень хороший (помнишь, мы уже говорили об этом?). Просто он должен стать лучше и увидеть те тайны, которые скрывает, и ту красоту, которая покрыта пороками, бурьяном и тернием, но под этими плевелами — красота. В каждом плохом ребенке — красота. Но только Христос это видит. Поэтому Христос сказал нам, что мы должны быть простыми, смиренными, добрыми, как дети. Думаю, что, когда Христос говорил, чтобы мы были как дети, Он имел в виду маленьких детей. Потому что когда они подрастут, осознают свое я, в них начнут прорасти первые семена зла, первые плевелы, первые пороки, эгоизм, упрямство, претензии. «Хочу, чтобы это стало моим! Это мое! Нет! Убирайся!

Я не хочу это, я хочу то!» И спрашиваешь себя: «Что имел в виду Христос, когда говорил, чтобы мы были как дети?» Господь имел в виду маленьких детей, младенцев, невинных детей. Дети, на которых не повлияли взрослые. Дети, которые не были испорчены нашей эпохой, которые не были изменены другими людьми и не повзрослели преждевременно, не стали больными — и психически, и телесно, и умственно, и эмоционально, и волей, — мы испортили наших детей. Наш мир стал таким, чтобы дети не были детьми. Уже не существует детства, невинности. Они невинные, пока маленькие, но как только начинают расти, теряют невинность.

Смотришь на детей, которые играют по мотивам телевизионных сериалов; некоторые из них говорят: «Я начну встречаться с этой девочкой! Я хочу, чтобы она влюбилась в меня! Ты хочешь быть со мной, ты меня любишь? Хочешь со мной строить отношения?» Смотришь, как некоторые дети со второго-третьего класса произносят такие слова. Маленькие дети очень многого не понимают, они делают это из-за невинности и простоты, они везде целуются и ничего не понимают. Теперь мы портим детей. Хотел сказать «портят их», однако портим их мы сами. Мы, плохие взрослые, в глубине души являемся хорошими, но в конечном счете добро, которое в нас очень глубоко, со временем теряем. Однако дети ни в чем не виноваты. Как будто в наше время все направлено на то, чтобы сажать в душе ребенка только семена зла, как будто дети

обрабатываются таким образом, чтобы возрастало в них все самое плохое, что существует в душе как зародыш. То есть то, что мы называем склонностью ко злу, греховным желанием, которым все мы, как дети Адама и Евы, заражены.

Но наша кровь заквашивается и с Кровью Христа в святом Причастии. Это происходит, когда мы причащаем наших детей. А когда мы их не причащаем, они не чувствуют себя причастниками с нами, не являются частью общества; они знают, как сказать «добрый день», «добрый вечер», но эти слова искусственные, формальные. Говорят: «Добрый день!» — а про себя издеваются над тобой, смеются над тобой, иронизируют, потому что мы научили их таким фальшивым манерам, чтобы они были необщительными, потому что они не причащаются. Везде кровь — это только наша собственная кровь, немощных родителей, потому что сказано: *в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя* (Пс. 50, 7). Моя мать и мой отец, Господи, грешные люди, и они родили меня, создали грешного ребенка. Не причащаемся, не приобщаемся к благодати, не молимся, не помогаем детям, и так их кровь — это кровь Адама, земного Адама, а не кровь Нового Адама — Христа. Мы видим, что в наше время все направлено на пробуждение в ребенке только страстей, низших инстинктов, сластолюбия, всего самого плохого, что только может существовать, потому что каждый человек имеет внутри себя джунгли страстей. Отцы Церкви

исследовали человеческую душу и согласны с этим. В сущности, все люди хотят одного и того же, как основных потребностей, — любви, нежности, ласки, тепла, признания, оправдания, все мы этого хотим. Но в нас есть страсти. Вопрос в том, как не посадить семена зла, как окультурить дику маслину, то есть преобразить, пересадить грех, находящийся в ребенке, на иную почву и превратить его в добро. Зло — в добро. Мы этого не делаем. Это делают только святые. И детство уже не скрывает в себе красивых вещей. Ребенок, каждый человек имеет много склонностей — и к добру, и к злу. Святые — например, святой великомученик Георгий, святитель Василий Великий, святитель Григорий Богослов, святитель Николай, архиепископ Мир Ликийских, святая Марина, святая Параскева — что они сделали? Они подвизались и усилили все добро, которое имели внутри себя, все зло превратили в добро. Они не насаждали зло. И они стали как дети. Видишь какого-то старого монаха, или какую-то монахиню, или какого-то пожилого монаха, а он как ребенок — добрый, ласковый; смотришь ему в глаза и понимаешь, что он незлобивый. Почему? Мы в своей жизни взращиваем злобу внутри себя. Но они этого не делали. Окружение, в котором они выросли, было благоприятным. Наша эпоха делает точно наоборот. Как будто она зареклась не развивать положительные качества ребенка, потому что если он сделает это, то возьмет и станет святым, наше время не хочет, чтобы были святые, а хочет, чтобы увеличилось все плохое.

Образование, которое мы получаем, наше окружение, мать и отец, район, то, на чем сосредоточено телевидение, не помогают ребенку развивать положительные качества души и доброту, которые у него есть. А у него, ребенка, есть доброта; она является капиталом, который еще не развит; это то, что необходимо развивать, подвизаться, чтобы немного утомиться, чтобы потекла кровь из его души, чтобы стать хорошим человеком. Человек не станет хорошим, если ему позволить делать все, что он хочет. Если не заботиться о своем ребенке, то он не станет хорошим, необходимо воспитание, то есть необходимо взять педагогику, которую дает тебе Бог, и подвизаться, делать то, что делает святой, — бороться, подвизаться.

Чему хорошему научило телевидение твоего ребенка? Любить? Любви? Видел ли ты, чтобы твой ребенок плакал, будучи тронутым телевидением, чтобы он увидел нечто, что затронуло бы его душу? Но ты наверняка видел, что он плачет, когда его футбольная команда проигрывает. Как и то, что он ругается, кричит, ломает вещи, ожесточается, да, такое ты уже видел. Этому его научило телевидение, а также тому, чтобы ты ему покупал много вещей. Плохой ребенок, о котором ты говоришь, — хороший; телевидение его сделало плохим. Не ругай своего ребенка, телевидение постоянно показывает, что сегодня преуспевающий человек должен иметь много вещей, что он обязан быть алчным, не должен останавливаться ни перед чем. У тебя есть сотовый телефон? Купи себе еще

один! Ты что, с этим телефоном останешься? Купи себе другой! Поменяй свой тарифный пакет, купи себе новую сим-карту, не останавливайся на достигнутом! Купи себе новую одежду! Поменяй свои вещи, свой автомобиль! Не оставайся с этой машиной! Делай это постоянно. Наше время делает твоего ребенка потребителем, алчным эгоистом, делает его эгоцентричным, самовлюбленным, сластолюбивым человеком. Не так ли? Твой ребенок в этом не виноват; бедный ребенок, он целый день может сидеть и смотреться в зеркало, делать себе прическу, наряжаться и тем самым хочет получить свою идентичность. Все это показало ему телевидение. А что оно показывает? Порок. Какой порок? То, что телесная красота является всем. Ты должен научиться быть красивым; кто не красивый, тот изгой. Если ты не красив, девушки не заметят тебя. Что значит быть незамеченным? Как давно ты не слышал слово «любовь»? Никто не говорит: «Тебя никто не любит», а говорят: «Тебя не замечают!» Наше время учит детей вести себя таким образом, чтобы их замечали. Чтобы заметили тебя, что необходимо иметь? Внешний вид, витрину, то есть лицемерие. Наш век воспитывает ребенка и делает его лицемерным, фальшивым, учит его показывать иной образ, нежели в действительности. Не учит его любить, смиряться, воздерживаться. Как научить детей воздержаться, если ты сам думаешь, что он отстающий, если он не встречается с девушкой? Телевидение показывает юноше, что он должен встречаться

с девушкой. Но оно не говорит ему, к чему могут привести эти отношения. Сколько связей с девушками необходимо иметь, прежде чем жениться? Сколько абортів нужно сделать, прежде чем выйти замуж? Где доброта? Как твой ребеночек станет хорошим, если он не научился иметь сияние чистоты? Видели ли вы чистое лицо? Человек имеет такое лицо, пока он не достигнет определенного возраста; но когда немножко подрастет, то он это теряет. В выражение лица входят лукавство, грубость, мерзость, грязь и отчаянность мира, следы многочисленных связей с девушками, и ребенок учится таким вещам. Ребенок не виноват в том, что он становится плохим, это мир делает его таким. Эта эпоха не создает святых. Чтобы сегодня стать святым, необходимо дать отпор духу нашего времени.

Если бы мы жили в византийскую или греческую эпоху, то ход мира привел бы тебя в церковь. То есть предоставляешь себя потоку и идешь в церковь. Какая-то женщина рассказала мне о своей деревне в Македонии: если увидят, что во время Великого поста ешь непостную еду, начнут тебя поучать, что так нехорошо делать, что все постятся. Это значит отдаться своей эпохе и обществу, в котором ты живешь, они тебя научат поститься.

Кто сейчас может отнестись с доверием к своей эпохе? Никто. Необходимо сопротивляться, чтобы поститься. Необходимо отделиться, потому что все смотрят на тебя и спрашивают: «Нормальный ли ты?»

Какой-то человек сказал мне, что в армии он захотел пойти в церковь, а сослуживец сказал ему: «Что, уже Пасха наступила?» А время было перед Рождеством Христовым, и он ответил: «Какая Пасха? Я хочу пойти в церковь, сегодня воскресенье!» Его сослуживец ходил в храм только на Пасху, так его научили. Я не обвиняю этого молодого человека, так научила его эпоха. Пока все в армии ходили в храм и воинство было действительно христоролюбивым, крестились, любили Церковь и почитали Христа, Пресвятую Богородицу, не все, конечно, я не витаю в облаках, всегда были хулители, ругатели и пороки, но это не было правилом.

Однажды пришла в храм восемнадцатилетняя девушка и сказала мне:

— Батюшка, я чувствую себя очень плохо!

— Почему, что случилось?

— Я чувствую себя очень плохо, батюшка, я чувствую себя ужасно. Мне стыдно!

Говорю себе: «Ой! Наверное, она сделала что-то плохое! Почему ей стыдно?»

— Что ты сделала? Что случилось, дитя мое?

— Нечего, батюшка.

— Почему ты стыдишься?

— Я не могу... Я скажу вам, но вы меня неправильно поймете. Мне очень стыдно!

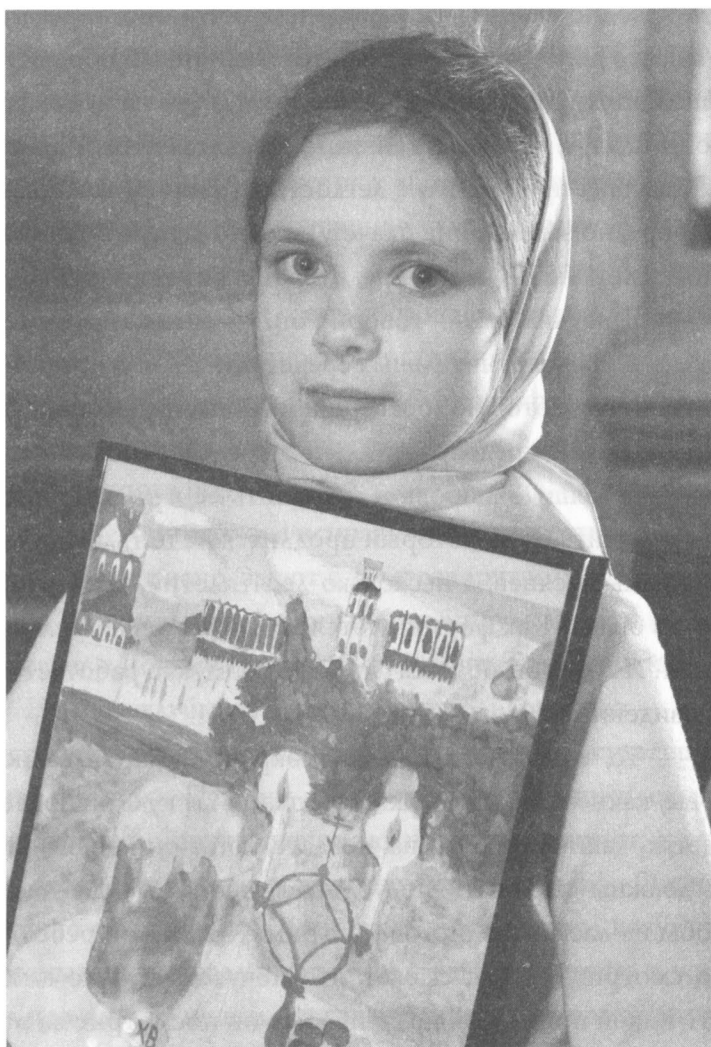
— Почему?

— Батюшка, я девственница. Мне очень стыдно!

Я не понял. Покачал головой, чтобы прийти в себя.

— Смеются надо мной, мои подруги глумятся надо мной, говорят, что я отсталая, что они хорошо живут, делают разные вещи, что в наше время надо жить по-другому.

Стыдится того, что девственница. Ты что-нибудь понимаешь? Это твой ребенок, а не мой. Эта девушка, студентка, первокурсница, второкурсница или третьекурсница, которой стыдно сказать, что она чистая. Потому что остальные заставили ее почувствовать себя ненормальной. Из-за того, что она бережет свою утробу и не делает из своего тела лабораторного животного, не перекидывает свое тело от одного мужчины к другому и не тратит свою жизнь на развлечения, чтобы приятно проводить время! Поверхностная сентиментальность и любовь на пару дней и месяцев. Стыдится, что чистая, что готовит свою жизнь в правильном направлении. В другую эпоху стыдилась бы не она, а та, которая живет в разврате. И приходила бы ко мне на исповедь и плакала бы. Я хотел бы обратиться к телевизионщикам и сказать им: «Большое спасибо! Обвиняете Церковь, обвиняете нас, священников! Имеете право! Мы виноваты во многом! Но, послушайте, каких людей вы приводите к нам, каких людей посылаете к нам на исповедь, что говорят нам люди, приходящие от вас? То, что телевидение говорит молодому человеку: "Ты имеешь право" и т.д., — это прекрасно. Но следующий шаг показывает, являешься ли ты настоящим реформатором эпохи».

Правда в том, что телевидение только притворяется, будто заодно с молодыми людьми. Но что оно предлагает им, что дает? Ты, уважаемый телевизионный продюсер нашей эпохи, посылаешь ко мне этих детей на исповедь, и они плачут, что девственницы, стыдятся этого; а другая девушка приходит и с легкостью говорит, что сделала аборт, но затем и она плачет, не один день, а в течение многих лет. Ты научил ее предотвратить этот аборт?

— Я научил ее! — говорит он. — Я показал ей сто реклам о предохранительных средствах!

Любовь, которую оскверняем и насилуем каждый день... Какое предохранительное средство может очистить настоящую любовь и сохранить ее в чистоте, чтобы заключить брак, который продлится не пять, не шесть и не семь месяцев, а несколько десятилетий, всю жизнь пары в браке? Как формируются дети с помощью телевидения? Я хотел бы об этом спросить у тех, кто работает на телевидении:

— То, что вы показываете на экране... Задумывались ли вы, какие помыслы, какие фантазии вы культивируете в детях, какие примеры им подаете, когда они видят, что их должны окружать полуодетые, полуголые девушки, чтобы их ласкать, флиртовать с ними? Если мой ребенок это смотрит, что он скажет, что почувствует, что захочет? Какой пример он получит? Как он посмотрит на эту девушку как на свою сестру — с уважением, с любовью, с благоговением, с почтением и с чистой любовью? Как?

Кто-то может это услышать и сказать: «Ты живешь в своем мире!» Действительно, я живу в своем мире, и мне очень нравится мир, в котором живу, настоящий Господний мир. В мире жизни. Потому что мир, в котором ты живешь, пребывает в грехе и разврате, где так воспитывают детей. Где жизнь приводит их к аборту, к раненым душам, к раненым телам, к разрушению семьи, к разводу, к психологическим проблемам, к антидепрессантам. И они не придут к тебе, это они говорят на исповеди мне и многим другим священникам, которые становятся преемниками тех слез, той боли и тех остатков. Мы собираем остатки.

Дети не виноваты. Я еще раз говорю: дети не плохие, это наша эпоха портит детей, они хорошие, они и плохие и хорошие, они должны исправиться, у них есть недостатки, но всех их направляют к злу и говорят им: «Ты молодчина! Успел, молодец!» Раньше кто-нибудь за такое сказал бы тебе: «Почему ты это сделал? Почему ты куришь?»

Ночные клубы, курение, пьянство, наркотики — сейчас это является современным образом жизни, культурой, цивилизацией. Падение стало образом жизни, идеалом, философией. Запутавшиеся люди философствуют, а другие стоят и удивляются, слушают их и говорят: «Ой, как хорошо ты это сказал, мой брат!» А он сказал какую-то бессмыслицу, сказал что-то, что не может устоять в жизни, что никого не поддерживает, никому не помогает, не может тебя поддерживать, когда тебе больно, не может победить смерть.

Сегодня дети занимаются не чем-то существенным, а тем, что мы предлагаем, обслуживают наши или свои собственные интересы. Это не теория; психологи говорят, что именно подростки являются целевой аудиторией рекламы; целые отрасли бизнеса, огромные средства, миллионы поддерживают подростковые желания, волнения, мечты, фантазии. Разве не так? Все эти кафе, клубы, которые открывают для подростков, клубы распушенности, которые поддерживают желания молодежи, где они платят деньги. Их клиентура — молодежь. Их владельцы делают ставку на молодых и говорят: «Вынем из них стержень, чтобы не могли сопротивляться!»

Когда есть стержень, никто к тебе не прикоснется, тыотреагируешь. Сегодня подросток не реагирует. Научили его давать отпор священнику, когда тот хочет что-то сказать подростку; подросток готов ударить его, плюнуть в него. Так его научили, ребенок не виноват. Однако, когда он что-то сделает, на что его душа действительно должна реагировать и сказать: «Что я сейчас делаю? Употребляю наркотики, запутался, связался с плохой компанией, ночью поздно ложусь спать... Это опасность, смерть, запутаюсь» — другой человек говорит ему: «Что, запутался? Такова жизнь!»

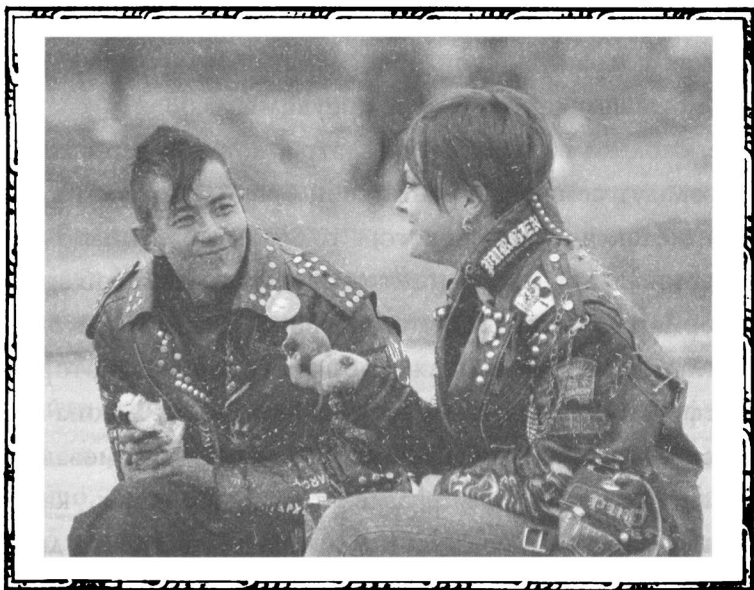
Не может быть! Смерть названа жизнью; ночная жизнь названа светом, а жизнь Церкви, жизнь Христа многие считают чем-то странным, чем-то беспочвенным, тем, что находится за пределами времени и пространства,

тем, что меня не касается, тем, что не может мне ничего сказать. Дети не виноваты. Так их научили. Сегодня успешным человеком считается не тот, кто смирен, а тот, кто имеет много связей, кто кричит, — так научили ребенка. Сегодня в школе споры разрешаются путем драки: собираются и бьют кого-нибудь, воруют. Какой-то ребенок сказал мне, что поймали его в метро и украли куртку другие дети, его друзья. У другого ребенка украли обувь, потому что она была брендовая. Кто заставляет этих детей воровать обувь, мобильные телефоны, бить своих ровесников? Они не были рождены такими. Посмотрите на фотографии, раньше они были невинными детьми. Кто так воспитал детей, кто сделал такими неузнаваемыми тех, кто раньше были ангелами? Наша эпоха делает детей такими! Телевидение не научило твоего ребенка иметь в своей душе мир, простоту, удовлетворяться малым, радоваться малому, а не требовать все больше и больше! «Я хочу найти себе хорошую девушку, я не хочу ее любить, не хочу быть ответственным, не хочу создавать семью, не хочу, чтобы моя любовь где-то укоренялась, чтобы заботиться о ней и чтобы ей радоваться, а просто чтобы она стала моей, потому что я эгоист». В таком образе мышления не виноват ребенок, это — послания мира, который вокруг нас. Ты должен быть сильным, богатым согласно телевидению. Только так сможешь иметь будущее, в противном случае будешь плохо жить. Если не будешь следовать этому, не

преуспеешь. Сегодня смиренный человек ничего не стоит, он не может реализоваться в обществе. Кто-то сказал мне, что если на собеседовании при поступлении на работу в какую-нибудь компанию молодому человеку скажут: «Ты лучше всех!», а он ответит: «Ну, я не самый лучший, есть лучше меня!» — тогда его не возьмут на работу. Сегодня ты должен согласиться, что ты лучший, чтобы растоптать других и сказать: «Я лучший, я всех вас обгоню!»

Где любовь, ради которой Христос говорит, что если у тебя что-то попросят, дай ему все и даже свою последнюю рубашку, чтобы чем-то пожертвовать ради других? Отступи ради другого. Если ты так поступишь, то сегодня тебя примут за жертву. Наша эпоха внушает нам определенный образ действий и таким образом воспитывает детей.

Я ездил на какую-то беседу и возвращался домой на электричке. Расстояние было примерно семь километров, от центра Афин до Марусси. Это было в субботу вечером. В электричку вошло несколько юношей, они ехали развлечься, не сидится им дома, они ехали отдыхать. Я смотрел на их лица и пытался по этим лицам представить себе святых. Я это успел сделать, но мысленно сделал некоторые изменения, говоря себе: «Если бы у этой девушки была другая прическа и вообще если убрать все это с ее лица, то какое было бы у нее красивое лицо! Какую нежную душу она имела бы, святая

девушка была бы! И этот парень был бы святым! Мне кажется, что все они могли бы быть святыми». Но потом, когда я снова посмотрел на них здесь и сейчас, сказал себе: «Как же мы сделали детей такими: с дикими лицами, ироничными, с такой напыщенностью в поведении, с этой эксцентричной одеждой, разорванными вещами...» Я говорю себе: «Христос мой, счастливы ли эти дети? Они сошли где-то на темной станции, чтобы куда-то пойти, в ночные клубы, где собирается молодежь. Есть ли смысл и цель в их жизни? Если кто-то заболевает, могут ли они сказать что-то, чтобы он утешился? Будут ли они терпеливыми, если испытают

трудности в своей жизни? Если они женятся, поймут ли, как сохранить свой брак?» Так я думал про себя. Ты можешь сказать, что я преувеличиваю. Но скажи мне, сколько из этих детей завтра, когда повзрослеют и создадут семью, сохранят свой брак на долгие годы? Я не желаю чего-то плохого, а только чтобы у них была счастливая жизнь, но мне что-то подсказывает (об этом говорит и статистика), что большинство из этих молодых людей ждет очень тяжелое будущее. Эпоха, которая их сформировала, не заботится о том, даст ли она им качественную жизнь. Под качеством не подразумеваются спортивные залы, развлекательные центры, кафе и бары. Не это. Качественная жизнь — это нечто другое: чтобы твой сын научился устанавливать отношения с другим человеком; когда у него родится ребенок, он обязан воспитывать своих детей должным образом. Объяснить им цель жизни, научить говорить спокойно, смотреть на них и улыбаться, удерживать их дома, любить свою жену. Кто из этих детей имеет духовный покой? Кому я все это говорю? Тебе это говорю, родителю, который говорит, что его ребенок не хороший, а плохой. И я объясняю тебе, что твой ребенок не плохой, а наша эпоха сделала его таким. Наша эпоха, наш мир, то, что Церковь называет миром: весь дух, вся атмосфера, которую диавол очень сильно эксплуатирует и вдохновляет. Он формирует климат нашей эпохи, потому что, если бы Христос его сформировал, супруги не разводились

бы так часто — половина браков не заканчивалась бы разводом. Думал ли об этом твой ребенок? Ты меня слушаешь, но и ты развелся. Разве это неправда? Брак твоего ребенка будет таким, как твой? И он ли не разведется? Или это стало обычным делом — жениться по три раза, так, по привычке, для разнообразия? Это не делает нашу жизнь счастливой. Если ты где-то не укоренишься — не станешь счастливым, не научишься испытывать спокойствия, не найдешь покоя, не сможешь найти себя. К сожалению, ошибки повторяются. И если ты не религиозный человек, то не сможешь жить хорошо, сойдешь с ума. Поэтому прославляй Бога за то, что находишься возле Христа, что у тебя есть свой дом, что у тебя есть смысл и цель в жизни, что ты знаешь, куда идешь, в Кого веришь, кого любишь, что радуешься мелочам: пьешь воду и чувствуешь счастье; этого не чувствует тот, кто пьет дорогие напитки. Можете ли вы пить воду и быть счастливыми? Чтобы делать это, необходимо в себе иметь другой, более высокий источник счастья, чтобы тебя не одолели другие суррогаты, опыт и эмоции внешнего мира. Радость — это то, что живет внутри тебя. А затем ты радуешься и самым простым вещам.

Если посмотреть на маленького ребенка, прежде чем он испортится (прежде чем мы испортим его, прежде чем его разрушим), когда даешь ему что-то незначительное, какую-нибудь книжку, ручку, он играет и рад. Но он растет,

все меняется. Все имеешь и ничем не удовлетворен. Все покупаешь и все еще недоволен. Это наша эпоха. Такими становятся дети. Ребенок — это лучшее на свете. Просто он — дитя своей эпохи, нашей эпохи, больной, страдающий, с завышенными потребностями. Как говорил старец Порфирий, он нуждается в помощи, он запутался, его мысли путаные. И если такой ребенок все это сейчас услышит, он не очень поймет, о чем я говорю. Потому что, знаешь, я говорю о другой Родине, о той, которую мы потеряли, о ностальгии, о переживании. Некоторые дети никогда не испытывали его; они не почувствовали, что такое хорошая семья, чтобы вспомнить ее и умилиться. Когда ребенок растет в неустроенной семье, как я ему объясню, что такое хорошая семья, хорошая жизнь, которой он никогда не жил? Но ты, взрослый, слушающий эти слова, вспоминаешь, наверное. Ты помнишь своих бабушку и дедушку, дядю или тетю, своих родителей, как жил в хорошей семье, и говоришь: «Да, всё так, мы изменились в последние годы! Очень быстро, молниеносно меняется мир».

Атмосфера нашей жизни, условия и нравы в последнее время быстро меняются, мы разрушаемся, и вопреки всему я оптимистичен знаешь почему? Потому что дела не меняются к лучшему, и это оптимистично — для Церкви, а не для мира. Для мира это путь, ведущий к самоубийству. Но для Церкви эта трагедия, которую мы переживаем, оптимистична, потому что со дна, на которое вскоре опустимся, будем вынуждены начать кричать:

«Что произошло, люди? Как мы достигли дна? Достигли дна, но больше так не можем! Что произойдет теперь?» И тогда начнем молиться: «Господи, помилуй нас!» Тогда появится надежда.

* * *

Не знаю, поможет ли тебе то, о чем я говорю, заставит ли тебя задуматься и порассуждать о своем ребенке, относиться к нему спокойнее, не кричать, не ругать его сильно. Когда начнешь ругаться с ним, кричать на него, даже когда начнешь ругать его, что, к сожалению, ты тоже делаешь, задумайся, что и твой ребенок уже раздавлен жизнью от столько вещей, через которые он прошел. Ты можешь устать после тяжелого рабочего дня, но и ребенок измучен, как будто он работал восемь часов; его утомляют телевидение, глупости взрослых, грех взрослых, бессмысленная жизнь. Знаешь ли ты, что значит, когда ребенок живет столько времени без смысла, знаешь ли ты, какая это душевная усталость? Огромная усталость. Он растет с компьютером, но не имеет никакого смысла в жизни и сходит ума. Сегодня дети заболевают от компьютеров. В то время как ни один ребенок еще не заболел от молитвы, от Христа, от святого Причастия, от Церкви, от любви, от бабушкиных сказок. Говорят, что от компьютера их привозят в больницы. Дети-эпилептики, у которых бывают приступы, заражены компьютерной болезнью и становятся зависимыми от него. Какой-то ребенок показал

мне видеоролик, который он скачал в интернете. На этом видеоролике засняты дети, страдающие от компьютерной зависимости, которые сами себя бьют, в истерии ломают клавиатуру. Дети не виноваты. И если он ломает клавиатуру, все ломает и нервничает, знаешь ли ты, что это значит? Это значит, что у них что-то начало пробуждаться. И чем громче дети кричат, чем больше они ломают, тем убедительнее это показывает, что они жаждут чего-то другого. Я понимаю это и говорю себе: «Эти дети — будущие служители Бога. Сколько бы эти дети ни нервничали в настоящее время, сколько бы ни дрались, если правильно будут нажимать кнопку, то все это обернется в полную силу к Богу».

Просто взрослые еще не сделали правильное движение, не достигли правильной точки, где Бог ждет, чтобы привести детей к Себе, и только бы это время незамедлительно наступить. Люби своего ребенка, прощай его, пойми его; поверь: то, что говорит ребенок, — правда: «Взрослые не понимают меня!» Пойми его. Не советую тебе говорить ему: «Молодец, ты прав во всем!» Поставь себя на его место. Подумай, как он вырос, что он пережил, что его интересовало. Сейчас ты слушаешь эту радиопередачу, твой ребенок слушает ее? Нет. Ты это слушаешь и думаешь, фильтруешь, оцениваешь, сравниваешь, твой ум очищается. Ребенок не слушает такие радиопередачи, а слушает то, что предоставляет наша эпоха, и если нет Христа, как очистить его ум?

 У детей есть причины быть плохими

Друзья мои, Христос сказал:

— Без Меня вы ничего не сможете сделать. Без Меня вы запутаетесь, без Меня вы сделаете дыру в море, без Меня вы полностью погубите себя. Я вас не пугаю, а говорю вам правду, потому что Я Тот, Кто настраивает ваш ум, который просветлит вашу совесть; без Меня ваш ум заболит. Я говорю вам об этом, чтобы вы это знали.

И мы говорим Ему:

— Сядь с краю!

А Господь говорит:

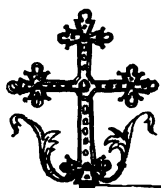
— Я не сяду с краю, Я пойду туда, на Голгофу, распну Себя и буду там висеть распятым. Но если вы оставите Меня и не придете ко Мне, Я буду беспокоиться о вашем будущем — вы сойдете с ума.

И сейчас мы от этого страдаем — сходим с ума без Христа. В Послании к Римлянам апостол Павел пишет: *И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму — делать непотребства* (Рим. 1, 28). Господь предал их извращенному уму, который не может должным образом испытывать вещи и знать, что правильно, а что неправильно, то есть получается какая-то путаница. И ты сейчас говоришь: «Мой ребенок плохой!»

Твой ребенок очень хороший, просто он измучен и ущемлен.

Любите своих детей!

Перевод — Виталий Чеботар

МУДРЫЙ СОВЕТ АВВЫ ПИМЕНА

Имей веру. Вера — великое дело. Она — живое доверие Христу, Его силе, Его премудрому Промыслу и плану о нас, Его любви к нам, к тебе. Бог очень любит тебя. Хотя я совершенно недостоин говорить тебе это, потому что не от меня тебе следовало бы это слышать. Это должен был бы сказать тебе кто-нибудь куда более убедительным образом, потому что это сущая правда, а уста, говорящие тебе об этом, живы, — и тем не менее это правда. Бог любит тебя исключительно много, думает о тебе день и ночь: о твоих вопросах, терзаниях, желаниях, потаенных мыслях, муках. Почувствуй, что ты — в Божиих руках. Он заботится о тебе, нет ничего случайного в жизни, и все делается к лучшему для тебя. Бог все доведет до конца, и не только в конце, но и по жизни ты увидишь это. Некий мудрый план ткется для твоего существования, и он ведет тебя к зрелости, вере, мудрости, силе, святости, красоте, умирению души...

Многое из происходящего — это ответы на твою молитву. Например, ты хочешь стать святым человеком, святой женщиной, да? Ну а как же ты станешь святой? Просто так? Вот Бог и преподает тебе урок святости и спрашивает тебя: «Ты хочешь освятиться? Тогда прими на работу человека, который завтра начнет иронизировать над тобой, прими уборщицу подъезда, наговорившую тебе вчера безумные вещи. Прими, прошу тебя, и прости соседку, донимающую тебя из-за того, что в доме нет хорошей звукоизоляции, и ты довела ее, и она постоянно делает тебе замечания: "Тише, тише! Я больше не вынесу этого!" А ты возражаешь: "Извините, но сейчас уже одиннадцать часов утра, мы что, и поговорить уже не можем?"»

И чего только тебе не приходится выслушивать. Но Бог говорит: «Да, но это тоже — урок, урок святости. Это прощение, понимание другого, сострадание».

Проблема у того, кто раздражается, у тебя ее нет, однако вопрос в том, как ты относишься к проблемным людям.

Хорошо. Скажем, виноват другой. Однако Бог говорит: «Я хочу научить тебя еще кое-чему: как относиться к тем, кто виноват и у кого трудный характер, как выносить их. Ты сам покажи более широкое сердце, не будь и сам таким». Он проблемный, ты проблемный, и вот начинаются выплески эмоций, крики, ссоры. Ты прости другого! Вообще помолись обо всех людях, о себе, своем ребенке, жене, муже... О себе и обо мне, а я — о тебе и обо всех людях.

Нет человека, который не получал бы ударов в этой жизни. Все испытали боль и муки. Нет совершенно счастливых семей и совершенно счастливой жизни. Я не знаю никого, в чьей жизни все было бы розово и идеально. Мы все проходим через всякое. Вопрос в том, чтобы мы могли это осмысливать, обсуждать, не отворачиваться от своих проблем, не скрывать их и не замечать под коврик, как говорится, а смотреть на них открытыми глазами, признавать: «Я чувствую себя так-то (я напуган, неуверен, предан, одинок, беспомощен, боюсь будущего)». Все это ты говори и обсуждай в своей молитве к Богу, открывая своему духовнику, руководящему твоей жизнью, который ведет свою личную борьбу, — и так мы будем продвигаться вперед.

Итак, нет человека, не проходящего через какую-нибудь проблему, малую или большую. По крайней мере, я так думаю.

Говорю тебе это не чтобы расслабить тебя и внушить тебе ложные надежды, просто оно так и есть. Хотя слово «расслабить» тут более чем кстати: важно, чтобы ты делал то, что делаешь, свободно и спокойно, а не под сильным давлением. Приведу тебе пример.

Один юноша пришел и сказал мне:

— Сейчас я выкуриваю по три сигареты в день, а раньше курил по три пачки. Постепенно бросаю, мучаюсь, но стараюсь с Божией помощью!

Я ему сказал:

— Молодец! Продолжай в том же духе!

— Что делать?

— Продолжай! Кури по три сигареты в день!

Другой услышал меня и сказал:

— Что ты такое говоришь?! Он должен бросить и эти три!

Я ему сказал:

— Да он курил по три пачки в день! Если хочешь, дай ему этот совет сам!

И когда он ему это сказал, они поссорились, и тот, который курил, обиделся и сейчас не разговаривает с ним. Я спросил другого:

— Ну и чего ты добился? Как будто я сам не мог сказать ему, чтобы он бросил и эти три сигареты. Вопрос ведь в том, чтобы приобрести его душу и не убить в нем желание, ревность, борьбу. Ты знаешь, сколько сигарет в трех пачках? Я не знаю. Ну сколько их там? Наверно, много. А тебя задели эти три сигареты по сравнению с сотней, которая в трех пачках?

Поскольку я думал, что слишком снисходителен, то решил посмотреть, что говорят святые, как они относились к этому, и нашел схожие истории. Патерик всегда утешает меня и дает много поводов для размышлений и искреннего взгляда на себя — я смотрю тогда на себя и свое пастырское служение, то есть на то, как отношусь к людям.

Говоря «пастырское служение», вспоминаю одного святого, которого звали аввой Пименом («пимен»

в переводе означает «пастырь»). Его отношение к людям было действительно пастырским. Один монах пришел к нему и сказал:

— Отче, некий монах пришел попросить у тебя совета.

Авва Пимен спросил пришедшего монаха:

— Чем ты занимаешься? Как живешь?

— Я засеваю поле. Я в основном земледелием и занимаюсь, мне нравится это делать, и что соберу, то отдаю бедным как милостыню.

— Молодец! Хорошо делаешь! Продолжай так же! — сказал ему авва Пимен, который оком души видел его сердце и понимал многое.

Другой монах узнал об этом и сказал авве Пимену:

— Ну, отче, разве тебе не стыдно? Ты что, не боишься Бога? Пришел монах попросить у тебя совета, а ты ему говоришь: «Ты хорошо делаешь, что засеваешь поле»? Да это же не совет! Ты его этим сбиваешь с верного пути!

У аввы Пимена было обыкновение молчать перед такими людьми. Молчание!

Через несколько дней авва Пимен снова позвал монаха, занимавшегося земледелием. Неподалеку был и другой, сделавший ему замечание. В его присутствии авва Пимен сказал монаху:

— Отче, слушай! Ты что сказал мне на днях — что засеваешь поле?

— Да, отче, я сказал тебе, что обрабатываю свое поле.

— Ах, отче, неправильный совет я тебе дал. Знаешь, я думал, что ты говоришь мне о своем мирском брате, что это у него есть поля. А ты монах, тебе нельзя иметь полей и заниматься ими. Ты должен совершать духовный труд, а то, что ты делаешь, не подобает делать монахам. Ты понял меня? Я тебя очень прошу: брось это!

И тайком сказал другому монаху:

— Ну что, отче, все правильно? Я исправил его? Ты доволен?

— Конечно! — ответил тот. — Сейчас ты ему дал правильный ответ. А что ты ему раньше говорил о полях? Сейчас ты сказал именно то, что нужно. Он монах, и ему не дозволено делать такое.

— Послушай же теперь, — сказал ему авва Пимен, — и ответ, который даст нам этот наш собрат. Итак, отче, как ты считаешь: ведь перестанешь заниматься полем, не так ли?

А он, бедняга, сказал:

— Послушай, отче! Прости, но я больше ничего не умею делать. Это я умею, это мне нравится, и я не могу этого бросить! Я не могу прислушаться к твоему совету. И скажу тебе так: я и дальше буду делать свое дело и не знаю, когда приду, чтобы увидеть тебя снова. Так сделать, как ты говоришь, я не могу.

Закрыв дверь, он поплелся восвояси совершенно подавленный и разочарованный, как будто ему подрубили крылья. А строивший из себя супераскета, суперправославного сказал:

— Отче, прости меня! Я совершил ошибку, сказав, чтобы ты исправил его. Прости меня!

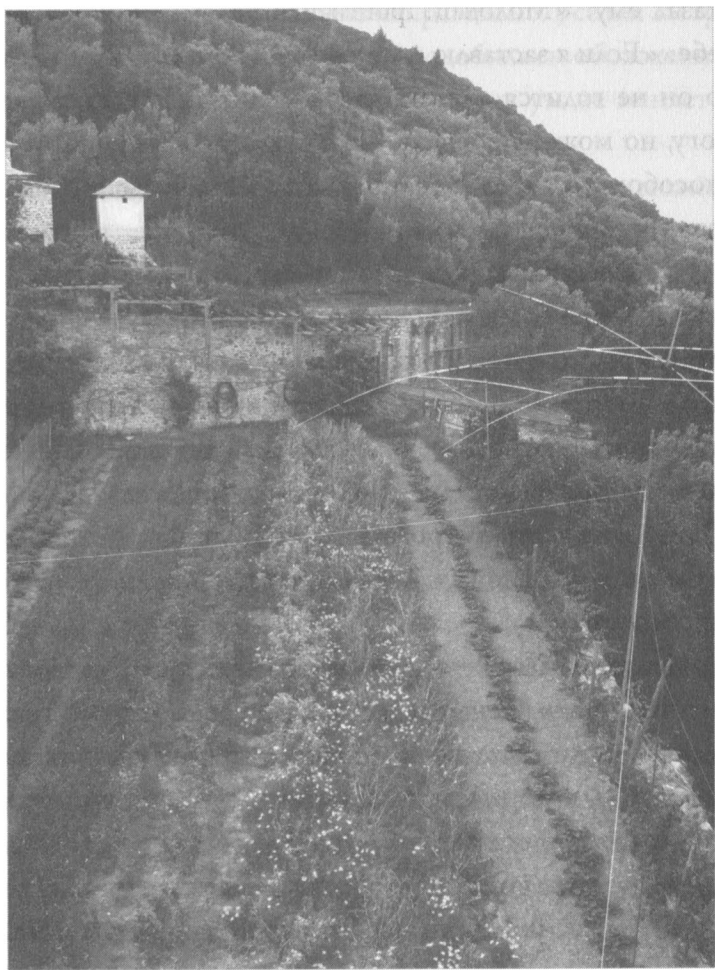
Авва Пимен ему ответил:

— Отче мой, то, что ты сказал мне, — это могу и я: проповедовать и быть учителем, «подрубить» всех и говорить им: «Прекрати это, это запрещено!» Я же знал, что поля — не монашеское дело, но говорил ему соответственно его уровню, помыслам, мышлению. Я подстроился под него и в конце концов подтолкнул его к тому, чтобы он подвизался. Это и было моей целью. И знаешь еще что? У этого монаха есть поле, но знаешь, что он мне сказал? «Что собираю, я отдаю это как милостыню бедным». Я целился в любовь. А сейчас знаешь чего мы с тобой добились? Он и ушел огорченный (я огорчил его, сказав это ради тебя, чтобы ты порадовался), и снова будет делать то же самое. Мы же отняли у него радость и спокойствие, которые он получал в своей диаконии*. Мы смутили его зря**.

Вот что бывает с человеком, который берется советовать другому без рассудительности, без любви, без просвещения от Бога, скажу и другое — без дерзновения к Богу. Потому что, чтобы сказать это, надо быть дерзновенным.

* В раннем христианстве под диаконией понималось социальное служение.

** См.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Об авве Пимене, 22 // Древний патерик. Гл. 10. О рассудительности. § 64 (46).

Монастырский огород. Афон

Авву Пимена не интересовало, что скажут о нем люди, он сказал ему: «Молодец! Занимайся полем!» Он говорил себе: «Если я заставляю его молиться по сто часов на дню, то он не годится для ста часов молитвы. Он посвящен Богу, но может проявить свою любовь к Богу и другим способом — через свою диаконию. Это больше трогает его душу».

Здесь искусство каждого пимена, а пименом (пастырем) являешься и ты. Потому что ты и отец, и мать, ты и пастырь, и учитель, и катехизатор. Всякий, кто работает с людьми, кто организует людей и несет за них ответственность, — пастырь: он руководит, помогает, направляет, поддерживает. Ты слышал, что говорит авва Пимен? «Мне ли не знать о строгости, мне ли не знать, что такое акривия* в духовной жизни? Я сам бы мог сказать ему: это запрещено!»

И я тоже разве не мог сказать тому юноше с сигаретами, что курить очень вредно для здоровья, что это грех? Хорошо, я мог сказать это, но я знал, что так потеряю контакт с ним, потеряю эту душу, разочарую его, подрублю его — и это будет хуже.

Чего же нам не хватает? Рассудительности, духа открытости, признания своей неправоты. Очень редко можно

* *Акривия* (греч.) — строгое следование канонам, в отличие от икономии — более мягкого применения их из снисхождения к немощи кающегося.

увидеть христианина, который бы годами вел духовную жизнь и признал, что мыслит неправильно. Все мы застряли в одном образе мыслей и уподобились обожженной глине, которая не меняется. Так и наш ум не меняется. Всё! Он больше не меняется.

Я так думаю. Ты станешь говорить мне, что можешь изменить свой образ мыслей, однако я считаю, что если тебе шестьдесят, это будет трудно, особенно когда дело касается Божественных предметов. А Бог что говорит? «Моя воля — это море, океан. Иногда она — ручей, в другой раз — водяные пары, которые превратятся в облака, и прольется дождь. А в другой раз Я пошлю наводнение, а в третий она станет бурной рекой». Она не что-то окаменевшее.

Путь не один, и ответ не один. И Господь говорит с каждым по-разному.

Единственная абсолютная вещь — это Божия любовь. Но как эта любовь канализируется* и входит в нашу жизнь? Повторяю: путь не один, и ответ не один. Поэтому ты видишь, что одному Господь говорит: «Последуй Мне!», другому: «Иди домой!», а третьему: «Иди к своим домашним и расскажи о чудесах, которые совершил Бог!» Одного посылает на миссионерство, другого — в монастырь, третьего — создать семью. Нет единого пути, нет единого ответа. По одному вопросу один ответ

* Канализировать — распределять течение потока, реки.

я дам тебе, а ты другой — мне. Не можем мы все делать одно и то же по одному и тому же вопросу. Общего ответа не существует.

Поэтому в Церкви мы не копируем никого, а что мы делаем? У нас имеются критерии и мерило для сравнения. Что это за критерии? Это атмосфера духовности, молитва, любовь, умиление, смирение, истина. Мы берем все это и вымешиваем в своем сердце, вымешиваем в нашем собственном сердце, у которого имеется свое, особое очертание. Знаешь, какого размера твое сердце? Оно величиной с твой сжатый кулак. Ты вымешиваешь все это в нем, и выходит твой результат.

Если бы сейчас Господь стоял перед нами и мы попросили у Него совета по конкретному вопросу, по одной и той же проблеме, Он ответил бы одно тебе, другое мне и третье третьему. Христос четко назвал фарисеев лицемерами. Симону Прокаженному Он говорит: «Симон, Мне надо спросить у тебя что-то». Самарянке говорит по-другому, святому апостолу Петру — по-третьему. Одним взглядом Он смягчил душу Петра, и тот заплакал и раскаялся, а по отношению к фарисеям был подобен грому и молнии и говорил им: *Горе вам, книжники и фарисеи!* (Мф. 23, 13).

Христос один, а каждому дает разный ответ. Это как называется? Рассудительностью, которой у тебя и нет. А почему? Потому что, что бы ни сказал твой ребенок, ты заранее знаешь, что ему ответить. Например, если

ребенок захочет выйти из дому и вернуться поздно, то исключено, что ты переменишься. Ты скажешь: «Нет, нет и нет!» Сколько бы раз он ни спрашивал, ты скажешь «нет». А Бог этого не сделает.

Когда ты о чем-то кого-то спрашиваешь, то, наострив уши и не зная ответа, ждешь, что он ответит тебе. Мы говорим: «Ну что скажет человек, то скажет и Бог». А Бог говорит: «У тебя слишком человеческое представление обо Мне, дай Мне выразить Себя! Ты наступаешь Мне на горло. Сосуд твоего существа не позволяет Мне дать тебе Мое просветление, потому что ты не оставил в нем места для Меня. Все просветлено самим тобой, все просветление идет о тебя, ты все знаешь, все ведаешь, ты всем обладаешь».

«Я владею истиной! — говоришь ты. — Я знаю все!» Хорошо. Тогда почему же твой дом таков? Почему дети не хотят видеть тебя? Почему между вами нет никакой связи, если ты такой счастливый, из ряда вон выходящий? «Потому что они виноваты — не слушают меня!»

Нет, дело обстоит не так. Ты знаешь, что твой ребенок — не плохой, и он слушал бы тебя, если бы ты говорил с ним чуть-чуть по-другому. Он понял бы тебя, потому что не жестокосердый. Вот если бы Христос говорил твоему ребенку, разве Он не приобрел бы его? «Ну так Он же Христос». Да, и ты тоже Христос, и ты, если хочешь, Христос, потому что ты причастился. Не так ли? Христос говорит: *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою*

Кровь пребывает во Мне, и Я в нем (Ин. 6, 56). Но даешь ли ты Христу говорить? Как будет говорить Христос? Он говорит, но чтобы Он заговорил, сначала ты должен замолчать.

Ты всегда знаешь, что сказать. Еще не заговорив со своим ребенком, ты уже дал ему ответ. Помолчи же немного! Пусть говорит Бог. Помолчи и скажи: «Господи, вошедший вчера в меня через святое Причастие! Дай мне слова, чтобы я ответил этому мятежному, упрямому, нервному, капризному, унывающему, грешному ребенку, спутавшемуся с наркотиками, мотоциклами, девчонками, ночной жизнью, картами, ставками, с чем угодно. Однако чтобы говорил не я, а, если можно, чтобы Ты, Господи, говорил!»

Навыки отсечь нелегко. Ты сжился с ними и говоришь: «Я знаю все!» Но, во-первых, ты не ведешь диалога, не хочешь выслушать другого, не хочешь его понять, почувствовать, а говоришь себе: «Он не знает, что я умнее его!» Услышь же сейчас этот внутренний диалог матери — она в конкуренции со своим ребенком: кто из них двоих умнее; а Христос пускай Себе там говорит: «Будьте как дети... Имейте невинные души, как у детей».

И знаешь, в чем еще тебе надо стать как дитя? Я где-то читал и запомнил, потому что мне это очень понравилось, что, когда ты молишься, твой мозг становится подобным мозгу младенца, ребенка. В таком мозгу, в таком уме, в такой душеньке, в таком сердце Христос

сказал и обещал, что будет говорить. У таких душ есть ангел, постоянно смотрящий на Божие лицо. И этот ангел, поскольку смотрит на Небесного Отца, может говорить и тебе. Но только если ты станешь как дитя — то, чего мы и не делаем.

Мы очень предсказуемы, и ребенок заранее знает, что мы ему скажем. Вот поэтому Бог нас и не просвещает, и у нас нет результатов аввы Пимена, приобретшего брата. Естественно, он специально сделал так, чтобы другой увидел это и спустился с небес на землю.

Думаю, потом он опять нашел того монаха с полем и сказал ему, чтобы он продолжал заниматься им, потому что это очень хорошо — обрабатывать свое поле и подавать бедным. Ведь это — любовь. «И при этом молись, сколько можешь — молись!» — потому что видел, что его порыв был таким.

У каждого своя харизма*. Величие заключается в том, чтобы найти харизму другого и умножить ее.

Кто-то сказал мне:

— Того, что ты делаешь (то есть что я проповедую), я делать не могу.

Я ему ответил:

* Слово «харизма» в наше время употребляется в несвойственном ему значении, как обаяние, некие личные качества, вызывающие восхищение, преклонение, безоговорочную веру или просто популярность. Однако в строгом смысле слова «харизма» — это дар Божий, благодать.

— А я не могу делать того, что делаешь ты на компьютере, всякие там программы. Я преклоняюсь перед твоим интеллектом.

Он мне сказал:

— А я перед тобой преклоняюсь.

А Бог что нам говорит? «Я благословляю вас обоих!» Почему? Потому что у каждого есть своя харизма: ни я не буду заниматься компьютерами, потому что у меня нет этой харизмы и мой ум не способен на такие вещи, ни он, наверное, не будет проводить бесед, однако все мы необходимы, все мы нужны друг другу. Я нуждаюсь в тебе, ты во мне, и все мы — друг в друге; и чтобы мы больше всего смотрели на Бога и говорили: *Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов* (Иак. 1, 17). Поэтому увидь дарование своего ребенка и уважь его. Этому нас поучает авва Пимен.

И еще кое-что. Например, ты узнаёшь, что твоего ребенка поймали за тем, что он списывает в школе. Он приходит домой, и ты ему говоришь:

— Почему ты списывал? Почему ты это сделал?

А он отвечает:

— Я не списывал!

Ты:

— Разве ты не знаешь, что списывать нехорошо?

Ребенок:

— Но я не списывал!..

Послушай же, что советует авва Пимен в подобных случаях. Но сначала скажу тебе, что говорим мы:

— Тебе не стыдно? Мне же звонили из школы! Я знаю, что ты списывал! Тебя поймали! И ты так обманываешь нас! Ты говоришь ложь и уже с этих лет притворяешься!

И разносишь ребенка в пух и прах.

Это очевидно, что малыш пришел домой и говорит ложь. Он действительно списывал. Но посмотри, что говорит авва Пимен: «Если кто-нибудь согрешит и будет отречься, что согрешил, не избличай его, потому что иначе обескуражишь его» (на делание добра)*.

Это я видел на своих знакомых. Сделав что-нибудь неподобающее, они приходят и говорят мне:

— Отче, я этого не делал, правду вам говорю!

Хорошо. Я знаю, что ты стараешься, борешься, что ты хороший человек.

Ты не отталкивай его! Прикинься немного глуповатым, так говорит святой, и этим ободрить его душу и, не смотря на все, скажи ему:

— Дитя мое, я действительно надеюсь на тебя! Я верю в тебя!

Так ты ободряешь его дух: «Если и случилось что-то, так то была минутная слабость, трудное время, неудачный момент, но ты не такой человек ...»

* См.: Достопамятные сказания. Об авве Пимене, 23 // Древний патерик. Гл. 10. § 66 (48).

Однако не делай этого наигранно, как в театре, а чтобы твое сердце действительно ободрило его.

Когда ты доверяешь кому-то, этим ты приобретаешь его. У вас взаимное доверие, и он думает: «Он доверяет мне, как же я его разочарую? Он любит меня, уважает, ждет от меня хорошего и считает, что я способен на это!» А если поступаешь по-другому, ты его убиваешь. И если он поймет, что ты повесил на него такой ярлык (обманщика, например), то скажет себе: «Я сделаю что могу, чтобы подтвердить, что ты прав! Чтобы и я тоже оказался прав, ибо у тебя действительно есть из-за чего обвинять меня!»

На меня произвел впечатление этот мудрый, психологический совет аввы Пимена, данный им столько веков назад.

Перевод — Станка Косова

В ОДИНОЧЕСТВЕ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Многая и счастливая лета! Уже Рождество Христово, мы вступили в Рождество Христово, мы живем им, радуемся в эти дни. И атмосфера такая праздничная! Вы все очень счастливы, не так ли? Представляю себе, как вы все радуетесь тому, что сидите в кругу семьи, собираетесь куда-то пойти, повеселиться, развлечься, поздравить кого-то с праздником, купить подарки, сладости, отправиться в гости ... Мы с вами прибавим в весе, забудем о диетах, забудем о подвигах поста и станем наслаждаться. Не так ли?

Но кто-то говорит мне, что это не совсем так:

— Отче, не все сегодня веселые ...

Мне тоже надо закончить эту передачу быстрее, меня ведь ждут за трапезой, сегодня у меня много приглашений, так что не знаю, куда и пойти сначала ... Но вот кто-то снова говорит мне:

— Отче, а может, ты перестанешь говорить обо всех вас, таких радостных сегодня, в этот праздничный и торжественный день, и немного займешься нами?

— Кем «вами»? Чего вы, собственно, хотите?

— Чтобы ты сказал нам что-нибудь о скорби этих дней, ведь мы тоже существуем.

— А кто вы?

— Мы те, кто сегодня никуда не поедет и не пойдет в гости, а только будет слушать радио. И когда ты закончишь передачу, чтобы пойти есть, пить, слушать музыку, веселиться, смотреть телевизор, мы уже не сможем слушать вашу программу.

— Но кто же вы?

— Мы тоже существуем на этом свете, мы, слушающие радио и, хотя сейчас Рождество Христово, остающиеся в своем одиночестве, в своем молчании, на одре своей болезни. Отче, расскажи сегодня что-нибудь о скорби этих праздников, о праздничной печали. Поговори немного и о нас.

— Подожди, давай проясним кое-что. Если уж мне проводить такую передачу, я проведу ее, конечно. Но иногда, мне кажется, а может, и ты, говорящий сегодня о том, что не пойдешь на праздничную трапезу, в этом виноват? Может, ты тоже виноват в том, что не будешь сидеть за каким-нибудь красивым столом? Не сам ли ты тому причиной? Не объясняется ли твое одиночество твоим собственным выбором? Потому что я знаю людей, которых

приглашают, любят, они желанны, но, поскольку у них заниженная самооценка, неприятие себя, у них, скажу иначе — скрытый эгоизм, упрямство, они не хотят никуда идти, сидят одни, переживают и даже впадают в тоску. «Я никому не нужен!» Когда тебя зовут, ты не идешь. А когда сидишь один, расстраиваешься. Может быть, ты тоже виноват, что сегодня один? Не знаю, просто так предполагаю.

Не знаю, сколько человек слушает меня в эту минуту, ведь большинство сейчас охвачено праздничной суетой приготовлений: чтобы пойти веселиться и радоваться. Но, может быть, и те, кто сейчас одни, тоже успеют повеселиться? Сейчас ведь всего час с лишним — вы еще можете успеть! Еще можете успеть позвонить по телефону и сказать, что все-таки придете! «Я приду к тебе на застолье, на которое ты меня пригласил». Сделайте это, не оставайтесь сегодня одни, если нет на то серьезной причины, если не вы тому виной. Потому что одно дело — добровольное одиночество монаха, подвижника, человека, который остается один, поскольку ощущает полноту Христова присутствия и поскольку это — его жизненный выбор. Когда ты ощущаешь Христа в этот день, когда у тебя на сердце удивительное спокойствие, безбрежное счастье, полное довольство — это уже не одиночество. Не успев поест, ты уже чувствуешь себя сытым в душе, исполненным счастья. Тогда не может идти речи об одиночестве. Если бы сегодня был жив старец Паисий, то он

пошел бы в монастырь поблизости на литургию, посидел бы со всеми за трапезой, а потом пошел бы в свою келью и был бы очень счастлив, совершенно один — и счастлив. Потому что он чувствовал бы себя насыщенным. Он не один. Он совершенно один в смысле человеческого присутствия, но полон присутствием Христа. Если ты тоже ощущаешь это, то очень хорошо, что остаешься один.

Но, быть может, мы тоже в какой-то степени виновны в том, что сегодня, в такой день, сидим одни? Может, мы ведем себя странно? Может, мы немного своенравны, немного капризны? Не знаю, это я спрашиваю. Мы говорим сейчас в принципе, я не говорю о ком-то конкретно. Человек, возможно, не виноват ни в чем, но может вести себя немного странно, быть необщительным и виноват тем, что не делает первого шага или не отзывается на какие-то предложения. А может, ты иногда утомляешь других и отягощаешь своим присутствием? Но даже если это так, не отчаивайся, потому что, если ты отчаиваешься, за этим кроется эгоизм; если ты виновен в этом, обрати все это в повод для смирения и скажи себе: «В этом году я начну понимать себя немного, сознавать, что я немного странный. Никто меня не позвал, никто меня не хочет видеть. Может, я сам в этом виноват? Может быть, я виноват тем, что не очень приятен другим из-за своего эгоизма». Согласись с этим, согласись, что ты такой. Согласись, что иногда у тебя бывает трудный характер. И знай: если ты согласишься с этим, Христос возлюбит

тебя. Он возлюбит тебя, потому что ты словно скажешь Ему: «Господи, в этом году, когда Ты снова родился, мне необходимо Твое рождество. Я дам тебе, Господи, дело, работу, чтобы Ты провел ее в моей душе. Я странный человек, приди же, исправь меня, приди, исцели меня. Я проблемный человек. Вот, Господи, сегодня Ты родился, а мне никто не звонит по телефону, чтобы пригласить в гости, никто не хочет меня видеть, никто не приходит навестить меня. Я виноват, наверное, я сам в этом виноват».

Все мы виноваты в той степени, в какой мы не такие, какими должны быть. Давайте же займемся самокритикой, давайте смиримся, покаемся, попросим милости Божией и начнем просить Его уже прямо сейчас. Я знаю, что вы и многие другие меня сейчас слушаете и говорите себе: «Дойдет ли и до нас очередь в этой передаче? Обратится ли сегодня ведущий и к нам, чтобы сказать нам слово? Ведь мы не виноваты. Ты правильно говоришь, что кто-то виноват сам, что не идет сегодня на праздничную трапезу, но я-то в чем виноват? Я не виноват — я болен, я в больнице. Стоит тут у меня маленький приемник на тумбочке, и я слушаю тебя, а ты, отче, начинаешь говорить, будто мы виноваты, будто мы эгоисты, будто...»

Нет, я говорю это не о тебе, ты действительно не виноват. Ты болен, у тебя нет сил, ты лежишь на одре болезни и никуда не можешь пойти. И все тебя любят, ты просто вынужден быть один. Придет навестить тебя кто-нибудь, они ведь были у тебя утром, но сейчас ушли... Да, а ты

парализован, знаю. Что тебе делать? Но разве ты виноват, что находишься в таком состоянии, что не можешь вскочить и выразить все, что у тебя на сердце? Сердце твое хочет вскочить и побежать, но тело ему не дает. А сейчас Рождество Христово... Да, и ты тоже не виноват, не виноват в том, что живешь один, потому что у тебя нет родных. Ты одинокий человек, у тебя нет родственников, и ты уже стар, уже в преклонном возрасте. Как бывает — одинокий дедушка, одинокая бабушка.

Сейчас ты плачешь, у тебя большая скорбь. В этом году ты не можешь сделать того, что делал раньше, потому что испытываешь сильную боль. В этом году кого-то нет дома. Да, это страшно. Это ужасно. Но если хотите, я ненадолго составлю вам компанию. Не буду скрывать, что потом тоже уйду, пойду в гости, но сейчас, поскольку у вас радио включено, давайте проведем немного времени вместе.

Давайте поговорим немного сегодня, на Рождество Христово, о тех, кто не может праздновать не по своей вине, а потому, что обстоятельства вынуждают их оставаться в одиночестве — без большой компании, когда рядом совсем мало людей или вообще нет никого. Эти люди одиноки, они скорбят, и волна печали захватывает их. Для начала скажу вам кое-что утешительное. В праздник нас всех немного охватывает грусть, и радость наша не бывает стопроцентной весь день. Бывает, что волна печали накатывает на нас и в самые радостные минуты нашей жизни. Приходит грусть, об этом говорят и психологи,

и социологи, так называемая грусть праздничных дней: пасхальная грусть, рождественская грусть. Находит она на нас иногда. Душа наша грустит, мы не можем вместить всей радости, абсолютной радости. Как у всех людей, живущих на этой планете, радость наша перемешана с печалью. Мы будем и радоваться, и скорбеть. То и дело видишь: кто-то женится и радуется, а другой скорбит, потому что теряет ребенка. Вот и сейчас ты говоришь, что радуешься и грустишь одновременно, что ты печален, но в то же время счастлив.

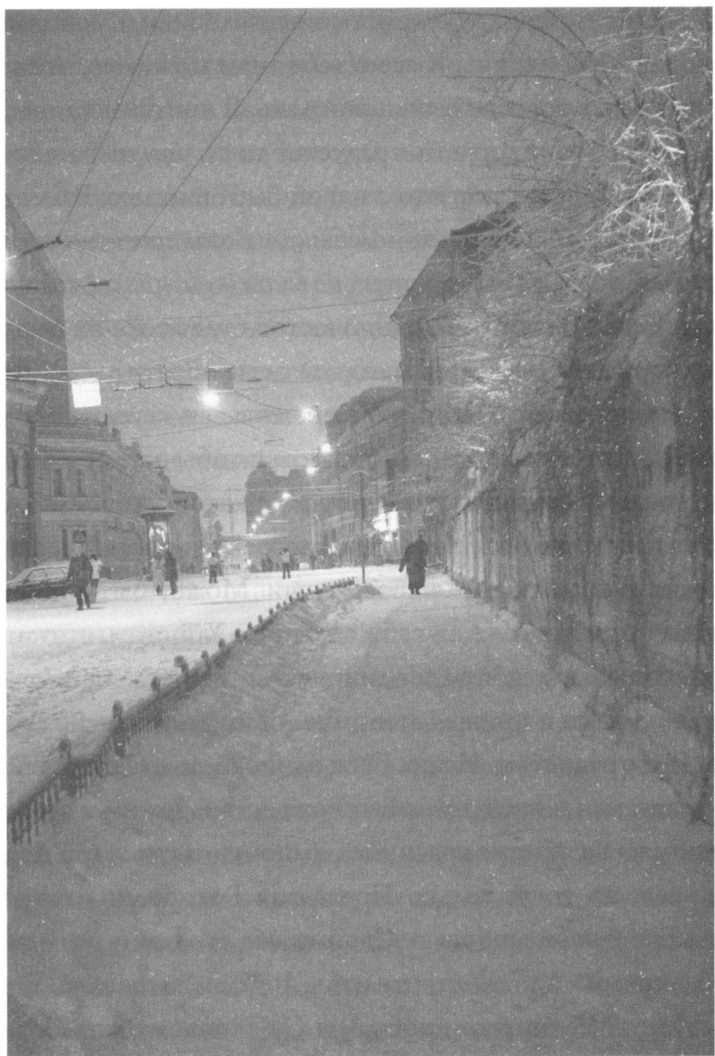
Так чувствуете не только вы. Так бывает у всех. Не преувеличивайте же и не думайте, что у вас все плохо, и не завидуйте, не считайте, что все счастливы. «Сегодня Рождество Христово, а я самый несчастный». Но это не так. Больше положительных помыслов. Отец Паисий говорит об этом очень хорошо: «Развивай положительные помыслы, мысли положительно, так, как хочет Бог. То есть смотри на все с положительной точки зрения». Говорят, если видишь, что в стакане вода доходит до середины, не говори, что он наполовину пуст, а скажи, что он наполовину полон. И это не обман: он и наполовину полон, и наполовину пуст. Ведь это не ложь! Ты не смотри на пустое, а смотри на то, что стакан полон. Взгляни на все положительно и скажи: «По крайней мере, я живу в Греции, в свободной стране. Я православный христианин. Могу слушать церковную радиопередачу. Могу совершать молитву». Вспомни, что ты еще имеешь.

Немногое, то немногое, что можешь. Помню, как-то один ребенок сказал мне:

— Я инвалид, все мое тело парализовано, но с недавних пор я могу двигать головой. Я очень счастлив.

Все тело его неподвижно, а теперь такая малость — он двигает головой — и счастлив. Видите! Нужно найти что-то положительное в своей скорби. Не смотри так уныло на свою жизнь, не говори, что ты бедный, несчастный, не будь все время недоволен, потому что печаль в печали тянет нас еще больше вниз. Нет! Ты смотри положительно, ищи что-нибудь положительное. Не находишь ничего? Но это тоже положительно — чтобы ты не видел ничего хорошего и целиком положился на Бога!

Тогда думай таким образом и говори: «Я, Господи, на Тебя буду уповать, только на Тебя! Нет у меня больше ничего хорошего, не нахожу я ничего хорошего в своей жизни». Но конечно же в твоей жизни есть что-то хорошее. Взгляни на это с верой. Чего-то Бог хочет добиться через это одиночество. Ведь Он Бог. Разве Он не мудр? Разве не любит тебя? Разве не Он устраивает жизнь всего мира? Разве не Он определяет, когда взойти солнцу и когда зайти? Разве не Он заботится о птицах, которые летают по небу, о листьях, которые падают, о волосах на нашей голове, которые сочтены? Разве Он не знает всё? Христос знал, что в этом году ты, и не только ты, но и многие другие так встретите праздник Его Рождества — в одиночестве. Усмотри же и в этом Божию любовь. Так пожелал Бог; Бог

знал, Бог попускает это. Он подписал сей день и сказал: «Дитя Мое, с той премудростью, всеведением и любовью, которые у Меня есть, Я все о тебе знаю и считаю, что ты так должен провести нынешний день, Я попускаю это».

Это не значит, что Бог радуется тому, что ты расстраиваешься, а попускает это с некой благой целью. Взгляни на это с верой во Христа: *Любящим Бога, призванным по Его изволению, всё содействует ко благу* (Рим. 8, 28). Любишь ли ты Бога? Значит, это одиночество будет тебе во благо, эта скорбь обратится во благо, эта слеза обратится во благо. Взгляни с верой на то, что переживаешь сегодня, и попробуй увидеть это таким образом, чтобы это принесло тебе пользу, чтобы ты извлек отсюда какое-нибудь благо. Чтобы из горького ты извлек благое, а в горечи нашел что-нибудь сладкое для своей души. Может быть, сегодня ты захочешь связать себя сильнее с Христом, стяжать Христову меру, войти в одиночество Христа. Он тоже, когда родился и пришел в мир, был один, мир ведь не принял Его с радостью. И жил Он в одиночестве. Сегодня все мы радуемся и празднуем Его Рождество, бежим к яслям, зажигаем на улицах красивые лампочки, дети ждут Деда Мороза, но тогда только Пресвятая Богородица согревала Его Своей любовью, Своими объятиями и теплыми лобзаниями. Да, действительно, ангелы воспевали Его, пастухи тоже, но это прошло, и Он остался один. Большинство людей не обратили на Него никакого внимания. Подумай только, и ты сегодняходишь в меру Христову

и смиряешься, как Христос. Сегодня ты один, как и Христос был один. И ты можешь, если захочешь, стать к Нему немного ближе и сказать: «Господи, пойми меня Ты, ожидавший любви и не получивший. Так и я ждал немного любви сегодня, но не получил и сижу один». Ты можешь приблизиться ко Христу, потому что входишь в Его меру одиночества, смирения, умаления, унижения. Сегодня ты так же находишься на периферии, как и Христос когда-то. Не говорим ли мы, что мы сораспинаемся Христу?

Итак, сегодня уподобляются Христу те, кто много любит Его, те, кто так же одинок, как Он, те, кто находится на периферии, как некогда Он. Они походят на Христа! Потерпи немного. Нам нужно выучить слово «терпение». Пройдет этот день, пройдут и следующие, пройдут и остальные дни нашей жизни, пройдет вся наша жизнь, как один день. Так что терпи и научись в жизни ждать. Что-то доброе сделает Бог в твоём сердце из этого одиночества. Если хочешь, попробуй это немного почувствовать.

Простите меня, я не хочу и не могу быть учителем, потому что одно дело — говорить людям, испытывающим боль, одиноким, и другое — самому быть одиноким. Очень легко давать советы, но для того, кто переживает боль, это совсем другое. Совсем по-другому ты чувствуешь, когда тебе больно, а к тебе приходят и строят из себя учителя. Поэтому я не хочу строить из себя учителя. Я просто вспоминаю слова святого Исаака Сирина: «Постарайся почувствовать, что ты на земле — ты и твой Бог.

Постарайся найти покой в своем сердце — не эгоистически, то есть когда не придают значения тому, существуют ли другие, и не нуждаются в них, — но ты почувствуй, что Бог любит тебя так, словно ты один на свете!»* Словно в мире существует только планета Земля и на ней только ты. Живи, как будто есть только Бог и ты, прочувствуй не эгоистично, а лично, что Бог любит именно тебя, что Он приходит к тебе лично, а не бежит в гостиные, в толпу людей, по гостям, оставляя тебя где-то в стороне, говоря: «Подожди, у меня сейчас дела!» Нет. Он тебя любит, как будто ты один родился на всем белом свете. Новорожденный Христос пришел бы на землю даже ради одного человека, даже если бы на планете Земля был только один человек. Какая это великая любовь!

Никто не звонит тебе по телефону? Хотя, я думаю, в конце передачи те, кто нас слушают, обязательно позвонят кому-нибудь. Позвонят и тебе твои духовные братья. Но даже если никто тебе и не позвонит, знай, что сегодня Христос любит тебя. И сегодня Он отдал Себя тебе полностью! Почувствуй, как Христос отдает Себя тебе, почувствуй Его как своего личного Бога: «Даже если бы никого не существовало на земле, Христе мой, Ты родился бы только ради меня и было бы Рождество Христово только для моей души!» И это очень хорошо. Это как-то

* См.: *Исаак Сириин, прп.* Слова подвижнические. Слово 31. Гл. «О выгодах, доставляемых искушениями ...».

поможет тебе иметь душевную полноту и не чувствовать себя патологически зависимым и вообще зависимым от других в смысле радости. «Господи, я знаю, что Ты любишь меня, Ты мой Бог. И хотя Ты раздаешь Себя всем, но каждому отдаешь Себя очень лично, с бескрайней полнотой. Так я хочу Тебя ощущать». Ты — и Бог на земле! Только ты — и Бог! И пусть тебя это наполнит радостью! И потом ты с добротой посмотришь и на других и порадуешься тому, что они радуются. Не будешь завидовать, не будешь ревновать, не будешь испытывать неприязнь, не будешь ненавидеть других, как некоторые, у кого зависть переходит в гнев; им хочется мстить, когда видят, что другие радуются. Они гnevаются, нервничают, испытывают неприязнь к тем людям, которые радуются, потому что сами они скорбят. Нет! Ты скажешь: «У меня есть мой Бог, у меня мой Христос, Он так пожелал. Он любит меня, и я все выдержу».

Скажу тебе еще кое-что. До вечера, может быть, ты еще увидишь какое-нибудь чудо! Ты не знаешь, что может случиться. Может, произойдет что-нибудь в твоей душе, может, наступит какая-нибудь радость в твоей жизни, может, ты что-то услышишь, увидишь, подумаешь, может, произойдет что-то, что принесет тебе радость. Не давай же печали возрастать. Живи с этой надеждой, не давай надежде умереть в твоей душе. Подожди немного и увидишь.

А вы, кто слушает нашу передачу, у кого все хорошо и ничто из сказанного вас не касается, помолитесь о тех,

кого это касается. Вы скоро подъедете к дому, в который направляетесь, выйдете из автомобиля, выключите радио, пойдете радоваться, веселиться, а мы продолжим разговор с теми, кто испытывает боль, кто один, у кого сегодня нет компании. Поэтому пускай ваша молитва и любовь сопутствуют нам, чтобы и мы ощущали в сердцах наших, что не одиноки.

* * *

Ты знаешь, есть и нечто другое: наша жизнь перемешана со скорбью. И самые большие радости скрывают скорбь. Я об этом сказал в самом начале. Когда писатель Казандзакис был на Афоне, он посетил один маленький монастырь (думаю, монастырь Дионисиат) и увидел на улице куст. Говорят, что в листьях этого куста можно увидеть в уменьшенном виде распятого Христа и скорбь Креста. Тогда Казандзакис сказал одному монаху:

— Очень тесен ваш монастырь, здесь я чувствую себя душевно сдавленным. Душа моя сдавлена, здесь тесно.

А монах ему ответил:

— Монастырь не виноват, что ты ощущаешь такую тесноту. Весь мир тесен. Мир не вмещает нас, нас не вмещают время и пространство этой планеты, этой Земли, этой жизни. Мы не вмещаемся, поэтому сдавлены. Мы хотим абсолютного, бескрайнего, хотим многого, но не вмещаем этого, не можем вместить...

Перевод — Станка Косова

КАК ГРОМ СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА

Странно функционирует наша жизнь без Христа — Устроителя жизни. Он устраивает нашу жизнь. Когда у богача из евангельской притчи имелось всякое добро, он говорил себе: «Отдыхай. О, сколько у меня денег в банке! На эти деньги будут жить еще и мои внуки! У нас все нормально. У нас никаких проблем», — и вдруг — бац! — неожиданно, как гром среди ясного неба, разражается беда. Внезапно начинается страшное землетрясение, которое разрушает все, и тогда Бог говорит ему: «Безумец, в эту ночь твою душу востребуют тебя» (см. Лк. 12, 20). Ее востребуют — тебя никто ни о чем не спросит, не будет умолять: ее у тебя востребуют. Твоя душа отходит — все, конец, это не подлежит обсуждению, безо всяких там «ну давайте разберемся, давайте обсудим это!». Пришел конец, резко, там, где ты его не ждал. Ты несешься со скоростью двести пятьдесят километров в час, и вдруг перед тобой встает отвесная стена, скала, обрывает твой путь. И не просто обрывает, но ты уже сам

не знаешь, где находишься, и говоришь: «Но подожди, у меня же столько планов. На следующий год я собирался поехать на отдых, планировал купить кое-что, хочу построить дом и поменять машину. У меня же такие планы!» А Бог приходит и говорит тебе: «У тебя есть планы, но ты планируешь без Меня. И как Я не спрашивал тебя и дал тебе жизнь, потому что Я хотел этого, а не ты, поскольку тебя вообще не существовало и никто тебя не спрашивал, так и сейчас ты не волен делать то, что хочешь».

У тебя появляется возможность понять, что ты не абсолютно свободен делать то, что хочешь, не абсолютно свободен умереть тогда, когда хочешь. Ты умрешь, когда Бог захочет, если Бог захочет, и так, как Бог позволит тебе умереть. Душу свою ты формируешь сам, но не ты определяешь жизнь и смерть. И это доказывает, что не ты — господин жизни. Господь приходит и говорит: «Сегодня ты отправишься воссияси».

Это как с детьми, когда у них бывает десятиминутная контрольная, а преподаватель внезапно говорит:

— Дети, всё, что написали, то написали!

— Но у меня же еще кое-что есть в уме, я еще знаю что-то.

— Что написали!

За десять минут. Это неожиданно. Как гром среди ясного неба.

Я слышал одно двустушие, в котором говорится: «Построил два дома и получил один инфаркт». Построил два

дома, но внезапно получил инфаркт, и этот инфаркт перечеркнул два дома, и все в его семье рухнуло. Все кончилось. Мы планируем многое, представляем себе многое. Ты много всего воображаешь себе, однако не вкладываешь Бога в эти планы, представления и мечты. Ты скажи: «Боже мой, чего хочешь Ты? Боже мой, сделай меня чувствительным, чтобы я видел все так, как хочешь Ты. Боже мой, изведи меня из моего я, чтобы я возлюбил Тебя, брата своего и свое благо. Научи меня любить, принимать послания жизни. Есть ли у меня деньги? Чтобы я подумал тогда и о детях — моих и незнакомых мне, о будущем, ожидающем некоторых бедных на этой земле, тех, у кого нужда, кто влачит существование в трудностях. Чтобы я думал о Тебе, благодарил Тебя, а не одному себе угождал».

Эгоизм обнаружился внезапно, и открылось, каким жалким и пагубным был этот план без Бога.

Когда мы учились в университете, один мой приятель, который не очень верил в Бога, сказал мне нечто (не знаю, как сложилась его жизнь потом):

— Ты церковный, ты на полном серьезе воспринял это. А я хочу испить чашу греха до дна! Потому что чаша греха сладка.

И я ему ответил словами одного святогорца:

— А почему ты так уверен, что выпьешь ее всю? Почему ты так уверен, что дойдешь до дна? Сколько людей перестали пить эту чашу греха, о которой ты говоришь, будто она сладка, потому что пришла смерть и резко

остановила их. Разве ты договаривался о том, когда умрешь? Ты знаешь, когда умрешь? Знаешь, когда наступит конец твоей жизни? А что будет тогда?

И говорить после этого: «Пойдем выпьем ее в этой жизни» — это, по сути, означает: ты веришь, что существует другая жизнь, и говоришь: «Давай будем кушать тут, потому что если попадем в другой мир и поймем, что произошло, а сами будем не евши и не пивши, то будем жалеть тогда, что не поели и не попили тут».

Но если ты веришь, что существует другая жизнь, зачем же ты тогда ешь и пьешь тут? Какой смысл в том, что ты говоришь: «Будем есть и пить и заниматься тут тем, чем мы занимаемся!» А почему? После этого что, разве не едят, не пьют? Следовательно, там имеет место нечто иное, что вызывает у тебя тревогу, и ты хочешь этого избежать, погружаясь в реалии этой жизни.

Но не в этом состоит решение. Не в том, чтобы мы ели и пили, ибо завтра умрем, а чтобы прославляли Бога, а затем уже ели. Чтобы были другими, а затем уже делали и все остальное, но чтобы имели правильную связь с Богом. А когда наступит пора и Бог будет забирать нас из мира сего, чтобы это не произошло внезапно, а чтобы мы устремились к Нему и сказали: «Господи, я не удивлен — я ждал Тебя!»

Да, скажи это и ты, молодая мать, и ты, молодой отец, чтобы, даже если сейчас Бог призовет тебя, ты сказал в себе: «Господи, я предан своим детям, хлопочу по дому,

делаю множество дел. Ты поставил меня на этой земле, я не отвергаю жизни, я говорю "да" и принимаю Твои дары, однако не абсолютизирую их. Я не забываю Тебя, не прилепляюсь к ним, не погрязая в них. Я смотрю за своими детьми, но душой я рядом с Тобой, ради Тебя я люблю своих детей — и всем этим я хочу приблизиться к Тебе».

Поэтому, даже если придет смерть — сейчас или через много лет, — она не вызовет у нас ужас, не потрясет и не шокирует. Страшно смотреть на человека, когда он внезапно узнаёт, что умирает. Если вы видели это, то это потрясает. Чтобы твоя жизнь шла благополучно и вдруг врачи сказали тебе:

— Приди к нам повторно, с тобой что-то происходит, тебе надо пройти лечение, твое здоровье начинает ухудшаться.

Ты шокирован, ибо говоришь:

— Но у меня же на уме другие вещи, я хочу совсем другого в этой жизни: хочу жить, хочу чего-то еще. Я хочу того, что мне нравится, я не хочу отправляться невесть куда. Мне нравится эта земля.

А Бог тебе говорит:

— Но эта земля, дитя Мое, — не твое предназначение. Пойми это. Я ведь не потребовал от тебя, чтобы ты оставил свою жену, которую любишь, чтобы ты любил жену, которую Я дал тебе, и за ее спиной видел Меня. И если она красива, чтобы ты понял: Я, даровавший ее

тебе, намного красивее, Я намного сильнее и могу переполнить тебя счастьем и радостью, Я намного блаженнее. И если это творение, которое Я дал тебе, делает тебя счастливым, то насколько же большее счастье ты обрешь, когда найдешь Меня, Бога, своего Творца!

Ты не должен говорить: «Да, но если это так, то зачем тогда человеку жениться? Зачем мне заниматься всем этим? Брошу тогда все!» Нет! Никакого разочарования, ни тоски, ни уныния. Нет. Будем смотреть на все как оно есть, по правде, будем смотреть и на жизнь, и на смерть во Христе. Когда любишь Христа, умеешь и жить, умеешь и умирать. Вернее, ты умеешь только жить. Потому что если любишь Его, ты уже не умираешь. Ты понимаешь, что это и есть истинная жизнь — единение с Ним. Это то, о чем говорит святой Иоанн Златоуст: касаться этой земли лишь краешком ноги. То есть ходить по этой земле как танцоры, как балерины, едва касаясь земли. А все остальное тело — в воздухе. Заниматься делами этой земли, но чтобы все остальное в тебе — твой ум, сердце, помыслы, желания, порывы — было в Боге.

Пророк Даниил был мужем желаний (см. Дан. 9, 23). У него были священные желания, он хотел хорошего, святого, жил не только жизнью сей. Так, чтобы и мы не изумились, а сказали: «Господи, я ждал Тебя, где Ты был? Приди. А ты, смерть, не приходи!» Нет, смерти мы не скажем «приди», потому что это приводит нас в ужас. А скажем: «Приди, Господи!» Так заканчивается и Священное

☒ Как гром среди ясного неба

Писание: *Ей, гряди, Господи Иисусе!* (Откр. 22, 20). Да, приди, Господи Иисусе! Приди, Христе мой!

Христа я ожидаю, а не жду конца, я не в отчаянии, я очень хочу жизни, потому я и в Церкви. Я не люблю смерти, не люблю мрака, не люблю одиночества, а люблю Христа. Поэтому я знаю, как радоваться тому, что Христос дает мне в этой жизни, и как правильно ждать Его в другой жизни. Церковь так смотрит на вещи, так нам говорит Бог.

Перевод — Станка Косова

«ДАВАЙТЕ ГЛАВНУЮ РОЛЬ В СВОЕЙ ЖИЗНИ СЫГРАЕМ САМИ»

Во всех жизненных обстоятельствах нам надо помнить: решение, которое мы найдем, не всегда приятно, но оно, без сомнения, всегда полезно. И еще: не все, что приятно, является решением. Мы хотим расслабляющего нас решения. «Пусть Бог решит мои проблемы, но чтобы сложилось все так, как я хочу!» — говорим мы.

Кто-то написал мне: «Я должен выучить двести слов и составить из них фразы. Скажи, что мне делать, дай мне какое-нибудь решение!» Я ответил ему: учи! Решение заключается в том, чтобы ты упражнялся. Снова и снова. Чтобы дошел до грани усталости, но не перешел ее, не переутомился. Чтобы ты продвинулся, насколько можешь, вперед, устал, и тогда принесешь плод и будет результат. Это изматывает, но не существует другого решения для того, кто идет на приемные экзамены, для того, кто занимается и устает. Это полезно для души, но неприятно нашему нраву. Приятно нам то, что расслабляет. Нам хочется отдыхать, сидеть, смотреть телевизор — это приятно.

А когда надо читать по четыре-пять часов и выполнять домашнюю работу, это утомляет.

Потому я и говорю, что решение, которое Бог иногда дает нам, приходит нам от Него, но нам не нравится, потому что оно неприятно. Оно немного болезненно. Оно немного трудно, а мы привыкли к подаркам и всегда связываем их с приятным чувством и говорим: а какой подарок сделал мне Бог?

И несмотря на это, всё — дар. Всё, что Бог дает нам в ответ на то, о чем мы молимся, идет нам во благо. Ничего, что мы поплачем. Мы хорошо делаем, что плачем, у нас есть право на это, но через месяц, через год мы будем вспоминать этот плач и говорить: «Ничего, что я плакал; я плакал потому, что был тогда упрямым. Случившееся со мной, по сути, было благом, это было для меня, это помогло мне, растопило в моей душе пристрастия, болезненные состояния, путаницу. Бог стряхнул их с меня, и все сложилось к добру, хотя мне было больно и я тогда плакал».

Эйнштейн сказал нечто весьма хорошее: ум, создающий проблему и путаницу, не может сам решить ее. Мне это очень понравилось. Иногда запутываешься в собственном уме и оказываешься в ступоре. А тот ум, который запутался, не может сам решить проблему, потому что он ее и создал. Значит, что нужно? Другой ум. И это ум Христов, ум Христовых людей, ум какого-нибудь нашего друга или подруги, более просвещенный и более быстрый.

Иногда у нас бывают трудности, мы запутываемся и сами пытаемся их решить. Но не получается. Например, одна девушка писала мне о лекарствах, которые она семь месяцев не принимала, и все писала и писала, а я ей не отвечал, потому что, если ответишь, начнется бесконечный диалог. Все начинается с одного: «Здравствуй, мне не хотелось бы тебя утруждать!» — и так проходят два часа. Я сказал себе, что подожду, прежде чем писать ей. Она мне написала: «Я не принимаю лекарств, думаю, что... — и так далее. А в конце пишет: — Думаю, единственный выход — это разойтись с тем человеком, который со мной, или покончить жизнь самоубийством!» То есть естественно, что она это сказала: ведь ее ум был запутан и она не могла сама найти решения.

Потому мы и встаем, пусть немножко и через силу, идем и говорим: «Прошу вас, отче, скажите мне что-нибудь, помогите мне». Мы идем к нашему духовнику. Или к какому-нибудь человеку, своему другу, христианину, которого можно спросить: «Как ты смотришь на это? Это нормально или мой ум затуманился и я не нахожу решения, потому что запутался?»

Идите к своему духовнику, чтобы он прочел над вами разрешительную молитву, отпустил вам грехи, а не для бесконечных разговоров.

Когда я стал священником и начал исповедовать, то есть когда архиепископ прочел над нами специальную молитву, был один игумен в монастыре Оропо, и он сказал

 «Давайте главную роль в своей жизни сыграем сами»

мне: «Да пребудут мои молитвы с тобой! Теперь ты, как духовник, будь осторожен с женщинами! Как бы они не свели тебя с ума!» Я сказал ему: «Совершенно исключителен этот совет!» Здравствуйте! Мы стали духовниками, и чтобы мне сказали такое? Я сказал себе: «Совершенно исключительным кажется мне этот игумен». Так я сказал себе тогда. А сейчас говорю: «Пресвятая Богородице, даруй ему долгих лет жизни! Он знал, что говорил, потому что сам испытал это. Кто сам испытал, тот знает и учит других. Он сказал мне эти слова: "Смотри, как бы они не свели тебя с ума!"»

Итак, мы идем к духовнику или к каким-нибудь другим людям — потому что некоторым нужна не исповедь, а разговор. Давайте не путать этих вещей. Духовник исповедует, но у исповеди нет цели — подробно обсудить с ним всю твою жизнь. Давай объясню тебе это по-другому.

Психоаналитик или психолог держит тебя сорок пять минут, ты говоришь, говоришь, затем суешь руку в карман и протягиваешь ему пятьдесят евро. А тут по-другому. Потому что это работа другого сорта. Духовник исповедует, выслушивает грехи, и если бы надо было выслушивать каждого по часу, то ему пришлось бы исповедовать в день по два-три человека, чтобы все это выдержать. Но у аналая ждут не двое-трое, а гораздо больше людей, и всем нужно время. Конечно.

Однако некоторым нужен не духовник, а человек, перед которым можно было бы раскрыть свою душу, а это

мы прекрасно можем сделать в какой-нибудь хорошей компании, в семье друзей, с хорошим другом, открыться ему и поговорить. Кто делает это, тот находит и утешение, и решение своих проблем. Кто-то сказал мне: «Отче, я рад, что у меня есть хорошие друзья, и когда у меня возникает какая-нибудь путаница и ум застопоривается, я иду к ним, чтобы поделиться проблемой и помочь себе».

Но скажу вам и другое. Никто не даст тебе готового решения. Не ищи решения ни у духовника, ни у друга: ты сам должен принять решение, касающееся твоей жизни и твоих проблем. Очень легко отфутболить мяч, у нас есть такая привычка — отфутболить другому мяч и сказать: «Отче, что мне делать? Скажите мне! Принимать это решение или не принимать?» Да, но если я скажу тебе: «Не принимай его», — а через несколько лет случится что-нибудь со здоровьем, появятся душевные проблемы, болезни, пятое, десятое, тогда ты будешь говорить себе: «Он сказал мне, и я принял его!» Что бы ни случилось, ты будешь пенять на меня. А ответственность должна принадлежать тебе. Это очень важно.

Христос пришел на землю, чтобы мы научились ступать собственными ногами и искать у нашего духовника прощения наших грехов, просвещения, чтобы по его молитвам очистился наш ландшафт. Когда туман и облака исчезнут, ты будешь видеть все ясно и примешь решение.

Ты говоришь: «Я хочу сделать то-то и то-то!» Не я буду говорить, что тебе делать. Потому что таким образом мы воспитываем не зрелых людей во Христе, а больных людей, которые все время спрашивают: «Скажи мне, что делать? Отче, какую машину купить? "Тойоту Ярис" или "фиат"?.. Я решил в конце концов: возьму "фиат". Но серебристый или белый?»

Я слышал о невероятных случаях, когда обо всем спрашивают решения у других. Но это для монастыря, где монахи по двадцать четыре часа в сутки вместе, они вместе живут, вместе едят, обитают в одной среде, их жизни переплетаются. А здесь, в миру, каждый не может спрашивать духовника обо всем, чтобы тот решал его проблемы. Научись молиться, чтобы Бог просветил тебя.

Тут мы подходим к другому серьезному вопросу: «Хорошо, но если я сделаю что-то и выйдет ошибка?» Если выйдет ошибка? Тогда у тебя получится то, что получалось у всех людей. Что? Ошибка. Почему ты так боишься ошибки? «А если я совершу ошибку?...» Я не говорил тебе, чтобы ты совершал ошибку. Я просто объясняю, что в жизни никто не учится чему-то, не совершая ошибок. Никто.

В доме, где я живу, есть девочка, которая играет на пианино. Я знаю момент, когда она не на ту клавишу нажмет. Есть одно место, где — динь, динь, дин-н-нь! — она пропускает одну ноту, и каждый раз я говорю себе: «Ну давай, девочка моя, научись играть это место правильно!»

Потому что, если ты делаешь это пять месяцев, тебе, наверно, пора уже выучить это.

В начале пути мы будем делать ошибки. Мать, когда видит, что ее ребенок выводит буквы в начальной школе, не ругает его, если он пишет ужасно, неправильно и всё мараает, потому что говорит: «Он ребенок, он сейчас будет учиться, будет и ошибки делать». Важно то, что он прилагает усилия, не сидит просто так, что он активен, берет жизнь в свои руки и борется.

Сделай что-нибудь! Даже если это будет ошибка, ты делаешь это не для того, чтобы оно стало ошибкой. Твое желание таково, чтобы это оказалось добром, — если же оно окажется ошибкой, пусть Бог просветит тебя, чтобы ты вовремя понял это и вернулся назад. Это мне сказали в одном монастыре, потому что я тогда ни жениться не женился, ни монахом не становился, а все сидел и ждал. Духовник сказал мне:

— Ты стоишь на одном из путей, перед тобой пять дорог, и ты ищешь решения. Так чего ты дожидаясь?

Я сказал:

— Я должен сделать самое хорошее! Я хочу сделать такой выбор, который будет лучшим решением.

— А кто ты такой, чтобы делать лучшее? То есть шесть миллиардов людей на планете Земля постоянно рискуют, теряют, выигрывают, а ты хочешь, чтобы у тебя все было совершенным?

— Так что же мне делать?

— Иди по одному из пяти путей, лежащих перед тобой, решишь и скажи: «Я пойду этим путем!» И если он ошибочен и ты почувствуешь это, то развернешься — то есть еще до того, как отправишься в путь. А если выберешь его и пойдешь по нему, то иди вперед. Если он ошибочен, ты будешь идти с одной ошибкой.

Что делать? В жизни мы совершаем ошибки. Я купил дом, в котором сыро. Можешь ли ты поменять его? Да. Поменяй. Не можешь? Оставайся там. Ты не выдержишь? Тогда переезжай. Но найди какое-нибудь решение в этом своем затруднении.

В любом случае не трясись перед ошибкой. Бог не смотрит строго на людей, прилагающих усилия. Вы помните, что сказал Христос той бедной вдовице (см. Мк. 12, 42–43)? Денег, которые она опустила в ящик для пожертвований, было так мало, что они не значили ничего, потому что этими монетами не решалась проблема бедности, но Христос сказал: «Я смотрю на ее сердце, она положила в ящик от избытка души. Она положила больше всех, сделала лучшее из всего, что могла».

Это я могу, пусть просветит меня Бог, чтобы это оказалось хорошо. А брак — это лотерея, и монашество — лотерея. И женитьба, и безбрачная жизнь — это как выйдет. Никто не может с уверенностью сказать: «Это у тебя выйдет хорошо». Откуда я знаю?

У меня есть дядя, не слишком церковный человек, и пару лет тому назад он сказал мне:

— Отлично! Сейчас, когда ты уже устроился, тебе пора жениться! Ты нашел работу, стал попом, преподаешь в школе. Отлично!

Я ему сказал:

— Но, дядя, это не получится. Поезд уже ушел!

— Как, действительно?

— Да!

— О-о-о, дитя мое, то, что ты сделал, очень серьезно!

Какие советы давали святые? Некто пошел к старцу Порфирию и спросил о своем родственнике, продолжать ли ему принимать лекарства-антидепрессанты. Он спросил его, каким будет решение: принимать лекарства или перестать? Потому что в Церкви некоторые говорят: «Я здесь нашел все, я не хочу ничего другого. Бог лечит меня от всего!» То есть если он сломает ногу, то идет к Богу, когда головная боль — идет к Богу, проблемы с желудком — всё к Богу. Преподобный старец Порфирий, однако, посоветовал: «Скажи своему родственнику, пусть продолжает принимать их, потому что не может быть решения без лекарств».

У людей, просвещенных Богом, была уравновешенность, они не бросались в крайности. Они не говорили: «Брось лекарства, обращай только к Богу!» — потому что лекарства дал Бог.

Второе. «Мой ребенок запутался. Какое решение мне найти? Начать кричать на него, ругаться?» Наши обычные решения — это панические решения. Решение,

которое мы находим, принято нами в тревоге и стрессе. А результат таков, что, когда ты в стрессе, все делаешь неверно. Святые же, которые были просвещеннее нас, не делали столько грубых ошибок.

Какие бы решения мы ни принимали, мы поймем, годятся ли они, по результатам, то есть не по тому, что мы говорим, а по тому, каков плод. Невозможно, чтобы мы говорили хорошие слова, а в доме царил разлад, были нервы, ссоры, чтобы мы не разговаривали друг с другом, но твердили: «Я в любом случае говорил правильно!» Чтобы нашлось решение, твое поведение должно быть хорошим.

Святые давали советы каждому человеку в отдельности. Один нуждается в этом лекарстве, другой в другом, третий еще в каком-то, четвертый в операции, а пятый в трансплантации органов за границей. У всех — разное. И мы должны говорить это: «Боже, просвети меня! Какое решение мне принять?» Чтобы Он мог нас просветить, мы должны войти в себя: где-то в глубине нашей души нет нерешенных проблем. Запомните это: человек, который молится, входя в глубину своей души, увидит там состояние полного спокойствия, где все проблемы решаются.

Все наши проблемы — внешние. Все это на периферии души. Христос говорит: «Не бойтесь людей, которые смущают вас внешне и могут предать на смерть, потому что они вам ничего сделать не могут» (см. Мф. 10, 28). Внутри вас есть сад, там, где находится святое Крещение, где Святой Дух, где полный покой и полное умиротворение.

Не знаю, сколько раз в день вы заходите в этот сад. То есть, когда сидишь на диване, в кресле, на кровати, надо закрывать глаза и убегать от стресса, который причиняет тебе рассудок, потому что не душа причиняет стресс — у души в ее глубинах нет стресса, там тихое море, там Святой Дух, — а помыслы, рассудок несут стресс.

Рассудок сводит человека с ума. Когда мы выступим за пределы рассудка и остановим свои мысли, — кто ощущает это даже на несколько секунд, те чувствуют себя так, словно поехали в путешествие на Гавайи, то есть исключительно прекрасно, ничего на них не давит, все исключительно хорошо. Как влюбленный, которому говоришь: «У нас экономический кризис», — а он отвечает: «Какое мне до этого дело! Я влюблен». «Когда я целую девушку, — говорил один человек, — кризис меня не интересует. Я где-то в другом месте». Вот это «в другом месте». Когда мы почувствуем это «в другом месте», тогда решения будут приходить легче, потому что мы будем в контакте с «каналом коммуникации» с Богом, а им является именно молитва. Не знаю, сколько времени вы с утра до этой минуты молились, не знаю, сколько вы молились на святой литургии, на которую ходили, — ведь ты можешь ходить в церковь, а ум не желает умиротвориться и все думает о проблемах, волнуется и думает о чем-то другом. Однако все проблемы решатся, и если не решатся в этой жизни, то придет конец, и он их решит. Поймите это.

✿ «Давайте главную роль в своей жизни сыграем сами»

У одного человека была теща, которая много говорила, и решения этому не находилось. Она говорила-говорила не останавливаясь. Когда она умерла, на могильной плите под ее именем написали: наконец умолкла такая-то. Человек, написавший это, сказал себе: этому нашлось решение. То есть теми или другими путями, но решение непременно придет.

Одному из тех, кто ругается между собой и ищет решения этой проблемы, моему родственнику, я говорю: «Ну, чадо мое, подумай о том, что когда-нибудь придет конец и ты будешь об этом жалеть. Пойми, что человек, с которым вы ругаетесь, однажды уйдет из этой жизни, и ты потом будешь говорить себе: "Ну почему же мы не помирились?" Поэтому найдите какое-нибудь решение этого».

Никто не может помочь нам в том, что мы должны сделать сами. Другие нам помогают, но давайте главную роль в своей жизни сыграем сами. Пусть каждый находит решение в своем борении. Решение есть всегда.

Перевод — Станка Косова

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	5
Можно ли быть счастливым без Христа.	7
Православие — это не прямая путевка в рай	33
Великое дело — успокоиться и довериться Христу.	63
Ищите Бога во всем, что делаете	74
Тайны жизни	109
Покаяние — сладкая скорбь души	129
Почему Бог не слышит нашу молитву?	161
Как долго я молюсь?	191
Сад в глубине души	197
Секрет смирения	229
Проверка на смирение: обиды и нападки	240
Научись ждать	251

Прежнее прошло. Не бойся	267
Не бойся радоваться!	285
Не расстраивайся ни по какому поводу. . .	285
Живи.	286
Пусть каждый твой день будет прекрасным	291
Богооставленность	301
Безумие нашего времени	323
Рай, который не рай	345
Сейчас тебе хочется справедливости?	377
У детей есть причины быть плохими	399
Мудрый совет аввы Пимена	444
В одиночестве на Рождество Христово	461
Как гром среди ясного неба	475
«Давайте главную роль в своей жизни сыграем сами»	482

Духовно-просветительское издание

Архимандрит Андрей (Конанос)

Не бойся радоваться!

Беседы о православии

По материалам сайта Православие.RU

Редактор • Т. А. Соколова

Макет • иеромонах Матфей (Самохин)

Дизайн обложки • А. Н. Шашина

Корректор • Н. Н. Родионова

Технолог • М. Ю. Мыскин

В оформлении книги использована картина греческого художника Пантелиса Зографоса (Παντελής Ζωγράφος), а также фотографии из фотоархива Сретенского монастыря, открытых интернет-источников и Фотобанка Лори (с. 100, 201 и 437).

Формат 60 х 90/16. Объем 31 п.л. Тираж 10 000 экз.

Бумага писчая. Печать офсет.

Подписано в печать 22.12.2016 Зак. № 1622150

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с оригинал-макетом издательства Сретенского монастыря в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»

Адрес типографии: 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Адрес издательства: 107031, Москва, ул. Б. Лубянка, 19

Магазин «Сретение»: (495) 623-80-46

Книжная торговля Сретенского монастыря: (495) 628-82-10

Оптовый интернет-магазин: www.sretenie.com

Христа я ожидаю, а не жду конца, я не в отчаянии, я сильно хочу жизни, потому я и в Церкви. Я не люблю смерть, не люблю мрак, не люблю одиночества, а люблю Христа. Поэтому я знаю, как радоваться тому, что Христос дает мне в этой жизни, и как правильно ждать Его в другой жизни. Церковь так смотрит на вещи, так нам говорит Бог.

Архимандрит Андрей (Конанос)

Издательство
Сретенского монастыря